

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

11(4) 2025

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 11. № 4. 2025

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 11. № 4. 2025

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: Новак М.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Чистякова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагић С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрынцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиаологии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Воюшина М.П., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: MARGARITA V. NOVAK, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: EKATERINA YU. CHISTYAKOVA, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – **Chairman**

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystriantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Mediology, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Maria P. Voyushina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Primary Education and Artistic Development of the Child, Herzen State Pedagogical University of St. Petersburg, Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, директор Центра развития научных компетенций Школы коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Махлин В.Л., доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН, Москва, Россия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенский В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Римский В.П., доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Румянцева Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Таймагамбетов Ж.К., доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан (НАН РК) при Президенте РК, главный научный сотрудник Национального музея РК, Астана, Республика Казахстан

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шмонин Д.В., доктор философских наук, профессор, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Research Skills Centre, School of Communication, HSE University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vitaly L. Makhlin, Doctor of Philosophy, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Literary Studies, INION RAS, Moscow, Russia

Lyudmila A. Mikesheva, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Pensky, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Victor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Tatyana G. Rumyantseva, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Zhaken K. Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (NAS RK) under the President of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher of the National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Dmitry V. Shmonin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Theology, St. Petersburg State University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Михайлов И. А. Редукция как феноменологический и общенаучный принцип	5	Mikhailov I. A. Reduction as a Phenomenological and General Scientific Principle	5
Коромыслов В. В. Разрешение апорий Зенона на основе диалектического подхода и новейших открытий в физике: онтологические следствия	17	Koromyslov V. V. Solving Zeno's aporias based on a dialectical approach and the latest discoveries in physics: ontological consequences	17
Теплов А. С. Трансформация концепта «сеть» в методологии социальных исследований	31	Teplov A. S. The transformation of the concept of "network" in social research methodology	31
Григорьева М. В., Соколова Е. Н., Балакина Ю. В. Милосердие как элемент служения общественному благу в пользовательских высказываниях в российском сегменте социальных сетей	46	Grigoreva M. V., Sokolova E. N., Balakina Ju. V. Mercy as an Element of the Common Good in User Discourse in the Russian Social Media Segment	46
Адамьянц Т. З. Разнонаправленные смыслы современной социокультурной среды в ракурсе их влияния на социально значимые реакции аудитории	63	Adamyants T. Z. Multidirectional meanings of the modern socio-cultural environment in terms of their influence on socially significant audience reactions	63
Шульженко А. А., Мотовникова Е. Н. Творческая личность в философско-литературной концептуализации Ап. А. Григорьева	77	Shulzhenko A. A., Motovnikova E. N. The creative personality in the philosophical and literary conceptualization of Apollon Grigoriev	77
Ивашина Е. В. Человек как целое: антиредукционизм Н. Н. Страхова в эпоху трансгуманизма	88	Ivashina E. V. Man as a Whole: N. Strakhov's Anti-Reductionism in the Age of Transhumanism	88
Вань Хайсун Роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского как литературное событие	99	Haisong Wan Dostoevsky's Novel <i>Poor Folk</i> as a Literary Event	99
Макарова Е. Ю. Женский вопрос: ценностно-ритуальные смыслы в неоконфуцианской перспективе (к стихотворению «Павлины летят к востоку и к югу»)	110	Makarova E. Yu. The Women's Question: Value and Ritual Meanings from a Neo-Confucian Perspective (to the poem <i>Peacocks fly to the Southeast</i>)	110
Тинус Н. Н. «Космология духа» Эвальда Ильенкова как манифест коммунистической этики	122	Tinus N. N. Evald Ilyenkov's 'Cosmology of spirit' as a manifesto of communist ethics	122

Даценко П. А. К вопросу о роли скорости дипломатической переписки во внешнеполитическом планировании России (на примере Ольмюцкого соглашения 1850 года)»	134	Datsenko P. A. The role of speed in diplomatic correspondence in Russia's foreign policy planning: The Olmütz Agreement of 1850	134
--	------------	--	------------

АРХИВ

ARCHIVE

Титов А. Ю. Родовая фамилия «Бахтины» (к научной биографии М. М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных. Статья вторая	143	Titov A. Yu. The Bakhtin family name: scientific biography of M. M. Bakhtin. Reconstruction of the Bakhtin family genealogy. Article 2	143
Чистюхин И. Н. Расшифровка архивных материалов Н. Бахтина: переписка с семьей	166	Chistiukhin I. N. Interpretation of N. Bakhtin's archival materials: correspondence with family members	166
Бирюкова К. В. Токийская духовная миссия в годы Русско-японской войны	180	Biryukova K. V. Tokyo spiritual mission during the Russo-Japanese War	180

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ**

**MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

Хен Ю. В. Сумерки экологического сознания	189	Khen Yu. V. The Twilight of Environmental Consciousness	189
Лисеев И. К. Феномен эколого-эволюционного континуума в контексте цивилизационного выбора современной России	200	Liseev I. K. The phenomenon of the ecological-evolutionary continuum in the context of the civilizational choice of modern Russia	200
Боженок К. А. Философия медицины Д.М. Велланского в контексте культурно-исторической эпистемологии	206	Bozhenok K. A. D.M. Vellansky's Philosophy of Medicine in the Context of Cultural-Historical Epistemology	206
Нарожный Т. И. Немецкие «веяния» и «низкий стиль» в письмах А.А. Григорьева Н.Н. Страхову (некоторые наблюдения)	213	Narozhny T. I. "Trends" of the German aesthetic-philosophical tradition in the epistolary dialogue of A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov	213
Полетаева Т. А. Христианство и миссия: ценностно-смысловые установки в трудах ученых Института православных христианских исследований в Кембридже	220	Poletaeva T. A. Christianity and Mission: Value-Semantic Attitudes in the Works of Scholars at the Institute of Orthodox Christian Studies in Cambridge	220
Червяков В. В. Этнохудожественный опыт и визуальные коды традиции: размышление над монографией И.В. Шведовой «Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта. Орнамент как средство выражения мировоззрения человека» (Белгород, 2024)	228	Chervyakov V. V. Ethno-Artistic Experience and Visual Codes of Tradition: Reflections on I.V. Shvedova's Monograph "Value-Visual Structures of Ethno-Artistic Experience: Ornament as a Means of Expressing Human Worldview"	228

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 101.1; 101.8; 167; 168

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-1

Михайлов И. А. | Редукция как феноменологический и общенаучный принцип

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация;
ia.mikhaylov@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются принципы и основания феноменологии, а также ее научная методология на материале центральных понятий трансцендентальной феноменологии – «эпохэ» и «редукция». Несмотря на то, что редукцию Гуссерль считал «самой сутью» феноменологии, понятия не только не стали, но и не могли стать объединяющими идеями в феноменологическом сообществе начала XX в. Показаны причины этого хорошо известного факта. Основные причины сводятся к следующим: 1) неблагоприятной для популяризации феноменологических идей оказывается сама синонимия обоих понятий, используемых для обозначения одного метода, при том, что «редукция» выступает в качестве общего, «рамочного» понятия; 2) каждое из понятий имеет свою богатую историю, которая, во-первых, входит в противоречие с желанием интерпретировать эти понятия исключительно в духе трансцендентальной феноменологии и служит источником постоянной путаницы в интерпретациях; во-вторых, в обоих понятиях заложено противоречие между ограничением, к которому они призывают, – и универсальностью общей теории науки, которой они должны послужить. Дана более подробная история понятий «эпохэ» и «редукция» с отсылками к идеям Цицерона, Р. Декарта, Н. Кузанского, а также к ранее не замеченным научным публикациям XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: редукция; эпохэ; феноменология; Гуссерль, Декарт, скептицизм; сомнение; теория познания

Для цитирования: Михайлов, И. А. (2025), «Редукция как феноменологический и общенаучный принцип», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 5-16. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-1

I. A. Mikhailov | Reduction as a Phenomenological and General Scientific Principle

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; ia.mikhaylov@gmail.com

Abstract. The article examines the principles and foundations of phenomenology, as well as its scientific methodology, on the basis of the central concepts of transcendental phenomenology, epoché and reduction. Despite Husserl's view that reduction was 'the very essence' of phenomenology, these concepts did not become unifying ideas within

the phenomenological community of the early twentieth century – in fact, they could not. The reasons for this well-known fact are identified and analyzed. The main reasons can be summarized as follows: (1) the very synonymy of the two terms used to designate a single method proves unfavorable for the dissemination of phenomenological ideas, given that “reduction” functions as the more general, “framework” concept; (2) each of the terms has its own rich history which, first, comes into conflict with the desire to interpret these concepts exclusively in the spirit of transcendental phenomenology and serves as a source of constant confusion in their interpretation; second, both notions contain an internal tension between the restriction they call for and the universality of the general theory of science they are meant to serve. A more detailed history of the concepts of epoché and reduction is provided, with references to the ideas of Cicero, René Descartes, and Nicholas of Cusa, as well as to previously overlooked scholarly publications of the eighteenth and nineteenth centuries.

Key words: Reduction; Epoche; Phenomenology; Husserl; Descartes; skepticism; doubt; Theory of cognition

For citation: Mikhailov, I. A. (2025), “Reduction as a Phenomenological and General Scientific Principle”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 5-16, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-1

Введение

В современной литературе, посвященной феноменологии Эдмунда Гуссерля и феноменологическому движению в целом, есть понятие, привлекающее к себе наибольшее внимание, когда речь заходит об определении основ феноменологии. Гуссерль считал его воплощением феноменологического метода и едва ли не «воротами в философию». Неспособность постичь суть этого метода была для Гуссерля признаком отсутствия философской квалификации (способности к философии). Метод обозначается термином «редукция». Гуссерль начинает пропагандировать его далеко не сразу – его появление и обоснование связано с достаточно существенным изменением философской программы Гуссерля, обыкновенно обозначаемым как переход от «дескриптивной» к «трансцендентальной» феноменологии. (К различению «дескриптивного» и «трансцендентального» этапов обыкновенно добавляют указание на наиболее известные произведения обоих периодов: «дескриптивный этап “Логических исследований”» и «трансцендентальный этап “Идей к чистой феноменологии”».) Поскольку наличие этого метода задействовано в различении двух этапов развития великого философа, исследователи стали задавать совершенно естественные вопросы. Действительно ли редукция появляется у Гуссерля лишь с переходом к трансцендентальному этапу (то есть в 1913 г. – в опубликованном виде, а впервые в лекциях – в 1907 г.)? К какому проблемному комплексу в трудах Гуссерля принадлежит редукция? Чем была обусловлена необходимость этой методической процедуры? Ответ на первый вопрос дать проще всего. Зародыш идеи редукции исследователи обнаруживают уже в «Логических исследованиях»; употребляется там и само слово. Нетрудно дать ответ и на второй вопрос. Редукция связана с проблематикой очищения и, соответственно, с древними идеалами «чистоты» как идеала познавательной деятельности. Ответ на третий вопрос значительно более сложен. Нетрудно указать резоны использовать редукцию как основной философский метод для самого Гуссерля, для той философии, которую он развивает, начиная с 1907 г. Однако как быть, если *сам этот вариант* (ради которого редукция как раз и требуется) не является оптимальным? В сообществе философов

начала XX в., в разных смыслах говоривших о «феноменологии», идея редукции не стала объединяющим фактором. Это обстоятельство подтверждается различными исследованиями. Не послужив объединению, редукция, к сожалению, совершенно явно оказалась проблемой, *разъединяющей* феноменологов. Причем ответственность за это лежит отнюдь не на тех, кто будто бы «не сумел понять» гениальной идеи (это убеждение довольно распространено в гуссерлеведении). Как отмечает Шпигельберг, «первая великая феноменологическая схизма была вызвана трагическим недопониманием – прежде всего со стороны Гуссерля» (Spiegelberg, 1982: 28). Если, как того желал лидирующий представитель феноменологического движения, редукции следовало стать основой феноменологической философии, резонно было бы ожидать ясного, подробного и детального разъяснения этой процедуры. Однако этого не происходит. Даже лет 30 после смерти «автора» этой идеи приходится признать, что «гуссерлевская редукция – дело слишком непроясненное и проблематичное» (Spiegelberg, 1982: 28).

1. Очевидное и неочевидное в толковании редукции

В чем может быть причина сложившейся ситуации? Толкования Гуссерля отягощены несколькими существенными недостатками. Во-первых, они кратки в случаях, где необходима большая подробность (Husserl, 1976: 65—69 [§ 32–33]). Во-вторых, они порой необычайно подробны – но зачастую как раз там, где обсуждение от механизмов самой процедуры плавно и незаметно переходит в обсуждение общеполитических вопросов; причем это большей частью посмертно изданные тексты лекций или же наброски, фрагменты неопубликованных при жизни текстов, а также не озвученных на лекциях, в лучшем случае использованных в качестве материалов для таких лекций. В-третьих, Гуссерль постоянно перемежает обсуждение редукции в том смысле, который близок и важен ему самому, с редукцией, которую можно и даже следует понимать в общенаучном смысле – так он говорит, например, о «номиналистической редукции» Юмом всех идей к импрессиям (Husserl, 1956: 157–166), или о «психологической редукции» (Husserl, 1956: 267–270). Со стороны это выглядит как определенная небрежность, тем менее понятная, что хорошо известно умение Гуссерля проводить тонкие терминологические дистинкции и строго придерживаться этих различий на протяжении достаточно длительных цепочек мысли. Но если так, почему бы не пользоваться этим умением там, где речь идет о «процедуре», едва ли не воплощающей самую суть философского подхода? В-четвертых, наряду с термином «редукция» Гуссерль постоянно использует еще один термин с давней традицией: термин «эпохэ» (ἐποχή) (в отечественной литературе не менее употребительным является написание этого термина как «эпохе»). Термины не просто так выдуманы, «взяты из ниоткуда» – они имеют почтенную историю, которая нуждается в некотором освещении, не говоря уже о необходимости экспликации отношения между этими двумя понятиями. Знания об этой традиции у Гуссерля, похоже, отрывочны. Обыкновенно он ограничивается лишь указанием на то, что сам термин впервые появляется у стоиков. Впрочем, иногда создается впечатление, что и эти свои познания Гуссерль открывает слушателям не в полной мере, – как если бы ему казалось более важным выставить собственную версию как максимально оригинальную, от прежней традиции не зависящую. Вполне возможно, это диктуется уже необходимостью радикализировать конкретно ту самую версию методического скептицизма, которую будет развивать Гуссерль: если эпохэ как «контролируемый скептицизм» будет предполагать отказ от всех прошлых теорий, разновидность радикального сомнения, то не стоит слишком уж сильно акцентировать традиционность этой идеи (как призыва отказа от традиции). Гуссерль как будто даже рассчитывает, что традиционность поможет в принятии читателем (слушателем) обеих терминов. Однако принять их следует, конечно, не в традиционной, но именно *в его, гуссерлевской* трактовке. В-пятых, концепция «эпохэ / редукция» у Гуссерля на протяжении всего его творческого пути постоянно меняется, подвергается дополнительному разъяснению;

отсутствует какое-то «одно» толкование, однажды предложенное и остающееся неизменным во всех последующих работах.

Итак, ни в одной конкретной работе (статье, книге, лекционном курсе и т. п.) трактовку редукции нельзя считать исчерпывающей, а между тем, понимания «редукции» Гуссерль ожидает от своих учеников и коллег в каждый конкретный момент времени. Наконец, в-шестых, понимание трактовки Гуссерлем феноменологической редукции затрудняет еще и то, что наряду с ней, редукцией феноменологической, имеется также еще редукция иная – «эйдетическая». Феноменолог без нее обойтись не может, однако в самой эйдетической редукции *per se* нет ничего специфически феноменологического: по мысли Гуссерля, ее осуществляет любой вообще ученый (Husserl, 1976: 21, 24–25). В приватном общении Гуссерль может сокрушаться по поводу того, что его ключевая идея остается непонятой, однако искусство продвижения собственной философии заключается в том, что в *одном* кругу сожалеют о том, что не понято очевидное. В других же кругах не обязательно скрывать, что и *тебе самому* в этой идее не все и не всегда ясно. «Должен признаться, для меня самого прозрение в суть феноменологической редукции было делом трудным» (Husserl, 1959: 174). В итоге, феноменологическая редукция как таковая – понятна, но неубедительна. В том же случае, когда редукция и понятна, и убедительна (то есть признается философами в качестве необходимой), *она теряет свою «феноменологичность»*. Иначе говоря, в этом случае обнаруживается, что об этой идее в европейской философии говорили на протяжении веков, причем используя именно этот термин, *ἐποχή*. (Более подробно речь об этом пойдет далее). Что из этого следует для нашей темы? Поскольку идея «эпохэ» отнюдь не оригинальна, эта идея – ни сама по себе, ни в связке эпохэ / редукция – не производит особого впечатления на коллег Гуссерля. Наторп не видит в редукции и абсолютном сознании ничего принципиально нового, что выходило бы за пределы предложенного ранее в неокантианстве и, в частности, в его собственных работах (Natorp, 1918: 225).

Итак, в связи с гуссерлевской редукцией понятность и убедительность совместить не всегда просто. В дополнение к этому необходимо еще принять в расчет, что этот феноменологический «метод» никак нельзя объяснить и с точки зрения *мотивов* его использования. Один из параграфов рукописей Гуссерля 1910-1911 гг. (Husserl, 1973: § 21) совершенно недвусмысленно разъясняет: поскольку феноменологическое усмотрение имеет *абсолютный характер*, «феноменологии *нет* нужды *искусственно* приводить вообще *никаких* мотивов для исключения ею полаганий опыта» (Husserl, 1973: 156-157). У нее как феноменологии «*вообще нет* такого рода мотивов, – добавляет Гуссерль. – Они могут быть у феноменолога, но это – дело личное (Privatsache)» (Ibid.). Гуссерль выводит редукцию как принцип, как *метод* из той сферы, в которой какие-либо обоснования и оправдания вообще не требуются. Как-либо разъяснять, *почему*, с каким целями мы совершаем редукцию, что подвигает нас к применению этого метода – совершенно излишне. Конечно, один из смыслов, в котором редукция «не нуждается в мотивах», ясен. Гуссерль и сам указывает на это обстоятельство. «Мотивов нет» в первую очередь в том смысле, что ничто не является для феноменологии побудительным мотивом *извне*, – никакие требования и ожидания частных наук, никакие потребности практического рода. Если «наукоучение», «фундамент» научного знания желает стать непоколебимой основой всей системы наук, ему непозволительно заимствовать какие-либо принципы «со стороны». Это было показано еще Фихте и Гегелем. Но что это тогда значит? Похоже, Гуссерль пытается «вписать» эпохэ и редукцию как самое существо философской деятельности. Да, можно сказать, что редукция (как «отвлечение», «ограничение») точно так же не нуждается в обосновании через указание на какие-либо «мотивы», как не требуется нам и как-либо обосновывать, оправдывать возможность *рефлексии*. Возможность рефлексии принадлежит субъективности «по умолчанию», она основывается на творческой свободе духа. Однако в этом случае мы опять-таки разъясняем

возможность философии вообще, философии «как таковой», а не возможность феноменологической именно философии. Это значит, что мы наталкиваемся на все ту же проблему: редукция либо понятна (но тогда не оригинальна). Либо оригинальна – но тогда совершенно не обязательна. Гуссерль, как станет еще более ясно далее, постоянно балансирует между использованием традиционного и оригинальностью. Впрочем, это не единственные «ограничительные флажки», которых он изо всех сил старается не коснуться.

2. Редукция и эпохэ: изначальная близость и синонимия

Мы уже отмечали: одна из сложностей заключается в том, что идея редукции двулика. Помимо термина «редукция», Гуссерль разъясняет его также и с помощью термина «эпохэ». Как трактуются понятия, входящие в ее состав? Как они соотносятся? Нам необходимо будет также иметь в виду следующие коварные вопросы: 1. *Что* следует из факта, что некоторая важнейшая в методологическом плане процедура уже присутствует «как слово» – но пока еще *не называется* методом? Быть может, в 1900–1901 гг. великий философ был настолько прозорлив, что сумел представить философской общественности совершенно оригинальное произведение, однако при этом все же недостаточно проницателен для осознания того, что использует слово, обозначающее философский метод необычайной важности? 2. Почему обозначение важнейшего для Гуссерля метода его философии с самого начала имеет эту странную терминологическую двойственность: не только как эпохэ, но *также еще и* как редукция? Для прояснения всех этих разнообразных вопросов начнем с понятия, которое, по всей видимости, должно иметь наиболее давнюю историю, – с понятия эпохэ. Как о редукции, так и об эпохэ, Гуссерль впервые начинает говорить в лекциях, известных под названием «Идея феноменологии» (1907). Мы замечаем, что редукция поначалу используется в паре с другим понятием – эпохэ – которое и впоследствии неизменно соседствует с редукцией. К 1913 г., времени публикации первой книги «Идей», Гуссерль эти два термина будет трактовать более дифференцированно. Впрочем, синонимия сохранится, а в более поздних текстах даже выйдет на новый уровень. Эту изначальную синонимию я считаю не терминологической незрелостью ранней гуссерлевской терминологии, но важной чертой, позволяющей лучше увидеть изначальные общенаучные основы предлагаемого Гуссерлем «метода».

Итак, что понимается под эпохэ-редукцией? В порядке методическом «эпохэ» – это *первое*, наиболее общее предварительное понятие, которое готовит нас к разъяснению феноменологии: *сперва* (2-я лекция) разъясняется идея эпохэ, *затем* (уже в 3-ей лекции) следует разъяснение феноменологической редукции. Самый общий контекст, в котором Гуссерль поначалу помещает свою феноменологию – это *критика познания*. Как она себя «учреждает», спрашивает Гуссерль. Критика познания должна понять, что заключено в смысле отношения к предметности, чем должно быть познание «в подлинном смысле» (Husserl, 1950: 29). И вот тут-то нам и становится необходимым новый термин – он должен обозначить *особенность* этой критики. Дело не только в том, чтобы мы *лишь начали* с критического рассмотрения познания – чтобы потом, к примеру, можно было бы перейти уже к позитивным, «конкретным» вопросам познания. Нет, критический подход должен также и *сохраниться* в качестве критического, т. е. необходимо продолжить ставить под вопрос всякий шаг познания, также и свой собственный». Эта критика, продолжает Гуссерль, не должна признавать значимость никакой данности, в том числе и той, которую она сама устанавливает. «Если ей нельзя предполагать ничего в качестве *предданного*, то она должна начаться не с какого-то [акта] познания, который она, не заметив, возьмет со стороны, но, скорее, с того, который она даст себе сама, положив [для себя] как первый» (Husserl, 1950: 29). Особенность этого нового подхода Гуссерль как раз и называет «эпохэ» (ἐποχή). Мы видим, что появление этого термина действительно представляется оправданным, ведь Гуссерль здесь пытается развить какое-то особо последовательное понимание критики.

Зафиксируем четыре различных принципиальных смысла, в которых Гуссерль начинает говорить об «эпохе». Нам предлагают понятие скепсиса, критики в новом, более принципиальном смысле: 1) критичность должна быть «постоянной» – она должна сопровождать критическую теорию познания на *всех* этапах; 2) эта критичность должна быть обращена также и на самое критическое рассмотрение познания. Последняя из цитат содержит сразу две идеи (в лекциях 1907 г. они пока не разделены): 3) ничто не должно приниматься в качестве «заранее данного»; 4) принципы и основания «нельзя взять со стороны» – настоящая философия может и должна обеспечить ими себя сама.

3. Эпоха в контексте общефилософских задач

Столь подробно мы рассматривали предварительные трактовки Гуссерлем одного из своих впоследствии центральных терминов, поскольку здесь наиболее заметны не только те идеалы, которые Гуссерль провозглашал в «Логических исследованиях», но вполне традиционные принципы классической метафизики. Гуссерль использует несколько другой язык, и поэтому, без дополнительных разъяснений, в качестве традиционного распознается пока лишь четвертый смысл, заключенный в идее эпохи: это вариации на тему изначальной философии («наукоучения»), которые мы встречали в немецком идеализме (Фихте, Шеллинг, Гегель), но которые, в свою очередь, восходят к философии Декарта (Гуссерль его, конечно, упоминает; ср.: (Husserl, 1950: 30 ff)). Уже к 1913 г. методология Гуссерля дифференцировалась настолько, что из полного смысла этого «начального “эпохи”» только третий смысл сохранился в качестве главного. Другие были конкретизированы в обновленном наборе принципов. Одним из таковых были столь любимые Гуссерлем размышления о философе как «вечном начинающем»: максима, призывающая быть готовым «начать заново», есть одна из вариаций требований к феноменологии быть постоянно критичной; она как раз и предполагает готовность в любое время «вынести за скобки» то, что будет опознано в качестве элемента не осмысленной традиции.

Продолжая «тривиализировать» феноменологию Гуссерля, мы развернем этот третий смысл так, чтобы заключенная в нем идея стала вполне узнаваемой. В конце той же второй лекции Гуссерль объясняет «теоретико-познавательный принцип» предлагаемого им подхода к познанию: «в любом теоретико-познавательном исследовании, о каком бы типе познания ни шла речь, необходимо осуществлять теоретико-познавательную редукцию, т. е. помечать любую задействованную трансценденцию индексом выключения (Ausschaltung), или знаком незначимости (Gleichgültigkeit), теоретико-познавательной ничтожности, знаком, говорящим: существование всех этих трансценденций, верю я в них, или нет, меня не касается, здесь не место об этом судить, [все] это остается вне игры» (Husserl, 1950: 39). Вот в этой формулировке мы распознаем одновременно и разъяснение «эпохи», и редукции, которая пока выступает для эпохи синонимом. Однако здесь намечен также и путь дальнейшей конкретизации редукции, которая в «Идеях» превратит ее в специфичное понятие. Действительно, помечать знаком «не важно», «не использовать», «оставлять вне игры», – все это как раз и означает: воздерживаться от суждений об этом, не принимать в качестве заранее данного. Именно это значение «эпохи» далее и станет основным: *эпоха как воздержание от суждений*: «Философское *ἐποχή*, к которому мы обращаемся, в отчетливой формулировке должно состоять в том, что мы будем совершенно воздерживаться от суждения относительно догматического содержания любой имеющейся философии, и все наши доказательства (Nachweisungen) будем осуществлять в рамках такого воздержания» (Husserl, 1976: 39–40 [§ 18]).

Это более позднее разъяснение из «Идей» уже дает нам форму, позволяющую распознать давний принцип философии. Нас не должно интересовать, какие ранее имелись теории. Не будем о них судить. Третье из Декартовых «Правил для руководства ума» как раз и призывало обращать внимание не на то, что «думают другие», но на наше собственное разумение. Мы

теперь можем не только увидеть в выдвигаемых Гуссерлем принципах давние идеалы философии, но и распознать структурную взаимосвязь между этими принципами. Сформулируем их в виде вопросов и кратких ответов на них. *Какова цель философии?* – Фундаментальная наука. *К чему стремится в своих положениях философия в соответствии с этой своей основной целью?* – К универсальности и изначальности своих положений. *Каков наиболее перспективный путь к таковой изначальности?* – Наука должна быть «беспредпосылочной» («не брать чужого»; принцип «эпохэ» закрепляет это в слове, имеющем запоминающееся, загадочно-древнее звучание). И еще она должна быть осторожной. Это значит, не следует начинать с теорий.

Эпохэ и «редукция», впервые выходящие на авансцену феноменологии в 1907 г., впоследствии используются в столь различных комбинациях и вариациях, что исследователи неизменно испытывают проблемы с толкованием их соотношения в феноменологии Гуссерля. Имеется несколько основных вариантов: а) эпохэ – предварительная ступень, необходимая для осуществления феноменологической редукции; б) эпохэ – составная часть феноменологической редукции как метода; 3) эпохэ и редукция – выражения синонимические, их нельзя разделить как последовательность этапов или считать независимыми друг от друга. В текстах Гуссерля можно найти достаточно подтверждений в пользу каждой из версий. Далее я предложу способ обойти стороной обсуждение этих вариантов. Для этого мы посмотрим, какие общефилософские принципы стоят за проблемами, обозначаемыми Гуссерлем терминами «эпохэ» и «редукция».

4. Исторические формы «эпохэ» и общенаучный смысл «редукции»

То, что термин «эпохэ» был впервые использован в традиции стоиков, факт общеизвестный, он упоминается едва ли не в каждой словарной статье, посвященной этому термину. А вот то, с какими другими великими идеями прошлого связан этот термин, не так очевидно. Это может стать более понятным, если обратить внимание на то, что «эпохэ» есть именно контролируемое, методически оформленное и мотивированное сомнение – иначе говоря, такое, которое ограничивает скептицизм, заставляет его быть не «всеобщим», но направленным, служащим вполне определенным научным задачам. Такой ограниченный, «канализированный», методический скептицизм имеет два великих прообраза. Значение одного из них для феноменологии – философии Рене Декарта – очевидно. Отметим, что в связи с «эпохэ» постоянно сохраняется некоторая неопределенность: с одной стороны, как будто указаны исторические прецеденты использования термина, однако с другой, он подается как специфически гуссерлевское понятие, им, *Гуссерлем* возведенное в ранг основополагающего методического принципа. Именно так разъясняют это понятие практически все современные словари и энциклопедии.

Однако проблема эпохэ (или: эпохэ как «метод») не изобретена, не открыта Гуссерлем. Он в лучшем случае популяризирует широкий круг разнообразных вопросов, который может обозначаться одним словом. В связи с термином «эпохэ» Гуссерль указывает на стоиков, а проблему отказа от предшествующих теорий он также увязывает с Декартом. Имеются ли другие прецеденты? На всем протяжении развития немецкой философии понятие эпохэ присутствует в философском дискурсе, хотя, конечно, явно не принадлежит к числу центральных важнейших философских категорий (Flatt, 1791: 169). К началу XIX в. *ἐποχή* как воздержание от суждения хорошо известно по переводам античных авторов, в частности Цицерона (Cicero, 1812: 487). В комментариях к переводам отмечают, что у Цицерона эпохэ и редукция могли использоваться в качестве взаимозаменяемых синонимов (Plutarch, 1798: 13). В других работах XVIII в. «эпохэ», хотя и не увязывается непосредственно с «редукцией», однако в качестве его эквивалента используется другой любопытный термин: *retentio* (Zinsmeister, 1781: X-XI). Конечно, эта античная *retentio* пока еще далека от ретенции феноменологической (у Гуссерля это понятие используется в анализе сознания времени).

Однако все эти понятия все же находятся в близкой смысловой связи. В упомянутом выше издании писем Цицерона *ἑλοχή* встречается в связке с еще одним латинским термином, обнаруживающим смыслы, близкие к редукции. В письме к Аттику Цицерон выражает неудовольствие в связи со словом *inhibere*, «удерживать» (причем также в значении, синонимичном к *retention*). Я полагал, разъясняет Цицерон, что «когда гребцам приказано остановиться, они перестают грести. Что это не так, я узнал, когда мой корабль причаливал к усадьбе. Они не прекращают грести, но гребут иначе – что совершенно отлично от *epoche*» (Cicero, 1812: 487). В целом, в начале XIX в. *ἑλοχή* и *inhibition* воспринимаются как один и тот же термин, только в разных языках (Juliani, 1827: 164).

Сколь бы ни были далеки от современных значения, в которых использовали эти слова древние авторы, античную традицию нельзя отбрасывать совершенно, ведь и предложение Гуссерля отказаться от использования теорий можно понимать как *удержание* субъектом себя от таковых теорий. Смысловая близость имеется, однако это все-таки не может послужить достаточным основанием для более позднего использования Гуссерлем этих двух терминов как синонимичных. Поскольку уже со второй половины XIX в. эти две линии смыслов разделились. Эпохэ стало воплощать преимущественно только воздержание от суждения, а редукция превратилась в более универсальную, более общенаучную методику. В целом близко к современному пониманию эпохэ (как «воздержание от всякого суждения») упоминает этот термин Тенеманн (Tennemann, 1829: 199). Когда заходит речь о скептической философии в учебниках и общих обзорных изданиях, это понятие всегда по крайней мере упоминается (ср.: Eberhard, 1796: 183). В начале XIX в. встречаются, правда, и толкования, не получившие продолжения в дальнейшей традиции. Например, в работах Т. Круга эпохэ трактуется как «воздержание от *одобрения* (*Beifalls*)» (Krug, 1833: 388; курсив мой. – И.М.); это толкование воспроизводится и во многих других работах автора (ср.: Krug, 1818: 272), а также других авторов того же времени (ср.: Suabedissen, 1805: 60–61).

Примечательность обоснования Гуссерлем «эпохэ» заключается в том, что как имевший прецедент *термин* он относит его к античности, а как *метод* – иллюстрирует на примере методологии Декарта. Если эпохэ мы согласимся считать термином, обозначающим принцип методического сомнения, пусть в текстах самого Декарта и не отсутствующий, то какие еще исторические прецеденты могут быть названы? Довольно неожиданно для современного читателя они могут быть найдены в самой идее «ученого незнания» Николая Кузанского. Конечно, здесь связь как с античной, так и с феноменологической традицией скептицизма значительно более отдаленная, однако в XVIII в. она еще распознается, причем, помимо Кузанского, указаны еще 16 авторов, писавших «об *ignorantia docta*» в (ср.: Schatz, 1741: 150–151).

* * *

Подобно тому как Гуссерль не обладает монополией на толкование эпохэ, не является исключительно феноменологическим понятием также и редукция. Помимо того, что «редукция» есть широко применяемый метод в современной математике, физике, в программировании (технологии хранения данных, моделирования ИИ и др.), обработке изображений и звуков (количество примеров можно умножить), редукция есть давняя и хорошо известная методологическая процедура также и в философских науках. По сути, именно в редукции как основном методе решения отвлеченных философских проблем состояла, начиная с середины XIX в., суть полемики позитивизма против «метафизики». В XX в. редукция – широко обсуждаемое понятие в различных версиях «физикализма», «натурализма», аналитической философии и общей философии науки. Для проблемы, обозначаемой этим понятием, особое значение имели дискуссии, инициированные Э. Нагелем (Nagel, 1935; Nagel, 1970), К. Поппером, а также целым рядом других философов и ученых (ср.: Schaffner, 1967; Schaffner, 2006; Sachse, 2007).

Заключение

Подведем некоторые итоги. Что было известно, и что нужно было в прояснении?

Известно было следующее. 1) Гуссерль начинает развивать свои трактовки феноменологической редукции в период, когда в его разноплановых исследованиях намечается возможность *радикализации* его исследовательской программы. 2) Хотя построение радикальной научной программы с самого начала было целью философских усилий Гуссерля, *конкретная форма* этой радикальной философии (в частности, в значительно большей степени опирающейся на анализ феноменов сознания, чем это можно было предсказать по обоим томам «Логических исследований») *не была* именно в этом виде запланирована Гуссерлем; неожиданна она была и для многих учеников и последователей Гуссерля. 3) Сам *факт* этой трансформации философской программы Гуссерля хорошо известен и описан в бесчисленных публикациях. Работы гуссерлеведов и вообще историков философии достаточно хорошо и подробно описывают: *что* в 1907–1910-х гг. стало темой исследований Гуссерля, *как* он сам объяснял необходимость этой трансформации.

Проблемы в связи с таким состоянием интерпретаций заключались прежде всего в следующем. 1) Принимая объяснение Гуссерлем этой трансформации за «последнее слово», за главное и основное толкование, авторы обыкновенно упускали вопросы более важные: *почему* такая трансформация была необходима? как она вытекала из логики *предыдущих исследований* Гуссерля? 2) Поскольку эти вопросы не были заданы, сам переход от «дескриптивной» к «трансцендентальной» феноменологии зачастую трактуется как «неспрогнозированный», «неожиданный». 3) Рассматривая феноменологическую философию под этим углом зрения – наличия некоей концепции «основателя» традиции, модификации которой затем следовало обнаружить у всех других «представителей» этой традиции – исследователи, как правило, не могли объяснить, что же, собственно, привлекало, что удерживало вместе специалистов различного научного и культурного уровня, крайне разнообразных тематических интересов и целей исследования.

Общеметодологическое решение в связи с таким состоянием интерпретаций и устоявшимися традиционными штампами заключалось в том, чтобы сменить ракурс рассмотрения. Не следует пытаться обнаружить модификации «одной» идеи или концепции у различных мыслителей (или даже у одного философа, считающегося основателем особого направления в философии). Значительно более продуктивно попробовать посмотреть на некоторые ключевые идеи философского направления с точки зрения общенаучных идеалов и норм научного исследования.

Благодаря этому новому подходу удалось установить следующее.

1). Соединение двух терминов, используемых Гуссерлем для обозначения «метода» своей философии («эпохэ» и «редукции») не является безусловно очевидным решением. Хотя в западноевропейской философии и могут быть найдены прецеденты использования этих двух слов в качестве синонимов, это *не является* общим правилом.

2). В общенаучной традиции XVIII–XIX вв. за «эпохэ» закрепился смысл методического скептицизма; тогда как «редукция» обозначала разнообразные операции сведения, упрощения, применяемые в научном исследовании.

3). Гуссерль *не является* новатором в использовании ни одного, ни другого термина.

4). И по сей день о «редукции» как важной общенаучной процедуре говорится в значительном количестве научных исследований.

5). Само использование Гуссерлем *двух терминов* для обозначения того, что он считает важнейшим «методом», сутью феноменологии, *не является случайным*: 5.1 поскольку его цели заключаются в создании нового основоположения для философии, а также всех вообще научных дисциплин, ему необходимо задействовать *все* понятия, которые работали бы на его идею универсальной науки; 5.2 по этой же причине в публикациях, лекциях и черновых

набросках Гуссерлю свойственно скорее использовать эти два термина в качестве синонимов; он часто сплавляет их в одно выражение («феноменологическое эпохэ» и т. п.), нежели их терминологически разводить.

6). С обозначенными выше общими задачами феноменологии Гуссерля, а также с особенностями решения им этой общей задачи связаны также и некоторые *затруднения*, сохраняющиеся в трансцендентальной феноменологии в связи с редукцией. Эти «затруднения» имеют форму непоследовательности, противоречивости, парадоксальности или, иногда, внешней нелогичности гуссерлевских формулировок, а также рекомендаций в связи с пониманием смысла предлагаемой им трансцендентальной феноменологии. 6.1 Первое затруднение заключается в том, что Гуссерль использует всецело традиционные понятия – но при этом неизменно настаивает на том, чтобы они отныне трактовались *в его, гуссерлевском смысле*. Это затруднение несет свою долю ответственности за непонимание Гуссерля его современниками. 6.2 Традиционные понятия философии Гуссерль использует не просто для какой-то модификации *одной из* философских систем прошлого, но для утверждения довольно радикальной версии трансцендентальной философии; безоговорочно принять эту версию не готовы даже те, кто (как Наторп или Риккерт) сами являются сторонниками трансцендентализма. 6.3 Некоторые трудности вытекают из рассогласованности понятий и задач, для решения которых они применяются. 6.3.1 «Эпохэ» – понятие, заимствованное из философской традиции, заметная доля его легитимации как философской категории коренится как раз в его опоре на то, что нечто «имело место ранее». Эпохэ как исторический прецедент, подкрепленный авторитетом великих философов прошлого, имеет для Гуссерля необычайно важное значение. Значительная часть его текстов и выступлений потому и построена с неперменной отсылкой к Декарту: «Парижские доклады», «Картезианские медитации», «Кризис европейских наук» и многие другие. 6.3.2 Эпохэ и редукция как ограничение, отсечение («вынесение за скобки» и т. п.) используется для философии, которая имеет цель *прямо противоположную* какому-либо ограничению. Феноменология, наоборот, должна охватить «все», «весь мир», она должна стать универсальным, всеохватывающим наукоучением.

Литература References

- Cicero, M. T. (1812), *Sämmtliche Briefe* [All Letters], übers. u. erl. Wieland, V. Chr. M., bey Heinrich Gessner, Zürich (in German).
- Eberhard, J. A. (1796), *Allgemeine Geschichte der Philosophie zum Gebrauch akademischer Vorlesungen* [General History of Philosophy for the Use of Academic Lectures] Halle (in German).
- Flatt, J. F. (1791), *Actenmäßige Nachrichten von der neuesten philosophischen Synode, und von der auf derselben abgefaßten allgemeingültigen Concordienformel für die philosophischen Gemeinden* [Official reports from the latest philosophical synod, and from the universally valid formula of concord for the philosophical communities formulated therein], Frankfurt; Leipzig (in German).
- Fülleborn, G. G. (1792), *Beyträge zur Geschichte der Philosophie. Zweites Stück* [Contributions to the History of Philosophy. Part Two], in der Frommannischen Buchhandlung, Jena (in German).
- Husserl, E. (1950), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke, Bd. II: Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works, Vol. II: The Idea of Phenomenology. Five Lectures], Hg. v. W. Biemel, Nijhoff, Den Haag (in German).
- Husserl, E. (1976), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke, Bd. III/1.: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1. Halbband. Text der 1.–3. Auflage* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works, Vol. III/1: Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book One: General Introduction to Pure Phenomenology. Part 1. Text of the 1st–3rd editions], Kluwer, Dordrecht (in German).
- Husserl, E. (1956), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. VII: Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil: Kritische Ideengeschichte* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works. Vol. VII:

First Philosophy (1923/24). Part One: Critical History of Ideas], Hrsg. von Rudolf Boehm, Nijhoff, Den Haag (in German).

Husserl, E. (1959), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. VIII: Erste Philosophie (1923/24). Zweiter Teil. Theorie der phänomenologischen Reduktion* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works. Vol. VIII: First Philosophy (1923/24). Part Two. Theory of Phenomenological Reduction], Nijhoff, Den Haag (in German).

Husserl, E. (1973), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. XIII: Zur Phänomenologie der Intersubjektivität, Texte aus dem Nachlaß. Erster Teil: 1905–1920* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works. Vol. XIII: On the Phenomenology of Intersubjectivity, Texts from the Literary Estate. Part One: 1905–1920], Hg. v. I. Kern, Nijhoff, Den Haag (in German).

Krug W. T. (1818), *Fundamentalphilosophie* [Fundamental philosophy], Im Verlage der Franz Härter'schen Buchhandlung, Wien (in German).

Krug W. T. (1833), *Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur und Geschichte nach dem heutigen Standpunkte der Wissenschaft* [General Dictionary of the Philosophical Sciences, together with their Literature and History from the Current Standpoint of Science], Brockhaus, Leipzig, Bd. 3: N—Sp. (in German).

Müller von, (1839), *Briefe an Johann von Müller (Supplement zu dessen sämtlichen Werken)* [Letters to Johann von Müller (Supplement to his complete works)], Hrsg. v. Fr. Hurter, Hurtersche Buchhandlung, Schaffhausen. Bd. 1 (in German).

Nagel, E. (1935), “The Logic of Reduction in the Sciences”, *Erkenntnis*, 5, 46–52.

Nagel, E. (1970), “Issues in the Logic of Reductive Explanations”, *Mind, Science, and History*, SUNY Press, Albany, NY, 117–137.

Natorp, P. (1917–18) “Husserls ‚Ideen zu einer reinen Phänomenologie‘”, *Logos: Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 7, 224–246 (in German).

Plutarch (1798), *Plutarch moralische Abhandlungen* [Plutarch's Moral Treatises], Aus dem Griechischen übers. v. Joh Friede, Sal. Kaltwasser, Sammlung der neuesten Uebersetzungne der griechischen prosaischen Schriftsteller, Dritten Teils Achter Band, Plutarch Schriften, Achter Band, enthält dessen moralische Abhandlungen. Achter Band. bei Johann Christian Hermann, Frankfurt a.M. (in German).

Sachse, C. (2007), *Reductionism in the philosophy of science*, Ontos-Verlag, Frankfurt a.M.

Schaffner, K. (1967), “Approaches to Reduction”, *Philosophy of Science*, 34, 137–147.

Schaffner, K. (2006), “Reduction: the Cheshire Cat aProblem and a Return to Roots”, *Synthese*, 151, 377–402.

Schatz, J. J. (1741), *Acta scholastica worinnen nebst einem gründlichen Auszuge derer auserlesensten Programmatum der gegenwärtige Zustand derer berühmtesten Schulen u. der dahin gehörigen Gelehrsamkeit entdeckt wird* [Acta scholastica in which, in addition to a thorough extract of their most select programs, the present state of their most renowned schools and the associated scholarship is discovered], Leipzig; Eisenach (in German).

Spiegelberg, H. (1982), “Epoché und Reduktion bei Pfänder und Husserl”, *Pfänder-Studien*, Martinus Nijhoff, The Hague, 3–34 (in German).

Tennemann, W. G. (1829), *Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht* [Outline of the History of Philosophy for Academic Teaching], Verl. von Joh. Ambrosius Barth, 5-te, vermehrte u. verb. Aufl., oder dritte Bearbeitung v. Amadeus Wendt, Leipzig (in German).

Zinsmeister J. Fr. X. (1781), *Canonici Spalatini De Veri Cognitione Et Ignoracione Ex S. Clemente Alexandrino Documenta Haereticorum, Et Peccatorum Materialivm Defensoribvs Praesentata Vnacvm Vindiciis Pro S. Clemente*, [Canon Spalatini On the Knowledge and Ignorance of Truth From St. Clement of Alexandria Documents Presented by the Defenders of Heretics and Material Sins in One Vindicia for St. Clement], s. l (in Latin).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Михайлов Игорь Анатольевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016

ABOUT THE AUTHOR:

Igor A. Mikhaylov, Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016

УДК 111

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-2

Коромыслов В. В.

Разрешение апорий Зенона на основе диалектического подхода и новейших открытий в физике: онтологические следствия

Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д.Н. Прянишникова, ул. Петропавловская, д. 23, г. Пермь, 614990,
Российская Федерация; vvk79@mail.ru

Аннотация. Анализ апорий Зенона Элейского: «Ахилл», «Стрела» и «Дихотомия» проводится с целью предложить подходы к их разрешению в соответствии с новейшими результатами научных исследований в области естествознания, на основе диалектического метода. Актуальные проблемы, связанные с природой пространства, времени и движения, в результате данного исследования получают в одних случаях окончательное разрешение, а в других гипотезы по их разрешению, требующие подтверждения в дальнейшем развитии квантовой физики. В случае с апорией «Ахилл» решение дается на основе понимания максимально сближающихся тел не как строго обособленных друг от друга, а как обменивающихся веществом и энергией (как в теплообменных процессах или при фотоэффекте), в таком случае соприкосновение догоняющего объекта с преследуемым не сводимо к определённом моменту, а заключается в постепенном процессе нарастания интенсивности взаимодействия между ними. В случае с апориями Зенона «Стрела» и «Дихотомия» сложность поднимаемых проблем и гипотетический характер многих теоретических конструкторов с ними связанных, а также наличие различных интерпретаций квантовой механики не позволяют сформулировать окончательные решения, которые могли бы претендовать на общепризнанность. Однако предлагается решение, опирающееся на интерпретацию квантовой механики Гейзенберга-Фока в философской трактовке А.Ю. Севальникова, которое описывает механизм перехода из неопределённого состояния субатомной реальности к упорядоченной картине движения на макроуровне через процесс декогеренции, благодаря свойству фотонов, получившему название «квантового переворота времени». На основании этого решения предложен новый взгляд на понимание свойства субстанции быть *causa sui*.

Ключевые слова: Апории Зенона; парадоксы Зенона; движение; время; субстанция; *causa sui*; непрерывность; дискретность

Для цитирования: Коромыслов, В. В. (2025), «Разрешение апорий Зенона на основе диалектического подхода и новейших открытий в физике: онтологические следствия», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 17-30. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-2

V. V. Koromyslov

Solving Zeno's aporias based on a dialectical approach and the latest discoveries in physics: ontological consequences

Academician D.N. Pryanishnikov Perm State Agro-Technological University,
23 Petropavlovsk St., Perm, 614990, Russian Federation; vvk79@mail.ru

Abstract. This study analyzes the aporias of Zeno of Elea: "Achilles", "Arrow" and "Dichotomy" in order to propose approaches to their resolution in accordance with the latest results of scientific research in the field of natural science. In this case, the dialectical method is used. The relevance of the problems posed by Zeno related to the nature of space, time and motion is shown. The results of this study made it possible to formulate in some cases their final resolution, and in others, formulate hypotheses that require confirmation through the further development of quantum physics. In the case of the Achilles aporia, the solution is based on understanding the closest possible bodies not as strictly isolated from each other, but as exchanging matter and energy, for example, in heat exchange processes or in the photoelectric effect. Thus, the contact of the catching object with the pursued is not reducible to a certain moment, but consists in a gradual process of increasing the intensity of interaction between them. In the case of Zeno's "Arrow" and "Dichotomy" aporias, the complexity of the problems raised and the hypothetical nature of many theoretical constructs related to them, as well as the presence of various interpretations of quantum mechanics, do not allow us to formulate definitive solutions that could claim universal acceptance. However, a solution is proposed based on the interpretation of Heisenberg-Fock quantum mechanics in the philosophical interpretation of A. Yu. Sevalnikov, which describes the mechanism of transition from the indefinite state of subatomic reality to an ordered picture of movement at the macro level through the process of decoherence, due to the property of photons, which has received the name of "quantum time reversal".

Keywords: Aporias of Zeno; paradoxes of Zeno; movement; time; substance; causa sui; continuity; discreteness

For citation: Koromyslov, V. V. (2025), "Solving Zeno's aporias based on a dialectical approach and the latest discoveries in physics: ontological consequences", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 17-30, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-2

Парадоксы Зенона Элейского издревле побуждали к глубоким размышлениям самых выдающихся мыслителей. Свой вклад в их разрешения внесли Аристотель, Г. В. Лейбниц, Г.В.Ф. Гегель, Б. Рассел и другие. Кто-то искал на этом пути ключи к пониманию самых глубинных тайн мироздания, кто-то видел в их разрешении прикладной смысл, а кто-то рассматривал их лишь как интересные логические задачи, размышление над которыми способствует оттачиванию аналитических способностей. Однако вряд ли кто-то мог предполагать, что они будут оставаться актуальными на протяжении 2500 лет и, более того, по истечении этого времени не только не найдут окончательных решений, но интерес к ним возродится с новой силой. Кто бы мог подумать, что дискуссии о природе движения, времени и пространства будут продолжаться и в XXI веке? Так, независимо от того, насколько глубока

была мысль самого Зенона, оказалось, что сформулированные им апории поднимают проблемы, которые актуальны и для современной научной мысли.

В конце XX века в физике при исследовании проблемы влияния измерений на квантовые состояния объектов был обнаружен феномен, который получил название «квантового парадокса Зенона» (Misra и Sudarshan, 1977). А 2022 год был ознаменован присуждением нобелевской премии по физике А. Цайлингеру, А. Аспе и Дж. Клаузеру за результаты исследований ЭПР-парадокса, после которых приходится окончательно признать, что по отношению к субатомному уровню возникают проблемы с классическими представлениями о локальности и причинности (Антипенко и др., 2017; Салом, 2024; Севальников, 2016: 46-48). В связи с этим, свою задачу мы видим в том, чтобы показать актуальность сформулированных Зеноном Элейским апорий и предложить подходы к их разрешению в соответствии с наиболее актуальными результатами фундаментальных исследований в области естествознания.

Поиск разрешения парадоксов Зенона продвигался по нескольким основным направлениям. Наиболее успешными из таких направлений стоит признать решения с позиции математических наук. В этой области преуспели Г.В. Лейбниц, Г. Кантор и Б. Рассел, и др. Однако математика относится к формальным наукам, а потому, сколь бы ни были эффективны математические инструменты для разрешения апорий, их успешное применение может происходить за счет упрощения, эффекта усреднения, отсутствия учета всех нюансов реального устройства мироздания. На наш взгляд, «необъяснимая эффективность математики», которой так восхищаются физики, отчасти связана как раз с ее поиском формальных решений проблем, с идеализацией, абстрагированием от реального содержания в силу неполноты информации о происходящих процессах. Именно поэтому математика предлагает разные пути решения апорий (Берестов, 2021: 31-103).

Такой подход эффективен для решения практических задач, но, как показывает история науки, тот факт, что математическое описание работает на практике, еще не гарантирует того, что оно отражает всю сложность действительно происходящих физических явлений (Севальников, 2016: 48). Так, М. Клайн отмечал: «Важно отчетливо сознавать, что природа и математическое описание природы – не одно и то же, причем различие обусловлено не только тем, что математика представляет собой идеализацию... Природа, возможно, отличается несравненно большей сложностью, или структура ее не обладает особой правильностью» (Клайн, 1984: 401-402). К таким же выводам пришел и коллектив авторов под руководством А.П. Юшкевича (История математики, 1970: 88-93).

Поиски решений апорий Зенона, опирающиеся на современную физику, на наш взгляд, представляют наибольший интерес (Вилесов, 2002; Silagadze, 2005; Алтухов, 2014; Карпенко, 2022). Математический подход к разрешению апорий приводит к проблеме существования бесконечно малых величин, а последовательный и наиболее глубокий логический – к анализу процессов на микроуровне. Поэтому для разрешения парадоксов Зенона было бы уместным обратиться прежде всего к квантовой физике. Тем более, что специалисты в этой области знаний сами приходят к выводам об актуальности для современной физики проблем, поднимаемых апориями (Silagadze, 2005). Однако исследователи апорий Зенона с позиций квантовой физики либо не находят путей их разрешения, либо не учитывают результаты экспериментов последних лет.

Для обоснования уместности применения квантовой физики по отношению к парадоксам Зенона также стоит отметить, что участники круглого стола, организованного в Институте философии РАН для обсуждения проблем современной физики в свете новейших открытий, были единодушны во мнении о том, что классическая реальность возникает из квантовой (Севальников, 2019: 157). Квантовая физика, изучая фундаментальные процессы, определяющие свойства и структуру видимого нами мира, напрямую сталкивается с теми философскими проблемами, которые парадоксами Зенона поднимаются. Одно из

обнаруженных здесь явлений получило название «квантового эффекта Зенона», пусть даже его связь с формулировками самого элеата некоторыми исследователями ставится под сомнение.

В тоже время, при использовании для разрешения апорий достижений в области физики нужно иметь в виду, что современная физическая научная картина мира не является единой. Даже в ее ядре существуют противоречия между общей теорией относительности и квантовой механикой. Первая исходит из непрерывности пространственно-временного континуума, а вторая стремится всё «квантовать», в том числе обнаружить кванты времени и пространства. К тому же они по-разному подходят к пониманию природы гравитации. И оба эти обстоятельства оказываются важны на пути разрешения парадоксов Зенона. Открытия последних лет в квантовой физике позволяют взглянуть на парадоксы Зенона под новым углом. А наиболее уместный подход к анализу этих открытий строится на принципах диалектического мышления.

Зенон Элейский, как известно, отстаивал учение Парменида о едином и неподвижном бытии, обнаружив новые трудности в понимании сущности видимых процессов. Наиболее интересны в этом отношении так называемые апории движения: «Ахиллес», «Стрела» и «Дихотомия».

К сожалению, до нас не дошли оригинальные формулировки апорий Зенона. Мы можем о них судить лишь по упоминаниям последующих мыслителей, и прежде всего по трудам Аристотеля. Тщательный анализ этих текстов с целью восстановить действительный ход рассуждений Зенона проводится И.В. Берестовым (Берестов, 2021). Однако, на наш взгляд, не столь важно буквальное следование дошедшим до нас вариантам формулировок, сколь ценно то, что за ними кроется, какой интерес они могут представлять в свете современных научных открытий, каким образом могут способствовать развитию философской мысли.

По формулировке Аристотеля апория «Ахиллес» состоит в следующем: «Медлительнейшее – когда оно бежит – никогда не будет догнано быстреешим. Ибо прежде, чем это может произойти, необходимо, чтобы преследователь прибыл в то место, откуда стартовал преследуемый; так что необходимо, чтобы более медленный всегда был несколько впереди» (Берестов, 2021: 169).

При поиске разрешения данного парадокса необходимо учитывать, что рассмотрение тел как строго обособленных друг от друга является признаком метафизического мышления. Диалектическое понимание мира исходит из того, что всё сплетено воедино в непрерывном потоке взаимодействий, взаимообмена веществом и энергией. Таким образом, при максимальном сближении объектов в итоге их элементы будут переплетаться, проникать в сферу взаимодействия с другим телом, а значит, невозможно будет абсолютно точно определить тот момент, когда именно этот процесс начинается.

Анализ с целью поиска начала этого процесса приводит к рассмотрению гравитационного и электромагнитного взаимодействий, которые почти не ограничены по действию на дальние расстояния. С позиции квантовой теории поля (наиболее проверенной, по сравнению с альтернативными), в это время испускаются и поглощаются гравитоны и фотоны. (Гравитоны на данный момент не обнаружены, но у большинства физиков существует убежденность, что дело лишь в технических сложностях, поскольку для этого требуются пока еще недостижимые энергозатраты.) По мере сближения объектов интенсивность этих взаимодействий нарастает. Затем происходит столкновение и переплетение групп атомов и молекул, что и создает эффект соприкосновения макротел, приводит ко все более тесному контакту между твердыми телами. В случае с живыми существами взаимодействие начинается с теплообменных процессов (при этом невозможно абсолютно точно определить ни тот момент, когда выделяемые частицы перестают быть

составляющими тел животных, ни тот, когда они поглощаются их телами), а далее начинают входить во всё более тесный контакт их мягкие ткани. В случае с твердыми телами из-за не абсолютно ровной их поверхности сначала соприкосновение происходит между наиболее выступающими их частями и составляющими их частицами. Здесь нужно учитывать, что молекулы и атомы твердых тел колеблются на своих местах в кристаллических решетках и происходит, пусть и медленный, но процесс диффузии, благодаря которому некоторые атомы выходят за пределы твердого тела. А значит, на всей его поверхности найдутся такие атомы, которые будут на том или ином этапе этого постепенного выхода, что не позволяет абсолютно точно определить границы тел и те их атомы, которые соприкоснутся первыми.

Имеет смысл также учитывать и фотоэффект, при котором, под воздействием электромагнитного излучения, из атомов поверхности тел будут выбиваться электроны. Здесь возникает вопрос, на каком точном расстоянии от ядра атома они перестают быть частью этого атома и на каком становятся частью другого, особенно если атомы сталкиваются между собой. Физика не дает на него ответа.

Таким образом, поскольку все эти процессы соприкосновения тел происходят неравномерно по их поверхностям, и невозможно определить, какие элементы из участвующих во взаимодействии являются составной или даже, в случае живых тел, органической частью тела, то нельзя говорить о точном моменте, когда начинается соприкосновение, интенсивность столкновения нарастает *постепенно*. Поэтому разрешение данного парадокса связано с пониманием максимально сближающихся тел не как строго обособленных друг от друга, а как обменивающихся веществом и энергией во все большей степени по мере их все более тесного взаимодействия. Исследование следующих двух апорий предоставляет возможность дополнить описанную картину взаимодействия между телами анализом процессов на субатомном уровне.

Аристотель так формулирует апорию о стреле: «Если, говорит он [scil. Зенон], всё всегда покоится, когда оно находится в равном [scil. ему месте] (κατὰ τὸ ἴσον), и движущееся всегда находится в ‘теперь’ [т. е. в настоящем моменте – ἐν τῷ νῦν], тогда движущаяся стрела неподвижна» (Берестов, 2001: 171).

Действительно, здесь можно говорить о трудностях в объяснении видимой картины движения. Если рассмотрение любого конкретного момента времени движения объекта (например, стрелы или элементарной частицы) приводит к выводу о том, что в каждый такой момент все его элементарные составляющие должны занимать строго определенные местоположения, то это предполагает их абсолютный покой последовательно в каждом из таких положений наблюдаемого пути движения. В случае со стрелой это должно приводить к утрате заданного ей импульса движения.

Однако если рассматривать не только движение стрелы, но и любое движение объектов, то в некоторых случаях объяснить видимую его картину можно было бы внутренними движущими силами и влиянием внешних факторов меняющейся среды. Внешние факторы могут уравновешивать друг друга, создавая условия для покоя тела, а могут вновь приводить его в движение, когда такой баланс сил нарушается. Это не решает выявленной проблемы полностью, ведь в данном случае речь идет не только о возможности перехода из покоящегося состояния в движение (подробный анализ этого процесса будет проведен в следующей анализируемой нами апории), а о сомнении элеатов в видимой нами картине движения в целом. Но последняя включает в себя сохранение всех импульсов, приданных объектам ранее, то есть в данном случае это не снимает той проблемы, почему стрела продолжает двигаться именно к своей цели, а, например, не падает неуклонно вниз под воздействием силы гравитации. Итак, благодаря чему становится возможным движение стрелы по определенной траектории, если логика рассуждений Зенона приводит к противоречию между нахождением

ее в каждый момент в состоянии абсолютного покоя и законами сохранения энергии и импульса?

Как известно, первое решение этой апории было сформулировано Аристотелем. Он подмечает, что моментов времени как таковых не существует, а значит, нет никакой необходимости в том, чтобы рассматривать объект по мере его движения в строго определенных местоположениях, в точных координатах. Такое решение согласуется с выводами общей теорией относительности о непрерывности времени.

В этом случае можно согласиться и с решением Г.В.Ф. Гегеля, которое исходило из противоречивости самой природы движения: стрела при ее движении одновременно и находится в определенных местоположениях, и не находится, находится уже в других. Диалектический материализм при разрешении данной апории опирается именно на такую логику рассуждений Гегеля (Доманов, 2022: 36-37). Однако для современных физиков такое решение не является достаточным, оно требует уточнения за счет анализа многих других аспектов этой проблемы (Silagadze, 2005). Так, в квантовой физике, и вовсе не без оснований, ведутся поиски квантов времени – *хрононов* (Ласуков, 2009). Например, в рамках считающейся перспективной теории петлевой квантовой гравитации вводится понятие «петель во времени». Пространство-время в ней рассматриваются как сеть квантовых узлов, а эффект их непрерывности возникает только на более крупных масштабах (Smolin, 2001). На наш взгляд, сбрасывать со счетов данную теорию было бы неправильным, ведь она добилась значительных успехов и считается важным этапом на пути создания «теории всего». В любом случае допущением о противоречивой природе движения мы совершаем лишь первый шаг в рассуждениях, но сам по себе такой шаг не достаточен ни для разрешения данной апории, ни для объяснения природы движения.

При разрешении апории «Стрела» необходимо также учитывать эффекты теории относительности. В нашем случае будет интересным, что согласно последней, абсолютной одновременности событий не существует. Относительно разных систем отсчета, разных наблюдателей острие стрелы будет находиться в разных координатах. Таким образом, ОТО заставляет взглянуть на проблему противоречивой природы движения несколько с другого ракурса. Пусть данный взгляд не помогает решить проблему, но он углубляет ее понимание, требует новых уточнений по поводу природы гравитации, света, фотонов, особенностей взаимодействий элементарных частиц, их связей со временем, которые должна дать квантовая физика. В контексте апорий Зенона эти вопросы рассматриваются в статье физика З.К. Силагадзе (Silagadze, 2005). Однако его исследование не дает решений, а лишь подтверждает актуальность поставленных Зеноном проблем.

С позиций квантовой физики проблема выглядит иначе, чем это виделось во времена Аристотеля и Гегеля. Изучение парадокса «Стрела» приводит к анализу наконечника стрелы вплоть до самого крайнего ее атома. Но атом отличается необычайно сложной природой и структурой. Свойства субатомного мира контринтуитивны, принципиально отличаются от привычных для нас свойств макромира. Как отмечает физик И. Салом, за истекшие 100 лет с момента появления квантовой механики все попытки объяснить эти свойства с помощью классической физики так и не привели к сколь-либо значимым результатам (Салом, 2024). Более того, в 2022 году нобелевский комитет по физике отметил заслуги ряда ученых за экспериментальную проверку неравенств Белла, что поставило точку в многолетних дискуссиях между, с одной стороны, сторонниками А. Эйнштейна, указывающими на парадоксальность и неполноту квантовой механики, необходимость поиска скрытых параметров, определяющих наблюдаемые вероятности в микромире, а с другой – представителями этой теории. Приходится признать либо нелокальность субатомного мира, либо – что наше классическое понимание причинности недостаточно глубоко, но, что более вероятно, верно в какой-то степени и то и другое (Прись, 2021; Антипенко и др., 2017; Салом,

2024: 156-157; Севальников, 2016; Севальников, 2019: 154-155). Это же подтвердили и другие эксперименты XXI века (Антипенко и др., 2017: 36-40).

В свою очередь, анализ структуры атома приводит к пониманию того, что острые стрелы следует изучать, начиная с движения электронов. Однако электроны вокруг его ядра нельзя рассматривать как точечные частицы, последовательно занимающие строго определенные местоположения, передвигающиеся по определенным траекториям (Антипенко и др., 2017: 51). Как это показано в многочисленных экспериментах, наряду со всеми остальными элементарными частицами вне процесса непосредственного измерения они обладают свойствами, подобными волновым. До измерения к ним применимо математическое описание при помощи волновой функции Шрёдингера, а во время непосредственного измерения происходит ее коллапс, редукция вектора состояний, что и регистрируется приборами в виде точечных частиц.

Таким образом, за счет смешения своих квантовых состояний, квантовой суперпозиции или, точнее, фундаментальной неопределенности в отношении своих местоположений и траекторий (Антипенко и др., 2017: 40), электроны в атоме без вмешательства измерительных процедур представляют собой нечто, обозначаемое понятием электронного облака, занимающего все пространство той или иной орбитали и отчасти выходящего за ее рамки.

Дальнейшее исследование ведет к анализу того факта, что электроны испускают и поглощают фотоны, которые являются переносчиками электромагнитного взаимодействия. К этому мы еще вернемся позже, на данный момент будет достаточным акцентировать внимание на том, что фотоны также обладают свойствами корпускулярно-волнового дуализма. В связи с этим, вовсе не случайно, что скрупулезный анализ данной апории О.А. Домановым с позиции геометрии приводит его к выводу о том, что острые стрелы нельзя рассматривать как отдельную точку со строго определенными координатами, иначе это подтвердит выводы Зенона (Доманов: 2022). Точка –идеализированный объект, который не имеет полного соответствия в реальности. Элементарные частицы имеют более сложную природу. Это показывают многие обнаруженные их свойства, например, способность к осцилляциям, интерференции с самими собой, квантовому туннелированию и т.д. (Павленко, 2017; Рудницкая, 2010). И именно из-за того, что в макром мире мы не имеем дело ни с чем подобным, из-за непривычности для нашего восприятия этих свойств и возникает ощущение парадоксальности. А значит, в столь сложной, необычной для нас природе элементарных частиц и должен быть ключ к решению данной апории.

Прямым следствием корпускулярно-волнового дуализма является принцип неопределенности В. Гейзенберга: чем более точно измеряются координаты элементарной частицы, тем более неопределенной оказывается его скорость (импульс) и наоборот. Здесь возникает соблазн искать этому простое рациональное объяснение, исходя из привычного для нас жизненного опыта. Кажется вполне очевидным, что у объектов подобных волне или энергетическому сгустку невозможно абсолютно точно определить их координаты. По мере точности измерения скорости их распространения координаты этих объектов начинают размываться, расширяя область своих значений. А по мере точности измерения местоположения наибольшей концентрации массы-энергии такого объекта, в этой сужающейся области он приобретает всё более строгие очертания корпускулы. При этом за счет того, что в абсолютно точных координатах он предстает как покоящийся, утрачивается возможность измерить в этом месте его скорость. Ведь для этого необходимо измерить время, за которое частица преодолевает расстояние от предыдущего местоположения к следующему. На этом можно было бы и остановиться в разрешении данной апории. Однако соотношение неопределенностей – это фундаментальный принцип квантовой механики, который применим и к остальным сопряженным друг с другом квантовым характеристикам. Природа квантового мира более сложна, чем это может себе представить профессионально неподготовленное

сознание. Как отмечал Н. Бор: «Если квантовая теория не потрясла тебя – ты ее еще не понял» (Barad, 2001: 254).

С соотношением неопределенности энергии и времени, а также с проблемой измерения связан эффект, названный в честь Зенона. Он отражает экспериментальные данные, указывающие на то, что чем чаще производятся измерения состояния квантовой системы, тем больше замедляется ее эволюция. Экстраполируя математически, получим, что непрерывное измерение ее состояния (если использовать формулировку из апории «Стрела», измерение «в каждый момент времени») приведет к тому, что она словно застынет во времени, не будет проявлять никаких признаков движения и изменения (Misra, Sudarshan, 1977; Silagadze, 2005: 6-7). Например, нестабильная квантовая система в этом случае никогда не сможет продолжить свой распад. Безусловно, с такого рода выводами нужно быть осторожными. Тем не менее, данный эффект уже применяется на практике для «замораживания» квантовых систем в их исходном состоянии (Гайнутдинов, 2009: 58).

Принципиально неопределенный характер состояния квантовых объектов до измерения или взаимодействия с макросредой отмечается многими современными физиками (Антипенко и др., 2017; Севальников, 2019). Исследование природы ЭПР-парадокса привело к целой серии экспериментов по проверке неравенств Белла, результаты которых шаг за шагом постепенно устранили все «лазейки», допускающие локальный реализм (Салом, 2024: 221-223). В этом свете примечательно, что в рамках копенгагенской интерпретации квантовой механики (наиболее популярной среди ученых за все время ее существования) в качестве одной из ее версий возникло представление о том, что в субатомном мире мы имеем дело с некой «полуреальностью», для описания которой наиболее подходит метафизика Аристотеля. Так, В. Гейзенберг, советский академик В.А. Фок, а также К. Поппер при описании природы вакуума и элементарных частиц используют такие понятия Аристотеля как «бытие в возможности» и материи как «чистой возможности». Один из современных исследователей этой проблемы А.Ю. Севальников приходит к выводу о том, что: «введение двухмодусной картины бытия является единственной интерпретационной схемой, в рамках которой возможно непротиворечивое объяснение квантовых феноменов. Главное наше утверждение состоит в том, что квантовая механика описывает радикально иное» (Севальников, 2016: 57). Этот автор считает, что фиксируемое измерительными приборами – лишь проявления, которые не следует принимать за действительные сущности. Исходя из этого тезиса, он обосновывает, что нет необходимости вводить понятие наблюдателя в физику: дело не в наблюдении как таковом, а в том, что следует признать, что за квантовой реальностью кроется иной уровень бытия, характеризующийся, в отличие от «осуществившегося», не локальностью и детерминизмом, а предрасположенностью к тем или иным вариантам возможного, в зависимости от свойств окружения уже осуществившегося, актуального, в том числе применяемых средств наблюдения. Этот уровень, по его мнению, существует вне пространства и времени окружающего нас мира, и для его описания подходят представления Аристотеля о «бытии в возможности» (Севальников, 2016).

Итак, современная физика обнаруживает необычные для макромира свойства элементарных частиц, что не позволяет сформировать единого общепризнанного представления об их природе. Однако это не означает, что наука не продвигается в этом отношении, предлагаются разные гипотезы на этот счет. Наиболее проработанными и перспективными являются квантовая теория поля, теория струн и петлевая теория гравитации. Согласно квантовой теории поля, элементарные частицы представляют собой кванты возбуждения фундаментальных полей разного типа. Они подобны сгустку энергии, вероятность обнаружения которого в том или ином месте при измерении будет определяться уравнением волновой функции Шрёдингера (Браун, Извергин, 1971). Согласно теории струн, элементарные частицы являются результатом различного рода колебаний (которые

происходят в 10, 11, либо 26 измерениях) одномерных образований, называемых струнами. Развитие этой теории по мере попыток устранения трудностей, с которыми она сталкивалась, привело к формированию ее новых версий в виде теории суперструн и М-теории, отличающихся большим разнообразием описываемых объектов и количеством используемых в данных теоретических конструкциях измерений (Гуров, Кубанков, 2022). Согласно теории петлевой квантовой гравитации, понимание природы элементарных частиц связано с неклассическим объектом – брэдом. Он представляет собой двухмерную топологическую складку пространства-времени, возникающую как результат его возбуждения. Брэды взаимодействуют между собой как точечные структуры, создавая узловые моменты действительности – петли, связанные с гравитационным полем. Таким образом, при помощи этого понятия вещество, взаимодействие и пространство-время объединяются воедино (Smolin, 2001).

Так можно сделать вывод о том, что выявленная противоречивость движения есть следствие сложной, многогранной природы его наиболее фундаментальных носителей, которая выходит за рамки привычного для нас понимания движущихся объектов, характеризующихся строгой локализацией в трех пространственных и в одном временном измерении.

Поскольку современные научные теории допускают прерывистость времени, его сложную природу, то дальнейший анализ на пути к разрешению апории «Стрела» приводит нас к проблеме начала движения, а значит, к апории Зенона, получившей название от Аристотеля «Дихотомия». При помощи нее формулируется трудность в понимании природы движения, заключающаяся в том, что признаком начала движения был бы факт преодоления некоторого пути. Однако чтобы это стало возможным, сначала должен быть преодолен меньший путь, допустим, двукратно меньший по отношению к первому, что, в свою очередь, предполагает необходимость преодоления перед этим еще меньшего пути, и так до бесконечности. Тогда как становится возможным акт реализации начала движения?

При анализе апории «Стрела» мы уже отмечали, что электроны испускают и поглощают фотоны, которые являются переносчиками электромагнитного взаимодействия. Более того, в нашем случае интерес может представлять тот факт, что фотоны не обладают массой и относительно вакуума всегда движутся с постоянной скоростью. То есть в каком-то смысле они, в отличие от других объектов, движутся в чистом, абсолютном времени, которое не зависит от изменений в окружающей среде. Проходя сквозь эту среду, они сохраняют все свои свойства, и затем, возвращаясь в вакуум, вновь движутся с той же самой скоростью. Если быть точнее, то скорость света в вакууме, будучи пределом скорости распространения любых взаимодействий, и является мерилем времени и расстояний.

При этом многие физики отмечают, что из-за отсутствия у фотонов массы сочетание некоторых фундаментальных формул позволяет интерпретировать этот факт как то, что они и вовсе существуют вне времени. Так, например, в рамках конформной циклической космологии (Р. Пенроуз и В. Гурздян) фотоны рассматриваются как вечный источник энергии, существующий вне пространства-времени и циклически порождающий Вселенную из сингулярного состояния в процессе Большого взрыва (Пенроуз, 2014). Это становится возможным благодаря «излучению Хокинга» от черных дыр, поглощающих в конце каждого цикла всю материю Вселенной и превращающих ее таким образом в космологическую сингулярность. Эффект квантового туннелирования позволяет фотонам преодолевать гравитацию черных дыр, а значит, стать связующим звеном между зонами – бесконечными циклами, разделенными такими сингулярностями. Так в данной модели фотоны выводятся за рамки пространства-времени Вселенной.

Это дает нам основания предположить, что фотоны движутся вне времени, рассматриваемого в рамках теории относительности, но во времени, имеющем

фундаментальную природу, сущность которой может быть вскрыта в рамках квантовой физики. Примечательно, что Дж. Клаузер и А. Шимони, которые внесли существенный вклад в понимание природы ЭПР-парадокса (за что Дж. Клаузеру была вручена Нобелевская премия по физике в 2022 году), подчеркивали, что «выводы [из теоремы Белла] поразительны: либо нужно полностью отказаться от реалистической философии большинства работающих ученых, либо кардинально пересмотреть всю нашу концепцию пространства-времени» (Clauser, 2003). Обратим также внимание, что к подобным выводам приходит, анализируя свойства субатомного мира, и А.Ю. Севальников, который настаивает на том, что этот мир находится вне пространства и времени, относится к «бытию в возможности» (Севальников, 2016: 57).

С позиции А.Ю. Севальникова, начало движения связано с механизмом перехода возможного в актуальное, удачно описанного Аристотелем (Севальников, 2016: 52-53, 56). В таком случае квантовый мир возможного теряет свою неопределенность, вступая во взаимодействие с окружающей средой. Как это показали эксперименты, чем крупнее объект, тем быстрее он встраивается в природные взаимосвязи макромира и становится частью единого целого составляющих его упорядоченных структур. В квантовой физике это обстоятельство обозначается термином декогеренция – утрата квантовой системой характеристик, описываемых при помощи квантовой механики. Видимо, вовсе не случайно, что успешность экспериментов в рамках теории квантовой телепортации, основанной на ЭПР парадоксе, а значит, и принципе неопределенности, ограничена пределами атомов. Кот Шрёдингера никогда не сможет оказаться в такой противоречивой ситуации, чтобы быть одновременно живым и мертвым, а вот для объектов квантового мира принцип суперпозиции состояний фундаментален.

На наш взгляд, в модели А.Ю. Севальникова есть важное рациональное зерно, однако элементарные частицы, которые являются переносчиками фундаментальных взаимодействий, в этом случае должны играть особую роль, выделяться среди остальных частиц большей склонностью к актуализации возможного, реализации одного из вариантов развития событий на микроуровне. Можно предположить, что их свойства каким-то образом связаны с механизмом запуска движения. Например, этот механизм может быть связан с тем, что испускание и поглощение фотонов запускает квантовый скачок электронов с одной орбитали на другую, изменяя диапазон характеристик их возможного квантового состояния. Тогда электроны на момент взаимодействия переходят в «мир осуществившегося», а затем вновь пребывают в состоянии неопределенности, но уже ограниченной параметрами расположения другой орбитали. Такой процесс приводит к изменению состояния атома, что, в свою очередь, изменяет состояние молекулы и т. д.

В этом свете интересное открытие по поводу свойств фотонов было сделано в 2022 году, когда двумя независимыми исследовательскими группами были проведены два эксперимента, получивших название «квантового переворота времени». На основе принципов квантовой механики делаются выводы о том, что фотон был расщеплен, а затем наблюдался одновременно как в прямом, так и в обратном временном состоянии, образуя в своем бытии некую петлю, цикл во времени (в итоге происходит рекомбинация расщепленного фотона и его поляризация) (Strömberg, et al., 2024). Таким образом, за начало этого процесса можно выбрать любой его этап, но было бы более наглядным начать с того, что электрон испускает фотон, а причина этого заключается в том, что в будущем данный фотон (но уже движущийся в обратном направлении времени) будет поглощен тем же электроном, что запустит новый цикл движения фотона по петле времени.

Описанный механизм очень удачно подходит на роль пускового для перехода из неопределенного состояния субатомной реальности к упорядоченной картине движения макромира. Эти временные петли движения фотонов могут играть важную роль в процессе

декогеренции, связывая микропроцессы воедино в соответствии с причинной обусловленностью «осуществившегося», определенным образом согласовывая их между собой. А свойства таких временных петель позволяют рассматривать их как кандидатов на кванты времени.

Таким образом, здесь новый смысл получает свойство субстанции быть *causa sui*. В этом случае свет, движение фотонов может рассматриваться как первоначальный источник движения физической формы материи, а причину собственного движения иметь в себе самом, в своем будущем. Нельзя исключать и того, что и другие элементарные частицы, являющиеся переносчиками фундаментальных взаимодействий (глюон, промежуточные векторные бозоны, гипотетический гравитон) обладают подобными свойствами. Однако возможно, что ключевую роль в таком комплексном механизме запуска движения играют именно фотоны.

Повторим: сложность поднимаемых в апориях Зенона проблем, гипотетический характер связанных с ними теоретических конструктов, неоднозначность интерпретаций квантовой механики не позволяют сформулировать окончательные решения парадоксов. Однако на основании результатов новейших научных исследований предложена рамочная концепция, благодаря которой парадоксальность апорий Зенона снимается, а решения, предлагаемые другими авторами, углубляются. С позиции современных научных представлений и с учётом новейших научных данных проведен анализ парадоксов, обнаруженных Зеноном, связанных с природой пространства, времени и движения. Показана актуальность поставленных им проблем для современной научной мысли и сформулированы наиболее перспективные, на наш взгляд, варианты их разрешения.

Литература

- Алтухов, В. Л. (2014), «Принцип неопределенности, апории Зенона (Элейского) и тайна движения», *Актуальные проблемы современной науки*, 3, 38-44. EDN: SECBWR
- Антипенко, Л. Г., Беляков, А. В., Владимиров, Ю. С., Годарев-Лозовский, М. Г., Копейкин, К. В., Липкин, А. И., Никулов, А. В., Панов, А. Д., Сергиевская, Г. Н., Севальников, А. Ю., Спасков, А. Н., & Терехович, В. Э. (2017), «Проблема реализма в современной квантовой механике. Материалы дискуссии», *Философия науки и техники*, 21(2), 34-64. EDN: XXZQJSJ
- Берестов, И. В. (2021), *Зенон Элейский в современных переводах и философских дискуссиях*, Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ : Офсет-ТМ, Новосибирск.
- Браун, М. А. и Изергин, А. Г. (1971), «Составные и элементарные частицы с одинаковыми квантовыми числами в квантовой теории поля», *Теоретическая и математическая физика*, 8(1), 37-48. EDN: LYHNB
- Васюков, В. Л. (2005), *Квантовая логика*, ПЕР СЭ, Москва.
- Вилесов, Ю. Ф. (2002), «Апории Зенона и соотношение неопределенностей Гейзенберга», *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 6, 20-28.
- Гайнутдинов, Р. Х. (2009), «Квантовый парадокс Зенона и динамика систем на малых временах», *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Физико-математические науки*, 151(1), 58-65. EDN: KUVMZV
- Гуров, В. А. и Кубанков, А. Н. (2022), «Теория струн – теория всего», *Евразийский Союз Ученых. Серия: технические и физико-математические науки*, 1, 37-41. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2022.1.94.1614; EDN: YVBIPE
- Доманов, О. А. (2022), «Апории Зенона и понятие точки», *Respublica Literaria*, 3(4), 33-39. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.33-39
- История математики с древнейших времен до начала XIX столетия : в 3 т. Т. 1*, (1970), ред. Юшкевич, А. П., Наука, Москва.
- Карпенко, И. А. (2022), «Апории Зенона и квантовый микромир: о чем говорят апории», *Вопросы философии*, 10, 132-142. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-10-132-142
- Клайн, М. (1984), *Математика. Утрата определённости*, пер. с англ. Данилов, Ю. А., ред. Яглом, И. М., Мир, Москва.
- Ласуков, В. В. (2009), «Кванты времени», *Известия вузов. Физика*, 52(4), 10-14. EDN: KVGMEB

Павленко, Ю. В. (2017), «Грани естествознания: основные элементарные и составные частицы», *Вестник Забайкальского государственного университета*, 23(7), 4-15. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-7-4-15; EDN: ZISVFR

Пенроуз, Р. (2014), *Циклы времени. Новый взгляд на эволюцию Вселенной*, пер. с англ. Хачоян, А. В., БИНОМ. Лаборатория знаний, Москва.

Прись, И. Е. (2021), «О фундаментальном концептуальном принципе квантовой механики», *Философия науки*, 4, 82-92. DOI: 10.15372/PS20210407; EDN: AHGIZG

Рудницкая, Т. Г. (2010), *Элементарные частицы и фундаментальные взаимодействия*, ред. Изюмов, Ю. А., Ин-т физики металлов УрО РАН, Екатеринбург. EDN: QJXKWT

Салом, И. (2024), «Нобелевская премия 2022 года по физике и конец механистического материализма. Часть 1: Исторический обзор», *Идеи и идеалы*, 16(3-1), 195-228. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.3.1-195-228

Севальников, А. Ю. (2019), Обзор докладов круглого стола "Фундаментальные проблемы современной квантовой механики", *Вох. Философский журнал*, 26, 154-186. DOI: 10.24411/2077-6608-2019-00010; EDN: SQJNEJ

Севальников, А. Ю. (2016), «Физика и философия: старые проблемы и новые решения», *Философский журнал*, 9(1), 42-60. EDN: VUDZSR

Barad, K. M. (2001), *Meeting the Universe Halfway*. Duke University Press Books. Durham, NC.

Bendegem van, J. P. (1987), "Discussion: Zeno's Paradoxes and the Tile Argument", *Philosophy of Science*, 54(2), 295–302. DOI: 10.1086/289379

Clauser, J. F. (2003), "Early History of Bell's Theorem. Coherence and Quantum Optics VIII", *Proceedings of the Eighth Rochester Conference on Coherence and Quantum Optics, held at the University of Rochester, June 13–16, 2001*, Springer, Boston, MA, 19–44. DOI: 10.1007/978-1-4419-8907-9_2

Huggett, N. (ed.) (1999), *Space from Zeno to Einstein*, MIT Press.

Misra, B., and Sudarshan, E. C. G. (1977), "The Zenon's paradox in quantum theory", *J. Math. Phys*, 18, 756-763.

Silagadze, Z. K. (2005), "Zeno meets modern science", *Acta Physica Polonica B*, 36, 2887-2930. DOI: 10.48550/arXiv.physics/0505042

Smolin, L. (2001), *Three Roads to Quantum Gravity*, Basic Books, New York, N.Y.

Strömberg, T., Schiavsky, P., Quintino, M. T., Antesberger, M., Rozema, L. A., Agresti, I., Brukner, C., and Walther, Ph. (2024), "Experimental superposition of a quantum evolution with its time reverse", *Phys. Rev. Research*, 6(2), DOI: 10.1103/PhysRevResearch.6.023071

References

Altukhov, V. L. (2014), "The uncertainty principle, the aporias of Zeno (of Elea) and the mystery of motion", *Aktualnyye problemy sovremennoy nauki* [Current problems of modern science], 3, 38-44. (in Russ.).

Antipenko L., Belyakov A., Vladimirov Yu., Godarev-Lozovsky M., Kopeikin K., Lipkin A., Nikulov A., Panov A., Sergievskaya G., Sevalnikov A., Spaskov A., & Terekhov V. (2017), "The problem of realism in modern quantum mechanics. Materials of Discussion", *Philosophy of Science and Technology*, 21(2), 34-64. (In Russ.). EDN: XXZQJ

Barad, K. M. (2001), *Meeting the Universe Halfway*, Duke University Press Books, Durham, NC.

Bendegem van, J. P. (1987), "Discussion: Zeno's Paradoxes and the Tile Argument", *Philosophy of Science*, 54(2), 295–302. DOI: 10.1086/289379

Berestov, I. V. (2021), *Zenon Eleisky v sovremennyh perevodah i filosofskikh diskussiyakh* [Zeno of Elea in Modern Translations and Philosophical Discussions], Center for the Study of Ancient Philosophy and Classical Tradition, NSU: Offset-TM, Novosibirsk (in Russ.).

Braun, M. A. & Izergin, A. G. (1971), "Composite and elementary particles with the same quantum numbers in quantum field theory", *Theoretical and Mathematical Physics*, 8(1), 37-48 (in Russ.).

Clauser, J. F. (2003), "Early History of Bell's Theorem. Coherence and Quantum Optics VIII", *Proceedings of the Eighth Rochester Conference on Coherence and Quantum Optics, held at the University of Rochester, June 13–16, 2001*, Springer, Boston, MA, 19-44. DOI: 10.1007/978-1-4419-8907-9_2

Domanov, O. A. (2022), "Zeno's Paradoxes and the Notion of Point", *Respublica Literaria*, 3(4), 33-39 (in Russ.). DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.33-39

- Gainutdinov, R. Kh. (2009), "Quantum Zeno Paradox and Dynamics of Systems at Small Times", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Fiziko-Matematicheskie Nauki*, 151(1), 58-65 (in Russ.). EDN: KUVMZV
- Gurov, V. A. & Kubankov, A. N. (2022), "String Theory – The Theory of Everything", *Eurasian Union of Scientists. Series: technical, physical and mathematical sciences*, 1, 37-41 (in Russ.). DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2022.1.94.1614; EDN: YBBIPE
- Huggett, N. (ed.) (1999), *Space from Zeno to Einstein*, MIT Press.
- Karpenko, I. A. (2022), "Zeno's Paradoxes and the Quantum Microworld: What Do Paradoxes Mean", *Voprosy Filosofii*, 10, 132-142 (in Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2022-10-132-142
- Klein, M. (1984), *Matematika. Utrata opredelyonnosti* [Mathematics. The Loss of Certainty], Translated by Danilov, Yu. A., in Yaglom, I. M. (ed.), Mir, Moscow, USSR (in Russ.).
- Lasukov, V. V. (2009), "Time Quanta", *Russian Physics Journal*, 52(4), 337-342. DOI: 10.1007/s11182-009-9248-x; EDN: MXAFQX
- Misra, B. & Sudarshan, E. C. G. (1977), "The Zenon's paradox in quantum theory", *J. Math. Phys*, 18, 756-763.
- Pavlenko, Yu. V. (2017), "Facets of natural science: basic elementary and composite particles", *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 23(7), 4-15 (in Russ.). DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-7-4-15; EDN: ZISVFR
- Penrose, R. (2014), *Tsikly vremeni. Novy vzglyad na evolyutsiyu Vselennoy* [Cycles of Time. An Extraordinary New View of the Universe], Transl. from English by Khachoyan, A. V., BINOM. Laboratoriya znaniy, Moscow, Russia (in Russ.).
- Pris, I. E. (2021), "On the fundamental conceptual principle of quantum mechanics", *Philosophy of Science*, 4, 82-92 (in Russ.). DOI: 10.15372/PS20210407; EDN: AHGIZG
- Rudnitskaya, T. G. (2010), *Elementary Particles and Fundamental Interactions*, Izyumov, Yu. A. (ed.), Institute of Metal Physics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia (in Russ.). EDN: QJXKWT
- Salom, I. (2024), "2022 Nobel Prize in Physics and the End of Mechanistic Materialism. Part 1: Historical Overview", *Ideas and Ideals*, 16(3-1), 195-228 (in Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.3.1-195-228
- Sevalnikov, A. Yu. (2019), "An overview of the Panel discussion "Fundamental problems of modern quantum physics"", *Vox. Philosophical Journal*, 26, 154-186 (in Russ.). DOI: 10.24411/2077-6608-2019-00010; EDN: SQJNEJ
- Sevalnikov, A. Yu. (2016), "Physics and philosophy: old problems and new solution", *Philosophy Journal*, 9(1), 42-60 (in Russ.). EDN: VUDZSR
- Silagadze, Z. K. (2005), "Zeno meets modern science", *Acta Physica Polonica B*, 36, 2887-2930. DOI: 10.48550/arXiv.physics/0505042
- Smolin, L. (2001), *Three Roads to Quantum Gravity*, Basic Books, New York, N.Y.
- Strömberg, T., Schiavsky, P., Quintino, M. T., Antesberger, M., Rozema, L. A., Agresti, I., Brukner, C. & Walther, Ph. (2024), "Experimental superposition of a quantum evolution with its time reverse", *Phys. Rev. Research*, 6(2), DOI: 10.1103/PhysRevResearch.6.023071
- Vasyukov, V. L. (2005), *Kvantovaya logika* [Quantum logic], PER SE, Moscow, Russia (in Russ.).
- Vilesov, Yu. F. (2002), "Zeno's Aporias and Heisenberg's Uncertainty Relation", *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, 6, 20-28 (in Russ.).
- Yushkevich, A. P. (ed), (1970), *Istoriya matematiki s drevneyshikh vremen do nachala XIX stoletiya: v 3 t. T. 1* [History of Mathematics from Ancient Times to the Beginning of the 19th Century: in 3 volumes. Vol. 1], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Коромыслов Виталий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова, ул. Петропавловская, д. 23, г. Пермь, 614990, Российская Федерация; vvk79@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Koromyslov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Academician D.N. Pryanishnikov Perm State Agro-Technological University, 23 Petropavlovskaya St., Perm, 614990, Russian Federation; vvk79@mail.ru

УДК: 101.1+316

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-3

Теплов А. С.

**Трансформация концепта «сеть» в методологии
социальных исследований¹**

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; teplov-2000@yandex.ru

Аннотация. Одной из важнейших характеристик философской и социально-гуманитарной науки рубежа XX и XXI вв. является постоянное обновление понятийно-терминологического аппарата, что обусловлено главным образом высокой скоростью изменений в общественной реальности. В статье анализ истории развития сетевой теории в границах социальной философии начинается с обращения к работе Дж. Барнса 50-х годов, в которой автор предлагает использовать метафору сети для описания усложнившихся социальных отношений. Далее рассмотрен ряд современных подходов, представленных в трудах М. Кастельса, М. Маклюэна, Х. Розы и Ш. Зубофф, подтверждающих базовую интуицию о высокой эвристичности сетевого осмысления современного общества. В контексте обращения к широкому контекстуальному полю социальной теории изучены факторы технологического прогресса, экономической зависимости, корреляция с образовательной средой, проблемами расширенной экологической теории и ряд других аспектов, непосредственно связанных с развитием сетевого подхода. Обращение к этим контекстам позволяет лучше раскрыть специфику современных методологических стратегий и вместе с этим выделить ряд проблемных мест в социально-гуманитарном знании. Обосновывается тезис, согласно которому последовательное рассмотрение трансформации социальной теории, осуществившей переход от антропологического по духу сетевого анализа к современным концепциям, таким как «надзорный капитализм», «макдональдизация» и др., является ключевым для понимания основ исследований современного состояния общественных отношений.

Ключевые слова: Сеть; сетевой анализ; сетевое общество; социальная теория; технологический прогресс; глобализация; интернет; социальное программирование

Для цитирования: Теплов, А. С. (2025), «Трансформация концепта «сеть» в методологии социальных исследований», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 31-45. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-3

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ 25-28-00707 «Социальное программирование как проблема сетевой самоорганизации» (Институт философии РАН).

A. S. Teplov

The transformation of the concept of 'network' in social research methodology²

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation;
teplov-2000@yandex.ru

Abstract. One of the most important characteristics of philosophical and socio-humanitarian science at the turn of the 20th and 21st centuries is the constant updating of conceptual and terminological apparatus, which is due to the high rate of real changes in society. The article begins the analysis of the history of the development of network theory within the boundaries of social philosophy by referring to the work of the 50's by J. A. Barnes, in which the author suggests using the metaphor of the network to describe complicated social relations. Next, the article examines a number of modern approaches presented in the works of M. Castells, M. McLuhan, H. Rosa and S. Zuboff and confirming the basic intuition about the high heuristic of the network understanding of modern society. In the context of addressing the broad contextual field of social theory, the factors of technological progress, economic dependence, correlation with the educational environment, problems of extended ecological theory and a number of other aspects directly related to the development of the network approach are studied. Addressing these contexts makes it possible to better reveal the specifics of modern methodological strategies and, at the same time, identify a number of problematic areas in socio-humanitarian knowledge. The article substantiates the thesis according to which a consistent consideration of the transformation of social theory, which has made the transition from anthropological in the spirit of network analysis to modern concepts such as "supervisory capitalism", "McDonaldisation", etc., is key to understanding the foundations of research on the current state of public relations.

Keywords: Network; network analysis; network society; social theory; technological progress; globalization; Internet; social programming.

For citation: Teplov, A. S. (2025), "The transformation of the concept of 'network' in social research methodology", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 31-45, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-3

Введение

Идея использовать метафору «сети» применительно к социальному анализу была актуализирована в академической культуре уже в 1950-е годы. В работах английского социолога Дж. А. Барнса, предложившего говорить о «социальных сетях», она использовалась для описания социальных отношений, прошедших трансформацию в период технологического и экономического прогресса. Спустя несколько десятилетий «сеть», которая в работах Барнса имела ограниченную размерами сообществ сферу применимости и антропологическую направленность, становится базовой категорией социальной мысли. В 1997 г. в претендующей на полномасштабное описание эпохи работе испанского

² The research is carried out at expense of RSF project No. 25-28-00707 "Social Programming as a Problem of Network Self-Organization".

социального теоретика М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» сеть становится отражением современной социальной организации и экономических отношений, то есть наиболее эвристически ценной категорией.

Антропологический сетевой анализ еще не делал акцент на технологических новшествах, что давало возможность применять сетевую оптику в предметных рамках исследования самой формы социальных отношений. Согласно современному научному консенсусу, технологическое развитие играет ключевую роль в архитектуре общественного устройства. Процессы глобализации изменяют не только межличностные и экономические отношения, но и межкультурные. Изменения культурного поля можно проследить в обращении М. Маклюена к образу «глобальной деревни», с помощью которого автор проводит аналогию между близостью и доступностью различных форм взаимодействий индивидов друг с другом в деревенском обществе и возможностью коммуникации в самых широких географических рамках, выходящих далеко за пределы государства, языка, континента, культуры. Роль технологического развития, таким образом, является ключевой для оптики сетевого общества. Технологии образуют контекстное поле, являются как причиной, так и следствием происходящих изменений, причем не менее важно и то, что трансформации касаются идентичности *каждого* человека, проникают на индивидуальный уровень.

Для последовательного рассмотрения развития сетевого подхода в границах социальной теории важно обратиться к условному истоку сетевого анализа – антропологическому сетевому анализу, пионерами которого стали Дж.А. Барнс и Дж. Баусвен. Затем мы перейдем к теории сети и сетевого общества М. Кастельса. Антропологическая рамка развития сетевого подхода также имела свое продолжение, к примеру, в акторно-сетевой теории Б. Латура, но мы сознательно ограничиваем предметную область нашего исследования. Это обусловлено, во-первых, трудностью обнаружения методологических точек пересечения между концепциями М. Кастельса и Б. Латура, что требует отдельного рассмотрения, а во-вторых, фокусом нашего исследовательского интереса, сосредоточенным на теоретическом описании современного общества, которое может послужить основой для социальной практики.

Мы предпримем попытку эксплицировать отличительные факторы организации современного сетевого общества, сделав особый акцент на его генеалогии. Для этого мы прибегнем к последовательному анализу связи между технологией – медиа – сетью – индивидуальностью на материале комплексных исследований М. Кастельса и М. Маклюена. В дополнение к этому мы используем рассмотрение экономических процессов глобализации в исследованиях Дж. Ритцера. В них можно обнаружить не только важные исторические наблюдения в области социальной динамики, но и сохраняющую актуальность характеристику современного состояния производственных и трудовых процессов. Обращение к технической оптике проводится с опорой, в первую очередь, на воззрения Э. Каппа об отношении человека и произведенного им технического средства, а также на В. Розина, исследования которого позволяют подробнее раскрыть состояние человека как биологического вида, погруженного в современный мир технологий. Эти оптики представляются важным дополнением к теории М. Маклюена и к проблеме идентичности человека в целом. В завершение мы обратимся к отдельным аспектам состояния современного сетевого общества, имеющим значение для развития этого теоретического языка описания мира.

Антропологический сетевой анализ. Применение метафоры «сети» и первые исследовательские трудности

В современном философском обиходе такие понятия, как «сетевое общество», «информационное общество», «цифровое общество» и некоторые другие, уже стали

привычными. Их актуализация в первую очередь связана с понятием «новая социальность», которое впервые было введено М. Кастельсом (Кастельс, 2004: 153). Книга увидела свет в 2001 г. в издании Оксфордского университета. «Новая социальность» отражает трансформацию общества в онлайн и офлайн пространствах как полях взаимодействия между акторами, где меняются и сами общественные отношения. Увеличивается число пользователей Интернет, взаимодействие обрывает новыми контекстами и сложностями, это М. Кастельс и называет «новой социальностью». М. Кастельс пишет о рождении новой формы общества, которая объединяет людей в онлайн-пространстве вокруг новых ценностей и интересов, что обуславливает возможность фактически неограниченного социального взаимодействия (Кастельс, 2004: 144-145). Качественная характеристика «новая» при этом отражает ряд изменений в структурном разнообразии социальности. В первую очередь, сетевая социальность теряет какой-либо концентрированный центр, привязку к конкретному месту, то есть происходит сдвиг от пространственных границ к пространственному сообществу. Эти изменения требуют пересмотра самого понятия сообщества, с чем М. Кастельс обращается к исследованиям Б. Уэллмана: «Сообщество – сети межличностных связей, обеспечивающие социальные взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» (Кастельс, 2004: 153). Так, с помощью технологий дистанционного взаимодействия, сами границы сообщества теряют четкую территориальную привязку, что и создает «новую социальность».

Безусловно, проблема трансформации представлений социально-гуманитарных наук об устройстве общества актуализировалась раньше, в первой половине XX века, и на протяжении истории социальной философии и социальной теории прошла через несколько рубежных этапов. Основным фактором, меняющим ландшафт социального, является трансформация жизненного мира человека, все более опосредованного достижениями научно-технического прогресса (от механизации транспортной инфраструктуры до цифровизации культурных практик). В этом контексте важно, что метафора взаимосвязи социальных узлов, называемой «социальными сетями», появляется довольно рано, уже в работе Дж.А. Барнса 1954 года (Barnes, 1954). Ученый начинает с того, что задача постичь разнообразные способы систематического взаимодействия членов общества феноменально сложна. На момент написания работы Дж. Барнс считает, что такого рода задачи в определенной степени решены для простых обществ, то есть однородных обществ с четкой иерархической структурой. Многие общества западного типа относятся скорее к сложным, обладая большим рядом внутренних социальных разделений, что, безусловно, усложняет анализ систематического взаимодействия его участников. Ученый замечает, что обращение к сложным обществам в процессе анализа может привести к более полному знанию лишь об очень небольшом секторе социальной жизни масштабного общества, то есть к частичному пониманию структуры. В отличие от простых обществ, позволяющих провести концентрированный масштабный анализ, сложное общество следует изучать поэтапно (Barnes, 1954: 2-3).

Свой анализ Барнс строит на основе организации общества сравнительно небольшого норвежского острова Бремнес. Каждый житель этого острова является представителем норвежской культуры, но одновременно его модели поведения определяются принадлежностью сразу ко многим социальным группам и контекстам, что отражается как на деятельности жителя, так и на том, каким образом осуществляется его коммуникация с другими. Выделяется три основных социальных поля. Первым из них является территориальное, в котором превалируют административные иерархические отношения, наряду с взаимосвязями между соседями, что включает в себя ведение хозяйства, религиозную деятельность, развлечения и т. д. Дж. Барнс подчеркивает, что «единицы» этой системы долго сохраняются, а состав меняется медленно. Второе социальное поле связано с индустриальной системой. Здесь выделяются отношения множества взаимосвязанных, но формально

автономных единиц. Изменения второго поля происходят заметно быстрее, а в качестве «единиц» системы могут быть представлены социальные группы. И, наконец, третье социальное поле не имеет никаких «единиц» и границ, а также каких-либо иерархических отношений (Barnes, 1954: 6-7). Сюда Дж. Барнс относит дружеские связи и знакомства. Это могут быть и родственные, и случайные связи, причем строиться они могут между людьми одного социального статуса и совершенно разного. Кроме того, такие связи постоянно изменяются, постоянно образуются новые и разрываются старые.

Применительно к третьему социальному полю он предлагает использовать понятие «сеть». Эта «сетевая» модель описания графически представляется как набор точек, связанных между собой линиями. Такая система не имеет предела и охватывает общество целиком, не нуждаясь в каких-либо границах и внутренних делениях. Последние могут существовать, но появляются в результате работы по осмыслению общества как сети, чья гомогенность может быть дифференцирована. Так, ученый замечает, что концепция сети является, в первую очередь, инструментом для анализа такого феномена как «социальный класс» (Barnes, 1954: 45-46). Важно, что в те годы эвристичность понятия «социальный класс» в условиях массовизирующегося общества уже была поставлена под сомнение в трудах Франкфуртской школы. Хотя ученый и признает существование множества других подходов, не лишенных эффективности, принципиально важно, что он считает возможным и необходимым их дополнить.

Идея социальной сети в контексте исследований Барнса помогает сделать ряд новых социальных процессов предметом теоретического рассмотрения. Так, например, термин «социальный класс» используется не только в научном дискурсе, но и в разговорной речи. То есть может выступать не только в качестве строгой исследовательской классификации, но и отражать индивидуальные склонности человека к делению общества вокруг себя на такие классы на основе системы ценностей, достатка и уровня образованности.

Класс, к которому себя отнесет человек, здесь будет определяться на основе социального окружения, что также можно регистрировать, опираясь на метафору сети. Выявление таких социальных процессов достаточно важно. Так, на примере общества Бременса можно проследить различие в отношениях между разными классами. Как пишет Дж. Барнс, класс становится категорией мышления, что основано на устоявшихся представлениях и различных стереотипах об обществе (Barnes, 1954: 47). Однако более интересным в данном ракурсе выступает другое наблюдение. Всем представителям каждого класса присущи определенные материальные атрибуты. Богатым людям свойственно обладание большими домами, дорогой одеждой, яхтами, автомобилями и т. д. Также они оплачивают дорогое образование своим детям. Социолог обращает на это внимание с точки зрения динамики усиления дифференциации социального статуса, что хоть и имеет свои противовесы, но с течением времени становится все более явным. Кроме того, на момент 1954 года сообщества, особенно такие сообщества, как на Бременсе, имеют четкую локализацию. Дети богатых людей получают образование за границей, там они вступают в контакт с новыми ценностями и идеалами, с чем позже возвращаются домой. Это ведет к дифференциации внутри локализованных сообществ, что в качестве «знаков» подкрепляется как материальными, так и нематериальными атрибутами.

Сегодня тот факт, что тенденции дифференциации на основе атрибутов являются настоящими признаками статуса, а различия людей с теми, кто находится ниже или выше в социальной иерархии, формируют необходимость эти различия подкреплять, стал аксиоматическим в социальной мысли. Об этом пишет З. Бауман, говоря, что сегодня потребление товаров – это инвестиция во все, что имеет значение для индивидуальной социальной ценности и самооценки (Bauman, 2007: 57).

Важно, что Барнс принадлежал к Манчестерской школе, обращавшейся к метафоре сети как к инструменту антропологического анализа. Развитие антропологического сетевого анализа представляет собой долгий путь, в рамках которого сами защитники подхода высказывали опасения о его несостоятельности. В частности, Дж. Буасвен отмечал излишнюю сложность подхода, способную запутать сам ход исследования (Boissevain, 1979: 393-394).

В антропологическом сетевом анализе можно выделить несколько ключевых особенностей. Сеть является эгоцентричным концептом, описывающим взаимодействие одного индивида с множеством «других». Перед каждым исследователем, прибегающим к данному методу, стоит задача выбрать критерии, по которым будет сужена сеть, задать ей ограничения, подходящие для конкретной исследовательской задачи. Выделяется также два основных направления, характерных для антропологического сетевого анализа. Поведенческие социальные сети рассматривают процесс установления, поддержки или разрыва индивидом различных отношений, а также распределение времени и личного ресурса внутри них. Когнитивные социальные сети описывают процесс осмысления индивидом своего места в социальных отношениях, оценки им своего социального окружения (Богатырь, 2015: 43-44).

Эти особенности позволяют заметить и методологические и содержательные проблемы антропологического сетевого анализа. Проблемная ограниченность вместе с излишней сложностью применения математизированных методов производили «скучные» и очевидные научные результаты. Р. Санджек высказывался о смешении метода с проблемой, когда внимание исследователей привлекало к себе изучение самих «социальных сетей», а не использование их как метода в поиске ответов на антропологические вопросы (Sanjek, 1974: 589).

Сегодня устройство общества и социальных отношений усложняется даже стремительнее, чем это происходило в XX в. Как пишет М. Кастельс, к XXI веку происходят преобразования социального ландшафта жизни человека. Развитие информационных технологий ускоренными темпами формирует новую материальную основу общества. Место главного катализатора этого процесса у М. Кастельса занимает экономическая сфера, в первую очередь из-за процессов глобализации, получающих сетевое и культурное измерения (Кастельс, 2000: 25). Глобализация на современном этапе человечества может характеризоваться ускорением коммуникаций, изменениями в сфере производства и на рынке труда, а также активным взаимопроникновением культур и изменениями способов взаимодействия в целом. Эти процессы усложняют устройство общества, с одной стороны, расширяя границы сообществ, а с другой, создавая ряд новых форм экономических и политических ограничений, социальных отношений, что требует изменений и в сетевых подходах. Если концептуально антропологический сетевой анализ предполагал безразмерное расширение исследуемого поля, то в масштабах современной глобализации каждая локальная сеть будет являться непосредственной частью глобального. При этом М. Кастельс отмечает сложность и ситуативную изменчивость отношений между глобальными и локальными процессами (Кастельс, 2000: 327).

Сам процесс глобализации определяется М. Кастельсом как новая, информационная экономика. Это исторически новая реальность. Такая экономика, как пишет ученый, может работать в виде единой системы в масштабе всей планеты (Кастельс, 2000: 327). Настолько широкая глобализация стала возможной именно благодаря информационным и коммуникационным технологиям. Новые способы и темпы взаимодействий, которые открывают современные технологии, позволяют глобальным финансовым рынкам работать в режиме реального времени, обрабатывая бесчисленное количество финансовых сделок каждую секунду.

Роль технологического прогресса в трансформации социальных исследований

Ключевая роль в этих процессах, безусловно, отводится технологиям. Сложность заключается в том, что технологии плотно вплетены в социальные, политические и культурные процессы. Определить, где исток наблюдаемого нового феномена, подчас не представляется возможным. Технологическая революция не происходит сама по себе, не связана только с разработкой новых технических средств, но происходит в тесном взаимодействии с опосредованным культурой социальным видением. В наличной современности это заходит еще дальше: М. Кастельс показывает, что технология становится не просто инструментом, а процессом, где пользователь и разработчик могут объединиться в одном лице (Кастельс, 2000: 52). Это важное замечание стало архетипическим для определения того качественно нового, что отличает Интернет.

В своей основе то, что впоследствии станет глобальной сетью, имело целью создание конкретного и удобного функционала быстрой передачи данных для работы министерства обороны США. Эта сеть носила название ARPANet и соединяла компьютеры четырех крупных университетов страны в 70-х годах прошлого столетия (Диков, 2019). Далее сеть расширялась, охватывая все больше областей, но сохраняя свою основную функцию. И уже позже, когда технические средства позволили сделать интернет доступным широкому пользователю, начинаются серьезные процессы качественной трансформации. В 80-х годах появляются такие вариации, как Fidonet, особенностями которых становится неформальное общение пользователей на различные актуальные темы. Буквально за десятилетие это достигает знакомого нам технологического состояния, приводит к началу глобальной межкультурной и межличностной коммуникации, но также продолжает создавать запрос на технологическое развитие информационной среды.

В контексте нашего исследования такая технологическая совокупность, как интернет, может быть рассмотрена с точки зрения идей Э. Каппа. Каждое техническое средство, создающее глобальную технологическую сеть, является «артефактом», передающим культуру человека в общем плане, является его средством осознания себя. Информационно-техническая революция стала отражением и продолжением того состояния социальности, основы которого сложились по завершении индустриальной революции (тех общественных процессов, усложнений структуры общества, на которые обращал внимание Дж. Барнс и другие сторонники антропологического сетевого анализа). Все это становится катализатором новых возможностей для трансформации общества, а следовательно, и последующих технологических изменений, которые активно развиваются сегодня. Перед нами бесконечный процесс взаимосвязи социального и технического, где первое является причиной развития второго, создает отражение, а оно, в свою очередь, катализирует трансформации первого, вызывая новые технические реакции. Ведь не зря, обращаясь к дефиниции «технология», Капп понимает это не как конкретный объект по типу «телефона» или «автомобиля», а как отношение человека к этому объекту, а то и вовсе отношения между людьми и миром.

Глобализация и экономическая зависимость социальных процессов

Если продолжить обращение к глобальной информационной экономике, которая является ядром глобализации у М. Кастельса, то стоит отметить, что она является чрезвычайно политизированной: формирование новой экономики неразрывно связано с развитием политических процессов, происходящих в государствах. Ученый подчеркивает, что глобальная экономика строится не на пустом месте, а формируются, в том числе, локальными агломерациями, они становятся базой для участия региональных экономик в глобальной сети (Кастельс, 2000: 369). В глобальной информационной экономике меняется, таким образом, география, распределение точек производства товаров и его сбыта, все это поддается новой логике, зависящей от текущего состояния локальной и глобальной сети, а также от

конкуренции. Процесс этот, безусловно, сложен и ситуативен. Но понятийный аппарат парадигмы сетевого общества позволяет систематизировать эту сложность: так, можно сказать, что экономики развитых стран или крупнейших глобальных городов, например, Токио, становятся ядрами, но не центрами, сетевой структуры. Меняется и темп производства, привлекаются новые информационные технологии, изменяющие не только техническое состояние производящих фабрик, но и само распределение труда. М. Кастельс пишет, что умственный труд, вероятно, заменит физический в большинстве секторов экономики (Кастельс, 2000: 508). То есть сеть в процессе своего функционирования производит само орудие производства сети.

В теории М. Кастельса «сеть» представляет собой уже не метафору, а реальную форму организации общества. В процессах производства оперативной единицей является не индивидуальная компания, даже не группа компаний, а именно сеть (Кастельс, 2000: 169). Так и в культурных и социальных контекстах каждой единицей рассмотрения будет сеть, собранная из множества субъектов и организаций, приспособляющихся к рыночной структуре (Кастельс, 2000: 197). Элементами современной исторической реальности являются, в первую очередь, «деловые сети», имеющие различные формы, существующие в разных контекстах, проистекающие из разных культурных выражений, как и семейные сети, предпринимательские, иерархические, организационные и другие (Кастельс, 2000: 195). Все это также сосуществует с технологическими инструментами. Причем на более ранних этапах, до интернета, можно говорить и о таких технических средствах, как телефоны, телевидение и так далее, все то, что способно создавать, осуществлять связь и ее поддержку в любое время, то есть формирует сеть. Не менее важной здесь же является глобальная конкуренция и роль государства в развитии экономики. Уже оговаривалось, что в сеть включается любой процесс, любая форма деятельности, в том числе научная, производственная, социальная и другие.

Сетевой мир, соединяющий в процессуальности сферы культуры и экономики, приносит трансформации в общество самым непосредственным образом. Одной из них является стандартизация форм социальных взаимодействий – от трудовой до культурной и образовательной. Американской социолог Дж. Ритцер характеризует подобные явления как «дегуманизацию», которая затрагивает как работника, так и клиента, сводя все процессы к протоколам и единообразию (Ритцер, 2011: 381). Стандартизация, описанная Дж. Ритцером, проникает во многие сферы человеческой жизнедеятельности и уже является их частью. Этот процесс также является глобальным, связывается с экономическими движениями общества. Для человека это означает вмешательство в две важнейшие и ранее претендующие на автономность сферы, а именно: 1) образование как процесс приобретения необходимых навыков для будущей профессиональной самореализации и поддержания конкурентоспособности на рынке труда, 2) трудоустройство и дальнейшую трудовую деятельность. Во-первых, образование и образовательные процессы сегодня тоже являются достаточно стандартизированными. Во-вторых, существующая иерархия должностей в схожих организациях будет иметь идентичные или очень похожие требования и должностные компетенции, применяемые к работнику, занимающему определенную должность, в том числе из-за таких элементов «макдональдизации» как предсказуемость и строгий контроль.

Все это, как и в случае с производимым товаром или услугой, затрагивает и самого работника. В крупных агломерациях рабочих мест, чаще всего, меньше, чем жителей или потенциальных кандидатов на эти рабочие места, что создает для последних ряд схожих с описанными элементами производства количественных и качественных сложностей. На примере сферы образования мы можем проследить это в описании, предпринятом Б.И. Пружининым, Т.Г. Щедриной и И.О. Щедриной (Пружинин, Щедрина, Щедрина, 2023: 10). Учащиеся сегодня предстают перед ситуацией нарастающей интенсивности

технологического прогресса, где хорошо обученный специалист с течением времени может терять свою актуальность, если не будет способен к быстрой адаптации. Это преодолевается объемным вкладом в самообразование и самосовершенствование, которым также необходимы осознанность и мотивация, наилучшим образом достигаемые в профессиональной коллаборации.

Воздействие сетевой культуры на социальные и биологические аспекты личности

Для текущего обсуждения важно отметить, что и работодатель заинтересован в работнике, способном к адаптации и обладающем внутренней мотивацией и навыками аутодидактики. На фоне «стандартизированных» специалистов свою индивидуальность необходимо как-либо продемонстрировать. В частности, именно из этой необходимости в 1997 г. бизнес-тренером Т. Питерсом предлагается понятие «личный бренд» в качестве маркетингового инструмента достижения и, главным образом, демонстрации собственной уникальности и компетентности. Здесь развитие цифровых технологий становится и необходимостью, и способом этого продвижения. Сегодня самопрезентация и ее грамотное составление стали реальным инструментом поддержания собственной конкурентоспособности.

Возвращаясь к феноменальной стороне сетевизации, можно сказать, что в современном обществе важную роль играет и «многоликая виртуальная культура», созданная информационными технологиями в виртуальном пространстве (Кастельс, 2000: 198). Такая культура дает информацию властным структурам, помогает поддерживать их статус в сети. Однако одновременно она задает свои условия. Сетевое предприятие учится жить внутри этой культуры, а с учетом ее изменчивости, постоянной переходности, такое предприятие должно быть гибким. Любая попытка кристаллизации ведет к устранению сети, поскольку происходит разрыв динамики подключений.

Как замечает М. Маклюен, современный контекст информационного мира является чуждым для человека как биологического вида. Такие же чувства испытывает туземец при взаимодействии с западной культурой письменности (Маклюен, 2003: 20). Взаимоотношение человека и культуры в цифровой эпохе американский психиатр Р.Дж. Лифтон описывает как «протеевскую» идентичность по аналогии с древнегреческим божеством Протеем (Lifton, 1993). Ключевая способность мифологического персонажа заключалась в постоянном изменении своего облика. Так и современный человек в контексте глобальных сетей и изменчивой культуры вынужден постоянно изменяться, подстраивать свою идентичность. Среди причин такого принуждения Лифтон выделяет революцию в средствах массовой информации. Благодаря новым и быстрым способам распространения информации человек сталкивается с повышенным уровнем взаимопроникновения культур и культурных ценностей. В итоге он, находясь в своей культурной среде, постоянно подвергается воздействию чужеродного социокультурного влияния.

М. Маклюен понимает медиа как расширение человека, точно так же, как и любое техническое средство является продолжением человека. Так, машина становится продолжением ног, инструменты – продолжением рук. Цифровые технологии становятся продолжением человеческого сознания (Маклюен, 2003: 5). Безусловно, такое расширение будет существенно влиять на сознание человека, на его психический и социальный комплекс.

В контексте описанных подходов интернет можно описывать как особую знаковую систему. С одной стороны, это всего лишь инструмент для получения информации, осуществления всевозможных операций. С другой, интернет погружает человека в иллюзорную реальность, создает новый контекст, новое поле деятельности. В.М. Розин замечает, что техника и совокупность технических систем, в том числе интернет, воспринимаются не просто как средство, а как новая реальность, способная конкурировать

с «первой природой» за место обитания человека (Розин, 2006: 74). Информационная среда является для человека «новой» и с социальной, и с биологической точек зрения, ее корректно назвать «искусственной средой», процесс адаптации к которой крайне сложен и может вызвать ряд сложностей как на социальном уровне, дробя идентичность на множество «Я», так и на физиологическом уровне, нанося непоправимый ущерб здоровью и психоэмоциональному состоянию человека. (Петрова, 2008: 104-106).

Безусловно, в 1964 г. еще не приходилось говорить об интернете с той конкретностью, которая доступна нам сегодня. Однако уже тогда М. Маклюен развивает концепцию «глобальной деревни». Слово «деревня» автор использует не случайно, отсылая к рассмотрению различий города и деревни. Одно из ключевых отличий города заключается в его масштабе. Однако электрические технологии концентрируют всю коммуникацию в небольшой точке, что больше характерно для деревни, чем для города (Маклюен, 2003: 76). «Глобальная деревня» создается новыми средствами коммуникации, где все акторы взаимодействия «находятся» близко друг к другу с помощью электрических технологий, и это отражается на качестве и объеме информации. Новые источники информации своей эпохи М. Маклюен называет «горячими медиа», которым характерна высокая определенность, то есть наполненность данными. Горячие средства не дают пространства для формирования собственных мнений, погружая человека в широкий поток информации, который остается только принимать. Холодные средства, по аналогии, действуют иначе, оставляя пространство для формирования своих собственных воззрений (Маклюен, 2003: 14-15). К горячим относятся все новые для конкретной эпохи средства, так, например, в 1964 г. М. Маклюен относит к ним радио и телевидение. Позже такие средства «остывают» и приобретают характеристики «холодных медиа», то есть человек адаптируется к ним. Однако в современном состоянии технологической сети возможность конечной адаптации человека к ней становится большим вопросом. За прошедшие 25 лет, когда интернет стал максимально доступен для любого человека, многие авторы отмечают преимущественно негативную динамику в вопросе адаптации (Петрова, 2017) (Шпитцер, 2015) (Лисенкова, 2021). Иначе говоря, риск того, что современные медиа никогда не «остынут», довольно высок. В то же время, информация в современных медиа не стоит на месте, а продолжает «ускоряться», приводя к таким негативным феноменам, как «загрязнение информации», а следовательно, к «цифровому слабоумию».

Ускорение темпа социальных процессов и знаковая культура

На этом фоне не менее важной характеристикой современных социальных и экономических процессов является ускорение темпа социальных процессов или «социальное ускорение», что подробно описывает Х. Роза (Rosa, 2013). В сферу внимания автора попадают три формы социального ускорения: технологическое ускорение, ускорение социальных изменений и ускорение темпа жизни. Первая форма является следствием технического прогресса, который также является одной из двигательных сил глобализации и становления сетевого общества путем совершенствования способов производства, передачи информации, взаимодействия людей между собой и т. п. Технологии позволяют ускорить все из них, но, как отмечает Х. Роза, приводят к парадоксальной взаимосвязи между всеми тремя формами (Rosa, 2013: 71). Ускорение технологий должно, с одной стороны, освобождать время конкретного индивида на другие дела, но при этом задач, относящихся к любому делу, а тем более к трудовым обязанностям, прибавляется многократно больше, что сокращает это «освободившееся» время. И не только по сравнению с тем, каким освободившееся время могло бы быть, но и по сравнению с тем, каким оно было. Иными словами, как указывает ученый на примере транспортировки какого-либо товара или ресурса, скорость движения удваивается, расстояние при этом утраивается, а значит, один из способов поддержания постоянного

времени транспортировки – сокращение времени отдыха исполнителя. Это правило будет работать относительно всего быта человека. Рост задач начинает опережать технологическое ускорение, тогда как время, например, на домашние дела должно поддерживаться в постоянстве, что приводит к выполнению нескольких задач одновременно (Rosa, 2013: 70).

Данная форма ускорения влияет и на другие формы. Так, например, ускорение социальных изменений выражается в постоянной трансформации культурных, политических и экономических процессов. Общественная жизнь становится менее стабильной и прогнозируемой, стремительно меняются нормы, ценности, институты. Все это приводит к постоянной динамике в обществе, которая требует непрерывной адаптации от каждого члена общества. Х. Роза иллюстрирует это метафорой нахождения на склоне, где невозможно найти состояние покоя, приходится быть в постоянной концентрации и принимать определенные решения (Rosa, 2013: 117).

Технологическая и социальная формы оказывают воздействие на третью – ускорение темпа жизни, что воздействует непосредственно на частного индивида, на его повседневную жизнь, определенные ритуалы и традиции. Х. Роза пишет, что ускоряется буквально всё, начиная от сна, времени, проведенного с семьей, и вплоть до таких сакральных ритуалов, как похороны (Rosa, 2013: 123). Ускоряется даже обычная повседневная речь, не говоря уже о скорости передачи сообщений со стороны профессиональных СМИ. Такая скорость приводит к субъективному ускорению темпа жизни. Человек начинает чувствовать нехватку времени постоянно, что увеличивает уровень стресса. Х. Роза приводит ряд статистических данных, где прослеживается динамика, по которой сегодня, даже по сравнению с двумя десятилетиями ранее, все больше людей чувствует сильную нехватку свободного времени, а также увеличение уровня стресса (Rosa, 2013: 131-132). Это можно связать как с экономическими и производственными темпами, так и с окружающими изменениями в целом, то есть жизнь человека с 90-х годов прошлого столетия качественно могла и не измениться, но ощущение ускорения всех окружающих процессов будто бы инертно подталкивает конкретного индивида куда-то постоянно «спешить».

Ускорение и постоянная изменчивость являются неотъемлемыми характеристиками современного общества, являются частью процессов глобализации, на что обращал внимание и М. Кастельс. Если объединить ускорение с теорией «горячих» медиа, навязывающих информацию, которую человек пока (или уже и вовсе) не может полноценно предать критическому осмыслению, подойти к ней в полной мере творчески, то можно предположить, что частный индивид получает настолько обширное количество новых возможностей, а вместе с тем и требований к себе, что просто не может сориентироваться в этом новом для себя пространстве. Для человека теряется, вероятно, онтологически одно из самых важных ощущений – контроль над своим собственным временем. Важно здесь и то, что, как отмечает Н.Б. Афанасов, в условиях современной цифровой экономики само время труда и отдыха теряют четкое разграничение. Свободное время становится «пористым», не оставляя место «отдыху» в привычном понимании. Даже в нерабочее время можно получить рабочий звонок или задание. И при этом, даже при реальном отсутствии такого звонка, сохраняется постоянно напряжение, что только усиливает уровень стресса (Афанасов, 2019: 49-50).

Здесь важно выделить еще одну особенность информации. Меняется не только ее влияние и роль, как уже было показано, но и производство, и даже статус. В современных социальных исследованиях часто отмечается, что информация, как продукт культуры, становится легко воспроизводимым «товаром». Н.Б. Афанасов пишет: «культура, уже исходя из прагматических соображений, как нельзя лучше подходит на роль нового товара» (Афанасов, 2019: 47). Современное динамичное общество стремится к определенной степени дестабилизации, дезорганизации. Для частного индивида, в этом ключе, знаки (знаковая информация) становятся способом самовыражения и предметом потребления. Но с учетом

дестабилизации, осмысленное потребление знаков сильно затруднено, что превращает их, можно сказать, в инструмент организации общества со стороны владельцев капитала. Ярким примером концепции, которая подробно описывает этот процесс, можно считать «надзорный капитализм» Ш. Зубофф, который определяется ею следующим образом: «Новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи» (Зубофф, 2022: 9).

Показателен пример Ш. Зубофф мобильной игры с дополненной реальностью «Pokemon Go». Действительно, являясь средством проведения досуга с претензией на поддержание активного образа жизни, то есть будучи еще и полезной для здоровья, игра заставляет участника следовать за целью в виде знаков – «покемонов», приводя заинтересованных игроков в те места, куда сами держатели капитала хотели привести своего потенциального покупателя: в рестораны, бары, магазины и т. п. Этот хитрый маркетинговый процесс гарантировал очное посещение потенциальным покупателем конкретной физической точки, что позволяло продолжить с ним дальнейшую работу, превращая его в своего клиента уже внутренними стратегиями (Зубофф, 2022: 18). Здесь же стоит отметить, что и сама игра, являясь знаком, обладала грамотным позиционированием, отвечая моде, привнося новаторские механики (игры с технологиями дополненной реальности только начинали распространяться), а также связываясь с культурным феноменом, знакомым игрокам еще с детского или подросткового возраста.

Однако влияние знаков в сетевой логике, как мы можем предположить, намного шире. Здесь уместно вспомнить классическую работу Ж. Бодрийяра, в которой мыслитель сам процесс потребления представляет как язык, на котором люди общаются между собой, выражают себя в социальном мире (Бодрийяр, 2016: 52). Так, товар, причем в любом виде, носит в себе не только определенную практическую функцию, но и является знаком, который становится средством выражения различия между людьми. В контексте стандартизации, например, многие физические товары сегодня делаются по одной и той же схеме, они, как правило, одинаковы. А значит, знаком, выражающим различие, в таком случае будет бренд.

Заключение

Человек сегодня, о котором с позиций социальной теории можно говорить как о «сетевом человеке», в качестве одного из способов угнаться за прогрессом, выиграть в конкурентной борьбе создает себе личный бренд, то есть свою презентацию в культурном поле, которая служит его характеристикой и при знакомстве, и при приеме на работу. Ценность знаков может и вовсе вытеснять ценность реального качества, что оказывает огромное влияние на экономический сегмент общества, а значит, продолжает влиять и на всю сферу общественной деятельности. Одними из основных факторов становления сети не просто метафорой, удобной для исследователей, а реальной общественной структурой, были экономические и производственные аспекты. Современное общество отличается от всех предыдущих исторических форм темпами роста потребления. Этому сложно дать однозначно негативную оценку, скорее нужно признать в качестве неминуемого следствия техно-социального прогресса. Однако с преобразованием этого процесса в язык, как отмечает Ж. Бодрийяр, сама знаковая система, с которой мы взаимодействуем ежедневно, становится не просто характеристикой, а неотъемлемой участницей с определенной функциональной ролью в сетевом обществе, со всей характерной для него сложностью и темпами изменчивости.

В заключение важно отметить, что сложность и изменчивость сетевой логики представляет собой не только обширное поле для исследования, но и сама по себе, в качестве нашей реальности, вносит ряд корректив в тот исследовательский интерес, который служит целям понимания и разумного преобразования общественной динамики. Х. Роза отмечает, что

ускорение касается и социальных теорий, постоянно заставляя изменяться саму «базу», на которой строились исследовательские методы и концепты прошлого. Общество, в котором мы живем сегодня, совсем не то же самое общество, которое рассматривали, например, К. Маркс или М. Берман (Rosa, 2013: 108). Это требует определенной мобильной и адаптивной методологии изучения социальных процессов.

Исследование общества как произведения сетевой архитектуры представляется одним из наиболее удачных векторов исследований, способным предложить эффективное решение конкретных социальных проблем. Мы показали, что сетевая оптика позволяет интегрировать на общей основе наиболее значимые достижения социально-гуманитарной мысли второй половины XX и начала XXI в. Происходит это буквально по той же модели, по какой функционирует и сама антропо-технологическая сеть: через построение связей вокруг ядер (от индивидов до сосредоточения неравномерно распределенных связей) и актуализации смыслов в нужный момент. Это позволяет охватить во всей широте необходимый контекст, предельную партикулярность конкретных людей и сообществ внутри глобального общества, технологическую и социальную динамику. Мы предполагаем, что сетевой подход, будучи пространственным и не имеющим обязательных границ в своих описательных моделях, позволяет решать практические задачи по нормализации развития общества, которое выглядит как утратившее контроль над самим собой, посредством сетевых же технологий, т. е. особого рода социального программирования.

Литература

- Афанасов, Н. Б. (2019), “Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм”, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 43–61. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002; EDN: XBDYVK
- Богатырь, Н. А. (2015), “Сетевой анализ в антропологии: история и современность”, *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях*, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 35–38.
- Бодрийяр, Ж. (2016), *Общество потребления: его мифы и структуры*, Пер. с фр. Самарская, Е. А., Республика: Культурная революция, Москва.
- Диков, А. В. (2019), “Эволюция Интернета от начала до наших дней и далее”, *Школьные технологии*, 2, 3-8. EDN: AFWQIF
- Зубофф, Ш. (2022), *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*, Пер. с англ. Васильев, А. Ф., Издательство Института Гайдара, Москва.
- Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, Пер. с англ. под науч. ред. Шкаратана, О. И., Изд-во РГБ, Москва. EDN: QQLCTZ
- Кастельс, М. (2004), *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, Пер. с англ. Матвеев, А., под ред. Харитонов, В., У-Фактория, Екатеринбург. EDN: QTKHYD
- Лисенкова, А. А. (2021), *Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве*, Пермский государственный институт культуры, Пермь. EDN: TOSUPY
- Маклюен, М. (2003), *Понимание медиа: Внешние расширения человека*, Пер. с англ. Николаев, В., КАНОН-пресс-Ц, Москва. EDN: QOCITF
- Петрова, Е. В. (2008), “Здоровье и проблема адаптации человека”, *Философия науки*, 13(1), 114–123. EDN: TQUXVZ
- Петрова, Е. В. (2017), “Информационная среда и ее воздействие на человека: проблемы экологии человека в информационном обществе”, *Философские науки*, 5, 98–114. EDN: ZDPNHR
- Пружинин, Б. И., Щедрина, Т. Г., и Щедрина, И. О. (2023), “Социальное программирование в студенческой аудитории: мотивация на познание”, *Вопросы философии*, 10, 5–15. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-10-5-15; EDN: FYZZCS
- Ритцер, Д. (2011), *Макдональдизация общества 5*, Пер. с англ. Лазарев, А., Праксис, Москва. EDN: QUSGWN
- Розин, В. М. (2006), *Понятие и современные концепции техники*, Институт философии РАН, Москва. EDN: SUPILH

- Шпитцер, М. (2014), *Антимозг: цифровые технологии и мозг*, Пер. с нем. Гришин, А. Г., АСТ, Москва.
- Barnes, J. A. (1954), "Class and Committees in a Norwegian Island Parish", *Human Relations*, 7(39), 39–58.
- Bauman, Z. (2007), *Consuming life*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Boissevain, J. (1979), "Network Analysis. A Reappraisal", *Current Anthropology*, 20(2), 392–394.
- Lifton, R. J. (1993), *The Protean Self: Human Resilience In An Age Of Fragmentation*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Rosa, H. (2013), *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*, Columbia University Press, New York, USA.
- Sanjek, R. (1974), "What is network analysis, and what is it good for?", *Reviews in Anthropology*, 1(4), 588–597.

References

- Afanasov, N. B. (2019), "Free time as a new form of labour: digital professions and capitalism", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 43-61 (in Russ.). DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002; EDN: XBDYVK
- Barnes, J. A. (1954), "Class and Committees in a Norwegian Island Parish", *Human Relations*, 7(39), 39–58.
- Baudrillard, J. (2016), *The society of the spectacle: its myths and structures*. Transl. from French by Samarskaya, E. A., Respublika: Kulturnaya revolyutsiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Bauman, Z. (2007), *Consuming life*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Bogatyr, N. A. (2015), "Network analysis in anthropology: history and modernity", *Innovatsii v antropologii: novye napravleniya, obekty i metody v rossiyskikh antropologicheskikh issledovaniyakh*, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia, 35–38 (in Russ.).
- Boissevain, J. (1979), "Network analysis: a reappraisal", *Current Anthropology*, 20(2), 392–394.
- Castells, M. (2000), *The information age: economy, society and culture*. Transl. from English by Shkaratan, O. I. (scientific ed.), Publishing House of the Russian State Library, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QQLCTZ
- Castells, M. (2004), *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society*. Transl. from English by Matveev, A., Kharitonov, V. (ed.), U-Factoriya, Yekaterinburg, Russia (in Russ.). EDN: QTKHYD
- Dikov, A. V. (2019), "The evolution of the Internet from its origins to the present and beyond", *Shkolnye tekhnologii*, 2, 3–8 (in Russ.). EDN: AFWQIF
- Lifton, R. J. (1993), *The protean self: human resilience in an age of fragmentation*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Lisenkova, A. A. (2021), *Transformatsiya sotsiokulturnoy identichnosti v tsifrovom prostranstve* [Transformation of socio-cultural identity in digital space], PGIK, Perm, Russia (in Russ.). EDN: TOSUPY
- McLuhan, M. (2003), *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the extensions of man], Transl. from English by Nikolaev, V., KANON-Press-Ts, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QOCITF
- Petrova, E. V. (2008), "Health and the problem of human adaptation", *Philosophy of Science*, 13(1), 114–123 (in Russ.). EDN: TQUXVZ.
- Petrova, E. V. (2017), "Information environment and its impact on the individual: problems of human ecology in the information society", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 5, 98–114 (in Russ.). EDN: ZDPHHR
- Pruzhinin, B. I., Shchedrina, T. G., and Shchedrina, I. O. (2023), 'Social programming in the student audience: motivation for cognition', *Voprosy filosofii*, 10, 5–15 (in Russ.), DOI: 10.21146/0042-8744-2023-10-5-15; EDN: FYZZCS
- Ritzer, G. (2011), *Makdonaldizatsiya obshchestva* 5, [The McDonalidization of society 5], Transl. from English by Lazarev, A., Praksis, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QUSGWH
- Rosa, H. (2013), *Social acceleration: a new theory of modernity*, Columbia University Press, New York, USA.
- Rozin, V. M. (2006), *Ponyatiye i sovremennyye kontseptsii tekhniki* [The concept and modern theories of technology], Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SUPILH

Sanjek, R. (1974), 'What is network analysis, and what is it good for?', *Reviews in Anthropology*, 1(4), 588-597.

Spitzer, M. (2014), *Antimozg: tsifrovyye tekhnologii i mozg* [The mindless: digital technologies and the brain], Transl. from German by Grishin, A. G., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Zuboff, S. (2022), *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubzhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power], Transl. from English by Vasiliev, A. F., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ

Теплов Александр Сергеевич, младший научный сотрудник сектора Философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; teplov-2000@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander S. Teplov, Junior Researcher, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; teplov-2000@yandex.ru

УДК 172.4:316.77

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-4

Григорьева М. В. ¹ , Соколова Е. Н. ² , Балакина Ю. В. ³	Милосердие как элемент служения общественному благу в пользовательских высказываниях в российском сегменте социальных сетей ¹
---	--

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; mariya.grigoreva@hse.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; e.sokolova@hse.ru

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Большая
Печёрская, д. 25/12, г. Нижний Новгород, 603155, Россия; julianaumova@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровой коммуникации традиционные моральные категории претерпевают изменения как на уровне смыслов, так и на уровне практик выражения. Милосердие – категория с глубокими философскими и религиозными корнями – становится предметом массового обсуждения в социальных сетях и приобретает новые формы репрезентации. Актуальность исследования определяется необходимостью описать эмпирически, как ценности, традиционно укорененные в этике и аксиологии, интерпретируются и воспроизводятся в пользовательских практиках сетевого взаимодействия. Новизна работы заключается в анализе большого корпуса пользовательских сообщений из российского сегмента социальных медиа за период с 30.09.2024 по 01.04.2025 с опорой на инструментальную классификацию контекстов употребления лексики милосердия. Эмпирическую базу составили свыше 1 млн сообщений, собранных системой Brand Analytics; тематическое моделирование (LDA) позволило выделить 25 кластеров ценностей, среди них «Доброта и человечность» (~70 тыс. сообщений). Предметный анализ милосердия выполнялся на подвыборке ~19 тыс. текстов из данного кластера, где лексема и ее синонимические ряды фигурируют явно. Результаты показывают, что категория милосердия возникает преимущественно в контекстах просьб о помощи и благотворительности (в отношении людей и животных), а также в поздравительных и благодарственных формулах, личных историях/рассуждениях и упоминаниях в анкетах/профилях; отдельный пласт – связка милосердия с требованиями справедливости. Распределение по контекстам носит аналитический характер и используется прежде всего для оценки объема сообщений в разных интерпретациях; оно не фиксирует строгих границ между категориями ввиду возможных пересечений и вариативных трактовок. Итоги интерпретации свидетельствуют об амбивалентной природе категории: с одной стороны, милосердие сохраняет статус сакрализованного идеала и этического ориентира; с другой – выступает инструментальной рамкой мобилизации ресурсов и элементом цифровой самопрезентации, встраиваясь

¹ Статья подготовлена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № ФИ-2025-83 «Современные технологии социально-политической коммуникации»).

The article was prepared at the National Research University Higher School of Economics as part of a government-funded research project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FI-2025-83 «Modern Technologies of Socio-Political Communication»).

в алгоритмическую экономику внимания. Сделан вывод: в социальных сетях «милосердие» функционирует как гибридная ценность, сочетающая духовно-нравственные смыслы с утилитарными практиками коллективного действия и поддержания социальных связей.

Ключевые слова: милосердие; цифровая мораль; социальные сети; эмпатия; ценностные кластеры; дискурс; благотворительность

Для цитирования: Григорьева, М. В., Соколова, Е. Н. и Балакина, Ю. В. (2025), «Милосердие как элемент служения общественному благу в пользовательских высказываниях в российском сегменте социальных сетей», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 46-62. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-4

M. V. Grigoreva¹,
E. N. Sokolova²,
Yu. V. Balakina³

**Mercy as an Element of the Common Good in User Discourse
in the Russian Social Media Segment¹**

¹ Higher School of Economics National Research University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; mariya.grigoreva@hse.ru

² Higher School of Economics National Research University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; e.sokolova@hse.ru

³ Higher School of Economics National Research University, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St.,
Nizhny Novgorod, 603155, Russia; julianaumova@gmail.com

Abstract. In the digital age, traditional moral categories undergo significant transformation, both in meaning and in the ways they are expressed. Mercy, deeply rooted in philosophical and religious traditions, has become a subject of mass discussion in social media, where it acquires new forms of representation. The relevance of this study stems from the need to empirically explore how values traditionally associated with ethics and axiology are interpreted and reproduced in user practices of online interaction. The novelty of the research consists in analyzing mercy not in an abstract philosophical framework but through a large corpus of user-generated content from the Russian segment of social media collected between September 30, 2024 and April 1, 2025. Using the Brand Analytics system, over one million public messages were retrieved; topic modeling (LDA) revealed 25 clusters of values, among which the “Kindness and Humanity” cluster (approximately 70,000 messages) was of primary relevance. The focused analysis was conducted on a sub-sample of about 19,000 texts explicitly containing mercy-related lexicon. The results demonstrate that mercy most frequently appears in contexts of requests for help and charitable practices – both toward people and animals – along with congratulatory and gratitude formulas, personal narratives and reflections, and its linkage with demands for justice. The distribution across contexts is analytical rather than rigid, aiming to show the relative volume of messages while acknowledging possible overlaps and interpretative variations. The findings confirm the ambivalent nature of mercy: on the one hand, it retains the status of a sacralized moral ideal; on the other, it functions as an instrumental frame for mobilizing resources and as an element of digital self-presentation. Overall, mercy in social media emerges as a hybrid value, combining

spiritual and ethical orientations with utilitarian practices of collective action and social bonding.

Keywords: mercy; digital morality; social media; empathy; value clusters; discourse; charity

For citation: Grigoreva, M. V., Sokolova, E. N., and Balakina, Ju. V. (2025), “Mercy as an Element of the Common Good in User Discourse in the Russian Social Media Segment”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 46-62, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-4

Введение

В цифровую эпоху понятие милосердия обретает новые формы репрезентации – пользователи социальных сетей и онлайн-платформ активно используют это понятие, осмысляют и демонстрируют милосердие в публичных высказываниях. Изучение того, как милосердие представлено в цифровом пользовательском дискурсе, позволяет лучше понять трансформацию моральных ценностей в условиях сетевой коммуникации и цифровой морали, складывающейся в онлайн-среде. В данной статье «милосердие» рассматривается как категория цифровой морали на основе контекстуального анализа пользовательских текстов из социальных сетей. Основное внимание уделяется тому, в каких ситуациях и сочетаниях понятий возникает риторика милосердия, какие смыслы ему придают сами пользователи и какие функции (нравственного ориентира, эмпатии, самопрезентации и др.) выполняет апелляция к милосердию в цифровой среде.

Социальные сети предоставляют пространство для выражения моральных суждений, призывов и оценок, и такие категории, как справедливость, свобода, гуманизм и милосердие, становятся предметом массового дискурса. Междисциплинарное осмысление милосердия в цифровой среде позволяет сопоставить эмпирически выявленные модели с философско-этическими концепциями (такими как этика Другого Эм. Левинаса или идеи Ж. Бодрийяра о символической ценности). Тем самым достигается более глубокое понимание того, сохраняется ли преемственность смыслов милосердия или же происходят их смещения и появляются новые акценты.

Цель исследования – выявить особенности репрезентации милосердия в высказываниях пользователей в цифровой среде и интерпретировать их через призму современной социологии морали, аксиологии и цифровой этики.

Новизна работы состоит в том, что милосердие изучается не в отвлеченно-философском ключе, а на материале живого пользовательского контента социальных сетей, что позволяет зафиксировать, как именно массовое сознание транслирует и преобразует эту ценность в условиях цифровой коммуникации.

Теоретический обзор

Понятие милосердия имеет глубокие философские корни, связанные с этикой отношения к Другому. Э. Левинас рассматривал этику как «первую философию», утверждая, что она рождается из непосредственной встречи лицом-к лицу с Другим (*le visage de l'Autre*) (Левинас, 2000: 386-387). Лицо Другого, согласно Левинасу, предъявляет нравственное дорациональное требование: быть ответственным (Левинас, 2000: 210–212). В этой встрече субъект обретает ответственность перед уязвимым Другим (Левинас, 1998: 99–103; Левинас, 2000: 229–235). Милосердие в этой перспективе можно понимать как ответ на беззащитность Другого – добровольное ограничение собственной власти и проявление сострадания к тому, кто «находится в нашей власти» (Другой у Левинаса всегда уязвим, во власти Я) (Garrett, 2017: 1465). Левинас часто приводит образы вдовы, сироты, чужестранца и нищего как воплощений

радикально Другого, перед лицом которых возникает этический императив милосердия (Garrett, 2017: 1465–1466). Таким образом, в классической феноменологической этике милосердие укоренено в персональном отношении «Я – Другой» и в непосредственном этическом переживании.

Ж. Бодрийяр, напротив, принадлежит к мыслителям постмодерна, критически оценивающим влияние современного медийно-цифрового общества на моральные категории. Он вводит понятие гиперреальности – состояния, при котором знаки и образы не отсылают к реальности, а подменяют ее, создавая симулякры. В контексте морали это означает размывание традиционных ориентиров добра и зла и снижение аутентичности переживаний. Бодрийяр отмечал, что современный мир переполнен информацией, но в нем все меньше смысла: «Мы живем в мире, где все больше и больше информации, и все меньше и меньше смысла»² (Knowles, 2022: 1). Эта фраза приобретает особое значение применительно к милосердию в цифровом пространстве: образы чужого страдания транслируются мгновенно и повсеместно, но способны ли они вызывать подлинное сострадание или лишь информационное перенасыщение? Бодрийяр пишет о «ретроспективном сострадании», превращении зла в просто несчастный случай – процессе, ставшем своего рода индустрией сострадания (Baudrillard, 2005: 144–145). Иными словами, массовая медиа-демонстрация страданий может переводить моральное зло в плоскость сентиментальной жалости, индустриально воспроизводимой аудиторией, что обесценивает подлинный этический ответ.

Идеи Левинаса и Бодрийяра позволяют очертить два полюса осмысления милосердия в цифровую эпоху. С одной стороны, этика Другого побуждает искать возможность эмпатии и ответственности даже в условиях опосредованной коммуникации. Исследователи отмечают, что хотя в интернете отсутствует физическая близость, определенное подобие «лица» все же присутствует даже в цифровой коммуникации – аватары, фотографии профиля, веб-камеры и эмодзи становятся носителями личности (Craft, 2020). Кроме того, мы имеем дело с историей Другого, а не вынуждены ее додумывать по символическому образу встречного. С другой стороны, бодрийяровская критика утверждает, что в мире, где господствуют симулякры, милосердие рискует стать поверхностным и показным.

Милосердие в цифровой среде таким образом становится частью стратегии самопрезентации, встраивается в алгоритмически управляемые потоки эмоций и регулируется экономикой внимания. Согласно концепции символического капитала П. Бурдьё, добродетель может выступать не только как внутренняя установка, но и как социальный ресурс, капитализируемый в форме признания, одобрения (Bourdieu, 1986: 18–21). Это особенно заметно в явлениях, обозначаемых понятием *virtue signaling* – «сигнализации о добродетели», когда выражение моральной позиции служит не этической цели, а декларации принадлежности к сообществу или моральной идентичности (Westra, 2021).

Проблема подлинности альтруистического поведения, а именно различие искреннего стремления к благу и феномена «демонстративного милосердия», имеет ключевое значение в русской этической мысли и обладает глубокими религиозно-историческими корнями. Эта тема, очевидно, является базовой для этики Нагорной проповеди (Мф. 6:1–4), где принцип «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» утверждает ценность тайного, непарадного милосердия, свободного от поиска социального одобрения. Еще одним важным смысловым акцентом является другая антитеза – противопоставление декларативного сострадания и деятельной помощи, нашедшее хрестоматийное выражение в притче о милосердном самарянине (Лк. 10:30–37).

Смысловые ориентиры евангельской этики имели фундаментальное значение для формирования дискурса о милосердии в рамках русской религиозно-философской традиции.

² Точная цитата: «We live in a world where there is more and more information, and less and less meaning».

Ф.М. Достоевский акцентировал иррациональную, спонтанную природу подлинного альтруизма, трактуя его как эмоциональный порыв, укорененный в сострадании и религиозной вере, а не в рассудочном расчете (Соина, Сабиров, 2014: 190–191, 193, 198–200). Л.Н. Толстой провозглашал императив помощи ближнему как рационально осознанный нравственный закон и подвергал резкой критике практику филантропии высших классов, усматривая в ней форму социального лицемерия (Толстой, 1911: 70-79, 256-260). Н.Г. Чернышевский разрабатывал теорию разумного эгоизма, согласно которой человек эгоистически заинтересован в общем благе (Чернышевский, 1944: 70–75). О естественности милосердия и творения добра говорит П.Л. Лавров, отмечая, что многие, между тем, не имеют такой возможности (Чернышевский, 1944: 70–75). В.С. Соловьев рассматривал альтруизм как манифестацию стремления к абсолютному добру, онтологически основанного в божественной природе мироздания, и выступал против его утилитаристских редуций (Соловьев, 2018). Н.А. Бердяев в рамках своей парадоксальной этики предложил важное различие между «добром-долгом» – формальным, социально обусловленным и зачастую лицемерным исполнением моральных норм – и «добром-творчеством», понимаемым как свободное и подлинное выражение глубинной сущности личности, направленное на преображение мира (Бердяев, 1993: 121–125, Скоропад, 2024: 22–24).

Таким образом, в русской философской традиции проблема естественности милосердия, «доброделания» получила многогранное развитие (Сорокина, 2023) между полюсами рационального долга и иррациональной жертвенности, социальной нормы и личностного творчества.

Цифровая мораль / этика

На специфическое проявление милосердия в сети очевидно влияют и технические средства. Исследования указывают, что алгоритмы соцсетей вознаграждают моральное возмущение и гнев, а не прощение или сострадание (Brady et al., 2021). Дизайн социальных медиа противоречит «обществу прощения», потому что акцентирует публичную демонизацию провинившихся и запечатлевает их ошибки навсегда. В атмосфере постоянных обвинений и «культуры отмены» милосердие – понимание, прощение, терпимость к ошибкам – оказывается невыгодной стратегией (Brady et al., 2021). Такие наблюдения и выводы показывают, что цифровое взаимодействие создает новые вызовы для милосердия, требует переосмысления.

Цифровые механизмы и облегчают проявления милосердия, например, поддержку нуждающихся через пожертвования, но и становятся благоприятной средой для махинаций и традиционных сомнений в необходимости милосердия в каждом конкретном случае.

С развитием сетевых коммуникаций встает вопрос: сохраняются ли и как трансформируются моральные добродетели, в частности милосердие и эмпатия, в цифровой среде?

Цифровая этика понимается как раздел этики, занимающийся изучением и оценкой моральных проблем, связанных с данными и информацией, алгоритмами, а также соответствующими практиками и инфраструктурами, с целью формулирования и поддержания морально обоснованных решений (Floridi, 2018: 3). Одним из центральных понятий цифровой этики стала цифровая эмпатия – способность сочувствовать и понимать эмоции других людей через электронные медиа (Rachmad, 2017: 1). По определению Й.Э. Рахмада, «цифровая эмпатия – это умение понимать и чувствовать переживания других посредством цифровых медиа»³ (Rachmad, 2017: 1). Иными словами, даже при отсутствии визуального контакта и физических сигналов человек может воспринимать эмоциональные

³ Digital Empathy Theory defines digital empathy as the ability to understand and feel the emotions of others through digital media.

подтексты сообщений, сопереживать чужой радости или боли и соответствующим образом реагировать. Концепт цифровой эмпатии подчеркивает, что человеческий фактор не исчезает в онлайн, и задача состоит в том, чтобы поддерживать эмоциональное участие, несмотря на технологическое опосредование (Rachmad, 2017: 2-3, 12). В медицине и образовании уже говорят о важности формирования «электронного сострадания»: например, в телемедицине разработаны подходы к развитию «цифровой клинической эмпатии», позволяющей врачам проявлять участие к пациентам в чате или видео-звонке (Abou Hashish, 2025)

Современные исследования показывают противоречивое влияние цифровой среды на эмпатию и моральные инстинкты пользователей. С одной стороны, есть свидетельства, что активность в социальных сетях может стимулировать эмпатию. Например, в некоторых работах отмечается, что социальные медиа при правильном использовании способствуют психосоциальному развитию и улучшению когнитивной и эмоциональной эмпатии у молодежи (O'Reilly et al., 2024: 310). Общение в интернете соединяет людей разных культур и судеб: пользователи читают личные истории, сталкиваются с чужими переживаниями, участвуют в благотворительных кампаниях. Все это способно расширять круг сострадания. Феномен «цифрового альтруизма» фиксирует случаи, когда пользователи массово помогают друг другу онлайн – от сбора средств на лечение до информационной поддержки во время катастроф (Sunil, Chukkali, 2023). По данным исследования коммуникации в период пандемии COVID-19, социальные сети «проявляют» альтруистическую сторону людей, позволяя им искать и предлагать помощь в повседневных ситуациях (Sunil, Chukkali, 2023). В этом исследовании измерялись уровни онлайн-альтруизма у «поколения Z» в Индии и анализировалось, какие личностные качества на него влияют (Sunil, Chukkali, 2023). Выяснилось, что эмпатия и сострадание относятся к числу ключевых детерминант цифрового альтруизма – наряду с социальной справедливостью, оптимизмом и др. Иначе говоря, чем более человек способен сопереживать другим и проявлять милосердие, тем чаще он склонен к бескорыстным «добрым делам» в сети.

Исследования (Terry, Cain, 2016; Friesem, 2018) показывают, что пользователи социальных сетей способны к реальному сочувствию и вовлечению, особенно в условиях личных рассказов о страданиях, потере или несправедливости. Однако такие формы милосердия сопровождаются культурным давлением: ожидание участия в выражении сочувствия (например, через эмодзи, комментарии или перепост) становится нормой, и отказ от него может интерпретироваться как моральная холодность. В этом смысле цифровое милосердие оказывается партиципаторным – оно требует участия, выражения, следования этикету видимой эмпатии.

С другой стороны, немало работ в разных научных областях указывают и на негативные тенденции. Анонимность и отсутствие живого контакта, постоянный поток новостей о бедствиях по всему миру способны вызывать «усталость от сострадания» (Zhang et al., 2024: 2–3).

Примеры проявления милосердия и эмпатии в цифровых коммуникациях многообразны. Это и поддерживающие комментарии в адрес человека, поделившегося бедой на форуме, и акции взаимопомощи в соцсетях (например, сбор средств), и простые жесты, использование фраз и символов для выражения сочувствия или благодарности. Русскоязычные исследователи вводят понятие «сетевая эмпатийность», описывая средства выражения эмоций в интернет-общении (Гайдаренко и др., 2020). Исследователи отмечают, что даже при опосредованном контакте пользователи передают нюансы сострадания с помощью новых языков эмпатии – смайликов, сердечек, стикеров, GIF-анимаций и голосовых сообщений (Гайдаренко и др., 2020). Эти знаки внимания обогащают текст эмоцией, позволяя адресату почувствовать поддержку. На данном этапе мы можем говорить о том, что цифровая коммуникация

вырабатывает собственные каналы эмпатии, адаптируя потребность в сопереживании к техническим реалиям.

Типологии, классификации

Для систематического анализа проявлений милосердия онлайн исследователи пытаются классифицировать соответствующие высказывания и действия. Можно говорить о типологиях вербального выражения эмпатии и цифровых альтруистических практик.

Одним из подходов к систематизации является разграничение уровней вовлеченности и масштаба помощи в сети. Д. Клисанин предложила трехуровневую типологию «цифрового альтруизма» – онлайн-актов, продиктованных милосердием и стремлением помочь другим (Klisanin, 2021). Первый уровень – «повседневный цифровой альтруизм», самые простые жесты доброй воли в интернете. Сюда относятся микро-милосердные поступки, не требующие больших затрат времени или ресурсов: например, кликнуть, чтобы пожертвовать в благотворительной кампании, поделиться важной информацией, ответить на чей-то вопрос, выразить слова поддержки незнакомцу. Эти действия доступны каждому, они стали формой ежедневной эмпатии в сети. Второй уровень – «творческий (creative) цифровой альтруизм», предполагающий более активное и креативное участие (создание сайтов, групп, приложений, проектов и пр.). Третий уровень – «сотворческий (co-creative) цифровой альтруизм», куда относят масштабные инициативы, развернутые на системном, транснациональном уровне (коллективные действия корпораций, НКО, правительств, самих пользователей – для решения глобальных гуманитарных проблем). Классификация Клисанин отражает, что милосердие в цифровой коммуникации бывает разным по глубине участия: от единичного сочувственного комментария до долгосрочного коллективного проекта на благо общества.

Современные исследователи цифровой этики подчеркивают, что милосердие в онлайн-среде чаще всего реализуется в форме кратковременных, фрагментарных актов поддержки (первый уровень по классификации Клисанин), реже – в форме устойчивых практик заботы (Mossner, Walter, 2024: 647–651). Согласно работе Кармена Мёсснера и Свена Вальтера (2024), милосердие в социальных сетях может быть ограничено характером интерфейса: кнопка «поддержать», шаблонный комментарий, реакция – все это подменяет длительное участие и эмпатическое вживание в ситуацию. Это не отменяет этической значимости таких действий, но снижает глубину вовлеченности. Милосердие здесь становится быстрым, эмоционально ярким, но быстро забываемым. Переход к платформенной этике приводит к тому, что акт милосердия все чаще измеряется не глубиной этического выбора, а числом вовлеченных участников.

Другой подход к типологии концентрируется на формах выражения милосердия в речи и тексте. В цифровых высказываниях, связанных с эмпатией, можно условно выделить несколько жанров: это утешительные и поддерживающие реплики, направленные на эмоциональную помощь собеседнику в трудной ситуации (Xu, 2022); извиняющие и прощающие высказывания – ситуации, когда пользователь проявляет великодушие, прощая чей-то проступок или смягчая критику (Schoofs et al., 2019); морально-этические призывы к милосердию, когда пользователи обращаются к широкой аудитории с моральным посланием – например, посты в соцсетях с призывом к толерантности, к помощи нуждающимся, цитирование духовных авторитетов о милости и сострадании (Schoofs et al., 2019); специфический жанр – цифровые мемы и хэштеги милосердия, которые распространяются вирусно (Abou Hashish, 2025).

Наряду с вербальными классификациями, существует и анализ мультимодальных средств эмпатии (эмодзи, стикеры, реакции и др.) (Гайдаренко и др., 2020). Правильное использование таких эмпатийных инструментов повышает «сетевую эмпатийность» общения – ощущение людьми, что их понимают и не осуждают онлайн. Однако в данной работе анализ мультимодальных средств эмпатии останется за пределами анализа.

Методология исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные мониторинга российских социальных медиа, проведенного с использованием системы Brand Analytics для сбора публичных сообщений пользователей. Всего было собрано свыше одного миллиона текстовых сообщений, опубликованных в различных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, блоги и др.) в период с 30.09.2024 по 1.04.2025⁴. На первом этапе тексты прошли лингвистическую предобработку (нормализация, очистка от шумов, выделение ключевой лексики, связанной с тематикой ценностей). Затем был применен метод автоматического тематического моделирования LDA (Latent Dirichlet Allocation) для выявления скрытых тематических кластеров, отражающих обсуждаемые ценности, с последующей кластеризацией этих тем по семантической близости и экспертизой контента человеком. В результате была получена карта из 25 тематических кластеров ценностей, охватывающих широкий спектр – от патриотизма и семейственности до альтруизма и самореализации. В частности, выделен кластер «Доброта и человечность», включающий ценности милосердия, сострадания, гуманизма, уважения к каждому человеку; ключевые слова этого кластера: доброта, человечность, эмпатия, терпимость, милосердие, помощь. Милосердие оказалось ярко представленным в спонтанном массовом контенте и ассоциировано прежде всего с темами человеческой доброты и поддержки, эмпатии и с альтруистическими практиками. Настоящее исследование сосредоточено на кластере «Доброта и человечность» (около 70 тыс. сообщений), в рамках которого была выделена подвыборка из 19 тыс. текстов, наиболее явно отражающих практики милосердия.

Контексты и ситуации упоминания милосердия

В ходе анализа корпуса сообщений, содержащих лексику милосердия, были выделены несколько устойчивых контекстов ее употребления: просьбы о помощи и пожертвования для людей, волонтерская и благотворительная деятельность в отношении животных, поздравления и благодарственные формулы, упоминания в анкетах и профилях для знакомств, личные истории и рассуждения, упоминания милосердия в связи с требованиями справедливости (табл.). Распределение по контекстам носит аналитический характер: оно не фиксирует строгих границ, а позволяет оценить количественные соотношения сообщений, учитывая возможность пересечений и различных интерпретаций.

Таблица

Контексты употребления лексики милосердия

Table

Contexts of mercy vocabulary usage

Контекст употребления / Context of use	Количество сообщений в корпусе данных / Number of messages in the data corpus	Вовлеченность, в % к просмотрам / Engagement, in % of views
Просьбы о помощи и пожертвования для людей / Requests for help and donations for people	3 892	3,66
Волонтерская и благотворительная деятельность в отношении животных /	2 024	3,57

⁴ Период с 30 сентября 2024 г. по 1 апреля 2025 г. был выбран исходя из методологической и содержательной целесообразности. Такой временной охват обеспечивает как достаточный объем эмпирического материала, так и его аналитическую управляемость.

Volunteer and charitable activities related to animals		
Поздравления и благодарственные формулы / Congratulatory and expressions of gratitude	2 651	5,14
Упоминания в анкетах и профилях для знакомств / Mentions in dating profiles and questionnaires	988	1,43
Личные истории и рассуждения, упоминания милосердия в связке с требованиями справедливости / Personal stories and reflections, references in connection with demands for justice	6 518	2,27

Эти контексты демонстрируют амбивалентный характер категории: с одной стороны, милосердие выступает как ценностный и зачастую сакрализованный идеал, вплоть до религиозного призыва (Сорокина, 2023; Березина, 2018); с другой – как утилитарная рамка, обеспечивающая мобилизацию ресурсов, поддержание волонтерской активности (Кисляков, 2022), самопрезентацию в публичной коммуникации.

Милосердие в корпусе данных возникает преимущественно в контексте **просьб о помощи и благотворительности**. Значительная доля сообщений связана с кампаниями по сбору пожертвований на лечение больных или поддержку попавших в беду людей. В ряде случаев такие посты приурочены к религиозным периодам (особенно к месяцу Рамадан у мусульман) или апеллируют к религиозным чувствам аудитории. «В этот благословенный месяц Рамадан, когда сердца людей наполняются милосердием и добром, мы верим, что вместе сможем подарить Рамазану шанс...». Другое аналогичное объявление начинается словами: «Рамадан – время милосердия и доброты. Каждое ваше искреннее пожертвование имеет огромное значение...» – милосердие прямо связывается с духом священного месяца, побуждая читателей совершить добрый поступок. Эти примеры отражают характерный риторический прием: авторы акцентируют особое время, когда «сердца наполняются милосердием», призывая проявить сострадание и щедрость. Примечательно, что такие тексты нередко содержат религиозные благопожелания: «Пусть Всевышний воздаст вам за каждое пожертвование...».

Это свидетельствует о том, что дискурс милосердия в русскоязычном сегменте соцсетей тесно переплетен с религиозной лексикой и ценностями, даже если сами платформы светские. Религиозная рамка придает дополнительную легитимность призывам к состраданию, укореняя их в традиционном моральном контексте (Березина, 2012).

Наравне с религиозными отсылками встречаются и отсылки к моментам «чуда», когда авторы также призывают делать добрые дела, преимущественно пожертвования. «Новый год – время волшебства и чудес, когда сердца людей наполняются теплом и ожиданием чего-то особенного. Но не стоит забывать, что именно в этот период особенно важна наша помощь тем, кто нуждается», «Два дня до Нового Года – самое время ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА», «Друзья, в это волшебное время года нам всем так хочется чудес. Так давайте создадим одно вместе!» Можно сказать, что милосердие здесь выступает как социально одобряемая эмоция, мобилизуемая для достижения коллективной цели.

Другой значимый пласт корпуса данных, который продолжает контекст благотворительности – это обращения, связанные с **волонтерством и благотворительностью в отношении животных**. В этих текстах милосердие выступает не столько как абстрактная ценность, сколько как практическая рамка, легитимирующая конкретные действия: пожертвовать деньги, передать корм, взять животное на передержку или в семью.

- *«В преддверии зимы, когда начинают дуть холодные ветры, ... особенно важно помнить о тех, кто нуждается в нашей заботе и поддержке. И нельзя забывать здесь и о братьях наших меньших – бездомных животных... забота о животных – это не только вопрос гуманности, но и наша общая ответственность перед обществом».*

- *«В рамках акции помощи бездомным животным работники АО "Теплохим" и директор Коломиец Владимир Вячеславович передали корм для собак и кошек».*

- *«Предновогодний день стольника! ... Наши животные – особенные, многие из них пережили предательства людей, тяжелые болезни и травмы, они очень нуждаются в любви и заботе... Каждый ваши 100 руб. – это огромный вклад в нашу деятельность, это поможет нам купить корма, закрыть долги за лечение...».*

- *«Ситуация SOS! Бездомыши могут остаться без корма! ... Если мы не соберем сумму вовремя, наши коты и собачки, которые уже пережили голод и холод на улице, снова окажутся в этой страшной ситуации. ... Мы верим в вашу доброту и заботу».*

Духовная категория еще более наглядно переопределяется в **операциональный ресурс мобилизации**. Создается устойчивая рамка: если человек милосерден, он должен подтвердить это действием. Волонтерские тексты о милосердии хорошо показывают двойной эффект: «обесценивание» – милосердие становится рутинной в постах о пожертвованиях и «ретрадиционализация» – само слово возвращает в цифровую речь язык этики и традиционной морали, даже если речь идет о корме для кошек и собак.

Помимо прямых призывов помочь, милосердие фигурирует в жанре **поздравлений и благодарностей**. Лексема *милосердие* используется как элемент ритуализированной позитивной коммуникации. Чаще всего она встречается в связке с выражениями признательности и пожеланиями *«Дорогой мой брат по крови, а может сестра, я пишу это письмо с глубоким чувством благодарности и радости. Когда я узнал, что мне нужна пересадка, я испытывал страх и неопределенность. Но благодаря вам, я получил второй шанс на жизнь»*. С одной стороны, подобные формулы выполняют очевидную символическую функцию: они транслируют ценностный идеал, который воспринимается универсально позитивно. В поздравлениях и посланиях к праздникам (например, к Рождеству или Новому году) милосердие помещается в ряд базовых ценностей – добра, любви, человечности, сострадания. *«С Новым годом! ... я по-прежнему верю в добро, свет, справедливость, любовь, честь, милосердие!»* Здесь оно становится частью целостного аксиологического комплекса, закрепленного в массовом дискурсе, фиксирует «идеал должного».

- *«С Новым Годом всех Нас, Друзья, Братья и Сестры! Ушел 2024 год, но ... по-прежнему верю в добро, свет, справедливость, любовь, честь...»*

- *«Выражаем нашу искреннюю признательность всем учителям, родителям... воспитывать в детях самые лучшие качества – доброту, милосердие ...»*

- *«СПАСИБО ВАМ ЗА ДОБРЫЕ СЕРДЦА! ... ваша помощь дает нам надежду и веру в доброту и милосердие людей...»*

- *«Дорогие друзья! Светлый праздник Рождества Христова... Пусть ваши сердца будут наполнены светом, а жизнь – благодатью. С Рождеством Христовым!»*

- *«У каждого должен быть еще один шанс все исправить. Мы верим, что Милосердие и Доброта спасут Мир»*

Милосердие выступает при этом как ценностный запрос к другим. Например, в описаниях для знакомств, где милосердие (или тесно связанные с ним категории доброты и человечности) называют в качестве желаемой или собственной характеристики: «Для меня важна человечность, понимание, доброта и адекватность человека...», «В мужчинах я больше всего ценю сочетание доброты, силы и ума. ... Обязательно пишу: “Вырасти сильным, умным и добрым”», «Имя: Снежана... Мои ценности: вера и доверие в Высший Разум, душевность, честность с собой и со всеми, ответственность, доброта, милосердие, свобода, любовь ко всему живому...». Подобные высказывания представляют милосердие как маркер «надежности» и социально одобряемой нормы, обеспечивающий позитивный образ в пространстве публичной коммуникации. Подобные упоминания не несут прямой мобилизационной функции (как в просьбах о помощи), но выполняют задачу идентификационного самоописания. Через милосердие авторы конструируют образ себя как человека духовного, зрелого, морально надежного. Это соответствует более широким практикам цифровой **самопрезентации**, где ценностные категории используются для демонстрации «правильного» социального и личностного облика. В данном контексте милосердие выступает в качестве знака, чья ценность связана не столько с реальными практиками помощи, сколько с символическим подтверждением нравственной состоятельности субъекта. Тем самым оно соответствует логике симулякров, описанной Ж. Бодрийяром: речь идет о производстве знака добродетели, который функционирует независимо от референта, но обеспечивает социальное признание и легитимность в цифровом пространстве. Конечно, нельзя утверждать, что авторы движимы корыстными целями, тем не менее форма подачи (публичный пост с описаниями личностных качеств, а в случае организаций – с подробностями доброго дела и зачастую фотографиями) вписывается в логику демонстративной добродетели. Если раньше благотворительность стремились скрывать, то в соцсетях происходит определенная публичность милосердия. Благотворительные фонды и активисты сознательно используют социальные медиа для отчетов и историй успеха, что, в свою очередь, создает эффект социальной нормы: творить милосердие – хорошо и похвально. Но обратная сторона – размывание границы между истинно бескорыстным состраданием и стремлением собрать аудиторию вокруг добрых дел.

В крайнем варианте этот запрос проявляется в том, что милосердие нередко упоминается как характеристика уже совершенного поступка, который одновременно служит призывом к повторению подобных действий. Так, в благодарности клиентам подчеркивается: «Дорогие клиенты, позвольте выразить вам огромную благодарность и признательность ❤️ за доверие к нам, за вашу человечность и милосердие, за ваш вклад в выздоровление Алимжана». «КОГДА ДОБРЫЕ ВОЛШЕБНИКИ ПОЯВЛЯЮТСЯ, ДОЛГИ РАСТВОРЯЮТСЯ! ... Благодаря каждому из вас наш долг за аренду уменьшился на весомую сумму... К сожалению, уже послезавтра наш долг снова возрастет, но мы верим, что вы и дальше будете помогать нам сохранять тепло и уют временного дома для сотни животных». Здесь акт благодарности не только фиксирует факт участия, но и задает рамку ожидания: если вы уже проявили милосердие, оно должно оставаться вашей характеристикой и впредь. То есть, в контексте поздравлений и благодарностей милосердие также выступает не только как абстрактная ценность, но и как утилитарный ресурс поддержания цепочки благотворительной активности. Риторика признательности закрепляет социальную норму участия: тех, кто помог однажды, через включение в благодарственную формулу фактически стимулируют к повторному действию. В этом можно видеть пример трансформации традиционно духовной категории в инструмент социального управления – через мягкое побуждение к повторяемому альтруистическому поведению.

Отдельный корпус сообщений – это **личные истории и рассуждения**, где милосердие всплывает как часть мировоззрения автора и напрямую не связано с просьбами о помощи или

прямой мобилизацией ресурсов, а используется в рамках автобиографических нарративов, рассуждений или анкетных описаний. В этих случаях оно выступает как элемент конструирования идентичности. Структура гражданской идентичности может подразумевать наличие когнитивных, аффективных, аксиологических и поведенческих элементов. «Групповая идентификация» нередко выстраивается по принципу постулирования общности ценностей, ценностных запросов, того, что считается социально одобряемым и присущим «нашим» и чего лишены «другие». Милосердие часто выступает в роли подобного ценностного запроса не только для российской общенациональной идентичности, но и для отдельных групп внутри нее, например, для «дальневосточников» (Соколова, 2011, 2013). *«Мне важны доброта, милосердие, ответственность, порядочность»*. Здесь милосердие упомянуто среди личных ценностей человека, наравне с чертами характера. Оно входит в перечни добродетелей, которыми автор гордится или которые стремится в себе развивать: *«Никогда не держи обиду. Ни на кого. Обида иссушает сердце. Учись прощать и быть милосердным»*. *«Что я больше всего ценю в людях? ... Для меня самые ценные качества – это... Доброта. Не та, что наигранная, а настоящая – когда человек помогает не ради выгоды, а просто потому, что хочет сделать этот мир чуть лучше»*. В другом случае оно представлено как ценность, позволяющая справляться с кризисными событиями: *«До 30 лет... я, чтобы облегчить свое состояние, шла через состояния прощения, милосердия, понимания. Я старалась безусловно простить тех людей, которые допускали по отношению ко мне какие-то разрушающие действия...»*. *«Я горжусь тем, что несмотря ни на какие жизненные испытания... я осталась верной своим принципам, сохранила доброту души, не озлобилась на мир и продолжаю верить в лучшее»*. Милосердие здесь не только моральная норма, но и инструмент психологической саморегуляции, включенный в рассказ о личном опыте. В контексте личных историй и рассуждений милосердие функционирует как элемент символического капитала. В терминах Бурдьё это вложение в социальную репутацию, которое может конвертироваться затем и в другие формы капитала (например, доверие, влияние).

Значения и трактовки милосердия пользователями

Несмотря на разнородность контекстов, прослеживается несколько сквозных линий интерпретации. Прежде всего, милосердие является востребованной ценностью, ценностью-запросом, конструирующим понимание «своих» – «чужих» в российском массовом дискурсе в социальных сетях.

В этом плане милосердие нередко функционирует как элемент самохарактеристики и имиджа. Когда авторы анкет о знакомстве или личных страниц перечисляют свои качества, *«милосердный»* оказывается желаемым эпитетом. В подобных контекстах милосердие выступает как социально значимая черта, которую люди либо приписывают себе, либо ожидают от других (*«важна милосердие и любовь к детям»*). Это показывает, что милосердие воспринимается не только как абстрактный моральный идеал, но и как конкретное личностное качество, важное в межличностных отношениях. Даже в светских анкетах оно используется как средство позитивной самопрезентации. В цифровой культуре, где самописание в профиле – важная часть образа, включение милосердия в список своих добродетелей говорит о стремлении соответствовать нормативному образу «хорошего человека». Милосердие на цифровых платформах используется и как элемент имиджа организаций и бизнеса. Мы видим пример: магазин сообщает о сотрудничестве с «фондом милосердия» и призывает совершать покупки, потому что *«каждая ваша покупка приближает нас к важной цели — поддержке тех, кто больше всего нуждается в помощи»*. Здесь корпоративная коммуникация явно интегрирует милосердие в брендовый месседж, формируя образ социально ответственного бизнеса. С позиций Бодрийера можно сказать, что коммерческая коммуникация присваивает знак милосердия для повышения собственной ценности в глазах потребителей. В данном случае происходит двойной обмен: компания помогает нуждающимся (реальное добро), но

и получает от клиентов лояльность, поскольку те ощущают сопричастность доброму делу через покупку. Демонстративное милосердие становится частью маркетинговой стратегии.

Милосердие практически всегда понимается через призму сострадания и помощи другому. Милосердие фактически отождествляется с активным сочувствием: пожертвовать средства, приютить животное, простить обидевшего. Оно обозначается как самим словом, так и смежными терминами – «добро», «помощь», «благотворительность». Так, в примере про волонтеров милосердие напрямую определено как «*умение сострадать, сочувствовать и сопереживать... на деле*». В религиозных цитатах оно тоже связано с делами милости: накормить голодного, посетить больного и т. п. Таким образом, практический аспект – действие во благо страждущего – ключевой в понимании милосердия онлайн.

Для многих пользователей милосердие тесно связано с идеей справедливости, честности и порядочности – другими «добродетелями» в системе групповой идентификации. Это указывает на восприятие милосердия как части цельного морального облика личности, не противоречащей другим добродетелям. Можно говорить о нормализации милосердия как общественного ожидания. В целом милосердие фигурирует в соцсетях как нормативно позитивное понятие, пользователи не ставят под сомнение его ценность. Это означает, что несмотря на возможный практический подход к милосердию, общественный идеал «*быть милосердным*» остается актуальным.

Милосердие рассматривается как религиозная или духовная ценность. В материалах явно прослеживаются христианские и мусульманские интерпретации. Христианская традиция видна, например, в том, что милосердие называют наряду с любовью к ближнему – даром Божиим, условием спасения души.

В праздничных обращениях пользователи призывают быть милосердными. Таким образом, в онлайн-употреблении сохраняется связь милосердия с трансцендентным: это не просто светская гуманность, а добродетель, связанная с религией. Даже те пользователи, которые не дают религиозных интерпретаций, часто следуют этой логике (например, говоря «*милосердие – благословение для семьи*» или желая другому, чтобы в его сердце всегда были милосердие и великодушие). Мы видим своего рода переосмысление посланий проповедей традиционных религий в формате соцсетей.

Милосердие в цифровой культуре проявляется как гибридная категория: с одной стороны, духовно-трансцендентный идеал, с другой – инструментальная рамка для практических коллективных действий.

Таким образом, милосердие отражает как аксиологические компоненты идентичности («наши ценности»), так и ее аффективные компоненты и востребованные поведенческие модели (что мы чувствуем – сострадание, что мы делаем – помогаем друг другу).

Литература

- Бердяев, Н. А. (1993), *О назначении человека*, Республика, Москва.
- Березина, Е. М. (2018), «Милосердие: опыт определения понятия», *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право*, 1, 5–10. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.01; EDN: YVHVAG
- Березина, Е. М. (2012), «Светское и религиозное измерение милосердия», *Вестник Пермского научного центра УРО РАН*, 2, 49-55. EDN: PZYRIP
- Гайдаренко, С. М., Маринина, А. Е. и Васичева, А. Н. (2020), «Средства выражения эмпатии в социальных сетях», *Проблемы современного педагогического образования*, 68-2, 409–411. EDN: PDYQPX
- Кисляков, П. А. (2022), «Социально-психологический анализ образа благотворительности и добровольчества в цифровой среде», *Мониторинг*, 5, 322–346. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2225. EDN: DJAIPV

- Левинас, Э. (1998), «Время и Другой», *Время и Другой. Гуманизм другого человека*, пер. с фр. Парибка, А. В., Высшая религиозно-философская школа, Санкт-Петербург, 23–103.
- Левинас, Э. (2000), *Избранное: Тотальность и бесконечное*, пер. с фр. Вдовина, И. С., Дубина, Б. В., Культурная инициатива, Москва; Университетская книга, Санкт-Петербург.
- Скоропад, Т. А. (2024), «Альтруизм в интерпретации русской религиозной философии», *Дискурс*, 10 (2), 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28, EDN: BSZVQI
- Соина, О. С. и Сабиров, В. Ш. (2014), «Метафизические и антропологические основания этики Ф. М. Достоевского», *Соловьевские исследования*, 2, 186–203. EDN: SHBUML
- Соколова, Е. Н. (2013), ««Дальневосточники»: роль идентичности в процессах развития макрорегиона», *Вестник РГГУ. Серия: политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 1, 135–143. EDN: PZTYZL
- Соколова, Е. Н. (2011), «Дальневосточники» и «западники». *Взаимные образы и основания для проектирования эффективных моделей межэлитной коммуникации в процессе развития Дальнего Востока*, Фонд «Петропавловск», URL: http://ppfond.ru/files/ODV_web (дата обращения: 25.09.2025)
- Соловьев, В. С. (2018), *Оправдание добра. Нравственная философия*, Изд-во Юрайт, Москва.
- Сорокина, С. Н. (2023), «Трансформация идеи милосердия в русской культуре», *Гуманитарий Юга России*, 12 (3), 72–83. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.3.6, EDN: JEZMSR
- Толстой, Л. Н. (1911), *Путь жизни*, Посредник, Москва.
- Чернышевский, Н. Г. (1944), *Антропологический принцип в философии*, Госполитиздат, Москва.
- Abou Hashish, E. A. (2025), “Compassion through technology: Digital empathy concept analysis and implications in nursing”, *Digital Health*, 11, Article ID: 20552076251326221, DOI: 10.1177/20552076251326221
- Baudrillard, J. (2005), *The Intelligence of Evil or the Lucidity Pact*, Translated by Turner, C., BERG, Oxford; New York.
- Bourdieu, P. (1986), “The forms of capital”, *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, Richardson J. (ed.), Translated by Nice, R., Westport (Conn.), Greenwood press, London, 241–258, [Online], available at: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf. (Accessed: 07.10.2025)
- Brady, W. J., Wills, J. A., Jost, J. T., Tucker, J. A. and Van Bavel, J. J. (2021), “How social learning amplifies moral outrage expression in online social networks”, *Science Advances*, Aug 13;7(33):eabe5641. DOI: 10.1126/sciadv.abe5641. PMID: 34389534; PMCID: PMC8363141.
- Craft, B. A. (2020), «Gazing Into the Digital Face of Levinas: The Ethics of Self and Other in Cyberspace», *Mediacommons Project* (Online), January 7, URL: <https://mediacommons.org/fieldguide/content/gazing-digital-face-levinas-ethics-self-and-other-cyberspace> (Accessed: 07.10.2025)
- Floridi, L. (2018), “Soft Ethics and the Governance of the Digital”, *Philosophy & Technology*, 31, 1-8. DOI: 10.1007/s13347-018-0303-9
- Friesem, Y. (2018), “Developing digital empathy: a holistic approach to media literacy research methods”, *Digital Multimedia: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications*, in Zheng, R. (ed.), IGI Global, Hershey, PA, 271–287. DOI: 10.4018/978-1-5225-3822-6.ch014
- Garrett, P.M. (2017), “Encountering the ‘greatest ethical philosopher’: Emmanuel Levinas and social work”, *International Social Work*, 60 (6), 1457–1468, DOI: 10.1177/0020872817706407
- Klisanin, D. (2011), “Is the Internet giving rise to new forms of altruism?”, *Media Psychology Review* (Online), 3, 1, November 27, URL: <https://cdn2.psychologytoday.com/assets/attachments/85256/internetaltruism-klisanin.pdf>. (Accessed: 07.10.2025)
- Knowles, M. P. (2022), “E-Word? McLuhan, Baudrillard, and verisimilitude in preaching”, *Religions*, 13 (12), 1131, DOI: 10.3390/rel13121131
- Mossner, C. & Walter, S. (2024), “Shaping Social Media Minds: Scaffolding Empathy in Digitally Mediated Interactions”, *Topoi*, 43 (3), 645–658. DOI: 10.1007/s11245-024-10034-x
- O'Reilly, M., Kiyimba, N. & Levine, D. (2024), “Promoting a digital ethics of care: A digital cognitive interruption to facilitate U.K. adolescents’ empathy in online spaces”, *Journal of Children and Media*, 19 (2), 307–326. DOI: 10.1080/17482798.2024.2411417

- Rachmad, Y. E. (2017), “Digital Empathy Theory”, *Σάρπη. Διεθνής Έκδοση Βιβλίων*, 14 (8). DOI: 10.17605/OSF.IO/9D8NQ; PMID: 40093701; PMCID: PMC11907611.
- Schoofs, L., Claeyes, A.-S., De Waele, A. & Cauberghe, V. (2019), “The role of empathy in crisis communication: Providing a deeper understanding of how organizational crises and crisis communication affect reputation”, *Public Relations Review*, 45 (5), 101851. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101851
- Sunil, N. S. & Chukkali, S. (2023), “Is digital altruism the same as offline altruism? : An exploration of strength-based determinants among Generation Z during COVID-19 pandemic”, *The Internet Journal of Allied Health Sciences and Practice*. 22 (1), 26. DOI:10.46743/1540-580X/2023.2254
- Terry, C. & Cain, J. (2016), “The emerging issue of digital empathy”, *American Journal of Pharmaceutical Education*, 80 (4), 58. DOI: 10.5688/ajpe80458
- Westra, E. (2021), “Virtue Signaling and Moral Progress”, *Philosophy & Public Affairs*, 49 (2), 156–178. DOI: 10.1111/papa.12187
- Xu, H. (2022), “Research on Emotional Support Provided by Online Community”, *International Journal of Education and Humanities*, 6 (2), 50–52. DOI: 10.54097/ijeh.v6i2.3347
- Zhang, J., Wang, X., Chen, O., Li, J., Li, Y., Chen, Y., Luo, Y. & Zhang, J. (2024), “Correction: Social support, empathy and compassion fatigue among clinical nurses: structural equation modeling”, *BMC Nursing*, 23 (1), 751. DOI: 10.1186/s12912-024-02432-8

References

- Abou Hashish, E. A. (2025), “Compassion through technology: Digital empathy concept analysis and implications in nursing”, *Digital Health*, 11, Article ID: 20552076251326221, DOI: 10.1177/20552076251326221
- Baudrillard, J. (2005), *The Intelligence of Evil or the Lucidity Pact*, Translated by Turner, C., BERG, Oxford; New York.
- Berdyaev, N. A. (1993), *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).
- Berezina, E. M. (2012), “The secular and religious dimension of mercy”, *Perm Scientific Centre Journal*, 2, 49-55 (in Russ.). EDN: PZYRIP
- Berezina, E. M. (2018), “Charity: an experience of concept definition”, *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 1, 5-10 (in Russ.). DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.01; EDN: YVHVAG
- Bourdieu, P. (1986), “The forms of capital”, *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, Richardson J. (ed.), Translated by Nice, R., Westport (Conn.), Greenwood press, London, 241–258, [Online], available at: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf. (Accessed 07 October 2025)
- Brady, W. J., Wills, J. A., Jost, J. T., Tucker, J. A. and Van Bavel, J. J. (2021), “How social learning amplifies moral outrage expression in online social networks”, *Science Advances*, Aug 13;7(33):eabe5641. DOI: 10.1126/sciadv.abe5641. PMID: 34389534; PMCID: PMC8363141.
- Chernyshevsky, N. G. (1944), “*Antropologicheskiy printsip v filosofii*” [The Anthropological Principle in Philosophy], Gospolitizdat, Moscow, Russia (in Russ.)
- Craft, B. A. (2020), «Gazing Into the Digital Face of Levinas: The Ethics of Self and Other in Cyberspace», *Mediacommons Project* (Online), January 7, URL: <https://mediacommons.org/fieldguide/content/gazing-digital-face-levinas-ethics-self-and-other-cyberspace> (Accessed 07 October 2025)
- Floridi, L. (2018), “Soft Ethics and the Governance of the Digital”, *Philosophy & Technology*, 31, 1-8. DOI: 10.1007/s13347-018-0303-9
- Friesem, Y. (2018), “Developing digital empathy: a holistic approach to media literacy research methods”, *Digital Multimedia: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications*, in Zheng, R. (ed.), IGI Global, Hershey, PA, 271–287. DOI: 10.4018/978-1-5225-3822-6.ch014
- Gaidarenko, S. M., Marinina, A. E. and Vasicheva, A. N. (2020), “Average external empathy v social system”, *Problems of modern pedagogical education*, 68-2, 409-411 (in Russ.) EDN: PDYQPX
- Garrett, P. M. (2017), “Encountering the ‘greatest ethical philosopher’: Emmanuel Levinas and social work”, *International Social Work*, 60 (6), 1457-1468, DOI: 10.1177/0020872817706407

- Kislyakov, P. A. (2022), "Socio-psychological analysis of the image of charity and volunteerism in the digital environment", *Monitoring*, 5, 322-346 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2225; EDN: DJAIPV
- Klisanin, D. (2011), "Is the Internet giving rise to new forms of altruism?", *Media Psychology Review* (Online), 3, 1, November 27, URL: <https://cdn2.psychologytoday.com/assets/attachments/85256/internetaltruism-klisanin.pdf>. (Accessed 07 October 2025).
- Knowles, M. P. (2022), "E-Word? McLuhan, Baudrillard, and verisimilitude in preaching", *Religions*, 13 (12), 1131, DOI: 10.3390/rel13121131
- Levinas, E. (1998), "Time and the Other", *Vremya i Drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of the Other], Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, St. Petersburg, Russia, 23–103 (in Russ.).
- Levinas, E. (2000), *Izbrannoe: Totalnost i beskonechnoe* [Selected Works: Totality and Infinity], Kulturnaya initsiativa, Moscow, Russia; Universitetskaya kniga, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Mossner, C. and Walter, S. (2024), "Shaping social media minds: Scaffolding empathy in digitally mediated interactions", *Topoi*, 43 (3), 645-658, DOI: 10.1007/s11245-024-10034-x
- O'Reilly, M., Kiyimba, N. and Levine, D. (2024), "Promoting a digital ethics of care: A digital cognitive interruption to facilitate U.K. adolescents' empathy in online spaces", *Journal of Children and Media*, 19 (2), 307--326. DOI: 10.1080/17482798.2024.2411417
- Rachmad, Y. E. (2017), "Digital Empathy Theory", *Σπάρτη. Διεθνής Έκδοση Βιβλίων*, 14 (8). DOI: 10.17605/OSF.IO/9D8NQ; PMID: 40093701; PMCID: PMC11907611.
- Schoofs, L., Claeys, A.-S., De Waele, A. & Cauberghe, V. (2019), "The role of empathy in crisis communication: Providing a deeper understanding of how organizational crises and crisis communication affect reputation", *Public Relations Review*, 45 (5), 101851. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101851
- Skoropad, T. A. (2024), "Altruism in the interpretation of Russian religious philosophy", *Diskurs*, 10 (2), 18–28 (in Russ.). DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28; EDN: BSZVQI
- Soina, O. S. and Sabirov, V. Sh. (2014), "Metaphysical and anthropological foundations of F.M. Dostoevsky's ethics", *Solovevskie issledovaniya (Solovyov Studies)*, 2 (42), 186-203 (in Russ.). EDN: SHBUML
- Sokolova, E. N. (2011), "*Dalnevostochniki*" i "*zapadniki*". *Vzaimnye obrazy i osnovaniya dlya proektirovaniya effektivnykh modeley mezhelitnoy kommunikatsii v protsesse razvitiya Dalnego Vostoka* ("Far Easterners" and "Westerners": mutual images and grounds for designing effective models of inter-elite communication in the development of the Far East), Fond "Petropavlovsk", (in Russ.), [Online], available at: http://ppfond.ru/files/ODV_web (Accessed: 25 September 2025)
- Sokolova, E. N. (2013), "'Far-Easterners': the role of identity in the processes of the macro-region's development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 1, 135-143 (in Russ.). EDN: PZTYZL
- Solovyov, V. S. (2018), *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [The Justification of the Good. Moral Philosophy], Yurayt, Moscow, Russia (in Russ.).
- Sorokina, S. N. (2023), "Transformation of the idea of mercy in Russian culture", *Humanities of the South of Russia*, 12 (3), 72-83 (in Russ.) DOI: 10.18522/2227-8656.2023.3.6
- Sunil, N. S. & Chukkali, S. (2023), "Is digital altruism the same as offline altruism?: An exploration of strength-based determinants among Generation Z during COVID-19 pandemic", *The Internet Journal of Allied Health Sciences and Practice*, 22 (1), 26. DOI:10.46743/1540-580X/2023.2254
- Terry, C. & Cain, J. (2016), "The emerging issue of digital empathy", *American Journal of Pharmaceutical Education*, 80 (4), 58. DOI: 10.5688/ajpe80458
- Tolstoy, L. N. (1911), *Put zhizni* [The Path of Life], Posrednik, Moscow, Russia, (in Russ.).
- Westra, E. (2021), "Virtue Signaling and Moral Progress", *Philosophy & Public Affairs*, 49 (2), 156–178. DOI: 10.1111/papa.12187
- Xu, H. (2022), "Research on Emotional Support Provided by Online Community", *International Journal of Education and Humanities*, 6 (2), 50-52. DOI: 10.54097/ijeh.v6i2.3347
- Zhang, J., Wang, X., Chen, O., Li, J., Li, Y., Chen, Y., Luo, Y. & Zhang, J. (2024), "Correction: Social support, empathy and compassion fatigue among clinical nurses: structural equation modeling", *BMC Nursing*, 23 (1), 751. DOI: 10.1186/s12912-024-02432-8

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Григорьева Мария Владимировна, старший преподаватель Факультета креативных индустрий, Школа коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; mariya.grigoreva@hse.ru
ORCID: 0009-0007-2413-7721
SPIN-код: 7313-9899

Соколова Екатерина Никитична, кандидат политических наук, заведующая проектно-учебной лабораторией политических коммуникаций, Школа коммуникаций, Факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; e.sokolova@hse.ru
ORCID: 0009-0007-3188-707X
SPIN-код: 5523-1570

Балакина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Большая Печёрская, д. 25/12, г. Нижний Новгород, 603155, Россия; julianaumova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4942-5953
SPIN-код: 1127-7669

ABOUT THE AUTHORS:

Maria V. Grigoreva, Senior Lecturer, Faculty of Creative Industries, School of Communication, Higher School of Economics National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; mariya.grigoreva@hse.ru
ORCID: 0009-0007-2413-7721
SPIN-код: 7313-9899

Ekaterina N. Sokolova, PhD in Political Science, Head of the Project and Educational Laboratory of Political Communications, School of Communication, Faculty of Creative Industries, Higher School of Economics National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; e.sokolova@hse.ru
ORCID: 0009-0007-3188-707X
SPIN-код: 5523-1570

Julia V. Balakina, PhD in Philology, Professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics, Higher School of Economics National Research University, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; julianaumova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4942-5953
SPIN-код: 1127-7669

УДК: 304.4 (316.77)

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-5

Адамьянц Т. З.

Разнонаправленные смыслы современной социокультурной среды в ракурсе их влияния на социально значимые реакции аудитории¹

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия;
tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена социальной диагностике влияния разнонаправленных смыслов, транслируемых популярными источниками информации в Интернете, на социально значимые реакции аудитории. В центре внимания оказались получившие большое число читателей и комментариев статьи на одну и ту же тему, но с разной мотивационно-целевой (смысловой) направленностью. Актуальность изучения обусловлена социальной целесообразностью научного поиска таких форм и способов коммуникационных взаимодействий, которые способствуют укреплению патриотизма, оптимизма, снятию неуверенности и тревожности населения в условиях повышенных рисков и опасности для гражданского единства российского общества. Методология основывалась на разработанной в Институте социологии РАН междисциплинарной семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации; использовался метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа, позволяющий доказательное выявление латентных смыслов социокультурной среды, а также особенностей их понимания участниками коммуникационных взаимодействий. В результате изучения зафиксировано наличие собственной позиции, созвучной с морально-нравственными ценностями общества, а также умение «видеть» и отторгать манипулятивные приемы у социально активной части аудитории среднего и старшего возраста при встречах с разнонаправленными смыслами относительно следующих резонансных тем: отношение к уехавшим из страны по политическим мотивам; отношение к скандальным заявлениям недавних «звезд» эстрады; отношение к оскорблениям россиян на национальной почве. Выводы об особенностях реакций активной и понимающей части аудитории интернета представляется возможным распространить, на уровне тенденций, на реакции и особенности адаптации активной и понимающей части населения страны среднего и старшего возраста к факту наличия разнонаправленных смыслов в современной социокультурной среде.

Ключевые слова: коммуникационные взаимодействия; социокультурная среда; смысл; понимание; интенциональный (мотивационно-целевой) анализ; социальные ценности

¹ Исследование выполнено в рамках общей темы Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе ФНИСЦ РАН «Особенности и тенденции адаптационных процессов в современной России: факторы успешности и риски, 2025–2027».

The article is prepared within the framework of the general theme of the Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences “Features and Trends of Adaptation Processes in Modern Russia: Factors of Success and Risks, 2025–2027”.

Для цитирования: Адамьянц, Т. З. (2025), «Разнонаправленные смыслы современной социокультурной среды в ракурсе их влияния на социально значимые реакции аудитории», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 63-76. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-5

T. Z. Adamyants

Multidirectional meanings of the modern socio-cultural environment in terms of their influence on socially significant audience reactions¹

Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia;
tamara-adamyants@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the social impact of the multidirectional meanings disseminated by popular Internet news sources on socially significant audience reactions. It focuses on articles on the same topic with different motivational and semantic orientations that received a large number of readers and comments. The study is relevant because of the social importance of scientific research into forms and methods of communication that strengthen patriotism and optimism and reduce uncertainty and anxiety in the population, particularly in times of increased risk to the unity of Russian society. The methodology was based on the interdisciplinary semio-sociopsychological concept of social communication developed at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. The method of intentional (motive-targeted) analysis was used to identify the latent meanings of the socio-cultural environment and the ways in which they are understood by participants in communication interactions. As a result of the study, it was found that the socially active part of the middle-aged and older audience has a position that is in line with the moral values of society, as well as the ability to “see” and reject manipulative techniques when faced with diverse meanings regarding the following resonant topics: attitudes towards those who have left the country for political reasons; attitudes towards the scandalous statements of recent pop stars; attitudes towards nationalist insults against Russians. It is possible to extend the conclusions about the reactions of the active and understanding part of the Internet audience to the reactions and adaptation of the active and understanding part of the middle-aged and older population of the country to the presence of multidirectional meanings in the modern sociocultural environment.

Keywords: communication interactions; sociocultural environment; meaning; understanding; intentional (motive-targeted) analysis; social values

For citation: Adamyants, T. Z. (2025), “Multidirectional meanings of the modern socio-cultural environment in terms of their influence on socially significant audience reactions”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 63-76, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-5

Введение (Introduction)

Тотальная цифровизация социокультурной среды, предоставившая современному человеку расширенные формы и способы коммуникационных взаимодействий (Адамьянц, 2022), актуализирует для социальной науки задачу изучения влияния, особенностей

и тенденций динамики социально значимых реакций аудитории как феноменов, порождаемых разнонаправленностью смыслов, транслируемых популярными источниками информации при освещении одних и тех же тем и проблем; именно о таком ракурсе научного поиска идет речь в настоящей статье.

Объектом изучения оказались, во-первых, разработки отечественной науки в сфере социальной коммуникации о методологических и методических основаниях и подходах к анализу латентных смыслов социокультурной среды; во-вторых, разнонаправленные смыслы по отношению к одним и тем же темам, транслируемые отечественными СМИ и/или авторскими блогами на открытой интернет-платформе «Дзен».

Предметом изучения оказались особенности понимания и степень согласия с разнонаправленными смыслами воспринятых статей в ракурсе их влияния на социально значимые реакции аудитории.

Основной целью работы стала социальная диагностика влияния актуальных разнонаправленных смыслов, транслируемых популярными источниками информации в Интернете, на социально значимые реакции аудитории. Для реализации обозначенной цели выявлялись латентные смысловые нюансы и их соотношение между собой в получивших многотысячную аудиторию авторских статьях, с одной стороны, и, с другой, в комментариях к этим же статьям по поводу актуальных событий и проблем.

Для реализации обозначенной цели были поставлены следующие *исследовательские задачи*:

- изучение мотивационно-целевых (смысловых) особенностей популярных у аудитории статей и материалов, выявление разнонаправленных смыслов при освещении одной и той же темы;
- изучение мотивационно-целевых (смысловых) особенностей комментариев к статьям с разнонаправленными смыслами;
- анализ особенностей понимания и степени согласия авторов комментариев с авторскими разнонаправленными смыслами.

Критериями оценок и выводов оказались стоящие перед обществом и страной глобальные социально-политические вызовы и задачи, для реализации которых важна консолидация большинства населения в рамках единого (или близкого по значению) смыслового поля по отношению к актуальным темам и проблемам.

Актуальность исследования определяется социальной целесообразностью модификации и апробации методологических основ и методических подходов к анализу особенностей влияния разнонаправленной социокультурной среды на социально значимые реакции аудитории. Актуальность изучения обусловлена также социальной целесообразностью научного поиска таких форм и способов коммуникационных взаимодействий, которые способствуют укреплению патриотизма, оптимизма, снятию неуверенности и тревожности населения в условиях проходящей СВО, санкционной политики Запада и информационно-смыслового давления «извне», ориентированного на деморализацию и раскол изнутри российского общества.

Данные о влиянии разнонаправленных смыслов социокультурной среды на реакции аудитории – ценный материал для принятия оперативных и своевременных управленческих решений, способствующих успешности процессов социальной адаптации населения, при которых происходит «приспособление, освоение, как правило, активное, личностью или группой новых для нее социальных условий или социальной среды... как такой социальный процесс, в котором и адаптант, и социальная среда ... активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга...» (Леверовская и др., 2003: 941).

Методология и методы. Методологической основой, релевантной для изучения влияния актуальных смыслов социокультурной среды на особенности адаптационных процессов

в современной России, оказалась междисциплинарная семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, в центре внимания которой «знаковое общение как процесс обмена текстуально организованной смысловой информацией» (Дридзе, 1984: 45). Для доказательного выявления латентных смыслов использовался *метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа*, благодаря которому решается такая сложность для анализа, как разнообразие знаковых систем в рамках одних и тех же материалов, а также «разной» в частоте и времени их появления на просторах Интернета.

Одним из основных положений концепции является утверждение о том, что *в любом целостном, завершенном коммуникативном акте содержится виртуальная (латентная) многоуровневая структура коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на цели и мотивы автора*. Внутренняя организация латентных структур иерархична: нижние уровни ориентированы на вышестоящие и все вместе – на «вершину» структуры, где и находится *смысл*, который может быть как явным, вербально выраженным, так и «таящимся» между слов, фраз, тропов, кадров и т. д.

Смысл *константен*, поскольку в рамках «работающих» на его донесение взаимозависимых и жестко связанных между собой уровней коммуникативно-познавательных программ он *уже овеществился* (реализовался) посредством слов, фраз, дискурсов, тропов и т. д., а также особенностей их взаимодействия между собой.

Еще одно положение концепции связано с утверждением тождества между латентным смыслом и авторской интенциональностью: и то, и другое – *самое главное, что хотел сказать, передать, выразить (или утаить) коммуникатор/автор*, причем и на уровне осознанных целей, и на уровне не всегда осознаваемых мотивов. Для введения в анализ уровня мотивации традиционное понятие «интенция» было расширено и уточнено: это *«равнодействующая мотивов и целей (точнее – искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром»* (Дридзе, 2000: 16); соответственно, *интенциональность произведения* – формулировка «равнодействующей мотивов и целей» его автора.

Процедура поиска смысла состоит в выявлении и выстраивании в иерархическом порядке уровней латентной структуры анализируемого произведения, что позволяет, в случае доказательного «выхода» на вершину структуры, определение авторской интенциональности (смысла).

В качестве элементов (уровней) структуры могут быть не только логические или фактологические компоненты, но также эмоции или эмоциональные состояния, реализованные художественно-выразительными средствами. В реальном временном следовании уровни структуры, как правило, располагаются не линейно: сначала, например, могут идти второстепенные или третьестепенные детали, «накладываясь» при этом друг на друга, затем – элементы четвертого или пятого уровня, а интенция (смысл) и вовсе «прятаться» между слов, кадров, звуков и т. д. (Адамьянц, 2024).

Поиск латентных смыслов происходит в соответствии с *абдукцией* – универсальной познавательной процедурой, основанной на ментальном продвижении «снизу-вверх» и сопровождающейся при этом выдвижением и опровержением гипотез об искомом предмете познания (Peirce, 1956). Стройность и взаимосвязь «проявленных» в результате анализа уровней, их логическая и эмоционально-художественная обусловленность, невозможность выстроить структуру как-то иначе служат доказательством верности одной из гипотез, которую и следует рассматривать как искомый смысл.

Работа в рамках вышеназванной концепции позволяет не только доказательное выявление латентных смыслов (в рамках целостных, завершенных произведений), но и, при наличии комментариев к ним, *анализ особенностей их понимания воспринимающей стороной*. Для этой цели составляются мотивационно-целевые структуры каждого из комментариев, которые затем сопоставляются с константной структурой анализируемого произведения:

добрался ли респондент до «вершины», то есть до смысла, или остановился на нижних уровнях; в результате возникает возможность дифференциации комментариев по проявленным респондентами навыкам понимания (Адамьянц, 2024: 39-50).

Основная часть (The main content)

В процессе исследовательской работы проводился мониторинг популярных статей в Интернете и изучение их смысловой направленности. В результате поиска были отобраны три пары статей, освещающих одни и те же резонансные события, однако противоположных по мотивационно-целевой (смысловой) направленности: отношение к уехавшим из страны по политическим мотивам (релокантам); отношение к скандальным заявлениям бывших «звезд» эстрады; отношение к оскорблениям россиян на национальной почве. Приведенные ниже исследовательские данные отражают результат многоуровневого анализа трех пар отобранных для анализа статей с разнонаправленными смыслами и 600 комментариев к ним (по 100 комментариев к каждой из шести статей).

К проблеме репрезентативности. Учитывая соблюдение нами принципа минимальной базовой группы, согласно которому следует изучить не менее 25-30 единиц анализа по каждой из независимых переменных (Гурвич, 1973), полученные данные об особенностях понимания и реакций аудитории по отношению к каждому из транслируемых статьями смыслу могут репрезентативно представлять социально активную и имеющую собственное мнение часть населения страны, преимущественно среднего и старшего возраста (исходя из косвенных свидетельств в комментариях). Исследование позиционируется как *качественное, направленное на прослеживание особенностей и тенденций* в социально значимых реакциях аудитории при «встречах» с разнонаправленными смыслами современной социокультурной среды.

При реализации поставленных целей и задач были обозначены следующие *обязательные условия анализа*:

а) выбор авторских статей для последующего изучения определялся по степени популярности как источника информации (органа СМИ или блога), так и непосредственно самой статьи (использовались данные статистики «Дзен»);

б) обязательным условием при отборе статей для анализа считалось наличие к каждой из них не менее 100 комментариев, а также отсутствие редакционной «цензуры» в случаях несогласия автора комментария с автором статьи;

в) к каждой статье анализировалось по 100 комментариев подряд (на день посещения), без выбора или исключения;

г) в каждой из отобранных для анализа статей и, соответственно, в каждом из комментариев выявлялся *константный смысл*; использовался метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа;

д) обязательным условием анализа статей и комментариев являлась их целостность; не допускалось изъятие из них отдельных слов, фраз, изобразительных элементов и т.д.

Процедура изучения включала несколько уровней анализа. Для всех отобранных статей и комментариев составлялись мотивационно-целевые структуры. Все комментарии были дифференцированы по параметрам «понимание (авторского смысла) – непонимание», а также по особенностям реакций их авторов по отношению к константным смыслам изучаемых статей (согласие – несогласие – нейтральная реакция). Результатом комплексного анализа оказались, во-первых, *выводы о тенденциях в векторе и направленности социальных ценностей авторов комментариев*: что «предпочитается в наибольшей степени... чем восхищаются... что считается нормальным, правильным... что не одобряется, порицается и, на крайнем полюсе, считается аморальным, преступным» (Яковлев, 2008). Во-вторых, результатом комплексного анализа оказались *выводы об особенностях и тенденциях адаптации аудитории к факту наличия разнонаправленных смыслов в Интернете*.

**А) Актуальные смыслы отечественной социокультурной среды–2025:
отношение к уехавшим из страны по политическим мотивам (релокантам)**

Непреходящее внимание аудитории на протяжении 2025 года вызывали материалы о людях, уехавших из страны из-за несогласия с проходящей СВО и декларирующих в рамках интернет-пространства ценности, идущие вразрез с официальной точкой зрения. Поскольку среди тех, кто уехал, оказалось немало представителей культурной элиты, считавшихся в недавнем времени «лидерами мнений», основная часть населения страны оказалась вынуждена адаптироваться к новой социокультурной реальности, связанной с необходимостью определить свою позицию, точку зрения. С одной стороны, в Интернете появилось и продолжает появляться большое число критических статей об этих людях, их неблагоприятных поступках и жизни в новых условиях. С другой стороны – появляются и статьи, косвенно оправдывающие тех, кто уехал.

*Смысл осуждающий*². Информационный повод: информация из социальных сетей о совместном ужине в Турции скандально уехавших из России историка моды А. Васильева и продюсера А. Разина.

Мотивационно-целевая структура статьи с осуждающим смыслом:

- I уровень – интенциональность, или смысл: стремление убедить в правильности и необходимости осуждения «героев» публикации;
- II уровень – тезисы: заявление о негативном отношении к этим людям, их нынешнее положение автор называет «позорным»;
- III уровень – аргументы: «Васильев после увольнения с Первого телеканала бежал из России и теперь перебивается случайными заработками»; Разин – «сбитый летчик», получил в России репутацию «короля скандалов»;
- IV уровень – иллюстрации к тезисам и аргументам: подробные сообщения о «похождениях» одного и другого: Разин многие годы судился с Ю. Шатуновым за права на песни группы «Ласковый май», даже после смерти Шатунова судится; Васильев водит группы экскурсантов «по помойкам», и т. д.;
- V уровень – фоны: фотографии Васильева и Разина, в основном нелицеприятные.

Реакции аудитории по поводу статьи с осуждающим смыслом:

Согласны с автором статьи – 73 %. Аргументы: «наша страна избавилась от шлама в лице Разина и Васильева»; «отбросы»; «моральные уроды».

Не согласны с автором статьи – 5 %. Аргументы: «да, да, они все плохие, комментаторы все хорошие»; «автор денежку зарабатывает на очередной порции ненависти»; «я не очень заметный человек, но кажется, вхожу в этот список Васильева и Пугачевой»; «этот список мне как бы нравится! Круг общения по мне».

Нейтральные реакции – 13 %: «кто бы о них вообще знал, если бы сами не превозносили»; «хватит уже о них писать!».

Не поняли авторский смысл или транслировали новый, не соотнесенный с авторским смыслом – 9 %.

*Смысл оправдывающий*³. Информационный повод: рассказ очевидца об условиях жизни в ОАЭ, Грузии, Турции, Казахстане, Сербии для тех, кто уехал из России.

² «“Каждой твари по паре”: историк моды Александр Васильев и Андрей Разин плюются ядом за ужином» (2025), *Известия*, 21 сентября 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://dzen.ru/a/aM003MJehHj3Cq0J> (дата обращения: 29.09.2025).

³ «Куда уезжают из России: топ-5 стран, где теперь живут россияне» (2025), *Я – Катя. В путешествиях без плана Б*, 30 июля 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://dzen.ru/a/aIAnAKqR3GwymTcM> (дата обращения: 07.10.2025)

Мотивационно-целевая структура статьи с *оправдывающим* смыслом:

- I уровень – интенциональность, или смысл: стремление убедить в правильности одобрения или нейтрального отношения к тем, кто уехал из страны;
- II уровень – тезисы: «уезжают не только по политическим мотивам, а ради “своей пользы”, потому что устали и хотят новых впечатлений»;
- III уровень – аргументы: рассказы об особенностях и условиях жизни в ОАЭ, Грузии, Турции, Казахстане, Сербии;
- IV уровень – иллюстрации: сообщения о положительных моментах и личных впечатлениях жизни в этих странах;
- V уровень – фоны и фоны к фонам: большое число фотографий.

Реакции аудитории по поводу статьи с *оправдывающим* смыслом:

Согласны с автором статьи – 10 %. Аргументы: «Родина там, где человеку хорошо»; «прощай, Россия»; «минимум перспектив в экономике и политике»; «ничтожное образование, шоу-бизнес, подменяющий культуру»; «люди сделали свой выбор»; «видимо, скоро придется убегать из России, поскольку подрастает сын, а я не хочу, чтобы его убили на СВО»; «по-моему, это нормально – не хотеть менять жизнь фрилансера на окоп, разве нет?».

Не согласны с автором статьи – 77 %. Аргументы: «это бегство в трудные времена»; «по уровню жизни эти страны уступают России»; «побывал много где и знаю наверняка, что хорошо там, где нас нет»; «это инструкция для иванов родства не помнящих»; «здесь мои родные люди похоронены, здесь я и умру»; «не нужна мне лучшая жизнь на чужбине»; «никуда никогда не уеду, мои дети тоже»; «люблю Россию, она одна»; «а я родной городок оставить не могу, каждая травинка дорога»; «все, кто уехал, предатели, устали отчего? – от безделья»; «мое мнение – таких не надо обратно пускать в Россию»; «променять Россию на Казахстан или Грузию – это просто смешно»; «русофобская статья»; «уехали – это не россияне, а бывшие россияне»; «русские не ищут легких путей, они просто идут вперед и работают, а убежавшие – это крысы, пусть бегут, бог им судья».

Нейтральные реакции – 5 %: «не интересно»; «к чему эта информация?».

Не поняли авторский смысл или транслировали новый, не соотнесенный с авторским смыслом – 8 %.

Б) Актуальные смыслы отечественной социокультурной среды–2025: отношение к скандальным заявлениям бывших «звезд» эстрады

Особое внимание аудитории, судя по статистике «Дзен», привлекают материалы об уехавшей из страны Алле Пугачёвой, «примадонне» советской и российской эстрады. В многочисленных источниках, начиная от официальных СМИ и заканчивая большим числом авторских блогов, детально разбираются ее скандальные заявления, выступления, интервью и даже выходы на прогулки и в магазины. Большинство публикуемых материалов носит критический характер, однако время от времени появляются и статьи о непреходящей любви народа к певице. Для изучения особенностей адаптации населения к новой социокультурной реальности были проанализированы комментарии к статьям с разнонаправленными смыслами относительно данной персоны.

Смысл осуждающий⁴. Информационный повод: получившее большое число негативных откликов и реакций интервью, которое А. Пугачёва дала Е. Гордон.

Мотивационно-целевая структура статьи с осуждающим смыслом:

⁴ «“Искреннее” интервью стало для нее приговором: как Алла Пугачёва столкнулась с реальностью и не поняла, почему ее больше не любят» (2025), *Обсудим звезд с Малиновской*, 17 сентября 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://dzen.ru/a/aMqUfk3PwiLE9i80?ysclid=mjagmj8jsa580762743> (дата обращения: 07.10.2025).

- I уровень – интенциональность, или смысл: показать негативное отношение к А.Б. Пугачёвой и к ее ставшему резонансным интервью Е. Гордон;
- II уровень – тезисы: «вы наверняка видели этот цирк»; «она хотела правду, но правду сказали ей»; она стала посмешищем;
- III уровень – аргументы: примеры несоответствия слов в интервью реальным поступкам героини: ее якобы «вынудили уехать»; ее «выдавили» из страны; «не собиралась покидать Россию»; пришлось ехать к «очень важному доктору»; брак и венчание с Киркоровым – это был «пиар»; напоминание автора статьи, что А.Б. Пугачёва называла народ «рабами» и «холопами»;
- IV уровень – иллюстрации: примеры пафосных и далеких от реальности заявлений героини; слова А.Б. Пугачёвой в связи с большим числом негативных реакций на ее интервью: «...минутный порыв говорить пропал. Не лучше ли просто допить свой бокал. Мне лучше уйти, улыбаясь»;
- V уровень – фоны: скриншоты с критическими комментариями по поводу интервью;
- VI уровень – фоны к фонам: фотографии героини.

Реакции аудитории по поводу статьи с *осуждающим* смыслом:

Согласны с автором статьи – 74%. Аргументы: «сама сказала: уходя – уходи!»; «уйти достойно не получилось, народ ее не понял, поэтому не простил и не простит»; «сидела бы и молчала, злобная старуха»; «какой печальный конец»; «эта выжившая из ума старуха, косящая под девочку, наговорила на статью УК РФ»; «врет, как дышит!».

Не согласны с автором статьи – 10 %. Аргументы: «я люблю творчество Пугачёвой. Она великая женщина, для меня она целая эпоха шикарных песен и концертов»; «ее творчеством не могу не восхищаться»; «она вам радость приносила в дом!»; «Пугачёву все равно жаль».

Нейтральные реакции – 4 %: «нет смысла ей отвечать, бороться с ней»; «забыть о ней не дают статьи блогеров»; «да забудьте вы ее!».

Не поняли авторский смысл или транслировали новый, не соотнесенный с авторским смыслом – 12 %.

Смысл оправдывающий⁵. Информационный повод: реакция А. Пугачёвой на негативные отклики по поводу ее интервью Е. Гордон.

Мотивационно-целевая структура статьи с *оправдывающим* смыслом:

- I уровень – интенциональность, или смысл: стремление убедить, что разлюбить Пугачёву невозможно;
- II уровень – тезисы: «Пугачёва давно стала национальным достоянием»; «ее интервью было как взрыв, но теперь она решила уйти, улыбаясь»; это главная тема страны; Пугачёва была воздухом для многих;
- III уровень – аргументы: Пугачёва «живая и противоречивая»; слова Михаила Ширвиндта: «Ужасно, что звезда такого масштаба вынуждена была покинуть Родину. Ее выдавили!»;
- IV уровень – иллюстрации: подробности интервью и «шум» вокруг интервью: мужа, творчество, окружение, замок и т.д.;
- V уровень – фоны: шокирующие подробности (брак и венчание с Киркоровым – это пиар);
- VI уровень – фоны к фонам: большое число фотографий.

⁵ «После скандала Пугачёва вышла на связь – и разнесла всех одной фразой» (2025), CRITIK7, 17 сентября 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://dzen.ru/a/aNMnwPs-ZGSaj466> (дата обращения: 07.10.2025).

Реакции аудитории по поводу статьи с *оправдывающим* смыслом:

Согласны с автором статьи – 5 %. Аргументы: «сколько лет она радовала своим творчеством, всякое в жизни бывает»; «песни Аллы – достояние страны».

Не согласны с автором статьи – 72 %. Аргументы: «мне начихать, как она ушла: улыбаясь, хмурясь, с бокалом или без... для меня она не авторитет»; «писанина – ни о чем, заказная статья»; «уходя – уходи, сколько можно, то одно у нее, то совсем другое»; «да людям глубоко наплевать на всю эту шушеру, у нас война идет!»; «вы хоть суть слов ее в отношении к стране и людям поняли, они и к вам, автор, относятся».

Нейтральные реакции – 14 %: «надоели с этой темой, даже читать не стала»; «за что столько внимания?».

Не поняли авторский смысл или транслировали новый, не соотнесенный с авторским смыслом – 9 %.

В) Актуальные смыслы отечественной социокультурной среды–2025: оскорбления на национальной почве в контексте реакций россиян.

Актуальной на протяжении всего 2025 года в отечественном социокультурном пространстве оказалась тема отношения россиян к недружественным действиям и словам, оскорбляющим их национальное достоинство. В источниках самого разного уровня, от официальных СМИ и до авторских блогов и социальных сетей, публикуется большое число материалов по обозначенной тематике: это и вопросы регулирования и ассимиляции в российскую среду мигрантов, и неправомерные действия или заявления групп, общин и диаспор по национальному признаку, и случаи прямых оскорблений. И если большинство авторов объективно сообщают об информационном поводе при создании своих статей, подавая события или факты без искажений, случается и обратное: с целью оправдания неправомерных действий или смягчения наказания публикуются искаженные или непроверенные факты. Для изучения степени адаптации населения к разнонаправленным смыслам по отношению к данной теме были проанализированы комментарии к статьям, посвященным оскорблениям на национальной почве, однако различающимся своей мотивационно-целевой (смысловой) направленностью.

*Смысл осуждающий*⁶. Информационный повод: 22 мая 2025 г. 28-летний азербайджанский боец поп-ММА Джавид Рзаев после победы в московском клубе сказал в микрофон, обращаясь к бойцу, с которым ему предстоит следующая встреча: «ты – русская свинья», а также еще несколько грубых фраз.

Мотивационно-целевая структура статьи с *осуждающим* смыслом:

- I уровень – интенциональность, или смысл: желание автора сообщить о происшедшем событии и о негативном отношении к нему со стороны Федерации бокса России, Генпрокуратуры РФ и ФСБ, а также и о собственном осуждении;

- II уровень – тезисы: Федерация бокса России объявила о пожизненной дисквалификации Рзаева, в Генпрокуратуру ушло заявление по факту «оскорблений на национальной почве». 17 июля 2025 года ФСБ лишила его российского гражданства, признав действия «угрозой безопасности»;

⁶ «Азербайджанского бойца лишили гражданства и депортируют за 3 простых слова, которые он сказал, взяв микрофон после победы» (2025), *Avia.pro – СМИ*, 02 октября 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://dzen.ru/a/aN5OHYeBewEa-G97> (дата обращения: 07.10.2025).

• III уровень – аргументы: юристы фиксировали каждое слово Рзаева как экстремизм. Контраргументы: «Это эмоции после боя, он раскаялся, вот видео извинений, где он целует флаг России» (слова адвоката);

• IV уровень – иллюстрации: на суде зачитывались заявление бойца, которого оскорбили, о моральных страданиях, а также петиции от бойцовских клубов о необходимости «чистоты спорта». Контриллюстрации: слова друга Рзаева: «Он – нормальный чувак, любит Россию, у него русская девушка»;

• V уровень – фоны: подробности суда: Рзаев: «Я ошибся, адреналин ударил в голову, я люблю Россию, здесь мой дом, прости, брат»; мать в зале заплакала;

• VI уровень – фоны к фонам: 17 июля Рзаев сел в самолет на Баку, шепча: «Это не конец, я вернусь». В настоящее время он «открыл в Баку небольшой зал, где учит детей стойкам, но эхо той фразы следует за ним, как тень на ринге».

Реакции аудитории по поводу статьи с *осуждающим* смыслом:

Согласны с автором статьи – 94 %. Аргументы: «справедливо»; «он оскорбил всех россиян»; «на эмоциях он сказал, что думал»; «что заслужил, то и получил»; «все по заслугам, показал свою сущность, и российский закон его покарал»; «так надо поступать с каждым, кто откроет свой помойный рот, изливая нацистские помыслы»; «только лет через 50 может посетить Россию»; «судье, вынесшему приговор, огромное уважение»; «всем, кто не ценит Россию, в которой живет, в назидание».

Не согласны с автором статьи – 1 %. Аргументы: «сожалею, что это восприняли как оскорбление»; «это же сколько надо было по башке получить, чтобы так думать».

Нейтральные реакции – 0 %.

Не поняли авторский смысл или транслировали новый, не соотнесенный с авторским смыслом – 5 %.

*Смысл оправдывающий*⁷. Информационный повод: после победы на окраине Баку (*факт автором искажен!*) азербайджанский боец Джавид Рзаев сказал в микрофон, обращаясь к российскому бойцу, с которым ему предстоит следующая встреча, всего три слова (*на самом деле оскорбительных слов было больше!*), в результате чего его депортировали из России.

Мотивационно-целевая структура статьи с *оправдывающим* смыслом:

• I уровень – интенциональность, или смысл: депортация – наказание слишком жестокое;

• II уровень – тезисы: наказали всего лишь за «три простых слова»; причина такого резонанса «в вопросах свободы слова, гражданства и справедливости в современной политике» (однако причина наказания и те самые «простые три слова» в статье так и не названы);

• III уровень – аргументы: это был эмоциональный момент после спортивной победы;

• IV уровень – иллюстрации: адвокаты подают апелляции, активисты собирают подписи; женщина на улице плачет: «Это же наш человек, наш герой – он просто сказал правду!»; «...уже в ночь после победы к дому спортсмена подъехали полицейские с постановлением на обыск» – по словам соседей, «как будто пришли за опасным преступником»; «спустя 48 часов стало известно, что ему официально аннулировали гражданство и издано распоряжение о депортации»;

• V уровень – фоны: «“Он сказал три слова – три! – и теперь у него отбирают гражданство, как будто это преступление”, – вздыхает тренер...»; «свидетели с горечью

⁷ «Три слова после победы: азербайджанского бойца лишили гражданства и депортируют» (2025), *Снимак*, 02 октября 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://dzen.ru/a/aN7FtPcGBAUdy-VP?ysclid=mjbxupnz2c861130702> (дата обращения: 07.10.2025).

описывают моменты отстранения и оформления бумаг...»; «Если героя, победителя можно так наказать – что нам остается?» – добавляет продавщица...»;

- VI уровень – фоны к фонам: искаженные факты (ситуация якобы произошла в Баку; оскорбительных слов было больше); фотографии из зала суда и с ринга.

Реакции аудитории по поводу статьи с *оправдывающим* смыслом:

Согласны с автором статьи – 0 %.

Не согласны с автором статьи – 99 %. Аргументы: «а для чего вся эта муть автора, если он не хочет доверить всему обществу решать, он это право только себе доверяет?»; «так что же этот азербайджанец сказал? Автор этого не слышал? Если взялись писать, так не юлите: кого, за что, куда?..»; «мы слышали, как он высказался о русских, что ж автор побоялся повторить, чтобы всем ясно стало»; «мы слышали, поэтому домой, нечего у нас делать»; «что ж не написали про эти “три заветные слова” – что приехавший и вскормившийся на российской земле за российские деньги... русских свиньями обозвал?»; «нарушил, отвечай. Закон суров, но это закон».

Нейтральные реакции – 0 %.

Не поняли авторский смысл или транслировали новый, не соотнесенный с авторским смыслом – 1 %.

Заключение (Conclusions)

Первый уровень анализа состоял в дифференциации комментариев по особенностям понимания константных смыслов авторских статей. Согласие, равно как и несогласие автора комментария с автором статьи, вкупе с аргументацией своей позиции, расценивалось как *достижение понимания главного смысла* (какую цель преследовал автор, что именно хотел сказать или утаить); *число таких комментариев составило 72–100 %, в зависимости от темы и формы подачи материала*⁸. (В это число не были включены комментарии, где достижение понимания их авторами не было очевидным: имеются в виду комментарии с нейтральными реакциями по отношению к константным смыслам, а также комментарии, транслирующие новые смыслы, никак не соотнесенные с константными смыслами обсуждаемых статей).

Комплекс данных, учитывающий такие параметры, как «понимание-непонимание» и «согласие-несогласие-нейтральность», позволил обозначить, во-первых, типичные реакции *активной и понимающей части аудитории* по отношению к фактам реальности, ставшим темами освещения в изучаемых нами статьях; во-вторых, полученные данные характеризуют особенности адаптации *активной и понимающей части аудитории* при «встречах» с разнонаправленными смыслами социокультурной среды.

- *Согласны с нравственным осуждением уехавших из страны бывших представителей культурной элиты* 73 %; *не согласны с оправданием тех, кто уезжает из страны в трудное время*, 77 %.

- *Согласны с нравственным осуждением бывшей «звезды» эстрады Аллы Пугачёвой* 74 %; *не согласны с заявлением о том, что ее невозможно разлюбить*, 72 %.

⁸ Данные о числе представителей аудитории, сумевшей понять воспринятые ими смыслы проанализированных нами статей в Интернете, выгодно отличаются от данных об особенностях понимания константных смыслов на экономические и социально-политические темы, а также и художественных произведений: по данным многолетних исследований с использованием семиосоциопсихологических методов и подходов, такое число колеблется от 13-14 % до 35-40 %, в зависимости от сложности темы, жанра и убедительности автора (Дридзе, 1984; Адамьянц, 2024). Высокий процент понимания смыслов проанализированных нами статей можно объяснить, во-первых, личностными особенностями авторов комментариев: как упоминалось, это в основном социально активные, имеющие собственное мнение люди, преимущественно среднего и старшего возраста; во-вторых, транслируемые проанализированными нами статьями смыслы находятся буквально «на поверхности», благодаря использованной авторами лексике и прочим выразительным средствам.

• Согласны с депортацией из страны бывшего борца ММА, оскорбившего россиян на национальной почве, 94 %; не согласны с заявлением, что депортация слишком жестокое наказание, 100%.

Высокий уровень совпадения процентных значений среди «согласных» и «несогласных» в статьях с противоположными (по отношению к осуждаемым темам) смыслами позволяет сделать вывод о наличии у активной и понимающей части аудитории собственной позиции относительно обсуждаемых в статьях тем и проблем, а также, что не менее важно, об умении противостоять на ментальном уровне смысловым воздействиям и манипуляциям.

Характерно, что ориентиром в оценках и определении собственной позиции по отношению к ставшим предметом обсуждения событиям и явлениям оказываются традиционные для населения России морально-нравственные ценности: патриотизм, гордость страной и своей принадлежностью к ней, желание игнорировать недоброжелателей, осудить их на нравственном уровне; в случаях же особой агрессивности по отношению к стране и россиянам – пожелать их изоляции, изгнания из страны, в соответствии с действием психологического механизма «свои» и «чужие» (Гулевич, 2024). По этим же критериям оцениваются и авторские смыслы в тех случаях, когда в связи с личной мотивацией или неким «заказом» используются не совсем прозрачные приемы или искажаются факты.

Полученные данные о числе аудитории, имеющей собственную позицию по отношению к обсуждаемым темам и проблемам, созвучную с традиционными морально-нравственным ценностями социума, представляется возможным распространить также и на особенности их адаптации к факту наличия разнонаправленных смыслов в современной социокультурной среде.

• Имеют собственную позицию и, следовательно, адаптированы к факту разнонаправленных смыслов относительно персон, уехавших в знак протеста из России, от 73 % до 77 % активной и понимающей части аудитории.

• Имеют собственную позицию и, следовательно, адаптированы к факту разнонаправленных смыслов относительно скандальных заявлений бывших «звезд» эстрады от 72 % до 74 % активной и понимающей части аудитории.

• Имеют собственную позицию и, следовательно, адаптированы к факту разнонаправленных смыслов относительно оскорбления россиян на национальной почве от 94 % до 100 % активной и понимающей части аудитории.

Учитывая репрезентативность полученных данных (соблюдение социологического принципа минимальной базовой группы), выводы об особенностях адаптации активной и понимающей части аудитории Интернета представляется возможным распространить, на уровне тенденций, на особенности социально значимых реакций среди социально активной и обладающей навыками понимания латентных смыслов части населения всей страны, однако с ограничениями по возрасту: судя по косвенным свидетельствам в текстах комментариев, их авторы преимущественно люди среднего и старшего возраста.

Для полноты анализа следует упомянуть и о нейтральных реакциях в комментариях относительно тех, кто в знак протеста уехал из страны (от 5 % до 13 %), а также относительно скандальных заявлений бывших «звезд» эстрады (от 4 % до 14 %): авторы таких комментариев заявляют, что им не интересен бесконечный поток однотипных и примитивных по форме статей о каждом слове или шаге этих персон; мнением этой части аудитории целесообразно не пренебрегать авторам и органам СМИ, планирующим свои будущие публикации. Характерно, что нейтральных реакций совсем не оказалось в комментариях к статьям об оскорблении россиян на национальной почве.

Целесообразно также актуализировать перед обучающими и управляющими структурами вопрос о массовом развитии навыков понимания латентных смыслов, прежде

всего у современной молодежи, для которой, по данным многочисленных исследований, социокультурная среда является основным источником знаний и социально значимых представлений об окружающем мире и о своем месте в нем.

Литература

Адамьянц, Т. З. (2022), «Виртуальные социокультурные миры на открытых платформах Интернета», *Социологическая наука и социальная практика*, 10 (1), 58-72. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8860>. EDN: TKSBBBA

Адамьянц, Т. З. (2023), «Смыслы и смысловые нюансы на открытых интернет-платформах как предмет социологического изучения (на примере блогов патриотической направленности в «Дзене»», *Социологическая наука и социальная практика*, 11 (4), 204-220. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.9> ; EDN: UOQHTI

Адамьянц, Т. З. (2024), *Социальные коммуникации: Учебник для вузов*, 2-е изд., перераб. и доп., Юрайт, Москва. EDN: MTVJFI

Гулевич, О. А. (2024), *Психология межгрупповых отношений: учебник для вузов*, 2-е изд., испр. и доп. Юрайт, Москва [Электронный ресурс], URL: <https://urait.ru/index.php/book/psihologiya-mezhgruppovyh-otnosheniy-563443?ysclid=mhacipvf9y194382124> (дата обращения: 07.10.2025).

Гурвич, Ф. М. (1973), «Методы и процедуры получения экспертной информации. Ч. 1», *Экономика и математические методы*, IX(5), 962-975.

Дридзе, Т. М. (2000), «Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики», *Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. Кн. 1*, Изд-во Ин-та социологии РАН, Москва, 5-42.

Дридзе, Т. М. (1984), *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*, Наука, Москва.

Леверовская, Я. В., Балцевич, В. А. и Балцевич, С. Я. (2003), «Социальная адаптация», *Социология: Энциклопедия*, сост. Грицанов, А. А., Абушенко, В. Л., Соколова, Г. Н. и Терещенко, О. В., Книжный дом, Минск, 941-942.

Яковлев, А. М. (2008), «Ценность социальная», *Социологический словарь*, отв. ред. Осипов, Г. В. и Москвичев, Л. Н., Норма, Москва.

Peirce, Ch. (1956), *Collected Papers. Vol. 6*, The Belknap Press of Harvard Univ. Press, Cambridge, MA.

References

Adamyants, T. Z. (2022), "Virtual sociocultural worlds on open Internet platforms", *Sociological Science and Social Practice*, 10(1), 58-72 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8860>.

Adamyants, T. Z. (2023), "Meanings and semantic nuances on open Internet platforms as a subject of sociological study (using the example of patriotic blogs on Zen)", *Sociological Science and Social Practice*, 11 (4), 204-220 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8860>.

Adamyants, T. Z. (2024), *Sotsialnyye kommunikatsii: Uchebnik dlya vuzov* [Social communications: Textbook for universities], 2nd ed., Yurayt, Moscow, Russia. EDN: MTVJFI

Dridze, T. M. (1984), *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Text activity in the structure of social communication], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Dridze, T. M. (2000), "Two New Paradigms for Social cognition and Social Practice", *Sotsialnaya kommunikatsiya i sotsialnoe upravleniye v ekoantropotsentricheskoy i semiosotsiopsikhologicheskoy paradigmakh: V 2 knigakh. Kniga 1* [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: In 2 books. Book 1], Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 5-42 (in Russ.).

Gulevich, O. A. (2024), *Psikhologiya mezhgruppovykh otnosheniy: Uchebnik dlya vuzov* [Psychology of Intergroup Relations: A Textbook for Universities], 2nd ed., Yurayt, Moscow, Russia [Online], available at: <https://urait.ru/index.php/book/psihologiya-mezhgruppovyh-otnosheniy-563443?ysclid=mhacipvf9y194382124> (Accessed 07 October 2025) (in Russ.).

Gurvich, F. M. (1973), "Methods and procedures for obtaining expert information. P. 1", *Economics and Mathematical Methods*, IX(5), 962-975 (in Russ.).

Leverovskaya, Y V., Baltsevich, V. A. and Baltsevich, S. Ya. (2003), "Social adaptation", *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: An Encyclopedia], comp. Gritsanov, A. A., Abushenko, V. L., Sokolova, G. N., Tereshchenko, O. V. Knizhnyy dom, Minsk, Belarus, 941-942 (in Russ).

Peirce, Ch. (1956), *Collected Papers. Vol. 6*, The Belknap Press of Harvard Univ. Press, Cambridge, MA.

Yakovlev, A. M. (2008), "Social Value", *Sociological Dictionary*, Osipov, G. V. and Moskvichev, L. N. (eds), Norma, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Адамьянц Тамара Завеновна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия; tamara-adamiants@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3911-2769

Web of Science Researcher Id: ABD-1686-2020

Scopus Author Id: 56951112600

ABOUT THE AUTHOR:

Tamara Z. Adamiants, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia; tamara-adamiants@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3911-2769

Web of Science Researcher Id: ABD-1686-2020

Scopus Author Id: 56951112600

УДК 130.2; 130.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-6

Шульженко А. А.¹, Мотовникова Е. Н.² | Творческая личность в философско-литературной концептуализации Ап. А. Григорьева

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252781@bsuedu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; motovnikova@bsuedu.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка предварительного упорядочивания основных элементов философской концепции творческой личности литературного критика, поэта и философа XIX века А.А. Григорьева. Анализ программных статей А.А. Григорьева позволяет выделить ключевые, в его понимании, конкретные свойства творческой личности, в совокупности своей обеспечивающие главное фактическое творческое действие её, а именно, правдивое выражение народных идеалов. Творцу фундаментально необходимо быть отзывчивым и сочувствующим, открытым и правдивым, полным сознательной и свободной силы в творчестве. Чтобы наиболее ясно и конкретно-наглядно раскрыть свою концепцию, Григорьев в порядке аргументации использует примеры творцов, Карамзина, Пушкина, Островского, как чутких народных писателей, возвращенных на родной почве. Самобытность позиции Григорьева ярко проявляется в его решительном отмежевании от главных литературно-критических направлений своего времени, славянофильства и западничества, – как односторонних (теоретических). Критик искал в творческой личности жизненной полноты и гармонизации внутреннего и внешнего – народного. Искусство становится живым, когда положительно выражает вечные идеалы, и у Григорьева нравственность нераздельна с искусством, он объединяет этику и эстетику. Тема творческой личности в работах А.А. Григорьева рассматривается в контексте других его центральных тем и категорий, таких как религия и органическая критика. Эти контекстуальные связки не только демонстрируют цельность и стилистическую связность григорьевских размышлений, они также открывают новые перспективы исследований философии искусства Григорьева: проблемы нравственности, сознательного и бессознательного и др.

Ключевые слова: А.А. Григорьев; творческая личность; органическая критика; народность в творчестве; литературная критика; эстетика

Для цитирования: Шульженко, А. А., Мотовникова, Е. Н. (2025), «Творческая личность в философско-литературной концептуализации Ап. А. Григорьева», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 77-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-6

A. A. Shulzhenko¹,
E. N. Motovnikova² | The creative personality in the philosophical and literary
conceptualization of Apollon Grigoriev

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252781@bsuedu.ru

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; motovnikova@bsuedu.ru

Abstract. This article attempts to organise the key elements of the philosophical concept of the creative personality, as proposed by the 19th-century literary critic, poet and philosopher A. A. Grigoriev. By analysing Grigoriev's programmatic articles, we can identify the qualities he considers essential to the creative personality. These qualities ensure the primary creative act of truthfully expressing popular ideals. According to Grigoriev, it is fundamental for a creator to be responsive and compassionate, open and truthful, and full of conscious, free creative force. To expound his concept most clearly and concretely, Grigoriev uses the example of artists such as Karamzin, Pushkin and Ostrovsky, who he describes as responsive folk writers nurtured in their native soil. Grigoriev's originality is evident in his decisive rejection of the main literary-critical movements of his time, Slavophilism and Westernism, which he considered to be one-sided (or theoretical). The critic sought the fullness of life and the harmonisation of the inner and outer worlds in the creative personality. Art comes to life when it positively expresses eternal ideals, and for Grigoriev, morality and art are inseparable; he unites ethics and aesthetics. The theme of the creative personality is examined within the context of Grigoriev's other central themes and categories, such as religion and organic criticism. These contextual connections demonstrate the integrity and stylistic coherence of Grigoriev's reflections, and open up new perspectives for researching his philosophy of art, including issues of morality, the conscious and the unconscious.

Key words: A.A. Grigoriev; creative personality; organic criticism; national character in creative work; literary criticism; aesthetics

For citation: Shulzhenko, A. A., and Motovnikova, E. N. (2025), "The creative personality in the philosophical and literary conceptualization of Apollon Grigoriev", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 77-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-6

Эстетическое чутье литературного критика А.А. Григорьева, «самого вдумчивого и самого глубокомысленного из наших литературных критиков» (Розанов, 1995: 600) «золотого века» русской литературы, развилось на благодатной почве: к его расцвету «уже были написаны гениальные шедевры А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя. Создавали свои произведения И.С. Тургенев, А.Н. Островский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и другие авторы» (Писарчик, 2017: 59). Чтобы подступиться к великим произведениям, необходимо иметь сообразные способности, и Григорьев имел «непосредственный дар, дар врожденный» – он «страстно чувствовал человеческое слово, страстно чувствовал поэтические и художественные образы» (Розанов, 1995: 601). Дар этот был дополнен широчайшей начитанностью и полной самостоятельностью мышления (см. там же). «Чтобы сущность предмета была нам постижима, должно быть некоторое соответствие

между нашею натурою и природою предмета» (Страхов, 1876: II), – и Аполлон Григорьев представлял собой редкий образчик соразмерного сочетания собственного творчества и отзывчивости к творчеству чужому, способности к глубинному пониманию, тщательному аналитическому разбору и точной оценке произведений в контексте всемирного литературного процесса. Григорьев «сам жил художественными типами и образами почти в той же мере, как ими живут художники, ... на себе знал, что такое – “стремление создать в себе и утвердить в душе обаятельные призраки и идеалы чужой жизни”, и как пробуждаются в душе “кровные, племенные, жизненные симпатии”, стремление “к своей почве”» (Страхов, 1876: V). Нас интересует в этой статье предметная критическая рефлексия Григорьева-критика по поводу собственных сил художника и влияний на него окружающей жизни, которые в совокупности рождают гения, наивысшую форму феномена творческой личности.

Тема эта напрямую мало разработана в научной и историко-философской литературе, однако ряд авторов так или иначе касается ее. Особенности отношения Григорьева к литературно-критическим направлениям и взаимосвязь его религиозных и нравственных воззрений анализирует Т.П. Писарчик (Писарчик, 2009) (Писарчик, 2017). Сходную проблематику рассматривает и В.А. Фатеев, глубоко погружаясь в религиозное самоопределение Аполлона Григорьева, романтического искателя идеалов (Фатеев, 2021), а затем выходя на уровень еще более общего размышления о становлении и развития Григорьева как литературного критика и философа (Фатеев, 2023). Так же от частного к общему движется в своих исследованиях Л.Д. Иванова: от анализа влияния В.Г. Белинского на формирование понимания А.А. Григорьевым феноменов творчества и «истинного художника» (Иванова, 2011) к более широкой постановке вопроса о становлении воззрений Григорьева на личность и различные концептуализации способностей и характера (Иванова, 2022). Коллективная юбилейная статья (Даренский, Дронов и др., 2023) изобилует множеством уточнений и пояснений относительно распространенной об А.А. Григорьеве информации, о его образе «главного идеолога почвенничества» и др., нам же и здесь наиболее важны рассуждения по вопросу о становлении художника в свете народных идеалов. С.Н. Носов рассматривал сходства и различия в понимании личности у Григорьева и Достоевского (Носов, 1988). А К.А. Баршт уточняет различие в позициях между А.А. Григорьевым и Ф.М. Достоевским относительно «всечеловеческого» и того, чем являются высочайшие проявления мировой культуры: движением к народному или уходом от него (Баршт, 2022).

Литературная критика Григорьева определенно философична, хотя при его жизни этого почти никто не понимал. Ретроспективно в этом помогает разобраться Н.А. Бердяев, который тоже, как и А.А. Григорьев, видит за внешними формами искусства корневище нравственного, религиозного, свободного, а «свобода и личность – одно» (Бердяев, 1989: 223), предполагающее творчество. Упоминание Бердяева при разговоре о Григорьеве обосновано смысловой близостью их позиций, и не только в отношении искусства; оба в основании своих взглядов отказываются расширять научность или сухую теоретичность на все сферы жизни: «не должны быть научны искусство, мораль, религия» (Бердяев, 1989: 264). Отсюда и сближение творчества и свободы: для Бердяева «учение о творческом развитии предполагает свободу как основу необходимости и личность как основу всякого бытия» (Бердяев, 1989: 366), для Григорьева же свобода дает наивысшую степень объективности. И более всего это верно в отношении художественного творчества, ведь оно «лучше всего раскрывает сущность творческого акта. Искусство есть сфера творческая по преимуществу. Принято даже называть художественным творческий элемент во всех сферах активности духа» (Бердяев, 1989: 437). Искусство – это земное дело, связанное с высшими началами, это «органически сознательный

отзыв органической жизни, как творческая сила и как деятельность творческой силы» (Григорьев, 1990b: 248).

Именно в творчестве наиболее полно видно народную физиономию – истинный поэт есть народный поэт, он развивается в особой почве и выражает ее идеалы: «Художник увековечивает только жизненно законные типы, ибо на нем лежит обязанность правды и правдивого отношения к явлениям, правдивого положительного, или правдивого отрицательного. Правда есть свет, озаряющий жизнь, отделяющий в ней случайное от существенного, преходящее и временное от неперемennого и вечного. Художник как вноситель света и правды является, таким образом, высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни, то есть своего народа и своего века, и иным даже быть не может истинный художник» (Григорьев, 2008b: 25).

Живая творческая личность возвышается над пресным описанием мира и быта, а строгая работа над формой, пусть и невероятно изысканной, это мертвый снимок, который не ведет к истинному чувству – поэзии действительного, «высшие задачи таланта влекут его не к этому делу, а к искреннейшему анализу души человеческой» (Григорьев, 1990c: 331). Сугубо эстетический формализм для Григорьева – «искусство для искусства», и в этом он не видит ничего, «кроме праздной игры в слова, звуки или краски; в искусстве, рабски отражающем жизнь без осмысления ее разумным (но не рассудочным) светом, – ничего, кроме ненужного и бледного повторения жизни» (Григорьев, 1990b: 248). Так же невысоко ценит он и «деланные» поэтизации, сложенные без энтузиазма, когда виденье поэта скомкано быстро собранными образами и фигурами (Григорьев, 2008b: 72), если художник не заинтересован в проникновении своего чувства в объект, то настоящего творчества не случится. Нужно подчеркнуть, что это именно «высшие задачи таланта», не случайно эту важнейшую мысль позднее повторяет и развивает Н.А. Бердяев, формулируя, что сам талант, как побуждение к творчеству, *должен* осуществиться или соврать – «по плану творения космос дан как задача, как идея, которую должна творчески осуществить свобода тварной души. В плане творения нет насилия ни над одним существом, каждому дано осуществить свою личность, идею, заложенную в Боге, или загубить, осуществить карикатуру, подделку» (Бердяев, 1989: 138).

Григорьев характеризует творческую натуру как предельно отзывчивую, доводящую свое *сочувствие* до *вчувствования*, она – оголенный нерв, отражающий мир вокруг, но цвет творчества этой натуры зависит от того, как именно она проведет дорогу к общим идеалам, что ею будет отброшено, а что поставлено в центр, ведь художник «всегда выражает в творении внутреннее бытие свое, и вот почему у самых даже многосторонних художников все представления составляют только одну большую семью, и, связанные, как члены, плотью и кровью, носят на себе родовую физиономию, печать общего происхождения» (Григорьев, 2008b: 83). Эта цитата раскрывает еще один мотив в размышлениях Григорьева: вечные истины живут внутри любого человека, но *ясны* они гению, поэтому мирозерцание великих умов – это вариации на одну тему – «одну и ту же глубокую, живую веру и правду, – одно и то же тонкое чувство красоты и благоговения к ней встретите вы в Шекспире, в Гоголе, в Гёте и в Пушкине, – та же самая нота звучит и в напряженном пафосе Гоголя, и в мерно-ровном, блестящем течении творчества Гёте, и в благоуханной простоте Пушкина, и в строго-безукоризненном величии Шекспира. Различие может быть только в степени и в цвете вчувствования» (Григорьев, 1990a: 76). Душевные стихии, движимые органическим талантом, обретают самостоятельную реальность, становятся вполне живыми. Их широта и подвижность значительно превышает рамки определимости и теоретических принципов. В живом творчестве можно рассмотреть совершенно новую тропу и обнаружить, что ранее созданная схема была не полная: живое плодотворно, вечно рождает новое.

Творческая натура *искренняя*, не может забыть своей почвы и везде ищет знакомое, сила ее личная, но все же *объективная* – чувствительность ее таланта позволяет понимать полноту

описываемого, отрешаясь от своей личности, входить в суть вещей (Григорьев, 2008b: 76). Объективность в искусстве Григорьев отличает по силе способностей; так, наиболее простой является способность копировать: «игра или пение по слуху в музыканте и певце; способность к копированию в тесном смысле» (Григорьев, 2008b: 79) – это талант в техническом понимании, как ремесло, но в нем нет свободного творчества. Более серьезным является умение создавать типы – «общие, отрешенные образы» (Григорьев, 2008b: 80), видеть общее в частном, однако типы эти несколько односторонни. Третья степень наивысшая, наиболее сознательная и свободная сила в творчестве, она «обладает светом или идеалом» (Григорьев, 2008b: 81).

Творец преисполнен *разумной любви*. Он может сокрыть ее за враждой, мраком, но он проникает в действительное и умело применяет иронию, разделяя достоверное на ложь и правду, уводя последнюю недалеко от жизни, чтобы за занавесом мы вдруг обнаружили ее – правду, т. е. собственную натуру созданной поэтом действительности, ирония поэта наслаивается на реальное и становится линзой. Если же безнравственное, а значит отрицательное, противное истине становится основой творчества, то это что-то целиком лживое, построенное на незнании добра или же совсем по злему умыслу, но, как писал Н.А. Бердяев, «на отрицании зла формируется личность» (Бердяев, 1989: 133), а личность творца и подавно. Любой народ не способен выжить без *положительных* идеалов. Однако судить о безнравственности нужно осторожно. На примере Байрона Григорьев показывает, что за, казалось бы, отрицательным обнаруживается «протест против неправды без сознания правды» (Григорьев, 2008b: 41). Это совершенно иной ракурс, когда душевный порыв вынуждает творца сражаться с ложью жизни – казнь и ирония, вынутые из собственной натуры – отпечаток того окружающего, в котором он рожден.

Григорьев часто говорит о правде и истине в искусстве во множестве своих статей; помимо морально-этического фактора, его интересует и форма, в которой истина выступает как достоверность, о ней в литературе лаконично высказался В.В. Набоков – что художественный мир, «пока он существует, этот мир должен вызывать доверие у читателя или зрителя» (Набоков, 2010: 176). Григорьев жестко критикует фальшь и ищет доверия, необходимых деталей, что в совокупности делают художественный мир настоящим, однако за внешним он находит нравственные ориентиры, идеалы – «истинный художник сам верует в разумность создаваемой им жизни, свято дорожит правдою, и оттого мы в него веруем, и оттого в прозрачном его произведении сквозит очевидно созерцаемый им идеал» (Григорьев, 1990a: 77).

Акцент на вечных идеалах у Григорьева, противопоставляемый вещам случайным и временным, появляется от сознания потребностей практической жизни. Она объемнее чистой нравственности, ибо произведение, которое воспекает некий идеал, но лишенное *деталей жизни и правды* – плоское произведение, сделанное¹. Оно, безусловно, может говорить о важном и ценном, только этот дидактический пафос помешает созданию цельной живой картины. Некоторые великие авторитеты – Шиллер и Гоголь – имели стремление «уничтожить искусство в пользу нравственности» (Григорьев, 2008b: 16), однако они проводники *живого*, и за счет искренности их собственного таланта, это стремление не осуществилось, их осмысления собственного творчества и роли искусства «высказаны в пылу битвы с видимыми врагами, с конечными и случайными явлениями, которые преимущественно и имелись в виду» (Григорьев, 2008b: 17). В сущности, это и есть признак органического творчества, рожденного

¹ Здесь к месту важное рефлексивное уточнение Григорьева: «До сих пор я не делал ничего иного в своем историческом анализе вопроса о связи искусства с нравственностью, как заменял слово “нравственность” другим словом – “жизнь”» (Григорьев, 2008b: 22), еще до формулировки этой интуиции улавливается, что почва, жизнь, нравственность – теснейшим образом связаны, и одно тянет за собой другое, независимо от того, что возьмем первым.

и уже самостоятельно существующего. Личность автора в нем заметна и сокрыта, он отражает действительность, добавляет ей цвет и растворяется в произведении, становится незаметным, чтобы ничего не нарушить – он везде и нигде. Однако именно с действительности он начинает, она источник правды, а не идеальное (Котельников, 2023: 161).

Линия размышлений Григорьева о взаимосвязи искусства и нравственности со временем дополнялась. В 1856 г. он пишет, что нравственности и искусству характерна цельность, «ибо в понятии о подчинении заключается мысль о разорванности отношения между подчиняющим и подчиняющимся» (Григорьев, 2008b: 28). А в 1861 г. он заключил, что нравственность наполняется искусством, которое само и есть цель: «не искусство должно учиться у нравственности, а нравственность учиться (да и училась и учится) у искусства» (Григорьев, 1990d: 248). Это пример органического единства настоящего художества с жизнью, ведь в «искусстве истинном, полном, отражающем высшие нравственные законы жизни, есть постоянное стремление к хранению идеалов, таковые законы представляющих, если только есть хотя малейшая жизненность в корнях, с которыми они связаны» (Григорьев, 2008b: 70).

Разделение этих понятий – полностью философский плод, он возник в Германии и пришел в Россию вместе с немецкими теориями искусства, но, как думал А.А. Григорьев, не укоренился в мышлении, а остался чисто теоретическим благодаря прочной связи с почвой у отечественных деятелей. Потенциал органического творчества в России очевиден для Григорьева, деятельные умы сосредоточены на явлениях жизни, как, например, Н.И. Новиков, который собирал, не перевирая, то, «чем мыслят чувствуют, живут, поют и верят *необразованные* массы, называемые “народами”» (Григорьев, 2008a: 455), пока умы Европы были заиклены на французской мысли. При обращении к «низменной» или «народной» культуре нужно лишить себя вредных предрассудков о глупости народа, якобы его полная бессознательности жизнь есть нечто унижительное и темное. Н.Н. Страхов сгустил и ясно раскрыл позицию Григорьева, что «сознательное мышление» есть причина распада «прекрасного мира», оно критически направленно, а не позитивно, постоянная аналитика не предлагает чего-то выше теоретических построений, не предлагает жизни (Страхов, 2009: 122). Однако это не значит, что любой интеллектual обедняет свое мышление образованием, это упрек в сторону поверхностности и со стороны Страхова и Григорьева призыв к открытому мышлению, осторожному и ищущему. Творческий интеллектual, полный стремления узнать органическую жизнь, избегает заранее готовых искусственных теоретических конструкций, он стремится увидеть и выразить, позволив через себя родиться новому.

Безусловно, для Григорьева феномен творца сложнее каких-то партийных убеждений о хороших певцах родины и старины или добродетельных просветителей запада. В отличие от славянофилов, которые рассматривали личность как что-то незначительное на фоне народа, Григорьев «ставит вопрос о ее ведущем значении, о передовом положении в борьбе за народность» (Даренский, Дронов и др., 2023: 35). Великий Карамзин, что стал линией между новым и старым, взрастил положительное влияние общеевропейских идей, он их «первый вполне живой орган» (Григорьев, 2008a: 464-466), – эта характеристика раскрывает его прежде всего как готового к диалогу, ведь чтобы понимать, нужно уловить речь, и творец для Григорьева схватывает полноту реальности своего культурного типа с необычайной новизной, не преодолевая своих же черт, что никак не мешает узнать других. Так Карамзин почувствовал общеевропейскую жизнь и показал другим русского европейца.

То, как Григорьев называет Карамзина, – «живой орган», «живой и действительный талант», – говорит об отношении к нему как к органическому творцу, потому что признание только таланта есть согласие со способностями, некоторая техническая характеристика, но возвышает его над мастерством ремесленника органическая роль в общественно-исторической жизни, он именно «живой и действительный талант» (Григорьев, 2008a: 459) (Григорьев повторяет это несколько раз), оказавший влияние на нравственное в литературе.

Одного таланта недостаточно для поэта, нужно *миросозерцание*, которое существует в своем культурно-социальном контексте, оно должно быть «фокусом, отражающим крайние истинные пределы современного ей мышления, последнюю истинную степень развития общественных понятий и убеждений» (Григорьев, 1990а: 75).

Григорьев несколько раз называет Карамзина чутким, потому что он чуток к жизни, ему заметны ее пульсации, он схватывает устроение эпохи – это действительный органический талант творца, и что особенно важно, он «как великий писатель, был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны» (Григорьев, 2008а: 464). Такая значительная сила Карамзина проявляется в «Письмах русского путешественника», где русский человек предстает настоящим и равным всему человечеству, а не карикатурным героем, диким предметом для сатиры. Несмотря на это, сила Карамзина бессознательна или, вернее, «сознательно-бессознательна» (Кривушина, 2023: 119), потому что в «Истории государства Российского» он смотрит на прошлое уже европейским взглядом (Григорьев подразумевает некоторую беспристрастность и независимость). Во многом фальшив в представлении народности, он «был, да и до сих пор есть – единственный у нас историк-художник, историк, отливший наши исторические образы в известные яркие, ясные формы» (Григорьев, 2008а: 472).

Творческая личность у Григорьева взращена почвой своего особенного народного мира, и она его наиболее мощный выразитель, что сохраняет и развивает в себе. В этом пункте расхождение с Достоевским, у которого «всечеловек» преодолевает национальное, пусть и оставаясь со своей народной физиономией, но он уже более чем национальный тип, он «всечеловек», всеобъемлющий и универсальный – это описание следует в русле размышлений Достоевского о сложном и противоречивом русском характере. Расхождение Григорьева и Достоевского не идейное, оно в степени, и у Григорьева уклон в универсализм умеренный: «наше славянское коренное и типовое есть вместе и наиболее удобная подкладка для истинно человеческого, т. е. христианского, но только подкладка, не более» (Григорьев, 1990а: 66). Универсальность характера – это сложная конструкция, ее и выразить тяжело, и есть риск сказать о ней бездумно, искажая до роли объединителя всего человеческого. Проблема заключается в попытке приложить некие общечеловеческие идеалы, а природа ведь не терпит повторений, и жизнь не прощает посягательств на свои основы (Григорьев, 2008а: 447).

В разговоре о Григорьеве и Достоевском полезно обратиться к суждению С.Н. Носова, что «почвенничество» сковывает и тормозит «развитие индивидуалистических тенденций» (Носов, 1988: 60) – корректно ли говорить об индивидуализме в контексте развития стихий личности у критика? Этот вопрос правомерен, если углубиться в исходные положения Григорьевской критики и обнаружить, что личность вплетена органично в культурную среду, во всё, что под ней понимается: эпоху, место, историю, страдания и надежды. Все-таки индивидуализм не тождественен личности, и для философии Григорьева выражение народного в конкретном человеке – это очевидный факт развития личности; высокое развитие индивидуальности есть понимание своей почвы, чем оно выше, тем более выразительны плоды жизни этой личности. Одним из примеров является А.Н. Островский: он свое поэтическое внимание направил на средние слои общества, в которых собраны многие общие черты других – «интегральный народный тип, имеющий основания претендовать уже на тип национальный – именно в силу сочетания в себе традиционных народно-крестьянских свойств и благоприобретенных атрибутов европейски образованных верхов» (Дронов, 2023: 92). Также примечателен полемический момент в статье (Григорьев, 1990d), в которой Григорьев противопоставляет свои взгляды «реальной» критике Н.А. Добролюбова как узкому теоретическому направлению. Последний в статье «Луч света в темном царстве» говорит, что Григорьев не может ясно выразить, «за что же именно он ценит Островского», (Добролюбов, 1970: 257) и недостаточно раскрывает категорию «народности», с которой, по словам

Григорьева, Добролюбову и стоило бы начать. Во многом столкновение двух критиков сформировалось на почве разного понимания народности. Для Григорьева это культурная или даже этнокультурная ситуация, а для Добролюбова – социальная или, более современно выражаясь, гражданская.

Главная черта русской литературы, пересечение которой изменило всё – А.С. Пушкин. Григорьев много говорит о нем и широко известна его фраза «Пушкин – наше всё» (Григорьев, 1990а: 56), но важно ее продолжение: «Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. *Пушкин* – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, – образ, который мы долго еще будем оттенять красками. Сфера душевных сочувствий Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет правильного и органически – нашего» (Григорьев, 1990а: 56-57). Национальный творческий гений Пушкина воплощает все свойства и противоречия творческой личности как таковой и русского гения конкретно, а гений Григорьева впервые полно и ясно раскрыл национальный смысл Пушкина, что именно с ним и в нём четче всего проявились душевные стихии народа и значение русского национального вопроса: народ – власть – поэт – толпа – творчество – история народа... Для органической философии Григорьева «народность литературы как национальное начало является понятием безусловным» (Фатеев, 2021: 111), он не устает объяснять, что творцу необходимо понимать жизнь народа, чувствовать ее, жестокосердие убьет истинное художество – «Не народ существует для словесности, а словесность (в самом обширном смысле, то есть как всё многообразное проявление жизни в слове) для народа, – и не словесностью создается народ, а народом словесность» (Григорьев, 1990d: 213).

Творческая личность в концептуализации Ап. Григорьева, как мы можем ее реконструировать по его главным философско-литературным текстам, выступает как личность, во-первых, – свободная, то есть непредвзятая, не ангажированная, в этом смысле объективная; не связанная никакой теорией, методом и школой в своем мышлении и представлениях; не признающая над собой никакого внешнего долга – перед литературной «партией» или общественным идеологическим направлением. Благодаря этой свободе творческая личность, во-вторых, открыта для всех проявлений жизни: – ей органически присуща непритворная, не наигранная открытость непосредственной народной жизни во всех ее низинах и глубинах, связь с родной материальной и духовной почвой, чувство народной речи, мелодии, движения, предрассудка, юмора... – но не подражательность этой бессознательной непосредственности и наивности в своих творениях. Творческая высота и достоинство художника, в-третьих, – абсолютная искренняя правдивость его образов и произведений, осмысление прочувствованной и понятой жизни с позиций высших, вечных истин, наполнение светом этих истин своих творений.

Литература

- Баршт, К. А. (2022), «О концепте почва в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф.М. Достоевского 1860–1870-х гг.», Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 19(1), 4-28. DOI: 10.21638/spbu09.2022.101; EDN: ZYXEFU
- Бердяев, Н. А. (1989), *Философия свободы. Смысл творчества*, Правда, Москва.
- Григорьев, А. А. (1990а), «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2*, Художественная литература, Москва, 48-125.
- Григорьев, А. А. (1990b), «Искусство и нравственность», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2*, Художественная литература, Москва, 246-261.

- Григорьев А. А. (2008a) «Народность и литература», *Апология почвенничества*, сост. Белов, А. В.; отв. ред. Платонов, О., Институт русской цивилизации, Москва, 445–479.
- Григорьев А. А. (2008b) «О правде и искренности в искусстве. По поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А.С. Хомякову», *Апология почвенничества*, сост. Белов, А. В.; отв. ред. Платонов, О., Институт русской цивилизации, Москва, 9–83.
- Григорьев, А. А. (1990c), «По поводу нового издания старой вещи. “Горе от ума”. СПб. 1862.», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2, Художественная литература*, Москва, 327-343.
- Григорьев, А. А. (1990d), «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2, Художественная литература*, Москва, 212-245.
- Даренский, В. Ю., Дронов, И. Е., Ильин, Н. П., Котельников, В. А., Медоваров, М. В., Фатеев, В. А. и Гаврилов, И. Б. (2023), «Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА “Русско-Византийский вестник”», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 12-48. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_12; EDN: EGPQAB
- Добролюбов, Н. А. (1970), «Луч света в темном царстве», *Русские классики. Избранные литературно-критические статьи*, Наука, Москва, 231-300.
- Дронов, И. Е. (2023), «Аполлон Григорьев в поисках русской идентичности», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 70-100. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_70; EDN: LBLKND
- Иванова, Л. Д. (2022), «Теория личности в критическом наследии А. Григорьева 1840–1860-х гг.», *Известия УрФУ. Серия I. Проблемы образования, науки и культуры*, 28(3), 115-124. DOI: 10.15826/izv1.2022.28.3.051; EDN: PUZMRD
- Котельников, В. А. (2023), «Философско-эстетические концепции и литературная критика А.А. Григорьева в оценках А. Волынского», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 159-167. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_159; EDN: VWCYXS
- Кривушина, В. Ф. (2023), «“Исторический взгляд” Аполлона Григорьева и философия Ф.В.Й. Шеллинга», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 115-131. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_115; EDN: FJXKBQ
- Набоков, В. В. (2010), *Лекции о русской литературе*, Азбука-Классика, Санкт-Петербург.
- Носов, С. Н. (1988), «Проблема личности в мировоззрении Ап. Григорьева и Ф.М. Достоевского», *Достоевский. Материалы и исследования. Т. 8*, отв. ред. Г.М. Фридендер, Наука. Ленинградское отделение, Ленинград, 52-71.
- Писарчик, Т. П. (2017), «Философия русской литературы Аполлона Григорьева», *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 9, 59-63. EDN: XEVIIM
- Розанов, В. В. (1995), «К 50-летию кончины Ап. А. Григорьева», *Собрание сочинений. О писательстве и писателях*, Никулюкин, А. Н. (ред.), Республика, Москва, 600-602.
- Страхов, Н. Н. (2009), «Органические категории (по поводу статьи г. Эдельсона Идея Организма. Библиотека для Чтения. 1860 г. № 3)», *Вопросы философии*, 5, 116-124. EDN: KBDCUX
- Страхов, Н. Н. (1876), «Предисловие», *Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый (С портретом)*, Издание Н.Н. Страхова, Типография товарищества «Общественная Польза», Санкт-Петербург, I–IX.
- Фатеев, В. А. (2021), «Философия религии Аполлона Григорьева как воплощение почвеннического идеала абсолютного», *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*, 3(11), 97-120. DOI: 10.47132/2541-9587_2021_3_97; EDN: JQKDIW
- Фатеев, В. А. (2023), «Философия почвенничества и органическая критика Ап. Григорьева. Юбилейные размышления», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 49-69. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_49; EDN: CNQAYI

References

- Barsht, K. A. (2022), “On the concept of soil in the works of senior Slavophiles and in the work of F.M. Dostoevsky in the 1860s-1870s”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19(1), 4-28 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu09.2022.101; EDN: ZYXEFU
- Berdyayev, N. A. (1989), *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity], Pravda, Moscow, Russia (in Russ.).
- Darensky, V. Yu., Dronov, I. E., Ilyin, N. P., Kotelnikov, V. A., Medovarov, M. V., Fateev, V. A. and Gavrilov, I. B. (2023), “The Philosophy of Apollon Grigoriev (1822-1864) in the Context of Russian and European Thought and Culture. On the 200th Anniversary of His Birth. Proceedings of the Round Table of the St. Petersburg Theological Academy Scientific Journal ‘Russian-Byzantine Herald’”, *Russian-Byzantine Herald*, 3(14), 12-48 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_12; EDN: EGPQAB
- Dobrolyubov, N. A. (1970), “A Ray of Light in the Dark Kingdom”, *Russkiye klassiki. Izbrannyye literaturno-kriticheskiye stati* [Russian Classics. Selected Literary Critical Articles], Nauka, Moscow, 231-300 (in Russ.).
- Dronov, I. E. (2023), “Apollon Grigoriev in Search of Russian Identity”, *Russian-Byzantine Herald*, 3(14), 70-100 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_70; EDN: LBLKND

Fateev, V. A. (2021), "The Philosophy of Religion of Apollon Grigoriev as the Embodiment of the Pochvennik Ideal of the Absolute", *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*, 3(11), 97-120 (in Russ.). DOI: 10.47132/2541-9587_2021_3_97; EDN: JQKDIW

Fateev, V. A. (2023), "The Philosophy of Sociology and the Organic Criticism of Apostle Grigoriev. Anniversary Reflections", *Russian-Byzantine Bulletin*, 3(14), 49-69 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_49; EDN: CNQAYI

Grigoriev, A. A. (1990a), "A Look at Russian Literature Since the Death of Pushkin", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 48-125 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1990d), "After Ostrovsky's 'The Storm.' Letters to Ivan Sergeevich Turgenev", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 212-245 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1990b), "Art and Morality", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 246-261 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1990c), "Concerning the new edition of an old work. 'Woe from Wit. St. Petersburg. 1862.'", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 327-343 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (2008a), "Nationality and Literature", *Apologiya pochvennichestva* [Apology of pochvennichestvo], compiled by Belov, A. V.; Platonov, O. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, 445-479 (in Russ.).

Grigoriev A. A. (2008b) "On Truth and Sincerity in Art. Regarding an Aesthetic Question. Letter to A.S. Khomyakov", *Apologiya pochvennichestva* [Apology of pochvennichestvo], compiled by Belov, A. V.; Platonov, O. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, 9-83 (in Russ.).

Ivanova, L. D. (2011), "Apollon Grigoriev and V. Belinsky: the question of ideas continuity in literary criticism in 1840s-1850s", *Mediascope*, 4, 17 (in Russ.). EDN: OOSDEB

Ivanova, L. D. (2022), "Personality Theory in the Critical Legacy of A. Grigoriev of the 1840s-1860s", *Izvestia of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, 28(3), 115-124 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2022.28.3.051; EDN: PUZMRD

Kotelnikov, V. A. (2023), "Philosophical and aesthetic concepts and literary criticism of A.A. Grigoriev in the assessments of A. Volynsky", *Russian-Byzantine Bulletin*, 3(14), 159-167 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_159; EDN: VWCYXS

Krivushina, V. F. (2023), "The Historical View of Apollon Grigoriev and the Philosophy of F.W.J. Schelling", *Russian-Byzantine Bulletin*, 3(14), 115-131 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_115; EDN: FJXKBQ

Nabokov, V. V. (2010), *Leksii o russkoy literature* [Lectures on Russian Literature], Azbuka-Klassika, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Nosov, S. N. (1988), "The Problem of Personality in the Worldview of Apostle Grigoriev and F.M. Dostoevsky", *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya. T. 8* [Dostoevsky. Materials and Research. Vol. 8], in Friedlander, G. M., Leningrad branch of the Nauka Publishing House, Leningrad, USSR, 52-71 (in Russ.).

Pisarchik, T. P. (2017), "The Philosophy of Russian Literature by Apollon Grigoriev", *Intellect. Innovations. Investments*, 9, 59-63 (in Russ.). EDN: XEVIIM

Pisarchik, T. P. (2009), "The problem of religion in the philosophical worldview of Apollon Grigoriev", *Bulletin of Orenburg State University*, 7, 88-92 (in Russ.). EDN: KYFDTD

Rozanov, V. V. (1995), "To the 50th anniversary of the death of Ap. A. Grigoriev", *Sobraniye sochineniy. O pisatelstve i pisatelyakh*, [Collected works. On writing and writers], Nikolyukin, A. N. (ed.), Respublika, Moscow, Russia, 600-602 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2009), "Organic categories (regarding Mr. Edelson's article The Idea of an Organism. Library for Reading. 1860, No. 3)", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 5, 116-124 (in Russ.). EDN: KBDCUX

Strakhov, N. N. (1876), "Preface", *Sochineniya Apollona Grigorieva. Tom pervyy (S portretom)* [The Works of Apollon Grigoriev. Volume One (With a Portrait)], Published by N. N. Strakhov, Printing House of the Partnership "Obshchestvennaya Pol'za", St. Petersburg, Russia, I-IX (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Шульженко Андрей Александрович, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252781@bsuedu.ru

Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; motovnikova@bsuedu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Andrey A. Shulzhenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252781@bsuedu.ru

Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; motovnikova@bsuedu.ru

УДК 172; 168

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-7

Ивашина Е. В.

**Человек как целое: антиредукционизм Н.Н. Стрхова
в эпоху трансгуманизма**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; ivashina_e@bsuedu.ru

Аннотация. Статья посвящена актуализации философско-антропологической концепции Н.Н. Стрхова в контексте вызовов современного трансгуманизма и научного редукционизма. Научная новизна заключается в демонстрации системной применимости антиредукционистской аргументации Стрхова для критики современных проектов технологического преодоления человеческой природы. Актуализация проводится на основании структурного сходства между механистическим материализмом XIX века и современным технологическим редукционизмом. Метафизические основания учения Стрхова вступают в системное противоречие с антропологической моделью трансгуманизма на трех уровнях: принцип иерархической целостности человека противоречит идее модульного «апгрейда»; телеологическое понимание жизни противопоставляется проекту отмены смерти; концепция человека как «узла бытия» защищает человеческое достоинство от растворения в кибернетических системах. Таким образом, наследие Стрхова раскрывается как продуктивный ресурс для построения философской альтернативы техно-утопическим проектам, отстаивая нередуцируемую целостность и конечность человеческого бытия.

Ключевые слова: Н.Н. Стрхов; философская антропология; антиредукционизм; целостность; человеческая природа; трансгуманизм; цифровая идентичность, технологический утопизм; критика позитивизма; смерть и смысл жизни

Для цитирования: Ивашина Е. В. (2025), «Человек как целое: антиредукционизм Н.Н. Стрхова в эпоху трансгуманизма», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 88-98. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-7

E. V. Ivashina

**Man as a Whole: N. N. Strakhov's Anti-Reductionism in the Age
of Transhumanism**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; ivashina_e@bsuedu.ru

Abstract. The article focuses on the actualization of N.N. Strakhov's philosophical and anthropological concept in the context of contemporary transhumanism and scientific reductionism. The scientific novelty of the research lies in demonstrating the systemic applicability of Strakhov's anti-reductionist argumentation for criticizing modern projects of technological overcoming of human nature. The actualization is

based on the structural similarity between the mechanistic materialism of the 19th century and contemporary technological reductionism. The metaphysical foundations of Strakhov's teaching come into systemic conflict with the anthropological model of transhumanism on three levels: the principle of human hierarchical integrity contradicts the idea of modular "upgrade"; the teleological understanding of life is opposed to the project of abolishing death; the concept of man as a "node of being" protects human dignity from dissolution in cybernetic systems. Thus, Strakhov's legacy is revealed as a productive resource for constructing a philosophical alternative to techno-utopian projects, defending the irreducible integrity and finitude of human existence.

Key words: N.N. Strakhov; philosophical anthropology; anti-reductionism; wholeness; human nature; transhumanism; digital identity; technological utopianism; critique of positivism; death and the meaning of life

For citation: Ivashina, E. V. (2025), "Man as a Whole: N. Strakhov's Anti-Reductionism in the Age of Transhumanism", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 88-98, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-7

Введение

Философское наследие Николая Страхова, часто остававшееся в тени его великих современников, сегодня обретает новую актуальность. Его главный труд «Мир как целое» представляет системную попытку противостояния набирающему силу научному редукционизму и материализму XIX века. Страховская критика позитивизма была направлена против редукции высших форм бытия к механическим законам, а полемика с марксизмом – против отрицания духовных основ социальной жизни. Метафизическим фундаментом его философии выступает идея мирового единства, которая находит свое предельное выражение в антропологическом выводе. Страхов утверждает: «Мир есть целое... Мир есть единое целое... Мир есть связанное целое... Мир есть стройное целое, гармоническое, органическое целое... Мир есть целое, имеющее центр, именно он есть сфера, средоточение которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность и главное явление и главный орган мира» (Страхов, 2007: 67). Именно этот центральный тезис – о человеке как смысловом узле мироздания – позволяет рассматривать учение Страхова не только как исторический памятник мысли, но и как источник актуальных аргументов для критического осмысления вызовов XXI века.

Антиредукционистский потенциал этой концепции сегодня актуален, как минимум, в двух направлениях. (1) По отношению к трансгуманизму тезис об иерархической целостности человека, где духовное начало венчает и направляет телесное, выступает как онтологическое опровержение проекта «технологического апгрейда», предполагающего возможность модульной замены биологических компонентов без утраты идентичности. Для Страхова сущность человека неотделима от его целостной, Богом или природой данной организации. (2) В контексте цифровизации и виртуализации идентичности положение о человеке как «главном органе мира» утверждает его сущностную укорененность в реальном, а не виртуальном бытии. Страховская онтология отрицает сведения личности к набору данных, алгоритмическому профилю или конструируемому цифровому образу, поскольку подлинная идентичность проистекает из его центрального места в структуре мироздания, а не из социальных, навязываемых средой атрибутов.

Современные технологические тренды, провозглашающие преодоление «ограничений» человеческой природы, выступают новыми формами редукции и отрицания человеческой целостности. Они наследуют логику того же механистического материализма и позитивизма, которые критиковал Страхов, лишь облекая ее в новые технологические формы. Страховская мысль дает философские основания для защиты нередуцируемого достоинства и целостности человека, полагая в них не случайный продукт эволюции, а смысловой центр универсума.

Человек Страхова: синтез вещества, жизни и духа

Страхов строит свою антропологию методом отрицания редукционистских подходов, начиная с последовательного признания тех истин, которые открывают естествознание. Он начинает с констатации биологической природы человека: «...Человек есть первое между животными и только этим отличается от них» (Страхов, 2007: 87). Этот тезис он детально обосновывает, различая два его смысла: «во-первых, тот, что в человеке есть все то, что есть и в животном; во-вторых, тот, что человек есть *не более* как животное, хотя бы и первое, и самое совершенное. Последний смысл не верен, но что касается до первого, то должны отдать справедливость натуралистам за то, что своими многотрудными изысканиями они незыблемо утвердили эту истину и рассеяли тучу предрассудков, господствовавших относительно этого вопроса. В самом деле, человеку очень бы хотелось не иметь *ничего общего* с животными, быть существом совершенно особенным, и потому понятно – он долго отвергал мысль, что в нем есть все то, что и в животном» (Страхов, 2007: 81) (курсив автора). Страхов признает эмпирическую данность, заявляя: «Человек есть животное, и вовсе не особенное не какое-нибудь чудо между животными, а такое же животное, как и многие другие» (там же).

Однако, признав эту данность, Страхов совершает решающий поворот, указывая на внутренний, экзистенциальный факт человеческого самосознания, который не укладывается в редукционистскую схему, стремящуюся исчерпать сущность человека его биологической природой. Он пишет: «Между тем справедливость гордого мнения человека о себе ясна сама собою. В самом деле, эта гордость, это высокомерие ко всей природе, равное высокомерие в отношении к растениям и камням, как к своим ближайшим сродникам, – обезьянам, это явление в человеке есть факт, неопровержимый и очевидный. Откуда же эта гордость? Человек есть животное, но он не хочет быть животным; человек есть одно из существ природы, но он противопоставляет себе и отрицается от нее. Как это возможно? Каким образом что-нибудь существующее недовольно тем, что оно есть?» (Страхов, 2007: 89). Это самоотрицание своей чисто природной сущности и есть, по Страхову, главное доказательство духовного начала в человеке. Таким образом, Страхов отстаивает иерархическую и антиредукционистскую модель: «Человек, есть дух, а не вещество, то ясно, что постижение должно быть начато с духа, а не с вещества. Вещество же есть не что иное, как именно то, что нужно постигнуть» (Страхов, 2007: 132) Его антропология – это синтез, а не отрицание: человек есть целостность, в которой вещественное, органическое и духовное неразрывно связаны, но не сводимы друг к другу.

Жизненный цикл как осмысленное развитие

Важнейшим онтологическим отличием организма, и в особенности человека как высшего выражения органического принципа, Страхов считает не просто круговорот веществ, а целенаправленное развитие. Он проводит принципиальную грань между двумя типами процессов: «Явления развития суть собственно органические, жизненные явления. В противоположность им я буду называть явлениями круговорота те процессы, которые постоянно совершаются в организмах, но служат, по-видимому, только для возобновления его в прежнем виде. Таковы например, кровообращение, дыхание и проч.» (Страхов, 2007: 133).

Особенность человека в рамках этой онтологической иерархии заключается в том, что в нем принцип развития достигает своей наивысшей формы. Если у растений и животных

развитие ограничено преимущественно биологической сферой (рост, созревание, реализация инстинктивных программ), то у человека оно приобретает духовное измерение. Это развитие личности, самосознания, нравственных и интеллектуальных сил. Таким образом, целенаправленное развитие по Страхову – это не просто биологический процесс, а онтологический принцип, который на уровне человека раскрывается как его способность к самопреодолению, нравственному и умственному совершенствованию, что прямо вытекает из его центрального положения в мире как «смыслового узла» бытия. В этом контексте чисто физиологические процессы круговорота служат основой и необходимым условием для реализации высшей, специфически человеческой формы развития.

Для Страхова жизнь человека – это целенаправленное, иерархически организованное развитие, в котором вещественное, органическое и духовное начала слиты в нерасторжимое единство. Он дает этому развитию простое и точное определение: «Мы живем – это в вещественном отношении значит: мы рождаемся, растем, мужаем, стареем и умираем. Возрасты суть отделы нашей жизни, смерть – ее необходимое заключение». (Страхов, 2007: 133).

- Рождение – не просто биологический акт, а таинственное начало нового организма, старт процесса «совершенствования».

- Жизнь – не просто существование, а развитие (совершенствование), движение от незрелости к зрелости. В этом ключевое отличие от материалистов, сводивших жизнь к «круговороту веществ».

- Смерть – не случайность, а необходимое завершение развития, логический и необходимый финал процесса. Устранив смерть, мы уничтожили бы саму структуру человеческой жизни как осмысленного пути.

При этом Страхов подчеркивает, что именно смерть как финал придает жизни осмысленность и завершенность, и ее причина остается тайной для редукционистской науки: «...до сих пор физиологи не знают причины смерти. Так или иначе, они понимают, почему в живом человеке происходят известные явления, понимают, почему он живет, но не понимают, почему он умирает. <...> Самое остроумное, что было сказано о причинах смерти физиологами, заключается в следующем: развитие сопровождается все большим и большим отвердением различных частей тела; это отложение твердых веществ в старости наконец переходит меру; органы становятся сухими и жесткими; окостеневают большие жилы, по которым льется кровь; зарастают тоненькие жилки, так называемые волосные, и т. д. Наконец жизненное движение становится невозможным» (Страхов, 2007: 134).

Взгляд Страхова формирует систему контраргументов против ключевых установок трансгуманизма, рассматривающего смерть как случайный (не необходимый) дефект биологической конструкции, подлежащий техническому исправлению. Здесь противопоставляются телеология и механицизм: если материализм видит в жизни сложный механизм, а трансгуманизм (наследуя эту логику) – «устаревший» механизм, подлежащий «апгрейду», то Страхов утверждает телеологическую природу жизни как осмысленного пути от рождения к смерти, где каждый этап имеет непреходящую ценность. Смерть в этой системе – не технический сбой, а логическое и смысловое завершение жизненного цикла, его «необходимое заключение» (Страхов, 2007: 133).

Страховская онтология позволяет сформулировать следующий фундаментальный контраргумент: устранение смерти не просто продлит жизнь, но качественно изменит саму ее структуру, уничтожив ее как «осмысленный путь». Бесконечное существование лишает человеческие поступки, выборы и сам процесс развития их итоговой значимости и драматизма, превращая жизнь в бесцельный процесс. Ценность человеческого бытия, по Страхову, коренится в его конечности и завершенности.

Таким образом, позиция Страхова дает философские основания для критики не конкретных технологий, а всей антропологической модели трансгуманизма. Трансгуманизм, вслед за материализмом, видит в человеке совокупность ремонтно-заменяемых модулей, тогда как Страхов утверждает его неделимую целостность, где телесное рождение, развитие и смерть неразрывно связаны с духовным смыслом. Эта целостность является неотъемлемой частью более широкого, «стройного целого» мира, и ее разрушение ведет к метафизическому дисбалансу.

Актуальность идей Страхова: вызовы современности

Наблюдая современное ему революционно-демократическое движение, Страхов так трактовал его идеологию: «...политические фанатики, мечтают о том, чтобы переделать человека, изменить ход всеобщей истории... они разжигают в себе чувство недовольства... и тогда начинают верить в какое-то новое человечество, которое будет свободно от самых коренных свойств человеческой природы» (Страхов, 2007: 68). Он говорил о политических фанатиках, сегодня их место заняли технологические и идеологические фанатики трансгуманизма. Такие, как основатель Google Рэй Курцвейл, философ-трансгуманист Ник Бостром, корпоративные идеологи типа Neuralink Илона Маска. В настоящее время ими уже реализованы проекты по «апгрейду» человека:

- Neuralink: Прямая интерфейсная связь мозга и компьютера, цель которой – изменить саму природу человеческого познания и коммуникации.
- Крионика: Заморозка тел для воскрешения в будущем («перенесение решения в другое время»).
- ИИ-сингулярность: вера в то, что создание искусственного сверхинтеллекта коренным образом и навсегда решит все проблемы человечества (то самое «новое человечество»).

Н. Бостром в своей книге (Бостром, 2016) анализирует экзистенциальные риски и возможности, открывающиеся перед «постчеловеческим» будущим, что является прямой проекцией критикуемой Страховым веры в человечество, «свободное от коренных свойств природы». Трансгуманизм – это современная, технологически обоснованная форма утопизма, которая, по Страхову, «разжигает недовольство» текущими человеческими ограничениями (смерть, болезни, физические возможности) и предлагает «перенести решение» в технологическое будущее. Определение цели трансгуманизма как преодоления человеческой природы заключено в словах Н. Бострома: «Трансгуманизм – это не только признание неизбежности радикальных перемен в природе человека, но и сознательная попытка ускорить их наступление, чтобы выйти за пределы его настоящей формы и ее ограничений» (Бостром, 2016: 16). Здесь Бостром прямо заявляет о цели «выйти за пределы» человеческой природы, что является сутью страховской критики «переделать человека» и веры в «новое человечество». «Постчеловек» мыслится как существо, свободное от фундаментальных ограничений. Он «мог бы быть полностью иммунным к болезням, ему было бы неведомо старение, и он не нуждался бы в смерти. Он обладал бы неограниченными физическими, интеллектуальными и эмоциональными возможностями, постоянно переживая такие состояния благополучия, которые нам, обычным людям, едва ли доступны даже в самые лучшие минуты жизни» (Бостром, 2016: 17). Это и есть детальное описание того самого «нового человечества», которое, по Страхову, «будет свободно от самых коренных свойств человеческой природы» – смертности, болезней, физических и психических ограничений.

Трансгуманистическая утопия опирается на гипотезу о том, что человеческая природа не является конечной и неизменной. Н. Бостром писал: «Если мы считаем сущностью человека разум и желание жить полноценной, счастливой жизнью, то человеческая природа – это не нечто раз и навсегда данное, а, скорее, “сырой проект”, подлежащий добровольному редизайну» (Бостром, 2016: 154). Страхов как раз и критиковал это представление о человеке как о «сыром проекте», который можно радикально «редизайнить». Для Страхова

человеческая природа – целостный, сложный и данный феномен, а не набор багов, которые нужно исправить. Бостром провозглашает философскую и практическую программу, которая в точности соответствует тому утопическому проекту, который Н.Н. Страхов диагностировал и критиковал как опасную иллюзию, отрывающую человека от реальности «здесь и сейчас».

Еще одну актуальную параллель образует страховская критика спиритуализма и современный цифровой эскапизм. В Предисловии к своей книге Страхов писал: «Самые глупые, спиритисты, уже переделали мир по-своему и наслаждаются беседой с жителями планет... третьи населяют планеты и звезды». (Страхов, 2007: 68), и это замечание оказывается пророческим для анализа цифровой эпохи. Параллель между спиритуалистами, конструирующими удобный вымышленный мир, и создателями современных виртуальных реальностей поразительна и позволяет выявить экзистенциальные риски технологического прогресса. Создатели альтернативной онтологии снова «переделали мир по-своему» – и не боятся показаться глупыми. Страхов критиковал подмену сложной, объективной реальности на внутренне непротиворечивую, но иллюзорную конструкцию, созданную по собственным меркам (Страхов, 2007: 68). Эта критика напрямую соотносится с современными проектами по построению Метавселенной. Такие компании, как Meta, и платформы вроде Roblox или Fortnite, буквально занимаются тем, что «переделывают мир по-своему», создавая цифровые юниверсумы с собственными законами, экономиками и социальными нормами. Как отмечает Мэтью Болл, цель их – создание «масштабируемой, интероперабельной сети рендерящихся в реальном времени 3D-виртуальных миров» (Болл, 2022: 45), что является технологическим воплощением страховского «переделывания мира».

Иллюзорные «вселенные» дополняются иллюзиями коммуникации: в цифровом мире легко можно «наслаждаться беседой с жителями планет». Для Страхова общение с «духами» было ярким примером подмены подлинного диалога с живым человеком на общение с проекцией собственных желаний и фантазий (Страхов, 2007: 68). В современном контексте пользователи Metaverse и социальных сетей «наслаждаются беседой» не столько с реальными людьми, сколько с их аватарами – тщательно сконструированными цифровыми масками. Болл подробно описывает, как идентичность в Метавселенной будет отделена от физического тела, позволяя пользователю быть кем угодно (Болл, 2022: 112-115). Это прямая аналогия общения с «жителями планет» – мы взаимодействуем с искусственными сущностями, принимая их за социальную реальность. Такая коммуникация, с точки зрения Страхова, лишена подлинности и ответственности, присущей диалогу в мире «здесь и сейчас».

Те, кто «населяют планеты и звезды», уходят от реальности, и здесь – ключевой пункт страховской критики. «Население» вымышленных миров означает инвестирование в них своего времени, энергии и экзистенциального внимания, которые изымаются из реальности (Страхов, 2007: 68). Сегодня миллионы людей буквально «населяют» виртуальные планеты. Болл приводит данные о том, что три миллиарда часов в месяц проводятся в рендерящихся в реальном времени виртуальных мирах, а поколение, выросшее на Roblox, считает их естественной средой обитания (Болл, 2022: 89). Страхов увидел бы в этом не триумф технологий, а форму массового интеллектуального и экзистенциального бегства. Вместо решения насущных проблем реального мира – экологических, социальных, экономических – человечество тратит колоссальные ресурсы на строительство и заселение цифровых утопий.

Таким образом, философская критика Н.Н. Страхова, сформулированная в XIX веке, оказывается актуальным инструментом для анализа феноменов цифровой эпохи. Проект Metaverse и подобные ему платформы предстают не просто как новейшие технологии, а как современная, технологически опосредованная форма спиритуализма, который Страхов считал «глупым» именно из-за его эскапистской сути (Страхов, 2007: 68). М. Болл выступает апологетом этого нового «спиритизма», детально разрабатывая механизм его строительства. Однако с точки зрения страховской критики, эта революция выглядит как великое бегство от

подлинности бытия в иллюзорную цифровую утопию, где мы, подобно спиритистам прошлого, предпочитаем беседовать с призраками-аватарами и населять фантастические миры.

Проблема редукции человеческой личности

В современной науке, особенно в нейробиологии и когнитивистике, сильна тенденция к редукционизму – объяснению высших психических функций через низкоуровневые биологические процессы. Классической работой, задавшей этот вектор, стала книга нейробиолога Фрэнсиса Крика (Crick, 1994). Его центральный тезис гласит: «“Вы”, ваши радости и ваши печали, ваши воспоминания и ваши амбиции, ваше чувство личной идентичности и свободной воли – на самом деле не более чем поведение огромного собрания нервных клеток и связанных с ними молекул» (Crick, 1994: 3). Крик не просто сформулировал эту гипотезу, но и предложил конкретную исследовательскую программу, утверждая, что «для понимания различных форм сознания нам сначала нужно знать их нейронные корреляты» (Crick, 1994: 10). В качестве наиболее перспективной модели для изучения он предложил зрительное восприятие, поскольку «люди – очень зрительные животные, и наше зрительное восприятие особенно ярко и богато информацией» (Crick, 1994: 21). Таким образом, с помощью методов вроде МРТ и ЭЭГ современная наука следует этому пути, фиксируя паттерны нейронной активности как корреляты психических переживаний, видя в этом ключ к материалистическому объяснению сознания.

Повреждения определенных участков мозга (например, в результате инсульта или травмы) закономерно приводят к изменениям или утрате конкретных психических функций, таких как принятие решений, социальное поведение и эмоциональный контроль. Это рассматривается как одно из ключевых доказательств того, что мозг служит материальным субстратом сознания и высших когнитивных процессов, а не является просто проводником для нематериальной души. Классической иллюстрацией этого принципа служит случай Финеаса Гейджа, детально проанализированный нейробиологом А. Дамасио. Как описывает Дамасио, железный лом, пробивший череп Гейджа, «прошел через передние отделы его мозга» (Damasio, 1994: 11), что привело к радикальной трансформации личности: из эффективного и ответственного человека он превратился в того, кто стал «непостоянным, непочтительным, позволяя себе самую вульгарную брань... и проявляя мало уважения к окружающим» (Damasio, 1994: 13). Ключевой вывод, который делают окружающие, формулируется так: «Гейдж больше не был Гейджем» (Damasio, 1994: 13).

Исследуя подобные случаи, Дамасио пришел к выводу, что повреждение префронтальной коры, травмировав эмоциональную сферу, напрямую подорвало саму способность к рациональному выбору. Это легло в основу соматической маркерной гипотезы, согласно которой «эмоции участвуют в процессе принятия решений» (Damasio, 1994: 2), а чувства являются интегральным компонентом рациональности. Дамасио подчеркивает, что «отсутствие эмоций и чувств наносит принятию решений... не меньший ущерб» (Damasio, 1994: 2), чем их избыток, что доказывает их незаменимую, материально обусловленную роль. Фундаментальный вывод, который делает Дамасио, заключается в том, что «Гейдж утратил нечто сугубо человеческое – способность планировать свое будущее как социальное существо» (Damasio, 1994: 15), и этот дефицит стал прямым следствием физического повреждения мозга. Таким образом, работа Дамасио наглядно демонстрирует, что сложнейшие психические функции, такие как рациональность, этика и социальное поведение, укоренены в биологии мозга, который служит их материальным субстратом.

Человек как «биологический алгоритм»: эта идея, популярная в рамках эволюционной психологии и некоторых направлений искусственного интеллекта, находит пересечение с выводами Дамасио. Если сознание и разум – это вычислительные процессы, возникшие для решения адаптационных задач, то гипотеза соматических маркеров предлагает ключ

к пониманию их архитектуры: это не холодный логический процессор, а система, в которую изначально встроены «эмоциональные коэффициенты», облегчающие принятие решений в сложных социальных контекстах. Ст. Пинкер прямо заявляет, что разум – это система вычислительных органов, сформированных естественным отбором. Он формулирует эту ключевую идею: «мышление – это система органов вычисления, созданных естественным отбором для решения проблем, с которыми сталкивались наши предки, занимавшиеся собирательством и охотой» (Пинкер, 2017: 3). Этот редукционистский подход, однако, сталкивается с фундаментальным возражением, известным как «трудная проблема сознания» (The Hard Problem of Consciousness) – почему вообще какая-либо физическая обработка информации сопровождается субъективным, качественным опытом (qualia)? Редукционистский подход, характерный для многих представителей когнитивной науки и эволюционной психологии, пытается свести «трудную проблему» к совокупности «легких», объяснив сознание через его функциональные корреляты (Чалмерс, 2013: 12-24).

Поразительно, что Страхов в своих философских работах предвосхитил саму суть этого спора. Его позиция является классической формулировкой антиредукционизма. Когда Страхов настаивает на несводимости ума к материальным процессам, он, по сути, указывает именно на «трудную проблему» за полтора века до Чалмерса. Он утверждает, что сколь бы детально мы ни описали механизмы мозга (решая «легкие проблемы»), это не отменит вопроса о природе самого субъективного переживания, которое остается уникальным, невыводимым из этих механизмов фактом нашего существования. Пинкер же, сосредотачиваясь на вычислительной модели разума, по сути, работает в парадигме «легких проблем», стремясь объяснить работу интеллекта через его адаптивные функции, но оставляя за скобками вопрос о внутреннем мире и субъективности.

Страхов, по сути, говорит об эмерджентных свойствах – когда система (мозг) обретает качественно новые свойства (разум, сознание), которые несводимы к свойствам ее элементов (нейронов) и необъяснимы через них. Устойчивость ума в старости, на которую Страхов указывает, – это демонстрация относительной автономии эмерджентного уровня от своего биологического основания. Дж. Сёрл в своей концепции «биологического натурализма» утверждает, что сознание является эмерджентным свойством мозга, причинно обусловленным, но онтологически не сводимым к нему (Сёрл, 2002). Н.Н. Страхов подмечает и подчеркивает особую устойчивость разума в процессе старения: «Умственное развитие, как самое чистое и сильное, достигает зрелости после всех других развивающихся сторон, ... оно держится всего упорнее на своей наибольшей высоте, так что умственная дряхлость наступает позже ослабления всех других деятельностей» (Страхов, 2007: 95). Если бы сознание было простым продуктом мозга, его угасание шло бы параллельно с физическим увяданием. И далее: «Как бы ни были печальны другие признаки старости в нашем теле и в нашей душе, ничего не может быть грустнее и для нас самих, и для других, как старость ума. Но ум сам себе светит и потому бережет свой свет так старательно и так долго, как никакая другая сила организма». (Страхов, 2007: 95). Его позиция – это призыв к науке признать существование несводимых уровней реальности и онтологический статус духовных явлений. Утверждение, что «ум сам себе светит» – это прямая критика вычислительной теории разума, критика «человека-алгоритма». Свет ума – метафора субъективного опыта, рефлексии, самосознания – того, что отсутствует у любого, даже самого сложного алгоритма. Алгоритм обрабатывает информацию, но не переживает ее.

Критика трансгуманистического проекта

Трансгуманистический проект, стремящийся к радикальному переустройству человеческой природы через кибернетические улучшения и загрузку сознания, является логическим развитием механицизма и редукционизма, против которых последовательно выступал Н.Н. Страхов. Его философия, центрированная на идее целостности, находит свое

точное выражение в ключевых положениях, которые образуют систему аргументов против трансгуманистической утопии.

Принцип целостности: человек не как сумма, а как единство

Жизнь как целостное изменение организма versus механистическое существование

Принятие жизненного пути versus технологический эскапизм

Трансгуманизм предлагает отказаться от человеческой жизни в страховском понимании в обмен на вечное существование в режиме «биения сердца». Вместо того чтобы принять и прожить свой уникальный «ряд перемен» во всей его полноте, со всей радостью, скорбью, развитием и увяданием, трансгуманизм предлагает techno-эскапизм (технологическое бегство от человеческой природы). Это бегство от самой экзистенциальной задачи быть живым, целостным существом, чья ценность определяется не постоянством его механических процессов, а глубиной и осмысленностью его жизненного пути. Этот проект основан на двойном заблуждении: он пытается собрать «улучшенного» человека из отдельных деталей, не понимая, что человеческое бытие есть неразложимое единство, где «единства... больше, чем отдельности». Одновременно он стремится сохранить механические функции, утратив саму драму жизни – тот самый «ряд перемен», который и составляет суть живого, целостного человеческого бытия от первого зачатия до последнего вздоха. В итоге трансгуманизм предлагает не преодоление ограничений, а форму технологического бегства от подлинной человеческой судьбы.

Вызовы цифровой эпохи и виртуальной идентичности

Философская антропология Н.Н. Страхова, центрированная на онтологическом принципе целостности, предлагает методологическую основу для критического анализа ключевых вызовов цифровой эпохи, связанных с трансформацией человеческой идентичности. Современные исследования констатируют, что в пространстве социальных сетей идентичность приобретает конструируемый, процессуальный и мозаичный характер (Лисенкова, 2020: 35). В противоположность этому, позиция Страхова, утверждающая человека как неразрывное иерархическое единство вещества, жизни и духа, выступает философским противоядием против этой фрагментации. Целостность, по Страхову, является не просто эмпирическим фактом, но онтологическим принципом, отрицающим возможность сведения человека к совокупности внешних, в том числе и цифровых, атрибутов.

Проблема модульной идентичности, описанная Лисенковой как «мобильно конструируемая и предъявляемая в качестве мозаично-фрагментированной идентичности в различных обстоятельствах» (Лисенкова, 2020: 36), является прямым вызовом страховскому принципу целостности. Если Страхов понимает личность как неразложимое единство, где «ничто в мире не складывается арифметически» (Страхов, 2007: 132), то цифровая среда поощряет сборку «Я» по принципу «детского конструктора LEGO» (Лисенкова, 2020: 36). Ключевым вызовом становится и феномен перманентного конструирования идентичности. Процесс идентификации в цифровой среде «находится в процессе постоянного избрания и самоизобретения» (там же). Эта непрерывная самопрезентация, осуществляемая через «лайки, комментарии, посты и репосты» (Лисенкова, 2020: 38), противостоит страховской телеологической модели жизни как осмысленного пути от рождения к смерти, предполагающей внутреннюю устойчивость и завершенность личности.

Кроме того, Страховская онтология ставит под сомнение валидность идентичности как «социального капитала». Редукция личности к ее внешним, рыночным проявлениям прямо противоположна страховскому пониманию человека как «смыслового узла» мироздания, чья ценность имманентна и не зависит от внешней оценки.

Таким образом, учение Страхова позволяет концептуализировать фундаментальный разрыв между целостной человеческой личностью и ее виртуальными репрезентациями, предлагая онтологические основания для защиты нередуцируемого статуса человеческого «Я»

перед лицом цифровой фрагментации, конструируемости и внешней детерминации. Целостность, по Страхову, является не просто эмпирическим фактом, но онтологическим принципом, отрицающим возможность сведения человека к совокупности цифровых атрибутов, модулей или алгоритмических профилей.

Заключение

Антиредукционистский потенциал философии Н.Н. Страхова сфокусирован на идее мира и человека как неразрывного, иерархически организованного целого. Мы видим, что критика Страховым научного позитивизма и материализма XIX века напрямую продолжается в его заочной полемике с их идеологическими наследниками – трансгуманизмом и цифровым утопизмом. Его тезис о том, что «ничто в мире не складывается арифметически», становится онтологическим основанием для опровержения проектов «технологического апгрейда» человека, видящих в нем сумму заменяемых модулей.

В ходе исследования было конкретизировано, как антропология Страхова, синтезирующая вещественное, органическое и духовное начала, предлагает альтернативу редукционистским моделям личности. Анализ его понимания жизни как целенаправленного развития, имеющего смерть в качестве «необходимого заключения», позволяет сформулировать философские контраргументы против проекта технологического бессмертия, вскрыв его экзистенциальную ущербность: устранение смерти разрушает саму структуру человеческой жизни как осмысленного пути.

Кроме того, анализ страховских работ позволяет оценить удивительную прозорливость Страхова в диагностике утопического сознания. Его критика «политических фанатиков», мечтающих о «новом человечестве», оказывается в равной степени применима к «фанатикам технологическим» – апологетам трансгуманизма, а его ироничные замечания о спиритуалистах, «переделавших мир по-своему», – к создателям и обитателям виртуальных метавселенных, практикующим новый, цифровой эскапизм.

Таким образом, можно утверждать, что философская система Н.Н. Страхова предоставляет не просто набор исторических аргументов, а целостную метафизическую платформу для защиты нередуцируемого достоинства и целостности человека. В эпоху, когда технологический прогресс все чаще ставит под сомнение саму онтологическую основу человеческой природы, обращение к Страхову позволяет противопоставить логике «редизайна» и «апгрейда» – мудрость принятия человека как «смыслового узла» и «центрального органа» мироздания, чья ценность определяется не преодолением его естественных ограничений, а реализацией его уникального предназначения в рамках «стройного целого» универсума.

Литература

- Болл, М. (2022), *Метавселенная: Как она меняет наш мир*, пер. с англ. Евстигнеева, И. и Лисенкова, О., Альпина Паблишер, Москва.
- Бостром, Н. (2016), *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*, пер. с англ. Филин, С., Манн, Иванов и Фербер, Москва.
- Лисенкова, А. А. (2020), «Идентификационные стратегии и практики в пространстве социальных сетей», *Российский гуманитарный журнал*, 9 (1), 35–41. DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.4; EDN: MYEXUY
- Сёрл, Дж. (2002), *Открывая сознание заново*, пер. с англ. Грязнов, А. Ф., Идея-Пресс, Москва.
- Страхов, Н. Н. (2007), *Мир как целое*, предисл. и коммент. Ильин, Н. П., Айрис-пресс, Москва.
- Чалмерс, Д. Д. (2015), *Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории*, пер. с англ. Грязнов А. Ф., URSS, Либроком, Москва.
- Crick, F. (1994), *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*, Scribner's: Maxwell Macmillan International, New York.
- Damasio, A. R. (1994), *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*, Putnam, New York.

References

- Ball, M. (2022), *Metavselennaya: Kak ona menyayet nash mir* [The Metaverse: And How It Will Revolutionize Everything], Transl. from English by Evstigneeva, I. and Lisenkova, O., Alpina Publisher, Moscow, Russia (in Russ.).
- Bostrom, N. (2016), *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies], Transl. from English by Filin, S., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia (in Russ.).
- Chalmers, D. J. (2013), *Soznayushchiy um: v poiskakh fundamentalnoy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory], Transl. from English by Gryaznov, A. F., URSS, Librokom, Moscow, Russia (in Russ.).
- Crick, F. (1994), *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*, Scribner's: Maxwell Macmillan International, New York.
- Damasio, A. R. (1994), *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*, Putnam, New York.
- Lisenskova, A. A. (2020), "Identification Strategies and Practices in The Social Media Space", *Liberal Arts in Russia*, 9 (1), 35-41 (in Russ.). DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.4; EDN: MYEXUY
- Searle, J. (2002), *Otkryvaya soznaniye заново*, [The Rediscovery of the Mind], Translated from English by Gryaznov, A. F., Ideya-Press, Moscow, Russia (in Russ.).
- Strakhov, N. N. (2007), *Mir kak tseloye* [The World as a Whole], Airis-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Ивашина Елена Викторовна, библиотекарь отдела образовательных пространств научной библиотеки им. Н.Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; ivashina_e@bsuedu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elena V. Ivashina, Librarian of the Educational Spaces Department, N.N. Strakhov Scientific Library, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; ivashina_e@bsuedu.ru

УДК: 801.73

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-8

Вань Хайсун

Роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского
как литературное событие

Китайская академия общественных наук,
пр-т Дзяньгоуменнэй, д. 5, г. Пекин, 100732, КНР; wanhaisong@sina.com

Аннотация. В понятии литературного факта подчеркиваются объективные свойства, тогда как под литературным событием чаще подразумевается процесс возникновения. В дебютном романе Достоевского «Бедные люди» сочинение и литературные произведения являются не только объектом чтения и критики для главных героев, но и неотъемлемой частью их реальной жизни. Таким образом, можно сказать, что литература и чтение являются как важными жизненными событиями для персонажей романа, так и основополагающим литературным фактом, формирующим контекст создания романа. Творческий процесс и рецепция эпистолярного романа «Бедные люди» как внутри текста, так и за его пределами, взаимоотношения Достоевского с автором фразы, послужившей эпиграфом к роману, – Одоевским, особенно проявившийся в романе стиль немецкого писателя Гофмана, наряду с отраженными в романе представлениями о литературе и связанными с ними концепциями, а также размышлениями автора о функциях литературы и перспективах профессиональной деятельности – все это вместе образует богатое литературное событие, заключенное в «Бедных людях».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; «Бедные люди»; представление о литературе; литературное событие; гофмановский стиль

Для цитирования: Хайсун, Вань. (2025), «Роман “Бедные люди” Ф.М. Достоевского как литературное событие», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 99-109. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-8

Wan Haisong

Dostoevsky's Novel *Poor Folk* as a Literary Event

Chinese Academy of Social Sciences,
5 Jianguomennei Ave., Beijing, 100732, PRC; wanhaisong@sina.com

Abstract. A literary fact emphasizes objective attributes, while a literary event often describes a process of occurrence. In Dostoevsky's debut novel *Poor Folk*, literary creation and works are not only objects read and critiqued by the main characters but also an indispensable part of their real lives. Thus, it can be said that literature and reading are both significant life events for the novel's protagonists and fundamental literary facts constituting the novel's creative context. The creation and reception of the epistolary novel *Poor Folk*, both within and outside the text, Dostoevsky's relationship with the author of the novel's epigraph, Odoevsky, especially the style of

the German writer Hoffmann manifested in the novel, along with the view of literature and related perceptions reflected in the novel, as well as the author's reflections on the function of literature and the prospects of the profession – all these together constitute the rich literary event inherent in *Poor Folk*.

Keywords: Dostoevsky; *Poor Folk*; view of literature; literary event; Hoffmann style

For citation: Haisong, Wan (2025), “Dostoevsky’s Novel ‘Poor Folk’ as the Literary Event”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 99-109, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-8

Введение

Являясь литературной отправной точкой писательского пути Достоевского, его эпистолярный роман «Бедные люди» аккумулирует богатую литературную традицию, воплощает сложные и глубокие ранние представления о литературе и критическое сознание автора, многогранно отражая его первоначальную позицию и интеллектуальные траектории в осмыслении отношения «литература и жизнь» на начальном этапе творчества. Представленная в этом произведении концепция литературы, с одной стороны, проявляется как фрагментарное восприятие персонажами конкретных явлений литературного целого, еще не систематизированное индивидуальное познание и уникальное прозрение; с другой стороны, она также отражает систематические размышления самого Достоевского о социальной функции литературы, ее культурной миссии и будущем развитии профессиональной сферы, в полной мере выражая его жизненный идеал, в котором литература видится как духовное призвание, а также его экзистенциальную позицию, направленную на самоутверждение и вмешательство в реальность через литературную практику.

Заложенное в «Бедных людях» представление о литературе не только раскрывает понимание и отношение главных героев к литературе, но и отражает критическое осмысление автором поля русской литературы XIX века и ее течений, одновременно выступая косвенной репрезентацией его собственного литературного восприятия и творческих истоков. Путем тщательного анализа повествовательных деталей и исторического контекста как внутри, так и за пределами текста романа, углубленного изучения раннего описания Достоевским проблемы «литература и жизнь», мы можем более точно понять внутреннюю логику и формы проявления его литературной мысли на начальной стадии ее формирования, выявить зачатки его зрелых литературных воззрений и на этой основе достичь целостного понимания общей эволюционной траектории его взглядов на литературу, а также фундаментальных различий в интеллектуальных путях, проявившихся между ним и его литературными спутниками.

I. Литературное событие:

от литературного факта к представлению о литературе

Литературный факт (fact of literature) относится к литературному явлению, рассматриваемому как данность, обладающая объективными свойствами. Он затрагивает онтологический вопрос «что есть литература?». Российский теоретик-формалист Юрий Тынянов, исследуя с точки зрения жанра считавшийся литературным фактом в разные эпохи литературный материал, обнаружил, что, после того как высший статус поэзии был передан роману, даже такие периферийные для литературы явления, как письма, которые ранее игнорировались или отвергались историей литературы, также начали входить в круг литературных фактов. «Главенствующей в области литературы была поэзия; в ней, в свою очередь, главенствовали высокие жанры. Не было того выхода, той щели, через которую письмо могло стать литературным фактом. Но вот это течение исчерпывается; интерес к прозе и младшим жанрам вытесняет высокую оду» (Тынянов, 1993а: 130). Делая акцент на

изменениях в стиле, форме и т. д., он интерпретировал расцвет и упадок или цикличность старых и новых исторических взглядов на литературу. «Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот. Журналы, альманахи существовали и до нашего времени, но только в наше время они сознаются своеобразным “литературным произведением”, “литературным фактом”» (Тынянов, 1993а: 123). Тынянов как центральная фигура русского формализма в 1920-х годах призывал к переписыванию истории литературы и переосмыслению исторических взглядов на литературу. В отличие от других представителей этого направления, требовавших изучать литературу исходя прежде всего из горизонтальных аналогий и эволюции внутренних элементов, он осознавал, что эти методы являются «внутренними», «изолированными» исследованиями, непригодными даже для изучения классической литературы пушкинской эпохи, а для анализа современных литературных произведений они казались и вовсе абстрактными и пустыми. Он указывал: «Существование факта как литературного зависит от его дифференциального качества (т. е. от соотносительности либо с литературным, либо с внелитературным рядом), другими словами – от функции его», и «То, что в одной эпохе является литературным фактом, то для другой будет общеречевым бытовым явлением, и наоборот, в зависимости от всей литературной системы, в которой данный факт обращается» (Тынянов, 1993b: 140). Он снова приводит в пример письма, полагая, что письма, изначально бывшие фактом жизни, также могут стать литературным фактом. Например, «дружеское письмо Державина – факт бытовой, дружеское письмо карамзинской и пушкинской эпохи – факт литературный» (Тынянов, 1993b: 140).

Факт формируется в зависимости от своих объективных свойств, тогда как событие чаще описывает процесс возникновения. Иными словами, литературное событие (event of literature) – это более современное, более динамичное понятие, которое рассматривает литературу не как статичный объект, а как «событие», обладающее перформативностью и порождающим характером, происходящее между читателем и текстом. Оно затрагивает вопросы практики и эффекта – «как литература функционирует». Хотя эпистолярный роман сам по себе является литературной фикцией, соотносительной с реальностью, этот творческий «обман» в свою очередь является «событием о литературе» (event about literature), а событие может быть открытым процессом становления. Французский ученый Фредерик Карра указывал: «Аутентичная творческая техника эпистолярного писателя полностью изменила тематику и иллюзорный статус эпистолярного романа. Эпистолярный роман построен на обмане, он появляется в виде сборника писем, вводя в заблуждение относительно автора. Добавляя предисловия, скрывая вымышленность романа с помощью примечаний на отдельных страницах, эпистолярный роман создает впечатление, что история разворачивается прямо у нас на глазах. Автор добавляет предисловия, комментарии и т. д., подчеркивая достоверность событий. В романе нет ничего нейтрального, автор отрицательно относится к вымыслу. Отказ от вымысла также вызвал переосмысление понятий “реальное” и “иллюзорное”» (Карра, 2013: 111). С этой точки зрения нетрудно увидеть, что в конструировании эпистолярного романа, помимо автора, есть заслуга и читателя: даже если его участие ограничивается лишь чтением произведения, это в определенной степени означает участие в этом литературном событии.

Мы полагаем, что письмо как исторический литературный факт (частные письма) или литературный факт (эпистолярные произведения) естественно участвует в конструировании литературного события, формирующегося вокруг произведения. Следовательно, в смысле, ориентированном на писателя и его творчество, литературный факт иногда и есть литературное событие, а множество литературных фактов образует цельную цепь литературного события. Фактически, всякий историк литературы или теоретик, если они смотрят на общий ход развития и процесс эволюции всей истории литературы, не игнорируют

важность писем, особенно писем литераторов, для изучения их произведений и мысли, различаясь лишь степенью внимания к этим источникам.

Таким образом, как эпистолярный роман, так и связанная с ним личная переписка являются одним звеном или частью целой и открытой цепи литературного события. Как указывает китайский ученый Хэ Чэнчжоу: «Литературное событие – это динамичная, нестабильная система, охватывающая элементы, включающие биографию автора, мотивацию написания, творческий процесс, текст, чтение, рецепцию, и даже литературные организации, публикацию, перевод и т. д., и в то же время этим не ограничивающаяся» (Хэ Чэнчжоу, 2019: 13). В этом смысле, применительно к представлению о конкретном романе, мы рассматриваем его как единое и открытое целое, имеющее предтекст (pre-text) и подтекст (sub-text), а также конкретный контекст (context). Исследование представления о литературе – лишь один аспект литературного события, в то время как теория литературного события как новая перспектива литературных исследований охватывает весь процесс зарождения и развития литературы в целом.

С этим связана и точка зрения некоторых ученых, согласно которой смысл литературы заключается также в порождении события, то есть в серии процессов становления, окружающих текст. Например, британский исследователь истории литературной мысли Роберт Иглстоун указывал, что смысл литературы не заключается ни в часто упоминавшейся ранее так называемой «пользе бесполезного», ни в ее практичности и утилитарности, направленной на руководство жизненной практикой. «Литература больше похожа на глагол, чем на существительное» (Иглстоун, 2020: 9), литература «выражает скорее ходьбу, а не карту», поэтому он предложил «метафорическую теорию» (Иглстоун, 2020: 10), согласно которой «литература – это живой разговор» (Иглстоун, 2020: 11), поскольку литература, «как и разговор, раскрывает неизвестное, предлагает известное, облекает события, переживания и идеи в язык, тем самым придавая им смысл» (Иглстоун, 2020: 14). Китайский ученый Дань Ханьсун по этому поводу отмечает, что взгляд Иглстоуна на литературу отражает концепцию «знания в действии» (knowledge in action), цель которой заключается в процессе социального становления (becoming), а не в ограничении и завершении, и, следовательно, «в этом смысле взгляд Иглстоуна на литературу перекликается с двумя важными тенденциями современного литературоведения, а именно с акцентом на событийность литературы и повседневное чтение обычного читателя» (Дань Ханьсун, 2020: 8). Роман «Бедные люди» как дебютное произведение Достоевского, благодаря удачному старту и высокому уровню, утверждал его особое положение в русской литературной сфере и широкое влияние и распространение в мировом масштабе; анализ и осмысление многогранного познания литературы через призму романа помогут прояснить его раннее представление о литературе, выявить этап развития и важную часть его мировоззрения.

Как известно, в «Бедных людях» литература является не только объектом чтения и критики, но и неотъемлемой частью жизни главных героев. Можно сказать, что это литературное произведение образуется жизненным событием персонажей романа, следовательно, литература стала сравнительно важным литературным событием. Создание и рецепция «Бедных людей» и отраженное в романе представление о литературе образуют пару литературных событий, достойных рассмотрения как изнутри, так и извне, являя собой так называемый механизм «филогенетики» (phylogenetics). По поводу этого понятия китайский ученый Шэн Нин считает, что филогенетика полностью отличается от эволюционной биологии, «“становление” относится к понятию логического вывода, эта наука призвана проследить, какие новые идеи возникают в процессе познания человеком мира и себя, изучить новое понимание, сформированное взаимодействием субъекта и объекта, вызванным этими идеями, затем, на этой основе, построить новую систему знаний и раскрыть ее внутреннюю сущность и закономерности» (Шэн Нин, 2017: VIII).

Раскрытие творческого замысла и представления о литературе или искусстве в произведении само является частью литературного события. Американский славист, достоевист Джозеф Франк отмечал, что в «Бедных людях» «художественные интенции Достоевского направляли его художественную интуицию, а эти интенции определялись литературными и культурными ценностями его времени» (Франк, 2014: 199). Как Достоевский, будучи писателем и переводчиком, так и литературный критик Белинский хорошо знали текущую литературную ситуацию и деятельно участвовали в процессе формирования литературных событий. Исследование отраженного в произведениях представления писателя о литературе также соответствует современной исследовательской парадигме литературного события. «С начала XXI века возвышение литературного события само стало событием в литературной критике, в ходе которого категория литературы, способ ее презентации и эпистемология читателя претерпели значительные изменения. В отличие от предшествующих инструментального подхода к литературе, теории отражения, эстетической критики, литературное событие больше фокусируется на порождающем характере литературы, активности, взаимодействии, способности к действию, эффекте и функции. Литературное событие связано с недавним перформативным и событийным поворотом в гуманитарных исследованиях, под влиянием этой общей академической тенденции произошел сдвиг парадигмы литературной критики» (Хэ Чэнчжоу, 2019: 13).

Советский литературовед Михаил Бахтин в статье «О спиритуалах» полагал, что созданный образ часто отражает два разных аспекта: художника и мыслителя. «Входят ли в созданный (или воссозданный) образ как момент творца мысли творца, его мировоззрение, его моральные или политические цели и т. п. Они могут войти только как воссозданная действительность, наравне с автобиографическими переживаниями и событиями жизни автора, но не как момент самого творящего творца, в противном случае он перестанет быть художником, а начнет выступать как мыслитель, политик, ученый или как исповедующийся и пишущий личный документ» (Бахтин, 2002: 369). Таким образом, реальность, создаваемая искусством, и биография автора, и жизненные события являются равноправными фактами, то есть событиями.

II. Литературное событие внутри и вне текста «Бедных людей»

Британский литературный теоретик Терри Иглтон отмечал: «Один из парадоксов литературного произведения заключается в том, что в своей неизменности и завершенности оно является “структурой”, однако оно должно самоосуществляться в вечном движении и может реализовать себя лишь в акте чтения, в этом смысле оно есть “событие”» (Иглтон, 2017: 226-227). Таким образом, он показывал, что напряжение литературы заключено между ее завершенностью и открытостью, а литературоведение изучает динамические отношения и возможности между завершенностью и открытостью. Без сомнения, диалог и чтение являются основной структурой и темой «Бедных людей».

Роман «Бедные люди» в целом представлен в диалогической форме: пятьдесят четыре письма между главными героем и героиней, перемежающиеся воспоминаниями и лирическими фрагментами, формируют жизненные события их самих и окружающих их людей. Михаил Бахтин указывал на «событийность диалогического познания» (Бахтин, 1986а: 384). То, что диалог осуществляется в эпистолярной форме, оправдывается Девушкиным необходимостью упражняться в своем слого. Но даже осознавая это, герои понимают, что воспоминания о прошлом, разговоры о литературе, переписка – это еще далеко не все повседневные жизненные события и не все события жизни, поэтому они надеются, что общение, включая переписку, не прекратится, и даже если переписка вынужденно прервется или закончится, ожидают возможности продолжить общение другим способом спустя время. Как горько восклицает в последнем, прощальном письме Девушкин: «Нет, вы мне еще

напишите, еще мне письмецо напишите обо всем, и когда уедете, так и оттуда письмо напишите. А то ведь, ангел небесный мой, это будет последнее письмо; а ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее. Ведь вот как же, так вдруг, именно, непременно последнее! Да нет же, я буду писать, да и вы-то пишете... А то у меня и слог теперь формируется... Ах, родная моя, что слог! Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» (Достоевский, 1972: 108).

Макар Девушкин и Варенька Доброселова в «Бедных людях», борясь и мечась ради выживания, не оставляют чтения. Благодаря чтению они общаются друг с другом, обмениваются своими разнообразными представлениями о литературе, охватывающими очень широкий спектр ключевых элементов – от создания и издания литературы до ее восприятия читателями и литературных функций. Конкретно, это относится к литературным произведениям (отечественным (Пушкин) и зарубежным (Поль де Кок)), к книготорговцу-писателю (Ратазьеву), к книгоеду-студенту (Петру Покровскому), а также к вопросам творческой ситуации писателей, условий их существования, влияния произведений, отношения простого народа к отечественной литературе, связи литературы и народного образования и т. д. Очевидно, что чтение литературы и обмен впечатлениями о прочитанном также являются событием, порожаемым литературой за пределами самого произведения, и тоже принадлежат к литературному событию. Как отмечал Бахтин в своих записных тетрадах: «Всякое высказывание – это “событие”. Событийно-исторический характер признания, свидетельского показания, закона, приказа, подтверждения или отрицания и т. п.» (Бахтин, 1997: 264).

Что касается проблемы читательской рецепции литературы, несколько фраз, приведенных в эпиграфе к «Бедным людям», хорошо иллюстрируют вопрос. Они взяты из сатирического рассказа русского писателя, поэта, философа, педагога князя В.Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1839). Автор цитаты в шуточной форме, от лица стороннего критика, восклицает: «Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усадительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, – а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил» (Достоевский, 1972: 13). Этим Достоевский хотел показать, что, как только произведение создано, читательское восприятие может быть крайне разнообразным, и автор не в силах этому помешать. С другой стороны, эта фраза скорее напоминает бессильный и вынужденный запрет цензора, обеспокоенного неподконтрольным дурным влиянием, порожаемым литературными произведениями, исключить которое можно, лишь запретив производство литературы в зародыше, заставив писателей прекратить писать. С точки зрения функции литературы, хорошее произведение должно не только передавать читателям знания и информацию, но и направлять их к размышлению и учить их мыслить, ведь мысли в чужих головах никто не может и не вправе запрещать.

Князь Одоевский как редкий, незаурядный писатель в истории русской литературы и русского романа также считается мыслителем, философом и футурологом эпохи русского романтизма, занимавшим в 1823–1825-х годах пост председателя «Общества любомудрия» в России. Хотя его творческое наследие не очень обширно и на китайский язык переведено всего несколько его рассказов и повестей, его вклад в становление и лидерство русской литературы, особенно русского романа, на начальном этапе чрезвычайно велик. «С строго литературной точки зрения, наиболее успешными романами Одоевского являются романы о светском обществе и его собственном дворянском классе. Среди них наиболее выдающимся является высоко оцененная ранняя “Княжна Мими” (1834), которая незабываемо изображает старую деву, самопровозглашенную защитницу общественной морали, которая, будучи слишком

старой для романтических отношений, разрушает их. В романтическом движении этот рассказ стал триумфом реализма; фактически, всю эволюцию Одоевского как писателя можно описать как медленное освобождение от самоанализа и фантазии и постепенное становление социальным комментатором» (Passage, 1963: 114).

Одоевский и Достоевский были современниками, но по возрасту Одоевский мог считаться отцовской фигурой для Достоевского, и влияние первого на творчество второго невозможно игнорировать. Достоевский в серии критических работ «Ряд статей о русской литературе», опубликованных в 1861 году, упоминал о роли произведений Одоевского в привлечении низших слоев населения к чтению и грамоте, об их просветительской направленности. В четвертой статье цикла, «Книжность и грамотность. Статья вторая», он специально указывал: «“Зефироты” же, например, действуют не только на низший класс, но захватывают чрезвычайную массу и из высшего, т. е. даже и не из очень малообразованного высшего. Тот, который уже не станет читать и “Магометанку”, с наслаждением прочтет “Зефироты”, равно как и все толки о светопреставлении и прочих таких же предметах» (Достоевский, 1979: 50). Достоевский высоко оценивал богатое воображение в произведениях Одоевского, их фантастические и мистические элементы вызывали любопытство и интерес читателей, а такие его произведения, как «Зефироты», были довольно популярны во всех социальных слоях, поэтому они также являлись хорошим учебным материалом или выбором для чтения в народном просвещении. «В человеке, лишенном всевозможной самостоятельности и принявшем (и по обычаю, и по невозможности принять иначе) предстоящую действительность за нечто крайне нормальное, невообразимо-непреложное и установившееся, естественно рождается некоторое влечение, некоторый соблазн к сомнению, к философствованию, к отрицанию. “Зефироты” и проч., представляя собою факты или возможность фактов, прямо противоположных насущной действительности и глубоко отрицающих ее непреложность и ее гнетущее спокойствие, — чрезвычайно нравятся этой отрицательной точкой зрения средней массе общества и, написанные популярно, дают превосходный способ поволноваться умам, пофилософствовать и насладиться хоть каким-нибудь скептицизмом» (Достоевский, 1979: 50). «Зефироты» публиковались с продолжением в газете «Северная пчела» в 1861 году; их одноименные герои — вымышленные духи-животные, имеющие человеческое туловище и голову, но птичьи крылья, способные летать, оседлав ветер, и питающиеся солнечным светом.

III. «Гофмановский стиль»: влияние и рецепция

Влияние Одоевского на Достоевского в сфере чтения не ограничивается упомянутым ранее и шутливым эпиграфом в «Бедных людях», имеются и другие, более скрытые и опосредованные моменты. Например, некоторые критики указывали, что прототипом «положительного, прекрасного» героя князя Мышкина в «Идиоте», по всей вероятности, был сам князь Одоевский или же главный герой незавершенной драматической поэмы 1838-го года «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия: Сказка для старых детей (Отрывки из 1 ч.)». Эта пьеса была введена в литературно-художественный альманах «Сборник на 1838 год» (Сытина, 2021: 175-176). Что важнее, оба они рассматривались критиками как «русские Гофманы». Более того, по влиянию Гофмана на Достоевского видно, что как пример «гофманизации» в России он стал «вершиной довольно длительного процесса», охватывающего «целое поколение русских писателей» (Passage, 1963: 196).

Один из самых оригинальных и влиятельных писателей немецкого романтизма XIX века, Э.Т.А. Гофман (1776–1822), был также композитором, музыкальным критиком, дирижером и художником. Эта множественность художественных ипостасей оказала глубокое воздействие на его литературное творчество, придав его произведениям причудливый, полный фантазии характер. Конфликт искусства и реальности, смешение действительности и фантасмагории,

раскол и отчуждение личности, а также сатира и критика общества – вот наиболее заметные черты его творчества. Будучи важным мостом, соединяющим немецкий романтизм с литературным модернизмом XX века, Гофман своими глубокими психологическими прозрениями и необычайным художественным воображением неизменно восхищал Достоевского; «гофмановская фантастика» прослеживается в его повестях «Двойник» и «Хозяйка». Согласно исследованиям, из тринадцати произведений (включая в основном завершённые фрагменты), написанных Достоевским в 1845–1849-х годах, девять испытали влияние гофмановского стиля (Passage, 1954: 3).

Менее чем через год после публикации «Бедных людей» Белинский, пристально следивший за творчеством Достоевского, отметил, что в нескольких последовательно опубликованных повестях и рассказах Достоевского в значительной степени присутствует «странная фантазия». Относительно повести «Хозяйка» в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя» он выражал недоумение, давал автору совет и упоминал гофмановский стиль: «Не только мысль, даже смысл этой, должно быть, очень интересной повести остаётся и останется тайной для нашего разумения, пока автор не издаст необходимых пояснений и толкований на эту дивную загадку его причудливой фантазии. Что это такое – злоупотребление или бедность таланта, который хочет подняться не по силам и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги? Не знаем; нам только показалось, что автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности» (Белинский, 1956: 351). Но очевидно, Достоевский не внял этому своеобразному предостережению и впоследствии, в 1848 году, опубликовал рассказ «Слабое сердце» и повесть «Белые ночи», которые в одно время считались «двумя произведениями, демонстрирующими явно видимые гофмановские черты» (Passage, 1963: 208).

В серии повестей князя Одоевского Белинский также замечал явное влияние Гофмана, однако «фантастический» характер Гофмана вызывал у него скорее неприятие. «Мы имеем причины думать, что на это фантастическое направление нашего даровитого писателя имел большое влияние Гофман. Но фантазм Гофмана составлял его натуру, и Гофман в самых нелепых дурачествах своей фантазии умел быть верным идее. Поэтому весьма опасно подражать ему: можно занять и даже преувеличить его недостатки, не заимствовав его достоинств» (Белинский, 1955: 314-315).

Белинского можно считать литературным «первооткрывателем» Достоевского. То, что он высоко оценил «Бедных людей» и их автора, горячо рекомендовал его, активно способствовал развитию новых талантов на литературном поприще, сам придавал большое значение литературному процессу и переводам, а также активно участвовал в конкретных аспектах литературного дела, таких как публикация, критика, маркетинг, в основном было обусловлено необходимостью просвещения народа посредством литературы. Немецкий биограф Андреас Гуски указывал: «Белинский, хотя всегда выступал против чисто коммерческого писательства, не был врагом литературного рынка. По его мнению, книгопечатание и книжная торговля, издательства и журналы, литература и история литературной критики были незаменимыми предпосылками для воспитания публики, обладающей критическим духом; только формирование такой публики в России могло позволить всей стране идти в ногу с прогрессом эпохи» (Гуски, 2021: 50-51). Нельзя отрицать, что, по крайней мере в отношении «Бедных людей», ранние представления Достоевского о функции литературы имели много общего со взглядами Белинского.

Как известно, благосклонность читателей и содействие литературной критики, а также положительный цикл творчества и рецепции может эффективно способствовать здоровому развитию литературного творчества. С одной стороны, с точки зрения генезиса, изучение истоков рождения литературного произведения позволяет нам увидеть больше

первоначальных смыслов. С другой стороны, с точки зрения рецепции, оно также позволяет литературному произведению в разных контекстах, в процессе непрерывной интерпретации, порождать событийность, обладающую «большим временем» и пространством. Так называемое «большое время», согласно пониманию Бахтина, означает, что «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» (Бахтин, 1986b: 350, курсив автора – В. Х.).

Литературный факт и литературное событие – это не отношения взаимоисключения, а два разных ракурса рассмотрения литературы. Первый является базовым материалом, позволяющим обсуждать и изучать литературу, тогда как второе раскрывает литературу как живую, transformative силу. Современная литературная теория все более склоняется к пониманию литературы с точки зрения «события», подчеркивая ее динамичную, взаимодействующую с читателем и миром жизненную силу.

Заключение

С точки зрения внешних обстоятельств написания, публикации и издания романа, новаторство и сила воздействия «Бедных людей» для тогдашней русской литературы также были очевидны. Внутренняя жизнь персонажей и общественный фон, выведенные в сюжете романа посредством ведущей нити литературы и чтения, были свежи и новы для читателей и критиков. Как литературное событие с целостной цепью составляющих, мы должны раскрывать глубокий подтекст и значение «Бедных людей» в «большом времени», в то же время нам надо обращать внимание на предостережение и предупреждение, высказанное Бахтиным еще в прошлом веке: «Произведение литературы... раскрывается прежде всего в дифференцированном единстве культуры эпохи его создания, но замыкать его в этой эпохе нельзя: полнота его раскрывается только в *большом времени*» (Бахтин, 1986b: 353, курсив автора – В. Х.). Следовательно, в свете открытости и незавершенности роман неизбежно будет прочитан и истолкован большим числом людей в будущем, обретая все более многогранную смысловую ценность и более богатое идейное значение.

Литература

- Бахтин, М. М. (1997), «Из архивных записей к “Проблеме речевых жанров”», *Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, Русские словари*, Москва, 207-286.
- Бахтин, М. М. (1986а), «К методологии гуманитарных наук», *Эстетика словесного творчества*, 2-е изд., сост. Бочаров, С. Г., Искусство, Москва, 381-393.
- Бахтин, М. М. (2002), «О спиритуалах (к проблеме Достоевского)», *Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6, Русские словари; Языки славянской культуры*, Москва, 368-370.
- Бахтин, М. М. (1986b), «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”», *Эстетика словесного творчества*, 2-е изд., сост. Бочаров, С. Г., Искусство, Москва, 347-354.
- Белинский, В. Г. (1956), «Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя», *Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии 1846–1848*, Изд-во Академии наук СССР, Москва, 315-359.
- Белинский, В. Г. (1955), «Сочинения князя В. Ф. Одоевского» (1844)», *Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. Статьи и рецензии 1843–1845*, Изд-во Академии наук СССР, Москва, 297-323.
- Гуски, А. (2021), *Достоевский: Биография*, пер. с кит. Цян Чжаохой, Изд-во социально-научной литературы, Пекин.
- Дань Ханьсун (2020), «Предисловие к китайскому переводу», *Иглстоун, Р. Почему важна литература*, пер. Сю Цзямин, Изд-во Пекинского ун-та, Пекин, 1-11.
- Достоевский, Ф. М. (1972), *Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1*, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград.

Достоевский, Ф. М. (1979), «Ряд статей о русской литературе. III. Книжность и грамотность. Статья вторая», *Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 19*, Наука. Ленинградское отделение, Ленинград, 5-20.

Иглстоун, Р. (2020), *Почему важна литература*, пер. Сю Цзямин, Изд-во Пекинского ун-та, Пекин.

Иглтон, Т. (2017), *Литературное событие*, пер. Инь Чжикэ, Изд-во Хэнаньского ун-та, Чжэнчжоу.

Карра, Ф. (2013), *Эпистолярный роман*, пер. Ли Цзюньсянь, Тяньцзиньское народное изд-во, Тяньцзинь.

Сытина, Ю. Н. (2021), «В поисках “положительно прекрасного” героя: князь Мышкин Ф.М. Достоевского и Сегелиель В.Ф. Одоевского», *Проблемы исторической поэтики*, 1, 173-193.

Тынянов, Ю. Н. (1993а), «Литературный факт», *Тынянов, Ю. Н. Литературный факт: Сб.*, сост. Новиков, В. И., Высшая школа, Москва, 121-136.

Тынянов, Ю. Н. (1993б), «О литературной эволюции», *Тынянов, Ю. Н. Литературный факт: Сб.*, сост. Новиков, В. И., Высшая школа, Москва, 137-147.

Франк, Дж. (2014), *Достоевский: семья восстания (1821–1849)*, пер. с кит. Дай Дахун, Изд-во Гуансийского педагогического ун-та, Гуйлинь.

Хэ Чэнчжоу (2019), «Что такое литературное событие?», *Вестник Нанкинского педагогического университета (Общественные науки)*, 6, 5-14.

Шэн Нин (2017), «Предисловие к переводу», *Иглтон, Т. Литературное событие*, пер. Инь Чжикэ, Изд-во Хэнаньского ун-та, Чжэнчжоу.

Passage, Ch. E. (1954), *Dostoevski the Adapter. A Study in Dostoevski's Use of the Tales of Hoffmann*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill.

Passage, Ch. E. (1963), *The Russian Hoffmannists*, The Hague, Mouton.

References

Bakhtin, M. M. (1986a), “Towards a Methodology of the Humanities”, *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], 2nd ed., comp. by Bocharov, S. G., Iskusstvo, Moscow, USSR, 381-393 (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986b), “Response to a Question from the Editorial Board of ‘New World’”, *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], 2nd ed., comp. by Bocharov, S. G., Iskusstvo, Moscow, USSR, 347-354 (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1997), “From Archival Records for ‘The Problem of Speech Genres’”, *Bakhtin, M. M. Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 5* [Bakhtin, M. M. Collected Works: In 7 vols. Vol. 5], Russkiye Slovari, Moscow, Russia, 207-286 (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (2002), “On Spirituals (Regarding the Problem of Dostoevsky)”, *Bakhtin, M. M. Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 6* [Bakhtin, M. M. Collected Works: In 7 vols. Vol. 6], Russkiye slovari; Yazyki Slavianskoy Kultury, Moscow, Russia, 368-370 (in Russ.).

Belinsky, V. G. (1955), “Works of Prince V.F. Odoevsky (1844)”, *Belinsky, V. G. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 8. Stati i retsenzii 1843–1845* [Belinskiy, V. G. Complete Collected Works: In 13 vols. Vol. 8. Articles and Reviews 1843-1845], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, 297-323 (in Russ.).

Belinskiy, V. G. (1956), “A View of Russian Literature in 1847. Second and Final Article”, *Belinskiy, V. G. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 8. Stati i retsenzii 1846-1848* [Belinskiy, V. G. Complete Collected Works: In 13 vols. Vol. 10. Articles and Reviews 1846-1848], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, 315-359 (in Russ.).

Dan Hansong (2020), “Preface to the Chinese Translation”, *Eagleton, R. Why Literature Matters*, Transl. by Xu Jiaming, Peking University Press, Beijing, China, 1-11 (in Chin.).

Dostoyevskiy, F. M. (1972), *Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 30 t. T. 1* [Complete Collected Works: In 30 vols. Vol. 1], Leningrad branch of the Nauka publishing house, Leningrad, USSR (in Russ.).

Dostoyevskiy, F. M. (1979), “A Series of Articles on Russian Literature. III. Book Learning and Literacy. Second Article”, *Dostoyevskiy, F. M. Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 30 t. T. 19* [Dostoyevskiy, F. M. Complete Collected Works: In 30 vols. Vol. 19], Leningrad branch of the Nauka publishing house, Leningrad, USSR, 5-20 (in Russ.).

- Eaglestone, R. (2020), *Why Literature Matters*, Transl. by Xu Jiaming, Peking University Press, Beijing (in Chin.).
- Eagleton, T. (2017), *The Event of Literature*, Transl. by Yin Zhike, Henan University Press, Zhengzhou, China (in Chin.).
- Frank, J. (2014), *Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821-1849*, Transl. by Dai Dahong, Guangxi Normal University Press, Guilin, China (in Chin.).
- Guski, A. (2021), *Dostoevsky: A Biography*, Transl. by Qiang Zhaohui, Social Sciences Academic Press, Beijing, China (in Chin.).
- He Chengzhou (2019), "What is a Literary Event?", *Journal of Nanjing Normal University (Social Sciences Edition)*, 6, 5-14 (in Chin.).
- Karra, F. (2013), *The Epistolary Novel*, Transl. by Li Junxian, Tianjin People's Publishing House, Tianjin, China (in Chin.).
- Passage, Ch. E. (1954), *Dostoevsky the Adapter. A Study in Dostoevsky's Use of the Tales of Hoffmann*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill.
- Passage, Ch. E. (1963), *The Russian Hoffmannists*, The Hague, Mouton.
- Sheng Ning (2017), "Translation's Preface", *Eagleton, T. The Event of Literature*, Transl. by Yin Zhike, Henan University Press, Zhengzhou, China (in Chin.).
- Sytina, Yu. N. (2021), "In Search of a 'Positively Beautiful' Hero: F.M. Dostoevsky's Prince Myshkin and V.F. Odoevsky's Segel'el", *The Problems of Historical Poetics*, 1, 173-193 (in Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1993a), "The Literary Fact", *Tynyanov, Yu. N. Literaturnyy fakt: Sbornik* [Tynyanov, Yu. N. Literary fact: Collection], comp. by Novikov, V. I., Vysshaya Shkola, Moscow, Russia, 121-136 (in Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1993b), "On Literary Evolution", *Tynyanov, Yu. N. Literaturnyy fakt: Sbornik* [Tynyanov, Yu. N. Literary fact: Collection], comp. by Novikov, V. I., Vysshaya Shkola, Moscow, Russia, 137-147 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Вань Хайсун, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института зарубежной литературы, Китайская академия общественных наук, пр. Дзяньгоуменнэй, д. 5, г. Пекин, 100732, КНР; wanhaisong@sina.com

ABOUT THE AUTHOR:

Wan Haisong, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Institute of Foreign Literature, Chinese Academy of Social Sciences, 5 Jianguomennei Ave, Beijing, 100732, People's Republic of China; wanhaisong@sina.com

УДК 392; 173

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-9

Макарова Е. Ю.

**Женский вопрос: ценностно-ритуальные смыслы
в неоконфуцианской перспективе
(к стихотворению «Павлины летят к востоку и к югу»)**

Ляонинский университет международной торговли и экономики,
ул. Шунле, д. 35, зона экономического развития Люйшунь, Далянь, 116045,
провинция Ляонин, КНР. *makarova9liza@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлена ретроспективный анализ традиционного отношения к женщине, ее свободам и браку в Китае на основе исторических, литературных и поэтических источников. За основу для анализа взято стихотворение юэфу «Павлины летят к востоку и к югу» (кит. 孔雀东南飞 *kongque dongnan fei*). Рассмотрены в постепенной исторической динамике основные характерные черты брачной культуры в древнем Китае: допустимое количество браков; роли родителей до и после свадьбы, при заключении и расторжении брака; особые полномочия свахи; представления о достоинствах и недостатках вступающих в брак; основные ритуалы заключения брака и законные основания для развода. В связи с темой брака основное внимание уделено изменению взглядов на роль женщины в обществе, как она обосновывалась в конфуцианстве и неоконфуцианстве, вплоть до конца имперского периода истории Китая.

Ключевые слова: Китай; неоконфуцианство; брак; традиции и ритуалы; женские права

Для цитирования: Макарова, Е. Ю. (2025), «Женский вопрос: ценностно-ритуальные смыслы в неоконфуцианской перспективе (к стихотворению “Павлины летят к востоку и к югу”)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 110-121. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-9

E. Yu. Makarova

**The Women's Question: Value and Ritual Meanings from
a Neo-Confucian Perspective
(to the poem *Peacocks fly to the Southeast*)**

Liaoning University of International Business and Economics,
35 Shunle St., Lushun Economic Development Zone, Dalian City, 116045, Liaoning Province,
China; *makarova9liza@yandex.ru*

Abstract. The article presents a retrospective analysis of the traditional attitude towards women, their freedoms and marriage in China based on historical, literary and poetic sources. The analysis is based on Han Dynasty Yuefu poem "Peacocks fly to the Southeast". This article examines the fundamental characteristics of marital culture in ancient China over time, including the permissible number of marriages; the roles of parents before and after marriage, and during marriage and divorce; the special

powers of the matchmaker; ideas about the merits and demerits of those entering into marriage; the main marriage rituals; and the legal grounds for divorce. In connection with the topic of marriage, the focus is on changing views on the role of women in society, as substantiated by Confucianism and Neo-Confucianism, up until the end of the imperial period of Chinese history.

Key words: China; neo-Confucianism; marriage; traditions and rituals; women rights

For citation: Makarova, E. Yu. (2025), "The Women's Question: Value and Ritual Meanings from a Neo-Confucian Perspective (to the poem *Peacocks fly to the Southeast*), *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 110-121, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-9

Стихотворение «Павлины летят к востоку и к югу» (кит. 孔雀东南飞 *kongque dongnan fei*) впервые встречается в сборнике «Юйтай синьон» (кит. 玉台新咏 *yutai xinyong*), составленном Сюй Лин (кит. 徐陵 *Xu Lin*), писателем времени Южных династий. Стихотворение предположительно написано во времена династии Восточной Хань (I–III вв. н. э.), его автор неизвестен.

Из стихотворения «Павлины летят к востоку и к югу» мы можем увидеть, что во времена Восточной Хань брак осуществлялся через посредника – сваху (кит. 媒人 *meiren*). Родители делали выбор избранника, сваты искали подходящую кандидатуру. В Шицин есть стихотворение «Ты юношей простым пришел весной», которое выражает мысли невесты:

«Отложен срок – не я тому виной,
Не слал ты сватов вовремя за мной,
Так не сердись же, милый, на меня –
Срок будет осенью – не я виной...» (Штукин, 1987: 61).

В стихотворении «Южные горы возвысились» говорится о том, что если собрался жениться, надо сказать об этом родителям, но без одобрения и помощи свахи ничего не удастся:

«В дом свой супругу ты ныне ввести захотел –
Должен тогда известить ты и мать и отца.
Мать и отца известил ты, обряды уже свершены...
... В дом свой супругу ты ныне ввести захотел –
Разве без сватов введешь ты супругу в свой дом?
Ныне сосватал и ввел ты супругу в свой дом» (Штукин, 1987: 81).

Эта традиция прохождения двойного одобрения формировалась на протяжении длительного времени. С времен эпохи Цинь до Западной Хань эта традиция не была повсеместной, не всегда соблюдалась. Например, стихотворение «Тихая девушка» описывает свободный выбор партнера:

«Тихая девушка так хороша и нежна!
Там, под стеною, меня ожидает она.
Крепко люблю я, но к ней подойти не могу;
... Тихая девушка так хороша и мила!
Красный гуань в подарок она принесла.
Красный гуань сверкает, как будто в огне;
Как полюбилась краса этой девушки мне». (Штукин, 1987: 49)

В книге «Цзо Чжуань» (кит. 左传 *zuo zhuan*), книге «Ши цзи» (кит. 史记 *shi ji*) мы тоже можем увидеть примеры самостоятельного выбора супруга. Во времена Восточной Хань традиция родительского контроля и привлечения свахи для поиска партнера постепенно стала укореняться. В книге «Хоу Ханьшу» (кит. 后汉书 *hou han shu*) правитель области Ляоси, поразившись красоте и талантам девушки, женил на ней своего сына. В «Хоу Ханьшу» герои Бао Сюань (кит. 鲍宣 *Bao Xuan*) и Хуань Шаоцзюнь (кит. 桓少君 *Huan Shaojun*) поженились по велению родителей девушки (Fan Yezhuan, 1996: 804).

В «Павлины летят к востоку и к югу...» мы можем увидеть позднюю стадию сложившейся традиции. В стихотворении не говорится о том, кто делал выбор партнера. Отношения главного героя Чжун-цин и героини Лань-чжи очень хорошие, у них есть глубокие чувства друг к другу и преданность, и они дали обет быть вместе:

«Но, к счастью, я встретился с этой женой.

От лет совершенных она мне супруга,

До смерти мы с ней не покинем друг друга»¹.

Мать Чжун-цин не довольна супругой сына, считая ее недостаточно почтительной и желает разрыва их брака, даже несмотря на их чувства:

«Она нарушает закон и обряды,

Всегда и во всем она своевольна».

Тут мы можем увидеть обратную сторону родительского выбора, когда родитель контролирует выбор даже после вступления в брак. Главный герой вопреки сыновней почтительности выражает матери протест и отстаивает своё право на жизнь с любимым человеком:

«Я падаю ниц, но осмелюсь сказать,

Что, если жену вы хотите прогнать,

Я в жизни своей не женюсь на другой!».

Мать имеет большой авторитет и власть над сыном, показывает ему, что готова настоять на своем:

«Мальчишка, напрасно отбросил ты страх!

Ее защищать предо мною не смей!

Не жди справедливости больше моей.

И дела мне нет до твоих речей!».

Главный герой, хоть и высказал свое недовольство и попытался повлиять на решение матери, но в конце все же покорился:

"Я сам не гоню тебя, о жена!

Меня принуждает лишь мать одна».

Чжун-цин повелел жене вернуться в отчий дом и подождать его там, пока он в отъезде. В это время мать главного героя уже выбрала более достойную партию для своего сына, сыну только остается покориться ее воле:

«Тебе в сватовстве я решила помочь.

А эту жену поскорее прогнать

Из нашего дома велит тебе мать».

Мать главной героини также делает выбор, когда к ней обращается сваха, сообщая о новой кандидатуре на роль мужа для ее дочери:

«И тотчас промолвила дочери мать:

"Ты можешь согласие ему передать"»;

¹ Здесь и далее стихотворение «Павлины летят к востоку и к югу» приводится в переводе Ю.К. Щуцкого, URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=4026 (дата обращения 7.08.2025)

«А вам хорошо бы других расспросить...

Быть может, удастся ее нам склонить!».

Мы можем увидеть, что во времена написания стихотворения уже сформировалась традиция выбора партнеров родителями и обязательные услуги свахи при заключении брака:

«Прошла лишь декада с ее приезда,

И сваху послал начальник уезда»;

«Через несколько дней

Все снова свахи справлялись о ней»;

«Слуга ваш в согласьи с приказом приехал,

В беседе добившись большого успеха».

Помимо этого, стихотворение так же показывает влияние эстетических предпочтений родителей на выбор супругов. Не только в разные эпохи, но и в разных слоях общества представления о красоте не одинаковы. Если во времена династии Цинь стандартом красоты являлся высокий рост и физически сильное и крепкое телосложение мужчин и женщин, то во времена Хань стандартом красоты стали изящество, элегантность и интеллект, а важным аспектом удачного брака – положение в обществе. В стихотворении «Павлины летят к востоку и к югу...» мы находим отражение понятий того времени о красоте и о навыках пригодных к браку кандидатов. В начале стихотворения героиня Лань-чжи описывает свои умения и навыки для ведения быта:

"Тринадцати лет научилась ткать я,

В четырнадцать лет кроила я платья,

Пятнадцати лет я на цитре играла,

Шестнадцати лет я книги читала».

Навыки Лань-чжи соответствуют стандартам и требованиям общества того времени, а именно: ткачество, шитье, умение музицировать, грамотность.

Внешность Лань-чжи также очень привлекательна:

«Горят драгоценные гребни над челкой,

И льется по талии шарф мой белый,

Серьгами в ушах луна заблестела,

А пальцы мои цвета свежего пня,

И киноварь точно во рту у меня.

Я легкой и стройной походкой иду

И в мире подобной себе не найду...».

Тут же стоит обратить внимание на возраст героини. В «Чжоу ли» (кит. 《周礼》 *zhou li*) указывается минимальный возраст вступления в брак для мужчины 20 лет, для женщины 15 лет. Максимальный возраст: 30 лет для мужчин и 20 лет для женщин. Император династии Хань Хуэй (кит. 汉惠帝 *Han Huidi*) издал указ, согласно которому незамужние женщины в возрасте от 15 до 30 лет должны выплачивать штраф за отказ от вступления в брак. Со времен династии Хань распространилась мода на ранее замужество. В книге «Хоу хань шу» можно найти запись, где император Сюань (кит. 汉宣帝 *Han Xuandi*) сетует на то, что браки заключаются слишком рано, когда молодые люди еще не получили достаточного воспитания и образования. Император Западной Цзинь Тайши (кит. 泰始 *Tai Shi*) издал указ, в котором все незамужние девушки 17 лет должны подвергаться наказанию в виде штрафа. (Zhou Jianzhong, 2024: 107). В стихотворении возраст Лань-чжи и ее потенциальных женихов соответствовал требованиям своего времени.

В стихотворении описываются кандидаты на повторный брак, которые занимают высокое положение в обществе и имеют высокий уровень достатка – сын начальника уезда

и сын правителя. Можно сделать вывод, что внешность и таланты главной героини вполне соответствуют самым высоким стандартам. Кандидаты тоже описываются как очень достойные мужчины: «воспитанный тонко»; «речист он, и в нем талантов не мало».

Многие, представляя жизнь в феодальном обществе, задаются вопросом о женском целомудрии и угнетенном положении в обществе женщины, чей брак был расстроен по каким-либо причинам. Во времена эпохи Цинь и Хань женщины могли вступать в брак повторно, эта практика была довольно развита. В «Ли цзи» (кит. 礼记 *li ji*) мы находим отрывок о том, как Конфуций повторно выдал замуж свою невестку. Примеры повторного брака также можно встретить в «Цзо Чжуань», в «Ши цзи» и «Ханьшу» (кит. 汉书 *han shu*). В «Хоу Ханьшу» есть пример того, как мать императрицы вышла замуж за одного мужчину, после чего повторно вышла замуж за другого. Во времена Цинь и Хань подобное поведение не только не осуждалось, но и не вредило репутации. Несмотря на это, феномен повторного брака не был проявлением свободы выбора женщины, а наоборот, подчеркивал невозможность самостоятельного распоряжения своей жизнью. Повторное замужество приветствовалось семьей женщины, ведь оно приносило выгоду. Такой брак не всегда был выгоден самой женщине, ей приходилось принимать новый статус и входить в новую семью, где ей отводилось не самое почетное место. В случае, если женщина являлась вдовой, новый брак давал мужу право на наследование оставшегося от покойного мужа имущества и полную опеку над ее детьми. Женщины не имели права отказаться от брака.

В стихотворении «Павлины летят к востоку и к югу...» тема повторного брака находит отражение. Героиня Лань-чжи, будучи замужней женщиной, оставила дом мужа по велению своей свекрови. По возвращении в отчий дом, спустя 10 дней, в их дом стали приходить свахи, чтобы подыскать ей новую достойную партию. Предлагаемые свахами кандидаты имеют высокий социальный статус, их семьи обладают хорошим достатком. Это доказывает то, что нет никакого пренебрежения к Лань-чжи из-за ее прошлого брака. Если она даст согласие, то брак состоится. Героиня выбрала сдержать клятву и быть верной первому мужу.

В стихотворении также освещаются свадебные обряды того времени. Приданное, о котором рассказывает героиня, выглядит следующим образом:

«Рубашка моя расшита шелками,
В них красок лучи рождаются сами.
И полог мой алый, прозрачный и чистый,
В углах у него благовонья душисты.
Полны мои семьдесят новых ларцов
Зеленых, лазурных и синих шелков.
Не правда ли, вещи мои превосходны?
В них можно всегда найти что угодно».

Во времена эпохи Чжоу был сформирован ритуально-обрядовый комплекс свадебной культуры в Китае, который был основан на обычаях эпох Шан и Ся. В тексте «И ли» (кит. 仪礼 *yi li shi hun*) указывается, что есть шесть ритуалов, необходимых к выполнению: нацай (кит. 纳采 *naicai*), вэньмин (кит. 问名 *wenming*), наджи (кит. 纳吉 *naji*), начжэн (кит. 纳征 *nazheng*), цинци (кит. 清琪 *qingqi*), циньин (кит. 亲迎 *qinying*). Семьи контактировали друг с другом при помощи свахи, молодым людям было запрещено встречаться до обряда циньин, чтобы исключить добрые связи.

Первый этап – нацай или посылка первого подарка в дом невесты, представляет собой предложение о браке. Семья жениха отправляла сваху в дом невесты, чтобы получить предварительное согласие. Получив согласие, семья жениха отправляла приветственное

письмо и гуся в качестве подарка. Приняв подарки, отец невесты и представитель семьи жениха совершали ритуал в храме предков, молились, спрашивали у духов предков разрешения на брак и совершали жертвоприношение. Подарки отправлялись на каждом этапе помолвки.

Второй этап – вэньмин или запрос имени невесты. После совершения ритуала в храме предков представитель жениха узнавал родовую фамилию невесты (кит. 姓氏 *xinshi*), чтобы избежать кровосмесительного брака. Также узнавалась дата ее рождения, чтобы провести гадание на совместимость. До периода Сражающихся царств запрещалось вступать в брак с однофамильцем, так как считалось, что представители одинаковой фамилии являются представителями одного рода, а такой союз не может дать потомство.

Третий этап – нацзи или извещение семьи невесты о положительном результате гадания в храме семьи жениха. После успешного гадания определялся наилучший день для свадьбы. Сваха приходила в дом семьи жениха и сообщала об удачном предсказании.

Четвертый этап – начжен или посыл закрепляющего помолвку подарка в дом невесты. Этот этап означал, что договор между двумя сторонам состоялся, родители невесты приняли дары. Обряд напоминает выкуп невесты.

Пятый этап – цинци или запрашивание у семьи невесты времени свадьбы. Время проведения свадебной церемонии определялось гаданием. Сваха приходила в дом невесты, чтобы проявить уважение и просить назначить дату. Отец невесты мог просить решить этот вопрос семью жениха.

Шестой заключительный этап – циньин или встреча жениха с невестой в ее доме. Встреча происходила вечером. Название свадебного ритуала *hunli* 婚礼, где *hun* 婚 обозначает вечер (ночь), пошло, как предполагается, с древней традиции воровства невесты, которое совершалось в темное время суток. Перед тем, как жених отправится забирать невесту, должны быть проведены обряды в двух домах. Отец жениха давал наставления сыну, который обещал их исполнить. Жених садился в черный экипаж, который сопровождали еще двое всадников, освещавшие ему путь. Мать невесты давала наставления дочери, после чего пара ехала в дом жениха (Кейдун, 2016: 155-167).

Обряды, описанные в «Ли цзи», не являются точным отражением проводимых ритуалов того времени, а являются своеобразной рекомендацией по их отправлению. Текст представляет собой описание идеальной общественной модели. В «Лунь юй» (1, 12) мы можем найти этому подтверждение: «Ю-цзы сказал: – Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. Путь древних правителей был прекрасен. Свои большие и малые дела они совершали в соответствии с ритуалом. Совершать то, что нельзя делать, и при этом в интересах согласия стремиться к нему, не прибегая к ритуалу для ограничения этого поступка, – так поступать нельзя» (Переломов, 2001: 49). В конфуцианских текстах значение понятия *ли* «ритуал» связано с морально-этическими установками, поддерживающими социально-политические отношения, является основой в управлении государством. Конфуций полагал, что ритуалы не могут привести к ошибкам в управлении так, как законы, что созданы людьми. Ритуалы не создаются, мы возвращаемся к ним, они проверены временем и передаются из поколения в поколение. Ритуалы естественны, ведь они являются отражением природных процессов, а законы искусственны, они исходят от человека, а человеку свойственно заблуждаться. Свадебные традиции, сформированные во времена правления династии Чжоу и полностью укоренившиеся во времена династии Хань, с их сложностью церемоний и предшествующим браку специальным воспитанием, позволяли вступающим в брак осознать всю ответственность и возложенные на них обязательства. Свадебная культура способствовала укреплению патриархального строя, развитию этики социально-политической жизни, формированию национальной культуры.

Модель общественных отношений «Три устоя и пять постоянств» (кит. 三纲五伦 *sangang wulun*), выдвинутая ханьским мыслителем Дун Чжуншу (кит. 董仲舒 *dong zhongshu*), четко обозначала для всех социальные роли. В его работе «Чуньцю фаньлу» (кит. 春秋繁露 *chunqiu fan lu*) он применяет концепцию «инь-ян» не только как онтологическую модель, но и как основу гендерной теории. Небо, Земля, человек и пять стихий – составляющие мироздания. Небо создает все живое, контролирует, определяет судьбу, дает власть, представляет собой наивысший закон. «Постоянный закон Неба – (наличие) светлого и темного начал. Светлое начало – добродетели, исходящие от Неба, темное начало – наказания, ниспосылаемые Небом» (Анашина, 2013: 50–55). Отношения между Небом и Землей подобны отношениям в человеческом мире. Небо – ян (главное), Земля – инь (второстепенное). Эта логика переходит и на человеческие отношения. Три основных типа общественных отношений (кит. 三纲 *sangang*): 1. Император – подданный; 2. Отец – сын; 3. Муж – жена. Мужское начало коррелирует с ян (идеальное, самостоятельное), а женское начало с инь (ограниченное, зависимое): «Как инь и ян дополняют друг друга, так и муж с женой дополняют друг друга; как отец и сын дополняют друг друга, так и монарх и его подданные дополняют друг друга; Император и служащий, отец и сын, муж и жена – все следуют пути инь и ян. Император – ян, а подчиненные – инь; отец – ян, а сын – это инь; Муж – ян, жена – инь. То, что соответствует инь, не может быть самостоятельным, в начале не может независимо развиваться, в конце не может разделять заслуг, потому что соединено с ян. Поэтому заслуги подданных объединяются с заслугами императора, заслуги сына неразрывны с заслугами отца, заслуги жены являются заслугами мужа, где достижения инь есть достижения ян, достижения Земли сливаются с достижениями Неба» (Dong Zhongshu, Zhou Guidian, 2011: 161)². Для государства в эпоху феодализма объединение людей в семьи и кланы способствовало развитию экономики и обогащению, а управление с помощью конфуцианских идей было большим подспорьем в осуществлении политики. Теория, базирующаяся на ритуале, культе предков и иерархии, была понятной каждому, независимо от его статуса и социального происхождения.

Литературные круги эпохи Хань также очень уважительно относились к работе «Заповеди для женщин» (кит. 女诫 *nujie*) Бань Чжао (кит. 班昭 *ban zhao*) (45-116 гг. жизни), вошедшей впоследствии в собрание «Женское четверокнижие» (кит. 女四书), аналог «мужского» «Четверокнижия» (кит. 四书 *si shu*), только для женской аудитории, со своей спецификой, где женщинам прививались основы послушания, смирения, любовь к труду и целомудрию. Эти знания в совокупности с навыками по уходу за собой и за жилищем помогали женщине стать образцовой женой. Подобная традиция женского послушания *fushun* 妇顺 вместе с сыновней почтительностью *xiao* 孝 во времена династии Хань стала главной женской идеологией. Женщина, не соответствующая требованиям, могла быть изгнана из дома. Появившийся еще во время Восточной Чжоу принцип «Семь законных поводов для развода с женой и три случая, когда жену отсылать нельзя» (кит. 七出三不去 *qichu sanbuqu*), ставший законом в эпоху Хань, давал мужчинам право бросить жену, если он был ею не удовлетворен. Семь причин для развода выглядели так: 1. бездетность; 2. прелюбодеяние; 3. непослушание в отношении свекра и свекрови; 4. болтливость; 5. воровство; 6. ревность; 7. серьезная болезнь. Три причины для отказа в разводе: 1. жене некуда вернуться; 2. трехлетний траур по случаю кончины родителей; 3. значительное улучшение финансового положения мужчины во время брака (до брака был бедным, стал очень богатым). Право на развод принадлежало только мужчинам, они могли использовать один из семи предлогов,

² Перевод автора статьи.

чтобы развестись. Женщины не могли уйти по собственному желанию, даже если муж был агрессивен и совершал дурные поступки. В эпоху Хань эти правила были утверждены законом, но исключения все же существовали. В книге «Хань шу» есть история, где во времена династии Западной Хань жена чиновника Чжу Майчен (кит. 朱买臣 *Zhu Maichen*) оставила его под предлогом его бедности и неподобающего поведения в обществе (Ban Gu, 2007: 636). Во время династии Тан правила развода закрепились законодательно и в нормах этикета. Женщинам необходимо было подстраиваться к существующим реалиям. Бань Чжао считала, что женщинам необходимо образование для подготовки к будущей взрослой и замужней жизни. Только такое образование не было похоже на мужское. В «Заповедях» предлагается модель поведения и этика для женщин. Жена должна угодить всем: мужу, свекру и свекрови, братьям и сестрам мужа, быть добродетельной в глазах общества. Выполняя правила, женщина получала возможность жить спокойной жизнью, избегать насилия и притеснений. Основные добродетели женщины – скромность и послушание (кит. 敬顺 *jingshun*). Бань Чжао начинает «Заповеди для женщин», говоря о себе уничижительно, представляя себя глупой и невежественной, благодарит за покровительство своего отца, чем проявляет дочернюю почтительность. Главной темой произведения является концепция «инь-ян» как показатель различия между мужчиной и женщиной: «Между инь и ян есть разница, между характерами мужчин и женщин тоже есть разница. Добродетелью ян считается жесткость, ценность женщины в мягкости» (Ban Zhao, 2016: 20); «муж и жена представляется как соответствие инь и ян» (Ban Zhao, 2016: 15)³. Эта мысль соответствует концепции отношений «Три устоя и пять постоянств» Дун Чжуншу. Так же часто в «Заповедях» можно встретить термин *yi* 义 «верность/преданность/долг», который используется для выражения характера отношения женщины к мужчине. Высшим проявлением почитания и послушания является подчинение чужой воле (говорится о родителях мужа) (кит. 曲从 *qucong*), чему посвящена отдельная глава. Несмотря на популярность произведений Бань Чжао и ее родословную, сама она не имела титула, а ее исторические труды не были признаны.

Критиком конфуцианских и неоконфуцианских взглядов на место и права женщин выступил в конце XVI века мыслитель-еретик Ли Чжи, живший при династии Мин. В это время концепция «Три устоя и пять постоянств» была очень популярна. Женщина обязана вступать в брак, ведь брак дает ей возможность стать полноценным членом общества, занять в нем свое место. При этом ее социальное положение полностью зависит от ее партнера. Такие социальные практики как наложничество, бинтование ног, культ вдовства и целомудрия достигли своего расцвета. Конфуцианские «корни» таких феноменов, как сыновняя почтительность и культ предков, давали женщине возможность реализовать свой потенциал лишь в браке, где ее обязанностями были лишь рождение наследника мужского пола и помощь в проведении ритуалов для предков. Женщина являлась инструментом, который с легкостью заменялся на другой, если не мог дать требуемый результат (например, рождение мальчика). Если у Дун Чжуншу в паре «муж-жена» муж стоит выше, а жена дополняет, то Ли Чжи выступал за взаимное уважение между мужем и женой, за жизнь в любви и понимании, где исключены отношения «управление-подчинение».

Тогда как мужчины могли достичь высот в карьере и получить высокое положение в обществе при помощи обучения, женщинам путь к образованию был закрыт, обучение являлось мужской привилегией. Итогом образовательного процесса становилось участие в экзаменах кэцзюй (кит. 科举 *keju*), где проверялось знание конфуцианских трактатов. В «Лунь Юй» мы можем встретить отрывок, где указывается на недостаточную способность женщин к обучению, самосовершенствованию и воспитанию в себе добродетелей. В противовес

³ Перевод автора статьи.

мужскому идеалу цзюнь-цзы (君子 благородного мужа) женщина представляется как сяо жень (小人 маленький человек): «Что касается женщин и маленьких людей, то они с трудом поддаются воспитанию. Сблизись с ними – перестают слушаться; отдались – возненавидят» (Переломов, 2001: 291). Ли Чжи утверждает, что женщины и мужчины равны в своих интеллектуальных возможностях. В подкрепление своих слов он приводил в пример женщин, которые добились высоких результатов в литературе, поэзии и науке. Проблема лишь в том, что женщины ограничены в возможностях, у них нет прав на обучение. Мыслитель так же осуждал закон, запрещающий вдовам выходить замуж повторно. В эпоху Мин целомудрие – высшая добродетель для женщины. Самопожертвование женщины в этом вопросе доходило даже до того, что под угрозой смерти ей необходимо выполнять свой долг перед мужем. Случаи самоубийств и голодной смерти среди вдов поощрялись обществом. Ли Чжи пытался превратить женщину из лишённого идентичности объекта в субъект, осознающий свою природу, индивидуальность и возможности. Безусловно, такие мысли вызывали недоумение среди интеллектуальной элиты того времени, его упрекали в предательстве конфуцианской идеологии и непристойном поведении. После всех гонений он был заключен под стражу, где добровольно ушел из жизни (Арчугова, 2020: 233-235).

Отношение к женщине и браку в китайском обществе начинает меняться в конце XIX века. Среди представителей неоконфуцианства самой интересной, смелой, выделяющейся оригинальностью интерпретацией вопросов, связанных с институтом брака, можно считать позицию Кан Ювэя (кит. 康有为 Kang Youwei) (1858–1927), который предлагал бороться со всеми пережитками прошлого, выстроить новую, прогрессивную концепцию брака. Женщина больше не представляется идеалом жены и матери. Новая женщина идеального мира «Великого Единения» – независимая, образованная, свободная в своем выборе. Новая нравственность, признание полигамности, отказ от целомудрия – реакция на века насильственной моногамии, которая представлялась Кан Ювэю источником страданий. Семья как ячейка общества не нужна, ведь такая социальная структура губительна для общества и разрушает его изнутри. С исчезновением семьи исчезнет и иерархический характер отношений в обществе (Kang Youwei, 2019: 312). Замужество – это выбор, который может и не состояться. В этом нет расчета, брак может быть велением чувств, а не волей родителей. Женщина, в прошлом заложница семьи, быта и детей, может выйти из дома и вести активную общественную жизнь. Кан Ювэй считал, что там, где права и свободы всех людей соблюдаются, есть место для высокого уровня качества жизни. Проблемы, с которыми сталкивалось общество времен Кан Ювэя, были обширны, начиная с политической повестки, заканчивая культурной практикой бинтования ног женщин (Макарова, 2022). Культура бинтования ног привлекала внимание не только китайских элит, но и общественности за рубежом. Этот специфический признак женственности, жертвенности и социального статуса стал порицаем и началась компания по искоренению этой практики. Идеи Кан Ювэя об идеальном обществе «Великого единения» не были осуществлены, но с закатом имперского правления и приходом новой идеологии в начале XX века отношение к женщинам стало постепенно, но неуклонно меняться в лучшую сторону (рис.).

Рис. Свадебные традиции в Китае начала XX века. Свадебная церемония и приданое невесты. Фото сделано автором статьи в Даляньском музее (кит. 大连博物馆). Далянь, Китай.
Fig. Wedding traditions in China of the early 20th century. Wedding ceremony and the bride's dowry. The photo was taken by the author of the article in the Dalian Museum. Dalian, China.

Литература

- Анашина, М. В. (2013), *Философия эпохи Хань*, ИФ РАН, Москва.
- Арчугова, А. С. (2020), «Анализ феминистических взглядов философа династии Мин – Ли Чжи», *Социология*, 5, 233–235. EDN: GEESCO
- Кейдун, И. Б. (2016), «Конфуцианский трактат Ли цзи о брачном ритуале в древнем Китае», *Общество и государство в Китае*, 46(1), 155–167. EDN: XSBJNZ
- Макарова, Е. Ю. (2022), «Кан Ювэй. Наставление на отказ от бинтования ног (опыт культурно-исторического комментария)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8(4), 116-126. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-11; EDN: UDDENX
- Переломов, Л. С. (2001), *Конфуций. «Лунь Юй»*, исслед., пер. с кит., коммент.; Факс. текст "Лунь юя" с коммент. Чжу Си, Восточная литература, РАН, Москва.
- Шицзин: Книга песен и гимнов*, (1987), пер. с кит. Штукин, А.; подгот. текста и вступ. ст. Федоренко, Н.; коммент. Штукин, А., Художественная литература, Москва.
- 班固撰 (2007) 汉书(汉). 北京. 中华书局. Ban Gu (2007), *Hanshu (Han)* [Hanshu (Han Dynasty)], Zhonghua shuju, Beijing, China.
- 班昭等著, 中华文化讲堂注译. (2016) 女四书(东汉). 北京. 团结出版社. Ban Zhao dengzhe; Zhonghua wenhua jiangtang zhuyi (2016), *Nu sishu (donghan)* [Four book for women (Eastern Han Dynasty)], Tuanjie chubanshe, Beijing, China.
- 董仲舒著; 周桂钿译注. (2011). 春秋繁露. 北京: 中华书局, Dong Zhongshu zhu; Zhou Guidian yizhu (2011), *Chunqiu fanlu* [Chunqiu fanlu], Zhonghua shuju, Beijing, China.
- 范晔撰. (1996) 后汉书(南朝宋). 郑州. 中州古籍出版社 Fan Yezhuan. (1996) *Hou hanshu (Nanchao Song)*. [The Houhanshu (Southern Song Dynasty)], Zhongzhou guji chubanshe, Zhengzhou, China.
- 康有为撰; 汤志钧导读. (2019). 大同书. 上海. 上海古籍出版社. Kang Youwei zhuan; Tang Zhijun daodu (2019), *Datong shu*. Shanghai guji chubanshe, Shanghai, China
- 周建忠 (2024), «主题与婚俗 — 《孔雀东南飞并序》通解中», 名作欣赏, (19), p.107 Zhou Jianzhong (2024), *Zhuti yu hunsu – “Kongque dongnanfei” tongjiezhong* [The main idea and the wedding customs – “Peacocks fly to the Southeast”], *Mingzuo xinshang*, 19, 107

References

- Anashina, M. V. (2013), *Filosofiya epokhi Han* [The Philosophy of the Han dynasty], Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.).
- Archugova, A. S. (2020), “Li Zhi: Analysis of Feministic Views of Late-Ming China Philosopher”, *Sociology*, 5, 233-235 (in Russ.). EDN: GEESCO
- Keidun, I. B. (2016), “Confucian treatise Li Ji on marriage ritual in ancient China”, *Society and State in China*, 46(1), 155-167 (in Russ.). EDN: XSBJNZ
- Makarova, E. Yu. (2022), “Rejection of foot-binding, 1883 (some short commentaries to the article by Kang Yu-wei "Instruction on the refusal of foot-binding")”, *Research Result. Social Studies and Humanities*. 8(4), 116-126 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-11; EDN: UDDENX
- Shtukin, A. (1987), *Shitszin: Kniga pesen i gimnov* [Shijing: The Book of Songs], Transl. by Shtukin, A., Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).
- Perelomov, L. S. (2001), *Konfutsiy. Lun Juy* [Confucius. The Analects], Transl. from Chinese, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).
- 班固撰 (2007) 汉书(汉). 北京. 中华书局. Ban Gu (2007), *Hanshu (Han)* [Hanshu (Han Dynasty)], Zhonghua shuju, Beijing, China.
- 班昭等著, 中华文化讲堂注译. (2016) 女四书(东汉). 北京. 团结出版社. Ban Zhao dengzhe; Zhonghua wenhua jiangtang zhuyi (2016), *Nu sishu (donghan)* [Four book for women (Eastern Han Dynasty)], Tuanjie chubanshe, Beijing, China.
- 董仲舒著; 周桂钿译注. (2011). 春秋繁露. 北京: 中华书局, Dong Zhongshu zhu; Zhou Guidian yizhu (2011), *Chunqiu fanlu* [Chunqiu fanlu], Zhonghua shuju, Beijing, China.
- 范晔撰. (1996) 后汉书(南朝宋). 郑州. 中州古籍出版社 Fan Yezhuan. (1996) *Hou hanshu (Nanchao Song)*. [The Houhanshu (Southern Song Dynasty)], Zhongzhou guji chubanshe, Zhengzhou, China.

康有为撰; 汤志钧导读. (2019). 大同书. 上海. 上海古籍出版社. Kang Youwei zhuan; Tang Zhijun daodu (2019), Datong shu. Shanghai guji chubanshe, Shanghai, China

周建忠 (2024), «主题与婚俗 — 《孔雀东南飞并序》通解中», 名作欣赏, (19), p.107 Zhou Jianzhong (2024), Zhuti yu hunsu – “Kongque dongnanfei” tongjiezhong [The main idea and the wedding customs – “Peacocks fly to the Southeast”], *Mingzuo xinshang*, 19, 107.

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Макарова Елизавета Юрьевна, преподаватель института иностранных языков, кафедра западных языков, Ляонинский университет международной торговли и экономики, ул. Шунле, д. 35, зона экономического развития Люйшунь, Далянь, 116045, провинция Ляонин, КНР; *makarova9liza@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Elizaveta Yu. Makarova, Teacher at the Institute of Foreign Languages, Department of Western Languages, Liaoning University of International Business and Economics, 35 Shunle St., Lushun Economic Development Zone, Dalian City, 116045, Liaoning Province, China; *makarova9liza@yandex.ru*

УДК: 141

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-0

Тинус Н. Н.

«Космология духа» Эвальда Ильенкова как манифест коммунистической этики¹

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; tiinusnn@gmail.com

Аннотация. В статье реконструируются политические импликации эссе «Космология духа» Эвальда Ильенкова. На общем фоне реабилитации интереса к советской мысли наблюдается дефицит специальных политико-философских исследований недовогоматического отечественного марксизма, чем и обусловлена актуальность данной проблематики. «Космология духа» с точки зрения ее этико-политического содержания ранее исследовалась крайне мало – это обстоятельство определяет новизну перспективы, предложенной автором настоящей статьи. В первой части работы с помощью контекстуального анализа демонстрируется существенная связь идей, выраженных в «Космологии духа», с характером эпохи послевоенного СССР, а также с развитием науки и изобретением атомного оружия. Доказывается, что сочинение Ильенкова содержательно закрывало пробел советской идеологии в области основных «смыслжизненных» вопросов, но при этом не вписывалось в догматику. Во второй части статьи предпринята попытка восстановить этико-политический смысл «Космологии духа». Аналитическое прочтение эссе Ильенкова позволяет интерпретировать его как спекулятивную манифестацию коммунистической этики самопожертвования. Эксплицируется основной политический ход, предпринятый в «Космологии духа», а именно наделение борьбы за коммунизм новым статусом – главного условия самореализации мыслящих существ в рамках материалистической космологии. В заключительной части исследования предлагается сравнить современные спекулятивные течения (спекулятивный реализм) в философии со спекулятивной космологией Ильенкова и таким образом реактуализировать последнюю в новейшем интеллектуальном контексте. Обзор основных тенденций «спекулятивного поворота» позволяет заключить, что эти новейшие течения отражают идеологию современного капитализма так же, как «Космология духа» воспроизводит стремление к будущему бесклассовому обществу. Предлагается вывод, согласно которому спекулятивный реализм является философией политического конформизма, а значит, необходимо обратить внимание на космологию Ильенкова как на радикальную субверсивную альтернативу.

Ключевые слова: советский марксизм; спекулятивная философия; материализм; философская космология; политические ценности; Эвальд Ильенков

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта No 24-18-00130 «Э.В. Ильенков и конец классической марксистской философии».

The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 24-18-00130 “E. V. Ilyenkov and the End of Classical Marxist Philosophy”.

Для цитирования: Тинус, Н. Н. (2025), «“Космология духа” Эвальда Ильенкова как манифест коммунистической этики», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 123-133. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-0

N. N. Tinus

Evald Ilyenkov's “Cosmology of spirit” as a manifesto of communist ethics¹

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; tiinusnn@gmail.com

Abstract. This article reconstructs the political subtext of Soviet philosopher Evald Ilyenkov's essay “Cosmology of Spirit”. Although there has recently been a revival of interest in Soviet thought, there is a lack of specialised political and philosophical studies of non-dogmatic Russian Marxism, which is why this topic is relevant. “Cosmology of the Spirit” has previously received little attention in relation to its ethical and political content; this article proposes a new perspective on this issue. The first part analyses the historical and intellectual context that shaped the content of Ilyenkov's early work. “Cosmology of Spirit” is considered in relation to the post-war Soviet era, the development of science and the creation of atomic weapons. By assessing the ideological context, I demonstrate that “Cosmology of Spirit” addressed a gap in Soviet ideology concerning fundamental questions about the 'meaning of life', yet it did not align with the realities of dogmatism. Next, I attempt to reconstruct the ethical and political meaning of “Cosmology of Spirit”. Ilyenkov's essay is interpreted as a speculative manifestation of the communist ethic of self-sacrifice. I then analyse the essay's main political move. This involves granting the struggle for communism a new status as the primary condition for the self-realisation of thinking beings within a materialist cosmology. In the concluding section, I propose a comparison between contemporary speculative currents (speculative realism) in philosophy and Ilyenkov's speculative cosmology. I demonstrate that, just as 'Cosmology of Spirit' reflects the aspiration for a future classless society, contemporary speculative theories reflect the ideology of contemporary capitalism. Therefore, the conclusion is that speculative realism is a philosophy of political conformism and that we must consider Ilyenkov's cosmology a radical, subversive alternative.

Keywords: soviet marxism; speculative philosophy; materialism; philosophical cosmology; political values; Evald Ilyenkov

For citation: Tinus, N. N. (2025), “Evald Ilyenkov's ‘Cosmology of spirit’ as a manifesto of communist ethics”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 122-133, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-0

Известно, что советский проект в самой своей идейной основе был организован как размышление о завтрашнем дне – о том, как должна быть преобразована жизнь людей в коммунистическую эру. Эта футурологическая ориентация особенно сильно давала о себе знать в короткий период постреволюционного творческого энтузиазма, но оказалась быстро подавлена с развитием советской идеологической догмы, строго регламентирующей контуры будущего и доступные пути его строительства. Однако даже в этом суровом контексте иногда

появлялись исключительные по своей новизне «большие» идеи. Одним из таких удивительных исключений можно считать эссе «Космология духа» Эвальда Ильенкова. Этот текст, написанный предположительно в первой половине 1950-х гг., предлагает ни много ни мало ответ на вопрос о смысле бытия для мыслящих существ. Исходя из гипотезы о тепловой смерти Вселенной, Ильенков выдвигает следующую мысль: роль человечества заключается в том, чтобы, жертвуя собой, на месте престарелой остывающей Вселенной запустить следующую ее итерацию путем организации нового «большого взрыва».

После того, как «Космология духа» была впервые опубликована в 1991 г., ее комментирование по большей части происходило в некотором снисходительном тоне. Зачастую обсуждение велось вокруг таких аспектов, как сомнительная естественно-научная состоятельность текста или спекулятивный характер выдвинутых в нем положений. Впрочем, и сейчас расхожее отношение к «Космологии духа» – как к курьезу (хоть и небезынтересному) философа, известного своей эксцентричностью в раннем творчестве.

Здесь же мы попробуем отнестись к этому эссе серьезно и прочитать его как симптом определенного политического мировоззрения, как выражение вполне конкретной системы убеждений и ценностей. Такой подход позволит сопоставить ильенковскую космологию с некоторыми новейшими версиями философских спекулятивных теорий, выявить существующий между ними разрыв и в результате предложить ряд критических выводов о политическом содержании современной философской мысли.

«Космология духа» и дух времени

Прежде всего хотелось бы обратиться к историческому и интеллектуальному контексту происхождения «Космологии духа». Пятидесятые годы прошлого века, когда Ильенков написал интересующее нас эссе, были периодом больших воодушевляющих открытий. С одной стороны – начало космической эры, с другой – начало эпохи ядерного синтеза. Страна, совсем недавно одержавшая верх в самой кровопролитной войне за всю историю человечества, не только демонстрирует «экономическое чудо», но к тому же выходит на принципиально новую ступень научно-технического развития. Если нужно описать состояние советского общества того периода в двух словах, то не будет ошибкой сказать, что это было состояние колоссальной мобилизации его внутренних ресурсов. Героическое самопожертвование во имя благополучия будущих поколений – не только идеологический штамп, культивируемый советской пропагандой, но еще и вполне реальный феномен. Чтобы признать этот факт, совершенно не обязательно отворачиваться от мрачных черт советского режима, которые, очевидно, являются обратной стороной всех его достижений. Так или иначе, определенный пафос, связанный с героизмом, фронтовым или трудовым, был понятен каждому советскому гражданину, помещенному в культурно-идеологическую матрицу, где жертва во имя общего блага была одной из ключевых добродетелей.

Можно полагать, что Эвальд Ильенков – боевой офицер, закончивший войну в Берлине, своими глазами видел, как такого рода самоотверженность в условиях тотальной катастрофы позволила возникнуть новому миру. Проблема же заключалась в том, что советская идеологическая парадигма, сосредоточенная вокруг задач коммунистического строительства, содержала явный пробел в области таких принципиальных вопросов, как вопрос о конечной цели существования человека, смысле его бытия и роли в мироздании. Пласт тем, фундаментальных для любого мировоззрения, как бы выпал из оборота, а точнее – был сознательно отброшен вместе с религией. Марксистско-ленинская догма при этом не смогла предложить ничего более-менее внятного взамен. Научный атеизм был неэффективен, потому что так и остался на уровне простого отрицания. Как известно, религия оставалась значимой частью жизни общества, несмотря на череду антирелигиозных компаний.

Ильенков, один из немногих, кто относился к марксистскому учению творчески, пробует устранить этот пробел и совершает амбициозную «попытку установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия» (Ильенков 2019: 419), как гласит подзаголовок «Космологии духа». Впрочем, это совершенно не означает, что Ильенков предлагает некий квазирелигиозный нарратив под маркой диамата. Философ соглашается, что интересующий его вопрос очень старый, известный «под названием проблемы конечной цели существования человечества», но звучавший, как правило, в «наивно-мистической постановке» (Ильенков 2019: 428). Соображения же Ильенкова в своей основе не имеют ничего общего с религиозными вариантами ответа на этот вопрос. Он опирается на наследие классического философского рационализма и материализма, утверждая, что развитие материи происходит исключительно по присущим ей внутренним законам, и отрицая, таким образом, любую трансцендентность, как и любую телеологию. Это уточнение важно для понимания той неуверенности, которую демонстрировал Ильенков в отношении собственной работы, ведь сама проблема, поставленная в «Космологии духа», традиционно находилась на территории религии и идеализма. Опасность быть неверно понятым, судя по всему, Ильенков чувствовал еще на стадии написания – в тексте он многократно подчеркивает, что его суждения покоятся на принципах диалектического материализма и никоим образом им не противоречат. Опасения были не беспочвенны, ведь «Космология духа» даже в сознании современных комментаторов вызывает фантомы индуизма или «ацтекской религии Кетсалькоатля» (Groys, 2024; Пензин, 2018).

Причина подобных ассоциаций в том, что в работе Ильенкова, подобно некоторым религиозным системам (хотя это лишь поверхностное сходство), бесконечное развитие природы интерпретируется как циклический процесс. В действительности же речь идет о гегелевском понятии бесконечного, которое напоминает собою круг (истинная бесконечность), а не прямую (дурная бесконечность). Как утверждает Гегель в «Науке логики», «бесконечность, повернутая обратно к себе, имеет своим образом круг, достигшую себя линию, которая замкнута и всецело налична, не имея ни начального пункта, ни какого-либо конца» (Гегель, 2018: 155). Иными словами, хотя мифологический образ Уробороса (Ильенков, 2019: 447) присутствует в космологии Ильенкова, он является не элементом некоего домодерного содержания, а лишь следом гегельянской философии.

Мышление, роль которого необходимо определить, является здесь атрибутом материи и высшей ее формой. Но раз развитие циклично, то существует точка, в которой мышление распадается, чтобы прогресс мог состояться снова: «Высший продукт развития возвращается путем разложения в свои низшие формы, опять включаясь таким путем в вечный круговорот мировой материи» (Ильенков, 2019: 447). Эта точка, событие распада и становления, является ключевым моментом «Космологии духа». Как уже было упомянуто, Ильенков опирается на гипотезу «тепловой смерти», расширяющую второе начало термодинамики на масштаб Вселенной. Согласно этой гипотезе, энтропия приведет Вселенную к состоянию полного охлаждения, то есть к абсолютному рассеиванию энергии и прекращению любого движения. Энтропийный процесс необратим, однако организовав событие с огромным выбросом энергии, полагает Ильенков, можно вернуться к началу – к «Большому взрыву» и раскаленному состоянию. Главный тезис «Космологии духа», следующий за этими рассуждениями, заключается в том, что именно люди способны осуществить вселенский взрыв такого рода: «Мыслящие существа, исполняя свой космологический долг и жертвуя собой, производят сознательно космическую катастрофу – вызывая процесс, обратный “тепловому умиранию” космической материи, т. е. вызывая процесс, ведущий к возрождению умирающих миров» (Ильенков 2019: 445).

Ильенковский тезис о рукотворном подрыве Вселенной, безусловно, кажется отражением того нового переживания, которое человек испытал после изобретения атомной

бомбы. В пятидесятые его довольно точно сформулировал Гюнтер Андерс: «С тех пор как мы нашли средство для полного истребления себе подобных, мы обрели апокалипсическую мощь. <...> ...отношение наше к вселенной и к самим себе изменилось настолько, что мы превратились в некий новый вид, мы – существа, столь же не похожие на прежнего человека, как не похож на него сверхчеловек со страниц Ницше» (Андерс, 1966: 233). Для советского философа описанная им тотальная катастрофа мыслилась чем-то наподобие атомного взрыва, цепной реакцией, но в несравненно большем масштабе.

Если отвлечься от событий эпохи, отпечатавшихся в «Космологии духа», и постараться установить собственно интеллектуальные корни этого эссе, то самым близким и вероятным его истоком нужно признать поэзию Максимилиана Волошина. Известно, что произведения Волошина не издавались вплоть до шестидесятых годов, но, как сообщает А.Д. Майданский, – Ильенков точно был знаком по меньшей мере с его знаменитой поэмой «Путями Каина»: «Замысел “Космологии”, по-видимому, возник под влиянием размышлений М. Волошина над тем, как “тля Энтропии подтачивает сомнительную вечность вещества”. <...> Философ не раз посещал с семьей волошинский Коктебель и спорил с поэтом в книге “Об идолах и идеалах”» (Майданский, 2019: 462). В цикле «Путями Каина» человек изображается как мятежное существо, носитель творческого духа, бунтующий против природных закономерностей, в том числе против энтропийного процесса:

А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную
Обратно в древний хаос.
Он утверждает Бога мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,
И его ваяло – смерть,
А глина – вихри собственного духа (Волошин, 1923: 26).

Далее Волошин напрямую артикулирует вселенскую сверхзадачу человека как кульминацию его мятежа:

Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
<...>
Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! Отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры! (Волошин, 1923: 64).

Надо полагать, что именно процитированный отрывок лег в основу замысла «Космологии духа». Однако в то время для молодого марксиста стихи Волошина были не самым характерным чтением – в «Большой советской энциклопедии» 1951 г. поэт квалифицируется как космополит и «представитель упаднического символизма» («Волошин», 1951: 42). Волошин, не жаловавший революцию и власть Советов, был для Ильенкова рискованным источником идей. При желании наиболее эрудированные «работники умственного труда» могли вычитать в этом эссе не только признаки всевозможных теоретических «извращений» и «отклонений», но и развитие идей такого «антисоветчика и декадента», как Волошин. Даже после смерти Ильенкова его бывший научный руководитель Т.И. Ойзерман, человек весьма чуткий к текущей конъюнктуре, настаивал на том, чтобы не

включать «Космологию духа» в планируемое тогда издание собрания сочинений философа (Мареев, 1997: 175).

Вместе с тем эссе ярко отражает суть эпохи – акт жертвенного героизма как способ обеспечить будущее и рукотворный апокалипсис как новый метод, доступный для решения этой задачи. Ильенков предложил ответ на вопрос о смысле – возвышенный ориентир, в котором объективная роль мыслящих существ заключается в том, чтобы пожертвовать собой для сохранения Вселенной: «В сознании огромности своей роли в системе мироздания человек найдет и высокое ощущение своего высшего предназначения – высших целей своего существования в мире. Его деятельность наполнится новым пафосом, перед которым померкнет жалкий пафос религий» (Ильенков 2019: 450). Идея Волошина, талантливо пересобранная философом на основе диалектического материализма, как кажется, чисто содержательно (если отбросить внешние обстоятельства) могла бы быть инсталлирована в идеологический канон, если бы не разрыв между творческим подходом Ильенкова и условиями реального социализма с его косной догматикой, поиском еретиков, цензурой и пр.

«Космология духа» и коммунистическая этика

С высоты сегодняшнего дня, конечно, ильенковская космология воспринимается совсем иначе. В первую очередь, вызывают сомнения ее естественнонаучные основания. На самом деле, еще в прошлом веке гипотеза «тепловой смерти» подвергалась основательной критике как неправомерная экстраполяция законов термодинамики, верных для замкнутых систем, на Вселенную в целом². Тем более проблематичной она кажется сейчас, ведь с 1865 г., когда Клаузиус впервые высказал эту гипотезу, наука далеко продвинулась в понимании истории и свойств Вселенной. Сегодня принято считать, что Вселенная расширяется ускоряющимися темпами, и это знание кардинально изменило представления о сценариях ее будущего. Существует целый ряд конкурирующих моделей, часть из которых действительно подразумевают «смерть» Вселенной, но не в результате простого остывания, а в результате постоянного расширения («большая заморозка», «большой разрыв»). Непонятно, как в этом свете должно выглядеть событие, возвращающее Вселенную в исходное состояние и возможно ли теоретизировать такой акт в целом. Другие космологические модели описывают сценарий циклического процесса последовательного расширения и сжатия («большой отскок» и т. п.), интерпретируя «большой взрыв» как последствие коллапса предыдущей версии Вселенной. Такие модели имеют частичное сходство с интуициями Ильенкова, но не подразумевают никакого специального усилия для запуска очередного космического цикла – это происходит без участия мышления самопроизвольным образом.

Итак, хотя за последние семьдесят лет научная космология обогатилась новыми данными и подходами, вопросов в этой сфере стало только больше. В этом смысле современный физик-теоретик справедливо мог бы счесть работу Ильенкова наивным резонерством. Впрочем, это не имеет никакого значения, если мы хотим рассмотреть «Космологию духа» как выражение неких эτικο-политических убеждений. Анализ универсальных моделей, подобных той, что предложил Ильенков, не может основываться на сугубо эксплицитном содержании; в таких случаях мы имеем дело еще и с политическим измерением. В эссе Ильенкова исходным пунктом этого измерения является короткий тезис, сформулированный как будто мимоходом: «Пройдут миллионы лет... установится на Земле подлинно человеческая система условий деятельности – бесклассовое общество, пышно расцветет духовная и материальная культура, с помощью и на основе которой человечество только и сможет исполнить свой великий жертвенный долг перед природой» (Ильенков, 2019: 450). Речь здесь идет о том, чтобы придать борьбе за коммунизм принципиально новый

² См., например, Базаров, И. П. (2010), *Термодинамика: Учебник*, Лань, Санкт-Петербург, 82-84.

статус – ее успех становится не просто благом для конкретного вида на отдельной планете, а оказывается значимым событием для истории космоса в самом широком масштабе. Коммунизм понимается Ильенковым не только как оптимальный общественно-экономический строй, но еще и как условие самореализации мыслящей материи в системе природы, более того – как фактор рождения новой Вселенной. Из этого следует два вывода. Во-первых, нынешняя Вселенная существует потому, что в предыдущей ее итерации некие неизвестные мыслящие существа сумели построить бесклассовое общество и достичь высшей стадии общественного и культурного развития. Во-вторых, это означает, что провал на пути социального и политического прогресса лишает значимости историю нашего вида, превращая ее в локальный и стохастический эпизод развития материи.

Что касается первого утверждения, важно отметить, что отношения человека и природы в ильенковской космологии рассматриваются через призму понятия долга. Иницируя апокалиптический пожар, мы таким образом возвращаем природе ее дары: «...во времена своей молодости, природа породила мыслящий дух. Теперь, наоборот, мыслящий дух ценой своего собственного существования возвращает матери-природе... новую огненную юность» (Ильенков, 2019: 443). Б. Гройс в этой связи обращается к истории понятия дара и, в частности, к символической экономике М. Мосса (Groys, 2024). В своем эссе «Очерк о даре» Мосс анализировал дорыночные общества, в которых дар выступал основной формой экономических отношений. Дар как таковой не подразумевает получения выгоды, но создает чувство долга у одаряемого, таким образом становясь залогом взаимных обязательств. Подарок, по Моссу, это имущественная потеря, которая ведет к приобретению символическому. Позже Ж. Батай на основе выводов Мосса предложит рассматривать дар не только как акцию по приобретению власти/славы, но и как определенное насилие по отношению к одаряемому, нарушение его суверенности. Долг, вызываемый даром, необходимо вернуть с лихвой – только таким способом можно снова вернуть себе независимость. Особенный интерес у Батая вызывала традиция потлача (Батай, 2006), ритуального обмена ценными дарами и порой их демонстративного уничтожения. Одностороннее и, на первый взгляд, абсурдное уничтожение ценностей, практикуемое в некоторых традиционных обществах, можно трактовать как возвращение долга самой природе. В этом смысле у Ильенкова отношение человечества и Вселенной реализуется по образцу потлача – природа сделала нас одаренными, и мы должны вернуть ее дары. Конечно, главный дар природы – это жизнь, и только расставшись с ней, можно вернуть себе подлинный суверенитет. Любопытно отметить, что диалектика господина и раба в известной интерпретации А. Кожева, как принято считать, появилась под влиянием работ Мосса. Отношение мыслящих существ ко Вселенной у Ильенкова напоминает ситуацию должника, который озабочен исполнением своих обязательств, или раба, преодолевающего инстинкт самосохранения и получающего, таким образом, право на признание (*Anerkennung*). Обретение признания через самоотрицание в космологии Ильенкова описывается следующим образом: «Смерть мыслящего духа становится тем самым его бессмертием. И когда-то вновь – в бесконечно далеком будущем – новые существа, в которых природа разовьет мыслящий дух, будут – как и мы ныне – созерцать сверкающие над небом их Земли звездные миры с гордым сознанием, что эти миры обязаны своим существованием некогда исчезнувшему мыслящему духу, его великой и прекрасной жертве» (Ильенков, 2019: 449).

Переходя ко второму выводу – к сценарию, в котором человечество не сумело вернуть свой долг, нужно сказать, что Ильенков не рассматривает такой сценарий всерьез, ведь люди тогда окажутся, как выражается философ, всего лишь «пустоцветом» или «чем-то вроде плесени на остывающей планете» (Ильенков, 2019: 443). Молодой Ильенков, настроенный оптимистично, отвергает такое будущее. Но уже в семидесятые, погруженный в меланхолию и подавленный разложением реального социализма, вероятно, философ высказался бы иначе.

Сегодня, в век тотальной гегемонии капитализма, перспектива остаться бесплодным «пустоцветом» кажется более осязаемой. С одной стороны, этос капитализма строится вокруг частного сиюминутного интереса и девальвирует заботу об общих глобальных вопросах. С другой стороны, такое положение дел цементируется идеологическим аппаратом, работа которого направлена на натурализацию нынешнего исторически обусловленного порядка как естественно заданного выражения «человеческой природы». А. Пензин в этой связи указывает на один из примеров такого рода натурализации, а именно на популярный концепт «антропоцен», обозначающий эпоху от начала промышленной революции, в течение которой экосистема Земли подверглась мощному разрушительному воздействию. Проблема здесь в том, что концепция «антропоцена» ссылается на абстрактную жизнедеятельность человеческой популяции как на причину развернувшегося кризиса. «В отличие от Ильенкова и других советских мыслителей и писателей конца 1950-х годов, теоретики Антропоцена, как кажется, утверждают *обратное*: именно жизнь, как таковая, генерирует энтропийный процесс...» (Пензин, 2018: 167) [курсив автора]. Не так давно ряд левых интеллектуалов выступил с критикой «антропоцена», предложив заменить его понятием «капиталоцен», которое будет отражать реальный корень глобальных изменений – существующую систему общественно-экономических отношений (см.: Moore, 2016).

Можно привести множество других похожих примеров того, как разрушительные эффекты современного капитализма объявляются естественным следствием жизни каждого отдельного индивида в их простой совокупности. За изменение климата и сокращение разнообразия, как сообщают идеологи зеленого капитализма или «ответственного потребления», несет долю вины каждый из нас, а вовсе не основные системообразующие институты и бенефициары нынешнего порядка. В черновиках Вальтера Беньямина можно обнаружить любопытный в данном контексте анализ капитализма как религии или культа, в котором принципиальной чертой последнего называется непрерывное производство вины (Беньямин, 2012: 100-108). Эта вина не может быть погашена, а значит, неизбежно ведет к всеобщему отчаянию. По Беньямину, капитализм руинизирует бытие (Беньямин, 2012: 101), и человек, чтобы отвлечься от этой безысходности, окунается в разного рода мелкие заботы и потребительство. Такова ситуация, в свете которой ильенковское требование коммунизма оказывается крайне уместным. Сегодня капитализм выглядит не просто одной из формаций, а угрозой будущей разумной жизни не только в культурном, но и в непосредственном биологическом смысле.

Несмотря на то что текущая обстановка представляется весьма экстремальной, нельзя отрицать ее оборотную сторону – явное наращивание производительных сил и стремительный прогресс технологий. Эти результаты обнадеживают некоторых интеллектуалов, считающих, что развитие науки и технологий само по себе запустит саморазрушительные процессы внутри капиталистической системы. Так вот, Ильенков вряд ли бы с этим согласился. В подзаголовке волошинского цикла «Путями Каина», послужившего главным источником для «Космологии духа», упомянута некая «трагедия материальной культуры». Суть этой трагедии, описываемой в поэме, заключается в дисбалансе между технологическим и нравственным прогрессом: подчиняя силы природы, создавая все новые технологии, человек не улучшил свое положение, более того, он был дегуманизирован и поработен собственными изобретениями. В «Идолах и идеалах» Ильенков выражает согласие с трагедией истории, как видит ее Волошин, хотя и отмечает, что человек был поработен не технологиями, конечно, а другими людьми с использованием этих технологий (Ильенков, 1968: 29-44). Иными словами, научно-технический прогресс, с точки зрения Волошина и Ильенкова, работает как бы вхолостую и не может быть полноценно использован на благо, пока человек не сумеет пересоздать себя на основах нового общественного сознания и новой нравственности.

Ильенков не был моралистом в расхожем значении, однако тема нравственности всегда имплицитно присутствовала в его творчестве. С точки зрения философа, мораль необходимо рассматривать как разъяснение индивиду принципов поведения, «которые властно диктуются ему мощными силами социального организма, условиями его бытия» (Ильенков, 1968: 281). Никакие системы морали, представленные в абстрактно-общем виде, в отрыве от конкретного индивида в конкретном социуме, не способны повлиять на реальную практику. При этом разрыв между условиями жизни и декларируемой моралью ведет к цинизму (который, очевидно, является здравым смыслом в рамках капитализма). Таким образом, единственный способ реформировать нравственность – это привести социальное устройство в соответствие с теми ценностями и императивами, которые всем хорошо известны. Здесь мы снова возвращаемся к требованию коммунизма, выдвинутому в «Космологии духа». «Для нас, для людей, живущих на заре человеческого расцвета, борьба за это будущее остается единственно реальной формой служения высшим целям мыслящего духа» (Ильенков 2019: 450). Понятно, что советский проект, на который он возлагал надежды, провалился. Однако возвышенная апология коммунизма, необходимого не только с этико-политической, но и с космологической перспективы, впечатляет своим радикальным пафосом и риторической силой. В конечном счете, мы имеем дело с выражением альтруистической этики самопожертвования. «К ныне совершающейся деятельности наша гипотеза не прибавляет ничего и не отнимает от нее ничего, прибавляя лишь гордое ... сознание, что деятельность человека одухотворена не только пафосом “конечных” человеческих целей, но имеет, кроме того, и всемирно-исторический смысл» (Ильенков 2019: 450), – сообщает автор «Космологии», обосновывая необходимость сразу двух революций, сначала социальной, а потом космической. Эссе Ильенкова перформативно: оно побуждает к действию, потому что диктует определенную перспективу, а не парализует, как беспросветное отчаяние и суэта потребления, описанные Беньямином.

«Космология духа» и спекулятивный поворот

Далее нам хотелось бы попытаться сопоставить космологию Ильенкова с некоторыми новейшими спекулятивными тенденциями в философии. Мы полагаем, что современные интеллектуальные тренды отражают дух нашего времени так же, как космология Ильенкова отражала дух советских пятидесятых. Речь идет о произошедшем в последние десятилетия так называемом «спекулятивном повороте» (см.: The speculative turn..., 2011), а конкретнее о таких направлениях, как спекулятивный реализм и его многочисленные родственные течения (объектно-ориентированная онтология, новый материализм и прочие). Здесь нет возможности вдаваться в нюансы позиций тех или иных авторов, можно лишь эскизно перечислить некоторые основные черты, характерные для этой новой линии философской мысли.

Первым и главным пунктом, вокруг которого сформировался стойкий консенсус, является критика «корреляционизма», то есть базовой позиции всей посткантианской философии, согласно которой мы не имеем прямого доступа к реальности, кроме как в форме взаимосвязи (корреляции) мышления и бытия. Кроме того, критике должны быть подвержены любые «философии привилегированного доступа», то есть те теории, которые наделяют человека особым статусом на фоне всех прочих существующих объектов. «Корреляционизм» и «философии доступа» ставят реальный мир в зависимость от человека и поэтому трактуются как последствия антропоцентризма – порока высокомерия, свойственного нашему виду. Отказ от антропоцентризма является еще одной важной тенденцией в этом направлении мысли. Необоснованное привилегированное положение человека должно быть устранено, чтобы исследовать реальность «как она есть»; все объекты должны быть уравнены в своем онтологическом статусе.

Следующей чертой, заслуживающей упоминания, является некое доверие к математике как к типу знания, наименее зараженному корреляционизмом. Естественные науки в этой парадигме получают доступ к реальности в той мере, в какой они могут быть математизированы. В частности, это касается физики, однако важным моментом здесь является необходимость контингентности, то есть некоего фундаментального хаоса в мироздании. Законы природы, исследуемые физикой, не являются необходимыми и вечными – они основательно коррелируют с позицией наблюдателя. Реальность не руководствуется никакой видимой причинностью или необходимостью, не имеет никаких четких правил и смыслов: «на метафизические вопросы, в которых спрашивается, почему нечто есть так, а не иначе, ответ “просто так” – подлинный ответ. Более не смеяться и не улыбаться вопросам “Откуда мы произошли? Почему мы существуем?”, но размышлять над замечательным фактом, что ответы “Ниоткуда. Ни для чего” действительно являются ответами» (Мейясу, 2016: 164). Мир, таким образом, в рамках спекулятивного реализма осмысливается как место, которое никоим образом не зависит от мышления, – будет он осмыслен или нет, не имеет, в сущности, никакого значения.

Вполне очевидно, что эта позиция противостоит ильенковской спекулятивной космологии. Но что более интересно, установки нового реализма контрарны космологической гипотезе Ильенкова не только по своему спекулятивному содержанию, но и по своей политической подоплеке. Однако если политический смысл «Космологии духа» более-менее очевиден, то спекулятивный реализм старается представить себя как некий автономный проект, отстыкованный от политической сферы. Впрочем, если взглянуть на перечисленные нами основные черты спекулятивного поворота, то возникают серьезные сомнения в этой автономности. Современные философы обосновывают контуры мира, где человек находится на одном уровне с отходами, мира, где нет никаких законов, кроме бессмысленного хаоса, и единственный путь к твердой реальности – это математические подсчеты. Очевидно, что мы имеем дело с реалистическим изображением постфордистского капитализма. Это настолько бросается в глаза, что даже те, кто имеет прямое отношение к спекулятивному реализму, задаются вопросом: «Что же нам следует предпринять, чтобы наше понимание мира не совпадало понятным и простым образом с духом капитализма?» (Galloway, 2013: 347). Если говорить более детально, здесь отражается идеология инфокапитализма, в которой чистая математика является средством извлечения прибыли. На языке философии воспроизводится идея Internet of Everything, где человек и любая вещь находятся на одной плоскости, подлинная реальность которой – это программный код. К чему, в чисто политическом смысле, призывают сторонники нового реализма? По сути, к отказу от какого-либо действия, принятию отчаяния, описанного Беньямином, как неизбежного онтологического положения в ситуации хаоса. Реальность современного неолиберального инфокапитализма действительно пугает, особенно когда речь идет о возможностях его главных акторов по контролю за человеком и полное отсутствие встречного контроля со стороны общества (как и понимания, что вообще происходит). Только топ-менеджеры корпораций и их жрецы, специалисты сферы IT, обладают «сакральным» знанием сути процессов, происходящих в современном цифровизированном пространстве производства и потребления.

Именно поэтому, возможно, нам стоит вернуться к текстам других эпох, требовавшим от человека действия, предлагающим некую перспективу и универсальный этико-политический ориентир, в том числе к таким полузабытым текстам, как «Космология духа». Несмотря на то, что гипотеза Ильенкова описывает гибель человечества во вселенском пожаре, она одновременно производит мобилизующий эффект, потому что требует от субъекта революционной активности, принятия мер по налаживанию «подлинно человеческой системы условий деятельности» здесь и сейчас. Особенно это заметно на чудовищном контрасте с тенденциями нового реализма, который обладает паралитическим воздействием,

предлагая принять действительность инфокапитализма как некую универсальную онтологию. Причем защита статус-кво как скрытый политический смысл этих тенденций возникает будто бы сам собой – участники спекулятивного поворота видят себя как прогрессивных интеллектуалов, но, обличая пороки классической философии, они случайно воспроизвели идеологию постфордизма. Чтобы избежать этого снова, не стоит отбрасывать старые гипотезы, особенно если они тревожат воображение. Возможно, именно такие идеи нужны нам сегодня, в сложное время, когда смысл существования мыслящих существ вызывает одни вопросы.

Литература

- Андерс, Г. (1966), «Размышления об атомной бомбе», *Иностранная литература*, 1, 233-234.
- Батай, Ж. (2006), «Проклятая часть», *Батай, Ж. Проклятая часть: сакральная социология*, Ладомир, Москва, 107-233.
- Беньямин, В. (2012), «Капитализм как религия», *Беньямин, В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*, Изд-во РГГУ, Москва, 100-108.
- «Волошин» (1951), *Большая советская энциклопедия. Т. 9. Вологда – Газели*, под. ред. Введенского, Б. А., Советская энциклопедия, Москва, 42.
- Волошин, М. (1923), «Путями Каина», *Волошин, М. Стихи о терроре*, Книгоиздательство писателей в Берлине, Берлин, Германия, 25-69.
- Гегель, Г. В. Ф. (2019), *Наука логики*, АСТ, Москва.
- Ильенков, Э. В. (2019), «Космология духа», *Ильенков, Э. В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Абстрактное и конкретное*, Канон+, Москва, 419-451.
- Ильенков, Э. В. (1968), *Об идолах и идеалах*, Политиздат, Москва.
- Майданский, А. Д. (2019), «Примечания», *Ильенков, Э. В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Абстрактное и конкретное*, Канон+, Москва, 448-464.
- Мареев, С. Н. (1997), *Встреча с философом Э. Ильенковым*, Эрбус, Москва. EDN: YTHDML
- Мейясу, К. (2015), *После конечности: эссе о необходимости контингентности*, Кабинетный ученый, Екатеринбург; Москва.
- Пензин, А. (2018), «“Космология духа” Эвальда Ильенкова: опыт прочтения в свете современных философских дискуссий», *Вox: философский журнал*, 25, 159-175. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00062; EDN: YTRFYD
- The speculative turn: Continental materialism and realism* (2011), in Bryant, L., Srnicek, N. and Harman, G (eds), re.press, Melbourne, Australia.
- Galloway, A. R. (2013), “The Poverty of Philosophy: Realism and Post-Fordism”, *Critical Inquiry*, 2, 347-366. DOI: 10.1086/668529
- Groys, B. (2024), “The Lord of the Rings”, *e-flux Journal*, 148 [Электронный ресурс], URL: <https://www.e-flux.com/journal/148/630793/the-lord-of-the-rings> (Дата обращения: 01.07.2025).
- Moore, J. (2016), *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, PM Press, Oakland, CA.

References

- Anders, G. (1966), “Reflections on the Atomic Bomb”, *Inostrannaya literature* [Foreign Literature], 1, 233-234 (in Russ.).
- Bataille, G. (2006), “The Cursed Part”, *Bataille, G., Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [The Cursed Part: Sacred Sociology], Transl. by Solovyov, A. V., Ladomir, Moscow, Russia (in Russ.).
- Benjamin, W. (2012), “Capitalism as a Religion”, *Benjamin, W., Uchenie o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya* [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetic Works], Transl. by Penzin, A., RUDN University Publishing House, Moscow, Russia, 100-108 (in Russ.).
- Bryant, L., Srnicek, N. and Harman, G (eds) (2011), *The speculative turn: Continental materialism and realism*, re.press, Melbourne, Australia.
- Hegel, G. W. F. (2018), *Nauka logiki* [Science of Logic][Wissenschaft der logik], Transl. by Stolpner, B. G., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

- Galloway, A. R. (2013), "The Poverty of Philosophy: Realism and Post-Fordism", *Critical Inquiry*, 2, 347-366. DOI: 10.1086/668529
- Groys, B. (2024), "The Lord of the Rings", *e-flux Journal*, 148 [Online], available at: <https://www.e-flux.com/journal/148/630793/the-lord-of-the-rings> (Accessed 01 July 2025).
- Ilyenkov, E. (2019), "Cosmology of the Spirit", *Ilyenkov, E. Sobranie sochineniy: V 9 t. Vol. 1: Abstraktnoye i konkretnoye* [Collected works: In 9 vols. Vol. 1: Abstract and Concrete], Kanon+, Moscow, Russia, 419-451 (in Russ.).
- Ilyenkov, E. (1968), *Ob idolakh i idealakh* [On Idols and Ideals], Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.).
- Moore, J. (2016), *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, PM Press, Oakland.
- Mareev, S. N. (1997), *Vstrecha s filosofom E. Ilyenkovym* [Meeting with the philosopher E. Ilyenkov], Erebus, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: YTHDML
- Maydanskiy, A. D. (2019), "Notes", *Ilyenkov, E. Sobranie sochineniy: V 9 t. Vol. 1: Abstraktnoye i konkretnoye* [Collected works: In 9 vols. Vol. 1: Abstract and Concrete], Kanon+, Moscow, Russia, 448-464 (in Russ.).
- Meillassoux, Q. (2006), *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency][Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence], Transl. by Medvedeva, L., Kabinetnyy uchenyy, Ekaterinburg; Moscow, Russia (in Russ.).
- Penzin, A. (2018), "'Cosmology of Spirit' by Evald Ilyenkov: an experience of reading in the light of contemporary philosophical discussions", *Vox: philosophical journal*, 25, 159-175 (in Russ.). DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00062; EDN: YTRFYD
- Vvedensky, B. A. (ed.) (1951), "Voloshin", *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 9. Vologda – Gazeli* [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 9. Vologda – Gazelles], Sovetskaya Entsiklopediya, Moscow, USSR, 42 (in Russ.).
- Voloshin, M. (1923) "In the Paths of Cain", *Voloshin, M. Stikhi o terrore* [Poems about terror], Writers' publishing house in Berlin, Berlin, Germany, 25-65 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Никита Николаевич Тинус, младший научный сотрудник Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; tiinusnn@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6870-4157

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita N. Tinus, Research Fellow, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; tiinusnn@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6870-4157

УДК: 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-1

Даценко П. А.

**К вопросу о роли скорости дипломатической переписки
во внешнеполитическом планировании России
(на примере Ольмюцкого соглашения 1850 года)¹**

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

Аннотация. К середине XIX века скорость обмена информацией стала ключевым фактором урегулирования международных кризисов. Особенно остро это проявилось в годы революции 1848–1849 гг., и пример австро-прусского конфликта 1850 г. доказывает это со всей очевидностью. Для России, стремившейся играть роль посредника между враждующими державами, в силу географической удаленности было весьма затруднительно реагировать на стремительные изменения обстановки в силу отсутствия электрической телеграфной связи. Этот фактор применительно к роли России в германском военном кризисе осени 1850 г. рассматривался некоторыми зарубежными историками как аргумент о несостоятельности влияния России, поскольку Николай I и его министры, оперируя уже устаревавшими на момент получения сведениями, не могли влиять на ход и итоги кризиса, а лишь реагировали на уже сложившуюся ситуацию. В то же время эта оценка опиралась на ограниченный круг опубликованных источников, дающих неполное представление об инструментах внешней политики России. В статье на архивном материале российских и иностранных дипломатических миссий, а также переписки Николая I, его министров и дипломатов предпринимается попытка более полно оценить степень информированности императора и МИД о реальной обстановке, а также выявить механизмы, позволявшие российской дипломатии преодолевать проблему географической удаленности.

Ключевые слова: дипломатия; Германия; Австрия; Пруссия; Николай I; К.В. Нессельроде; И.Ф. Паскевич

Для цитирования: Даценко, П. А. (2025), «К вопросу о роли скорости дипломатической переписки во внешнеполитическом планировании России (на примере Ольмюцкого соглашения 1850 года)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 134-142. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-1

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

P. A. Datsenko

The role of speed in diplomatic correspondence in Russia's foreign policy planning: The Olmütz Agreement of 1850²

State Academic University for the Humanities,
26 Maronovsky Ln., Moscow, 119049, Russia; dacenko3322@mail.ru

Abstract. By the middle of the 19th century, the speed of information exchange had become a key factor in resolving international crises. This became particularly evident during the 1848-1849 revolution, exemplified by the Austro-Prussian conflict of 1850. For Russia, seeking to mediate between the warring powers, its geographic remoteness made it extremely difficult to respond to rapidly changing circumstances due to the lack of electrical telegraph communication. This factor, when applied to Russia's role in the German military crisis of the autumn of 1850, was viewed by some foreign historians as an argument for the inadequacy of Russia's influence, since Nicholas I and his ministers, operating with information that was already outdated by the time they received it, were unable to influence the course and outcome of the crisis, but merely reacted to the situation as it had already developed. However, this assessment was based on a limited number of published sources, providing an incomplete picture of Russia's foreign policy instruments. This article, using archival material from Russian and foreign diplomatic missions, as well as the correspondence of Nicholas I, his ministers, and diplomats, attempts to more fully assess the extent to which the Emperor and the Ministry of Foreign Affairs were informed about the real situation, and to identify the mechanisms that allowed Russian diplomacy to overcome the problem of geographic distance.

Keywords: diplomacy; Germany; Austria; Prussia; Nicholas I; K.V. Nesselrode; I.F. Paskevich

For citation: Datsenko, P. A. (2025), "The role of speed in diplomatic correspondence in Russia's foreign policy planning: The Olmütz Agreement of 1850", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 134-142, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-1

В периоды международных кризисов одним из главных факторов их мирного и успешного разрешения была осведомленность руководства вовлеченных в конфликт стран, возможность в кратчайшие сроки получать последнюю информацию о переговорах и снабжать дипломатов соответствующими инструкциями без угрозы их составления на основе устаревших данных и усложнения таким образом работы дипломатов на местах. В XIX в. наиболее быстрым средством обеспечения такой связи стал электрический телеграф. Его роль особенно ярко проявилась во время германского кризиса осени 1850 г. и переговоров в Варшаве и Ольмюце, от исхода которых зависело урегулирование австро-прусского конфликта и сохранение мира в Центральной Европе. В переговорах между австрийским министром-президентом князем Феликсом цу Шварценбергом и министром иностранных дел Пруссии бароном Отто фон Мантейфелем своевременное получение австрийской стороной

² The article was prepared at the State Academic University for the Humanities as a part of the state project funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project theme: FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

телеграфных сообщений из Берлина способствовало снижению уровня недоверия между двумя министрами и давало Шварценбергу достаточно информации о положении дел в Пруссии для того, чтобы убедиться в возможности мирного решения вопроса и резко изменить свою позицию к удивлению прусской стороны.

Иначе ситуация обстояла с третьей стороной переговоров в Варшаве и Ольмюце – Россией. В ее случае фактор географической удаленности Петербурга от германских столиц становился критическим – отсутствие телеграфа (электрического – до 1852 г., функционировал лишь оптический между Варшавой и Петербургом), недостаточная развитость железных дорог (на 1850 г. функционировала лишь Варшавско-Венская железная дорога) обуславливали значительный временной промежуток между отправкой дипломатических пакетов, их получением в Петербурге³, отправкой и получением ответа из МИДа. Осенью 1850 г. события развивались столь стремительно, что подобный срок никак не соответствовал темпам изменения обстановки, и многие депеши, пришедшие из Петербурга, содержали разъяснения и инструкции по уже не актуальным поводам.

В 1950-е гг. на этот фактор обратили внимание историки. Иоахим Хоффман, подвергая в своей статье (Hoffmann, 1959) критике господствовавшую прежде историографическую версию о высокой роли России на переговорах в Ольмюце, прежде всего основывался на факторе отсутствия связи во время австро-прусского осеннего кризиса 1850 г. Он писал: «В Петербурге в 1850 году не было ни прямой телеграфной, ни сплошной железнодорожной связи. Поэтому российскому руководству по причине времени было невозможно постоянно быть в курсе стремительно менявшейся в ноябре 1850 года ситуации. <...> Россия в реальности постоянно отставала от быстро сменявших друг друга событий» (Hoffmann, 1959: 62-64).

В контексте Ольмюцкого соглашения и его оценки в Петербурге этот фактор был особенно опасным. Ссылаясь на письмо канцлера К.В. Нессельроде российскому посланнику в Вене П.К. Мейендорфу от 11 декабря 1850 г. и на письма прусского военного атташе в Петербурге графа Хьюго цу Мюнстера от 4 и от 8 декабря 1850 г., Хоффман пришел к выводу, «что когда германские державы уже договорились в Ольмюце и для войны более не было оснований, царь все еще всерьез рассматривал вероятность войны с Пруссией» и поэтому продолжал движение своих войск к границе (Hoffmann, 1959: 64). Не зная о том, что конфликт улажен, Николай I вплоть до середины декабря продолжал рассматривать Пруссию как потенциального противника, следовавшего прежнему курсу на конфронтацию с Австрией в гессенском и шлезвиг-гольштейнском вопросах, и этим поддерживал военную и дипломатическую напряженность, которая могла в любой момент обернуться новыми осложнениями и свести на нет все договоренности.

Таким образом, в оценке Хоффмана позиция России в эти сложные недели конца ноября – начала декабря была не просто не умиротворяющая, но даже опасная, поддерживавшая уже ненужную военную эскалацию, и причиной этой опасности была неосведомленность императора и руководства МИД.

Поскольку трактовка Хоффмана основывалась преимущественно на опубликованных источниках (в основном, на сборниках писем и воспоминаний свидетелей) (Даценко, 2024: 188-189), вне ее внимания остался огромный пласт архивных документов, включавших помимо официальных дипломатических донесений обширную переписку российских и иностранных представителей, которая проходила не только между кабинетами Вены, Берлина и Петербурга, но и между многими дипломатами на местах, и которая содержала ряд деталей, позволяющих уточнить ситуацию и динамику ее развития в конце ноября – начале

³ В случае российских миссий в Австрии и Пруссии в ноябре-декабре 1850 г. средний срок доставки депеш составлял 6-8 дней.

декабря 1850 г. Не имея возможности обратиться к источникам и учесть эти детали, Хоффман дал во многих аспектах упрощенную оценку информированности и мотивов Николая I и его кабинета после Ольмюца.

Чтобы оценить, насколько географическая удаленность влияла на корректировку Николаем I своей политики в австро-прусском кризисе и действительно ли после Ольмюцкого соглашения существовала угроза вторжения российских войск в Пруссию, необходимо прежде всего обратиться к архивным источникам, в том числе и к корреспонденции дипломатов, тем более, что она была опубликована далеко не полностью: например, в сборнике корреспонденции прусского посланника в Петербурге Теодора фон Рохова отсутствуют письма за 1848–1850 годы (Kelchner and Mendelson-Bartholdy, 1873: 339-340).

В частности, в статье Хоффмана приводятся сведения из опубликованной переписки прусского военного атташе графа Хьюго цу Мюнстера и генерала Эдвина фон Мантейфеля, флигель-адъютанта прусского короля и двоюродного брата нового министра иностранных дел О. фон Мантейфеля. В своих письмах Мюнстер дает обстоятельную и подробную аналитику настроений и действий царя и его окружения. Основываясь на содержании его письма от 8 декабря, комментирующего результаты Ольмюца, Хоффман определяет именно этот день как ориентировочный срок получения в Санкт-Петербурге новостей о переговорах. При обращении к дипломатической переписке из Канцелярии МИД, однако, видно, что это предположение не соответствует истине: депеши Мейендорфа с отчетом об Ольмюце были получены в Петербурге 4 декабря; благодаря, например, записи в дневнике императрицы можно сделать вывод, что в тот же день о них знал Николай I (Даденко, 2024: 189). При этом из письма Мюнстера от 4 декабря следует, что на тот момент он еще сам не знал о встрече в Ольмюце, сетуя на то, что «лишь из русских депеш из Вены и Берлина мы здесь узнаем о ходе дел» (Münster, 1913: 19).

Получение донесений Мейендорфа в Петербурге именно 4 декабря было особенно своевременным, поскольку оно остановило отправку официального письма прусскому королю о намерениях России вступить в войну в случае дальнейшей несговорчивости Берлина⁴. Это письмо было утверждено Николаем и подготовлено к отправке 3 декабря, однако получение сведений из Ольмюца остановило его отправку практически в последний момент.

Подтвердить описанную Мюнстером напряженную и тревожную атмосферу в Петербурге в начале декабря 1850 г. и сообщить новые детали о настроениях Николая I в эти дни и его решимости решить кризис путем военного вторжения в Пруссию могут донесения баварского посланника графа О. фон Брай-Штейнбурга. В своем донесении от 10 декабря 1850 г. он характеризовал настроения императора и его окружения в отношении германского кризиса как «в высшей степени болезненные» и пришел к выводу, что Николай смирился с неизбежностью войны против Пруссии, ссылаясь на разговор Николая с шведским чрезвычайным посланником графом А.Ф.Н. Гильденстолпе: «Разве не жестоко со стороны короля Пруссии принуждать меня, его зятя и старого союзника идти на него войной? И все же это случится и даже раньше, чем можно подумать»⁵. Камнем преткновения Брай считал неуступчивость Пруссии в вопросе союзной экзекуции в Гольштейне, давая понять, что именно этот пункт был для Николая главным. Брай также упоминал о намерении послать в Берлин с последним предупреждением одного из высокопоставленных придворных чиновников (выбор был между шефом жандармов графом Орловым и генерал-адъютантом бароном В.К. Ливеном)⁶.

⁴ Черновик письма см.: АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия МИД». Оп. 469. 1850. Д. 111. Л. 319-322.

⁵ Bray an Pfordten, 10.12.1850 // BHStAM. Gesandtschaft St. Petersburg, 54. Bl. 530.

⁶ Ibid. Bl.530^r.

Получение известий об Ольмюцком соглашении и о его ратификации в Берлине вызвало, по словам Брая, всеобщее облегчение⁷, но донесения графа Мюнстера частично противоречили этому свидетельству. Мюнстер настаивал на том, что Николай предвзято и с огромным недоверием относился к прусскому королю и настолько не желал вступать с ним в корреспонденцию, что Мюнстеру даже пришлось взять на себя инициативу по составлению текста поздравительного письма от имени Николая (Münster, 1913: 173).

Фактор личного недоверия, на котором настаивал Мюнстер, однако, не был исчерпывающей причиной того, что позиция России не изменилась в одно мгновение. Сам Николай I объяснял это в письме наместнику Варшавы князю И.Ф. Паскевичу тем, что в отношении будущего еще остается много неопределенных моментов. Ему не внушали доверия ни предстоящая конференция германских министров в Дрездене, ни сохранявшая силу революционная риторика в прусском ландтаге⁸.

Фигура И.Ф. Паскевича в этой ситуации имела особое значение. Именно через Варшаву шла основная доля дипломатических пакетов, а учитывая весьма доверительные отношения Паскевича и Николая I, часть информации, поступающая от российских миссий, направлялась непосредственно фельдмаршалу и отправлялась в Петербург лишь после его ознакомления с документами и в случае необходимости составления им сопроводительных писем и комментариев⁹. Фигура Паскевича в контексте кризиса 1850 г. важна еще и потому, что именно ему было поручено организовать выдвижение к границе с Пруссией российских войск и (в случае войны) руководить этими войсками.

Осведомленность Паскевича о ходе дел в Германии и взглядах на них в России тем самым была одним из важнейших элементов компенсации долгих расстояний и отсутствия телеграфной связи. Уже 30 ноября он получил от Мейендорфа депеши об Ольмюце (либо их копии) и в тот же день отправил Николаю об этом письмо, которое Николай, правда, получил позже, чем сами депеши¹⁰. В своем письме Мейендорфу от 1 декабря он благодарил посланника за разрешение ознакомиться с депешами, прежде чем отправить их дальше в Петербург¹¹. Тем самым Паскевичу как командующему войсками уже к 1 декабря была очевидна бессмысленность перехода границ после благоприятного поворота в австро-прусском конфликте. Учитывая, что Паскевич был одним из наиболее доверенных лиц Николая, это понимание могло обезопасить Пруссию от реальной угрозы вторжения. Таким образом, отсутствие в Петербурге сведений из Ольмюца уже с 1-го (а не с 4-го) декабря не могло породить тех разрушительных последствий, о которых подозревал Хоффман, поскольку Паскевич был вполне самостоятелен, чтобы не допустить военных инцидентов до понимания в Петербурге реальной обстановки.

Письмо Паскевича было получено Николаем не позднее 6 декабря, поскольку 7 декабря он отправил ответ, в котором приказал в связи с Ольмюцким соглашением начать перевод войск на мирное положение. Это письмо, вероятно, было получено в Варшаве 13 декабря.

Таким образом, уже к 4 декабря в Петербурге знали о соглашении в Ольмюце, 7 декабря пришла депеша посланника в Берлине А.Ф. Будберга, подтверждавшая ратификацию

⁷ Ibid.

⁸ Николай I – И.Ф. Паскевичу, 1(13).12.1850 // РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 424. Л. 1.

⁹ В письмах Паскевича за эти дни часто присутствовали рассуждения политического и дипломатического характера, например о том, следует ли королю Пруссии распускать ландтаг. См.: И.Ф. Паскевич – Николаю I, 27.11(9.12).1850 // Там же. Оп. 6. Д. 346. Л. 1-1 об.

¹⁰ И.Ф. Паскевич – Николаю I, 18(30).11.1850 // Там же. Д. 344. Л. 1-1 об.

¹¹ И.Ф. Паскевич – П.К. Мейендорфу, 19.11(1.12).1850 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 33 об.–34.

соглашения прусским королем¹², и в этот же день Николай отдал распоряжение Паскевичу отменить военные приготовления¹³.

Тем более странным представлялось очевидцам событий, что даже после 7 декабря российским войскам не был дан приказ повернуть обратно. Мюнстер в своем письме от 8 декабря описывал угрозу войны с Пруссией как все еще актуальную, видя ее причину в ненависти Николая к Пруссии и в трудности его переубедить в этих мыслях.

Находившийся в Варшаве в эти дни британский консул генерал-майор Густав дю Плат 15 декабря (спустя целую неделю после того, как войска, казалось, должны были остановиться) докладывал премьер-министру лорду Пальмерстону, что вопреки ожиданиям после Ольмюца концентрация российских сил в Польше не только не уменьшилась, но и наоборот, нарастала с каждым днем (Schiemann, 1919: 413-414). В то же время, по свидетельствам дю Плата, «все офицеры высшего ранга, с которыми я имел возможность обсудить этот вопрос, полагают более вероятным, что текущие военные приготовления идут с целью помощи королю Пруссии в случае восстаний среди его подданных, а не намерения действовать против этой страны в поддержку претензий Австрии» (Schiemann, 1919: 415).

Причина этой аномалии, с одной стороны, может быть объяснена именно задержкой корреспонденции: в Петербурге не спешили, ожидали результатов обсуждения Ольмюцкого соглашения в прусском ландтаге (эта информация поступила как раз около 10 декабря) и первых подтверждений выполнения Берлином взятых на себя обязательств (примерно в те же дни). Однако в военно-дипломатических кругах в те дни возникали и иные версии причин, почему Николай не менял свой курс и не считал вопрос войны закрытым. Их можно выделить три.

Первую описывал Мейендорф в своей депеше от 4 декабря¹⁴. В ней он обращал внимание на опасения Австрии, что Пруссия лишь оттягивает время и все еще готовится к войне.

Вторая возможная причина заключалась в том, что из-за неустойчивости и внутренней оппозиции кабинету Мантейфеля в Пруссии существует потребность вмешательства России в случае, если в Пруссии начнется восстание или случатся внутренние беспорядки. Это мнение, распространенное среди генералитета в Варшаве, приводил дю Плат в письме от 15 декабря.

И наконец, еще одной причиной могло быть ожидание российским кабинетом, как поведет себя Пруссия в ходе урегулирования кризиса в Шлезвиг-Гольштейне, в котором она прежде проявляла лояльность к мятежным герцогствам и препятствовала проходу к ним войск Германского союза. Этот мотив был основным в депешах канцлера Нессельроде Мейендорфу от 11 декабря (Даценко, 2024: 195-196).

Не менее трудным обстоятельством было то, что все эти дни Пруссия почти не имела связи с Петербургом и не могла знать, какие из этих мотивов были реальными, а какие – гипотетическими. Полноценная официальная реакция Петербурга (примирительные и поздравительные письма Николая прусскому королю и австрийскому императору и соответствующие разъяснения канцлера Нессельроде посланникам в Берлине и в Вене) были отправлены лишь 11-12 декабря (получены в Берлине они были, соответственно, ориентировочно 18-19 декабря). Таким образом, между заключением соглашения и выяснением в Берлине намерений Николая и причин концентрации его армий прошло более трех недель реального времени.

¹² А.Ф. Будберг – К.В. Нессельроде, 19.11(1.12).1850 // АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия МИД». Оп. 469. 1850. Д. 15. Л. 130-134.

¹³ 7 декабря Николай I писал Паскевичу: «сегодня утром наконец узнали мы, что конвенция королем (Пруссии. – П.Д.) утверждена <...> и потому можем несколько приостановиться». См.: Николай I – И.Ф. Паскевичу, 25.11(07.12).1850 // РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 423. Л. 1.

¹⁴ П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 22.11(4.12).1850 // АВПРИ. Ф.133 «Канцелярия МИД». Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 432-434.

В то же время есть свидетельства, что на тот момент в Пруссии движение российских войск на запад уже не воспринималось как реальная угроза. В депеше Т. фон Рохову от 9 декабря О. фон Мантейфель писал: «Королевский кабинет прекрасно осознает, что эти передвижения войск были вызваны обстановкой накануне совещания в Ольмюце и что в силу расстояний их пока не удастся отозвать. Но нельзя сказать того же о плохо информированной и впечатлительной публике, которая, основываясь на запоздалых и нередко злонамеренно толкуемых сведениях, видит в передвижениях русских армий несомненные признаки враждебных планов против Пруссии и всей Германии»¹⁵. В связи с этим Мантейфель поручил Рохову просить императорский кабинет по возможности раньше сделать официальное сообщение об остановке армии¹⁶.

Определенную ясность в этот вопрос внес Нессельроде в депеше Будбергу от 26 декабря. В ней, посвященной вопросу пребывания российской армии у прусской границы, он подтвердил получение уже упоминавшейся выше депеши Мантейфеля от 9 декабря и сообщил, что Николай остановил войска, как только узнал об Ольмюцком соглашении, а причиной продолжения военных приготовлений была необходимость оставить войска там, где они расположены, «чтобы иметь возможность при необходимости иметь реальный вес в балансе дел в Европе», что в принципе объединяет все вышеперечисленные версии. Это умонастроение царя подтверждается и его опасениями в исходе начавшейся в декабре конференции в Дрездене, которая в случае неудачи могла также привести к войне в Германии¹⁷. Смысл формулировки «реальный вес в балансе дел в Европе» становится более понятен при обращении к более раннему письму Нессельроде Будбергу от 20 декабря. В нем он, также комментируя просьбу Мантейфеля об отводе войск от западных границ, ссылается на незавершенность гольштейнского вопроса и выражает мнение, что «пока датский вопрос не разрешится, мне не кажется плохим, если мы еще немного останемся вооруженными на границе Пруссии»¹⁸. Нахождение русских армий на границе Пруссии тем самым было, по мысли Нессельроде, дополнительной гарантией того, что Берлин более не окажет поддержку восставшим герцогствам.

Таким образом, можно полагать, что реальная угроза вторжения российских армий в Пруссию была неактуальна уже с 4 декабря, и временной разрыв в 5 дней не был столь критичным для развития ситуации. Например, в гораздо более близком Дрездене реакция на соглашение в Ольмюце прозвучала лишь 3 декабря (Rumpler, 1972: 316). Дальнейшие военные приготовления России, несмотря на опасения британских и прусских военных атташе, не являлись следствием политики инерции или предрассудков Николая, вызванных его дезинформированностью, но были его намеренным шагом, чтобы обеспечить выполнение соглашения и не допустить новых революционных взрывов в Германии.

Фактор задержек в доставке депеш, отсутствия телеграфной связи и прочего, таким образом, компенсировался, прежде всего, личным авторитетом дипломатов (Будберг, Мейендорф) и высоким доверием Николая к людям, занимавшим ключевые посты в западных губерниях (Паскевич). Отсутствие телеграфа в этом плане не было ключевым фактором, но его необходимость в будущем была наглядно продемонстрирована кризисом 1850 года.

Источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Ф. 133 «Канцелярия МИД».
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 573 «Мейендорфы».

¹⁵ Manteuffel an Rochow, 9.12.1850 // Там же. Д. 111. Л. 26.

¹⁶ Согласно пометке на обложке депеши, Рохов передал ее копию Нессельроде на следующий день 10 декабря. См.: Там же. Л. 24.

¹⁷ Николай I – И.Ф. Паскевичу, 1(13).12.1850 // РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 424. Л. 1.

¹⁸ К.В. Нессельроде – А.Ф. Будбергу, 8(20).12.1850 // РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 116. Л. 5-5 об.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Ф. 3 «Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России».

Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 1018 «И.Ф. Паскевич-Эриванский».

Bayerisches Hauptstaatsarchiv München (BayHStA), Gesandtschaft St. Petersburg. № 54. Politische Korrespondenzen 1850.

Briefe des königlich Preußischen Generals und Gesandten Theodor Heinrich Rochus von Rochow an einen Staatsbeamten (1873), Hrsg. von E. Kelchner, K. Mendelson-Bartholdy, Sauerländer, Frankfurt-am-Main.

Politische Briefe des Grafen Hugo zu Münster an Edwin v. Manteuffel aus den Jahren 1850 bis 1852 (1913), *Deutsche Revue*, 38(1), 9-25, 172-193, 297-308.

Литература

Даценко, П. А. (2024), «К вопросу о роли российской дипломатии в урегулировании германского кризиса 1850 года. Переписка П.К. Мейендорфа с МИД об Ольмюцком соглашении 29 ноября 1850 года», *Новая и новейшая история*, 4, 186-197. DOI: 10.31857/S0130386424040145; EDN: GVVQSL

Schiemann, T. (1919), *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 4. Kaiser Nikolaus vom Höhepunkt seiner Macht bis zum Zusammenbruch im Krimkriege 1840–1855*, de Gruyter, Berlin; Leipzig.

Hoffmann, J. (1959), “Rußland und die Olmützer Punktation vom 29 November 1850”, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 7, 59-71.

Rumpler, H. (1972), *Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848–1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche*, Böhlau, Wien.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), F. 133 “The Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs”.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. 573 “The Meyendorff family”.

Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA), F. 3 “Acts concerning domestic and foreign policy of Russia”.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 1018 “I.F. Paskevich-Erivansky”.

Bayerisches Hauptstaatsarchiv München [Main Bavarian State Archive in Munich], “Legation St. Petersburg. No. 54. Political correspondence”.

Kelchner, E. and Mendelson-Bartholdy, K. (eds) (1873) *Briefe des königlich Preußischen Generals und Gesandten Theodor Heinrich Rochus von Rochow an einen Staatsbeamten* [Letters of the Prussian General and Envoy Theodor Heinrich Rochus von Rochow to a state official], Sauerländer, Frankfurt-am-Main, Germany (in Germ).

Münster, H. (1913), “Political Lettres of Count Hugo zu Münster to Edwin von Manteuffel in the years 1850 to 1852”, *Deutsche Revue* [German Review], 38, 1, 9-25, 172-193, 297-308 (in Germ).

References

Datsenko, P. A. (2024), “On the Role of Russian Diplomacy in Resolving the Autumn Crisis of 1850: Diplomatic Correspondence between Peter von Meyendorff and the Ministry of Foreign Affairs on the Punctuation of Olmütz, 29 November 1850”, *Modern and Contemporary History*, 4, 186-197 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0130386424040145; EDN: GVVQSL

Rumpler, H. (1972), *Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848–1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche* [Baron von Beust’s German policy 1848-1850. On the problem of reform policy of the middle states in the years of St Paul’s Church], Böhlau, Vienna, Austria (in Germ).

Schiemann, T. (1919), *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 4. Kaiser Nikolaus vom Höhepunkt seiner Macht bis zum Zusammenbruch im Krimkriege 1840–1855* [History of Russia under the Emperor Nicholas I. Vol. 4. Emperor Nicholas from the height of his power to his collapse in the Crimean War 1840–1855], de Gruyter, Berlin-Leipzig (in Germ.).

Hoffmann, J. (1959), “Russia and the Punctuation of Olmütz of 29 November 1850”, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* [Research on the History of the Eastern Europe], 7, 59-71 (in Germ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Даценко Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Datsenko, PhD in History, Assistant Professor, Faculty of History, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky Ln., Moscow, 119049, Russia; dacenko3322@mail.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-2

Титов А. Ю.

Родовая фамилия «Бахтины» (к научной биографии
М. М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных.
Статья вторая¹

Научно-просветительский центр им. М.М. Бахтина,
ул. Тургенева, д. 18, г. Орел, 302028, Россия;
Орловский государственный институт культуры,
ул. Лескова, д. 15, г. Орёл, 302020, Россия; vittoal@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены промежуточные результаты расширенной реархивации источникового материала по родословной фамилии Бахтины. Основной целью статьи ставится организация комплексного подхода к процессу реконструкции родословной фамилии Бахтины. Источниковый ресурс представлен архивными материалами периода XVII–XVIII столетий. В силу сложности вопроса интерпретации источникового регистра автор сознательно не делает итоговых выводов как по обработанным, так и представленным в описании материалам, которых, несмотря на значительный объем, на сегодняшний день недостаточно. На достигнутом промежуточном этапе исследования ситуация «герменевтики недоверия» к источниковому комплексу непосредственно касается вопроса коррекции опубликованных и вновь обнаруженных архивных материалов.

Ключевые слова: «источниковый регистр»; «судьба земли»; «память земли»; наследование; Бахтины; служилые по отечеству и дедичеству; недвижимые имущества

Для цитирования: Титов, А. Ю. (2025), «Родовая фамилия “Бахтины” (к научной биографии М. М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных. Статья вторая», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 143-165. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-2

¹ Первая статья опубликована и размещена в базах в 2023 году, см.: Титов, А. Ю. (2023), «Родовая фамилия “Бахтины” (к научной биографии М. М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 9(4), 160-171. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-5

A. Yu. Titov

**The Bakhtin family name: scientific biography of M. M. Bakhtin.
Reconstruction of the Bakhtin family genealogy. Article 2²**

M.M. Bakhtin Scientific and Educational Center,
18 Turgenev St., Orel, 302028, Russia;
Orel State Institute of Culture, 15 Leskov St., Orel, 302020, Russia; vittoal@yandex.ru

Abstract. The article presents the intermediate results of the extended re-archiving of source material on the Bakhtin family tree. The main goal of the article is to organize a holistic approach to the process of reconstructing the Bakhtin family tree. The source material is represented by archival materials from the 17th and 18th centuries. Due to the complexity of interpreting the source register, the author deliberately does not draw final conclusions based on the processed and described materials, which, despite their significant volume, are currently insufficient for the final result and serve as an intermediate stage of the research. This situation of "hermeneutics of distrust" towards the source complex directly concerns the issue of correcting published and newly discovered archival materials.

Keywords: "source register"; "the fate of the land"; "the memory of the land"; inheritance; Bakhtin; service by patrimony and ancestry; real estate

For citation: Titov, A. Yu. (2025), "The Bakhtin family name: scientific biography of M. M. Bakhtin. Reconstruction of the Bakhtin family genealogy. Article 2", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 143-165, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-2

«Каждый несет в своей крови и в нервных клетках
смутную память обо всем, что думали и о чем
волновались предки.

...И каждый из нас, сам того не замечая, действует
не как личность, а как порода!»

Меньшиков М. О. Драма Белинского

Введение

Общая задача нашего исследования – создание источниковой базы для выявления семейно-родового состава фамилии Бахтины. В настоящей статье ставится проблема коррекции опубликованных ранее источников в связи с обнаружением ряда новых архивных материалов.

Введение в проблематику источникового ресурса родословной фамилии Бахтины требует отдельной фактографической аргументации, что особенно касается вопроса места и времени происхождения и распространения фамилии, степени родства однофамильцев, а также ономастической этимологии фамилии Бахтины.

Фокус внимания настоящей статьи локализован корпусом источников из архивных материалов Тульского и Орловского регионов, относящихся к концу XVI, XVII

² The first article was published and placed in databases in 2023, see: Titov, A. Yu. (2023), "The Bakhtin family name: scientific biography of M. M. Bakhtin. Reconstruction of the Bakhtin family genealogy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9(4), 160-171 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-5

и XVIII столетиям. Автором выявлен ряд документов, еще не введенных в научный оборот, которые содержатся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА): Разрядного, Поместного и Посольского приказов. Привлекались материалы Государственного архива Орловской области (ГАОО). Поскольку комплекс источников составляет основной предмет нашего исследования, то все фондовые архивные указатели и орфографический стиль их описания сохраняются в основном тексте статьи и не выносятся в приложения и комментарии. Детальное изучение и описание каждого документа подлежит отдельной обработке и не входит в задачи настоящей публикации.

Методология исследования обусловлена поставленными задачами:

- коррекция опубликованных материалов на базе обнаруженных архивных источников;
- систематизация корпуса архивных документов землевладения (Писцовые, Дозорные, Межевые и Отказные книги; Челобитные и Реестры дел Вотчинного департамента) в структурном соотношении со списками служилых людей по воинским разрядам (Десятни, Смотренные списки);
- разработка структуры источниковой базы по составу ветвей семейно-родовых отношений фамилии Бахтины.

Источниковая база исследования актовых материалов и делопроизводственных земельных документов массового статистического характера (писцовые, приправочные и межевые книги, столпы, челобитные) помогает реконструировать мобильность служебных испомещений, наследственную укорененность землевладения «родовых гнезд» членов разных ветвей семейно-родового состава фамилии Бахтины и их взаимопереплетений.

В целом источниковая база для изучения семейно-родового состава фамилии Бахтины XVII-XVIII вв. репрезентативна, представляет собой значительный комплекс источников разных видов, как опубликованных, так и архивных. Обнаружение новых архивных источников позволяет дополнять и уточнять известные списки поместных землевладений служилых людей детей боярских, переведенных вследствие Петровских армейских и социальных реформ начала 1700-х гг. в статус «однودворцев». Но по факту за служилыми людьми, бывшими детьми боярскими, еще более столетия остаются их прежние поместья в статусе наследственных недвижимых имений.

Для раскрытия темы интерпретации источникового ресурса ставится вопрос о специфике понятия «судьба земли». Законодательный принцип единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества и в современном Земельном кодексе РФ (гл. 17.1 ГК РФ) представляет собой комплекс трудноразрешимых проблем со стороны правоприменительной практики (Жаркова, 2023). Онтологический аспект национально-исторической категории «судьба земли» уходит корнями в почвенную соборность земства («всей землёй», «всем миром»). В этой органичности целого формируется понятие Отечества, преодолевающего как государственную, так и родовую раздробленность. Исследовательский конструкт В.О. Ключевского «служилые люди по отечеству» (Ключевский, 1918) внутри семейно-родовых и воинско-корпоративных отношений обретает значение общего служения, независимо от сословно-иерархического деления.

Наше исследование отличается от линейно-диахронического историко-генеалогического тем, что одновременно разворачивается в макроистории большого круга историко-топографической картины фамилии Бахтиных – «служилых людей по отечеству», имеющего, как минимум, три родоначальных локуса в интервале трех столетий (XV–XVII вв.), находящихся в тесном взаимодействии.

Эмпирический опыт исследования показывает, что макроисторический подход эффективен при выявлении родства однофамильцев в корпорациях служилых людей и их общей «судьбы земли» на разных временных отрезках. Микроанализ, сужая фокус исследования, позволяет включить микрообъекты (конкретные служилые фамилии)

в широкий исторический контекст. Подобное масштабирование позволяет линейно-диахронические преобразования рассматривать в интервальном режиме временных и пространственно-топографических отношений.

Данный подход обычно рассматривает географический ряд территориального расселения служилых людей со статусом «по отчеству», используя картографический метод исследования в рамках исторической динамики административно-территориального деления XVI–XVIII вв. Дополнительный метод топонимического анализа считается недействительным без его юридического подтверждения фактами делопроизводственных земельных документов. Материалы источниковой базы со всей очевидностью демонстрируют факты территориального испомещения с конкретным наименованием населенного пункта плюс «пустоши в Диком поле». В дальнейшем обработанная владельцами непахотная земля именуется их именем и становится «Бахтинской», но по юридическому факту остается «Диким полем». Таким образом ойконим (буквально «имя дома») оказывается документально не подтвержденным топонимом, сохранившим историческую память и «память земли» в персональных судьбах в таких наименованиях, как «Бахтинское урочище», «Бахтинская пустошь», «Бахтинские выселки».

Данную «юридическую» ситуацию осложняет вопрос наследования поместий и недвижимых имений в семейно-родовом составе по «отцам и дедам» или «дядичество» – «дедово наследство» (Соборное уложение..., 1987). Еще более трудной представляется проблема наследования между разными семейно-родовыми ответвлениями (дядя-племянник), выявленными на основе источниковой базы. В данном контексте мы считаем необходимым использование терминов М.М. Бахтина «топографическое тело» и «хронотоп» в системе взаимодействия рабочих категорий «топографический хронотоп» и «органический хронотоп» судьбы земли.

1) Калужский топос (или «регион»), вмещающий в себя следующие хронотопы: Медынь, Перемышль, Малый Ярославец (конец XV – вторая половина XVI в.); Калуга и Воротыньск (конец XVI – начало XVII в.) при наличии двух «родов Ивана Бахтина» с интервалом в столетие («род Иванов-1» по записям в синодиках), а также микрохронотопы «Бахтинское урочище», «Бахтинск», «Бахтинка»;

2) Тульский топос («регион») с такими хронотопами, как Епифань, Лебедянь, Рыльск, Ефремов, и др. (конец XV – XVII в.), а также микрохронотопы «Бахтинские выселки», «Бахтинская пустошь», «Бахтино»;

3) Велико-Новгородский топос («регион») – хронотоп Обонежской пятины (конец XVI – XVII в.), связанный с топографическими миграциями служилых корпораций: Москва – Великий Новгород – Нижний Новгород – Вятская земля (бассейн реки Кама), а также микрохронотопы с аналогичными топонимами.

Сюда же добавляются производные от них Орловско-Брянские хронотопы служилого сословия «детей боярских», особенно, Мценско-Ливенско-Елецкого топографического «треугольника» (см. рис. 1), однозначно имеющего единокровное родоначание от единого «рода Ивана Бахтина 2» (в тройке таковых «родов Ивановых»). Фокус нашего внимания сосредоточен на особенностях родовых характеристик фамилии Бахтины в пределах пограничных («украинных» или «фронтирных») микрохронотопов «родовых гнезд» Серболовского стана Ливенского уезда (с 1615 г.), Чернского стана Мценского уезда (с 1626 г.), Кораблинского стана (слобода) Епифанского уезда (1626), Лавровая поляна Ефремовского уезда (1640).

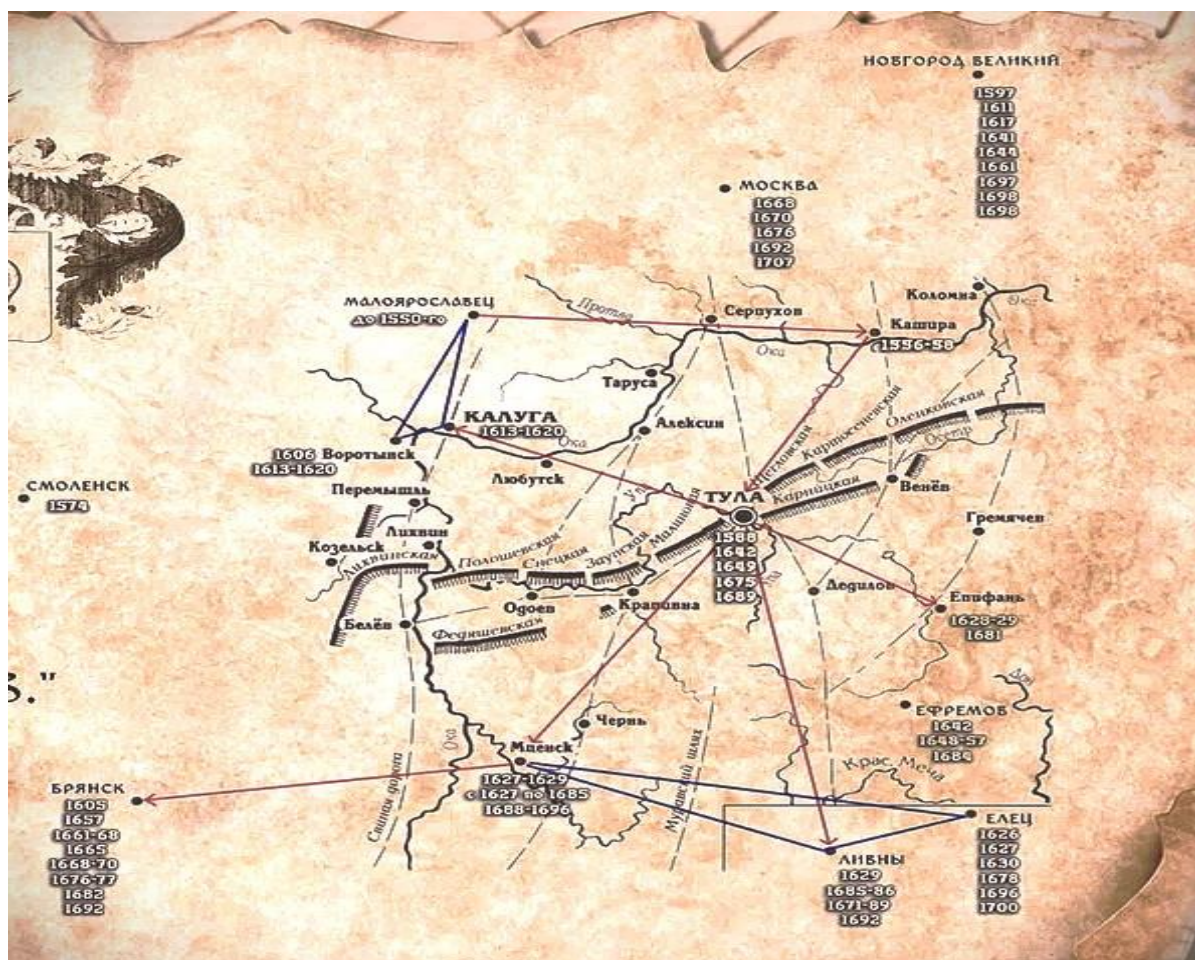

Рис. 1. Топография семейно-родового распространения фамилии Бахтины XVI-XVII столетий с хронологическими указателями по документальным освидетельствованиям архивных актов³

Fig. 1. Topography of the family and clan distribution of the Bakhtin surname in the 16th-17th centuries with chronological indexes based on documentary evidence of archival acts³

В статье акцентируется внимание на источниковой базе научно-исторической биографии семьи М.М. Бахтина, предмет которой (просопография) отличен от генеалогического исследования, но находится с ним в неразрывном единстве (Кобрин, 2008: 212). А потому логика расположения архивных материалов обусловлена принципом восходящей поколенной росписи от первопредка, в отличие от эвристического подхода к организации поискового опыта по нисходящему принципу – от потомства.

На настоящий момент создана расширенная база служилых имен по различным регионам России, но в статье мы фокусируем внимание на составе вероятной поколенной (поименной) росписи семьи М.М. Бахтина. С целью чего вводим рабочую категорию «источниковый регистр» (registrum) – многоуровневого перечня или списка состава фамилии Бахтины, объединенного общими признаками с целью установления кровнородственных и семейных (свой/чужой *род*, своя/чужая *семья*) «по отчеству» и «дядичеству» («дедово наследство»), а также в соседних поколениях дядя – племянник (стрый – братич).

³ Схематическая стилизация карты осуществлена художником Научно-просветительского центра им. М.М. Бахтина (г. Орёл) Олесей Сузовых.

The schematic stylization of the map was created by Olesya Surovykh, an artist from the M.M. Bakhtin Scientific and Educational Center (Oryol).

И еще одно необходимое дополнение: к сожалению, современной российской генеалогией забывается неписанный категорический императив мирового родословия – опубликование расшифрованного источникового материала не обязательно означает, что она достоверна. Историко-генеалогический подход не делает предположений о качестве исследований, проведенных другими, в том числе экспертами и профессиональными специалистами академического профиля, – ошибки могут совершать все. Вся достоверность источникового ресурса фальсифицируется и верифицируется комплексным исследовательским подходом.

Коррекция корпуса опубликованных источников

В списке «Древние дворянские роды», служившие Московским великим князьям и царям до 1600 г., фамилия Бахтины отсутствует.

Статья В.Е. Рудакова «Бахтины», написанная для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона 1890-1907; 1907-1909 гг., обозначившая отсчет рода от «службы в лихолетье» 1613 года, автоматически перешла в Новый энциклопедический словарь (НЭС) 1911-1916 гг., а в наши дни перекочевала во все Электронные словари.

Бахтины, старинный русский дворянский род, происходящий от Воина Ивановича Б., жалованного в 1613 году поместьями за «многие службы в лихолетье».

Источник: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 82 основных и 4 дополнительных томов. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907.

Источник: Алфавитный указатель всех вообще дворян, упоминаемых в сказках Генерального Двора. Фонд 1209. Опись 661. Дело 1180. Часть II. Лист 7. Бахтины. 2 лица. 72 крестьянских двора.

В первом десятилетии прошлого столетия была опубликована монография профессора генеалогии, учредителя и председателя Историко-родословного общества Леонида Михайловича Савёлова «Родословные записи: опыт родословного словаря русского древнего дворянства». Небольшая авторская преамбула к данному опусу излагает основную задачу издания: «дать, хотя бы слабую, картину дворянского рода, его происхождения, показать службу представителей рода, их земельные и поместные владения и т. п.» (Савёлов, 1909). Мягкая формулировка «слабая картина» на фоне «фундаментальных» родословных книг П.В. Долгорукова, А.Б. Лобанова-Ростовского, В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, А.В. Экземплярского и др. выглядит вызывающей, но 1098 опубликованных источников, собранных Л.М. Савёловым (Савёлов, 1898), подтверждают данное высказывание К концу XIX – началу XX в. научная генеалогия только начинает разрабатывать методологический инструментарий. Савёлов уповал на то, что в перспективе справочные указания его «Родословных записей» на топографические знания «местностей, где род осел и служил», облегчат дальнейшую работу по историко-генеалогическому исследованию родословий *древних русских фамилий*. В «Записях» Савёлова ставится акцент на древности родов XV-XVI столетий. При данном подходе термин «дворянство» становится несколько неуместным, поскольку за «романовским пределом» XVII столетия так называемое «дворянство» не несло в себе интегрирующего фактора служилых людей. Только в XVIII столетии дворянство как сословие вытеснило конкурирующую корпорацию детей боярских и вследствие тотальной дискриминации «окрестьянило» их в «однородцев».

В «Записях» Савёлова впервые дана расширенная родословная картина фамилии Бахтины. Помимо устоявшихся родовых линий брянских Бахтиных, не дающих действительной исторической картины родовой древности, Л.М. Савёлову, именно как историку, а не генеалогу, удалось продвинуться за негласно поставленный «романовский предел» XVII столетия. К сожалению, трудно установить, на какие источники опирался

Леонид Михайлович в Библиографии по рубрике «Бахтины», поскольку указание на Боярские книги и Общий гербовник II части не дает той информации, по которой выстраивается именной «указатель» Записок. Возможно, что-то было обнаружено им в архивах М.Г. Спиридова, в неопубликованной второй части «Родословного русского словаря» (первая часть Словаря издана в 1793 г., вторая остается библиографическим раритетом, см. описание РГБ <https://search.rsl.ru/ru/record/01003339940?ysclid=mjmektectj897171365>).

В «Библиографии» Савёлова (Савёлов, 1898), изданной на 10 лет ранее, отсутствует указание на «Писцовые книги XVI века», опубликованные в 1872-1895 гг. под редакцией Н.В. Калачова, и потому не ясно, откуда берется информация о роде тульских и епифанских Бахтиных. В «Записях» 1909 г. указывается *Фёдор Павлович Бахтин*, записанный по «Дворовой тетради» 1552-1556 гг., которая опубликована советским историком А.А. Зиминим на 400-летие составление списка Государева двора в 1950 г. (Тысячная книга..., 1950). Также Федка Павлов сын Бахтин записан по Каширской Десятне 1556 г., опубликованной в 1900 году в сборнике издания Н.В. Шапошникова «Heraldica» (Шапошников, 1900).

На данные источники Савёловым не дается никаких указаний, и тем более на знание «местностей, где род осел и служил».

Фёдор Павлович Бахтин не только служит по Кашире городовым сыном боярским, но оказывается выбранным к службе Государева двора по Малоярославцу. А всего в 80 верстах от Малоярославца в Перемышльском Шаровкином монастыре в 1552 г. делают вклады некие *Павел Матвеевич Бахтин* (двор в Перемышле с хоромы, на 15 рублей) и *Яков Фёдорович Бахтин* (свой Московский двор, за который взяли 23 рубля), о чем нас информирует иеромонах Леонид (Кавелин) в своем «справочнике» о синодальных записях монастыря, опубликованном в 1863 г., «Церковно-историческое описание упразднённых монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии» (Кавелин, 1863). Нами расширена источниковая база по *Никите Павловичу Бахтину*, служащему по Туле и Калуге в 70-х гг. XVI в., и его детям *Василию* (Муравьев, 1913) и *Ивану Никитиным* детям Бахтиным по первому браку. И его детей от второго брака с *Фёклой Савельевной* (в первом браке жена Павла Канцлера) – *Еремея*, и «сестры калужского помещика *Еремея Бахтина*» *Анны Никитовой* (эта ветвь пресекается по мужской линии вследствие родового инцидента братоубийства).

Источники:

1. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4 (Делопроизводственные книги). Кн. 5969-5988, 5991-6016 (1626-1657 гг.) и Кн. 2796-2938 (1678-1748 гг.).

2. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 73 (Столбцы вотчинной записки).

3. Реестр отказной по городу Калуге 1 книги № 11606. Дело 2. Ф. 1209. Оп. 175. № 2. 7130/1622.

4. Столбы Дополнительного отдела («Безгласные») 7125-128/1617-20 гг. Документы, касающиеся управления и состояния городов: 3) Калуги 73-74+77-78 розыск об убийстве Еремея Бахтина братом его Иваном Бахтиным) [Опись стр. 14]

17, II. 7128/1619-1620. 86-88+96 (Допрос Ивана Бахтина, убившего своего брата Еремея Бахтина, заключение его в тюрьму) [Опись стр. 16-17] Ф. 210. Опись 17. Дело 13 III, 17 II.

В рубрике «Бахтины» «Родословных записей» Л.М. Савёлова без указания на источники отмечены *казачий сотник Фёдор, Дмитрий и Пятый Григорьевичи Бахтины*, которые владели в 1587 г. поместьями в Тульском уезде. Данные об этом роде Бахтиных содержатся в «Писцовых книгах XVI в.», опубликованных под редакцией Н.В. Калачова (Писцовые книги, 1877).

П.Г. Бахтин, Ф.Г. Бахтин имели соседние поместья в селе Радогощ и пустоши Павлицевой Колоденского стана Тульского уезда. За Дмитрием Григорьевым Бахтиным

в поместье была пустошь Денисовская. Эти имения числятся за ними же до 1757 г. по внуку Пятова Григорьевича от сына Никиты Пятова за Гаврилой Никитиным Бахтиным.

Источники:

1. Реестр Писцового приказа по списку приправочных книг Тула и Дедилов 7096/1588 и 7097/1589 гг. Стан Колоденской. Фонд 1209. Опись 17. Дело № 487 Лист 679.

2. Список с писцовой книги 7096 и 7097 (1587-1589) годов города с его посадом и уезда, письма и меры Ивана Жеребцова со товарищи. Хранится в Московском Архиве Министерства Юстиции, под № 487. См. Л. 1-921. Писцовые книги XVI в.

3. Реестр Поместного приказа по городу Тула 1757 г. Дела старых лет. За общим номером 14295. Ф. 1209. Оп. 269. Дело № 20. Лист 228-об–229. (Дело вдовы Татьяны Гавриловой дочери Никитиной жены Бородихиной, в котором поименованы те же селения, деревни и пустоши Тульского уезда). По данным 1770-х гг. под владельцами значатся другие фамилии.

Но ни по Туле, ни по Епифани Бахтины не служат, – ни в одной Десятне 1585, 1591 и начала 1600-х не записаны. Это наводит на мысль, что служилые люди Бахтины, сохраняя древнюю традицию, практически всё XVI столетие находятся на службе бывших удельных князей Воротынских, Жижемских и др. служилых людей воинской «верхнеокской» корпорации.

Помимо Тульских недвижимых имений сотник *Фёдор Григорьевич Бахтин* значится владельцем д. Курцы Епифанского уезда, что расположена в 25 верстах от Епифани.

Источник:

Поместный приказ. Реестр Старых лет по городу Тула 1753 г. общ. № 14321. Дело № 21. Листы 313-об – 314-об. (Дело Марии Алексеевны дочери Писаревой. Началось 1740 года октября 9 дня).

Первыми испомещены по Епифани *Григорий и Астафий Ивановы Бахтины* в 1627 г. Возможно, в поименной преемственности есть вероятность, переходящая в родовую, если Иван, он же Ждан, Бахтин приходится сыном Фёдору Григорьевичу, поименованному, в свою очередь, по деду Фёдору Павловичу Бахтину, – предположение, высказанное в силу того факта, что больше носителей данных сочетаний имен в это время не наблюдается. Эта ниточка, подобно нити Ариадны, могла бы вывести нас из фамильно-именных лабиринтов переходных эпох XVI и XVII столетий: Иван – Матвей – Павел – Фёдор – Григорий – Иван – Григорий (Астафий, Степан, Богдан) Бахтины.

В рубрику «Бахтины» в «Записях» Савёлова входит список имен епифанских детей боярских *Игнатия, Ефрема, Василия и Филипа Бахтиных* без указания отчеств и поместных владений. По всей очевидности, Савёлов использует опубликованный источник из многотомного издания «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве юстиции». В 1-ю книгу «Описания» включена «Перепись книгам писцовым, переписным, дозорным, перечневым, платёжным и межевым, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции» (Описание документов, 1869: 77).

Академик С.Б. Веселовский в рабочей рукописи своего «Ономастикона», вероятно, опираясь на материалы Савёлова, делает краткую запись «**Бахтины**, вторая половина XVI в. и позже в Тульском уезде» (Веселовский, 1974: 29). Но ни Савёлов, ни Веселовский, совершивший фундаментальную историко-генеалогическую разработку рода А.С. Пушкина по мужской линии (Веселовский, 1990), ни сам Пушкин, со своим «генеалогическим» опытом, не могли предположить о семейно-родовой связи с родом Бахтиных по своей бабушке и крёстной матери Ольге Васильевне (в девичестве Чичериной) от Марфы Яковлевны Бахтиной (в замужестве Чичериной). Всех перипетий этого семейно-исторического факта, возведенного в метафизическую степень «судьбы земли», мы не можем изложить в пределах настоящей

статьи. Она детально представлена А.Н. Красильниковым (Красильников, 2022: 316-317, 322-323). Но местнические тяжбы рода Пушкиных, описанные Веселовским, коснулись и семейства Бахтиных, на Воротынские имения которых претендовал по челобитью некий Андрей Пушкин в 1643 г.

Источник:

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1339. Оклеенные столбцы по городу Калуга Опись Поместного приказа. Алфавиты и каталог алфавиту по городу Калуга Оклеенным столпам. Столп 478. Дело № 13. Л. 702.

Этот семейно-родовой эпизод из сюжетно-родовых переплетений истории Пушкиных и Бахтиных вывел нас на обнаружение новых источников косвенного подтверждения боярского и княжеского происхождения фамилии Бахтины, начало которой уходит далеко за пределы XVI столетия, что усиливает степень вероятности предположения историков о её генезисе в роде князей Перемышльских и Карачевских бывшего Черниговского княжества.

Память земли:

1. *Бахтинское урочище, д. Бахтино, Бахтинка* Медынского уезда (в 4,5 верстах от Полотняного завода с усадьбой Гончаровых) Калужской губернии.

Источник: Список населенных мест Калужской губернии / Под ред. Ф.Ф. Кадобнова. Калуга: Калуж. губ. стат. ком., 1914. С. 76.

2. *Бахтинск. Бахтинское сельцо* (удобной земли 316 десятин, 640 сажень; всего 910 десятин, 1555 сажень).

Владелец: прокурор Никита Панин. Перемышль. Перемышльский уезд. Калужская губерния.

Источник: Список населенных мест Калужской губернии / Под ред. Ф.Ф. Кадобнова. Калуга: Калуж. губ. стат. ком., 1914. С. 126. Ф. 1354. Оп. 159 Ч. 1. (750). № 25. По Генеральному плану № 518. Ноября 1777 года.

Мценский источниковедческий регистр

Правом принадлежать к служилому сословию по рождению («по отечеству» термином Ключевского) были наделены князья, бояре, дети боярские, атаманы, мурзы, татары и земцы.

В нашем случае речь идет о детях боярских «украинных» (пограничных или фронтирных) городов-крепостей Мценск, Ливны, Епифань, Ефремов, Елец ввиду их исключительного положения в конце XVI – первой половине XVII вв.

Первое документальное упоминание фамилии Бахтин по Мценску приходится на апрель 1596 (7104) года. Документ обнаружен историком Н.П. Лихачёвым в переписанной рукописи по списку «Десятни новиков всех городов Московской и Новгородской земли неслужилых и безпоместных, которые были поверстаны поместным окладом по государеву указу» (исходное наименование «Верстальная десятина новиков всех городов верстания князя Тимофея Романовича Трубецкого, князя Фёдора Ивановича Хворостинина, дьяков Андрея Татянина и Филиппа Голенищева»). Новики – представители служилого города, впервые записанные в службу и верстаные поместным и денежным окладом (как правило, в возрасте 15 лет). Именно эта категория служилых людей уже в качестве рядовых детей боярских спустя десятилетие принимала активное участие в событиях Русской смуты.

Источник: РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Ед. хр. 120.

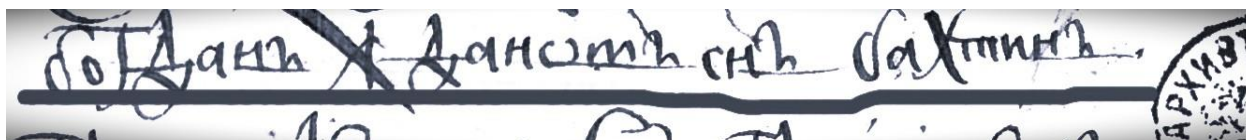

Рис. 2. Вырезка из скана верстальной десяти новиков 1596 г. записи Богдана Жданова сына Бахтина

Fig. 2. An excerpt from a scan of the layout of the tenth novices of 1596, an entry about Bogdan Zhdanov, son of Bakhtin

Рукопись содержалась в библиотеке Архива Министерства Иностранных Дел в Москве под № 120/167. К сожалению, перепись не сохранила подлинную запись распроса о семейном положении вновь поверстанных новиков. Но мы имеем бесценное указание на «Мяцнянских» детей боярских по городам, в числе которых именуется *Богдан Жданов (Иванов то ж) сын Бахтин* (Лист № 47) (рис. 2). Ему, в числе прочих, учинен помесный оклад по 100 четей (прибл. четь равна 0,5 га). На текущем этапе исследования Богдан Жданов сын Бахтин, на тот момент пребывающий в отроческом возрасте 15-го лета, является ключевой эвристической персоной в очередном сдвиге государственных формаций начала XVII века. Откуда явился сей отрок? Из какой «пустоты» и в «какую пустоту»?

Далее мы опускаем разбор и анализ уже наличествующих архивно-документальных свидетельств Разрядного приказа (воинского, по которому числились дети боярские, – Фонд 210) и Поместного приказа (ведомство поместным и вотчинным служилым землевладениям – Фонд 1209) по городам Ливны (Писцовая дозорная книга 1615 г.) и Мценск (1627 г. Чернский стан). Их верификация требует отдельного и особенно детального рассмотрения, и, конкретно, записей за *Богданом Ивановым сыном Бахтиным* («Богданом Ждановым то ж»), «в коей явствуется за какими именно владельцами какие именно селы, сельцы, деревни, пустоши: Деревня Остров под Серболовым лесом по жеребьям» (рис. 3).

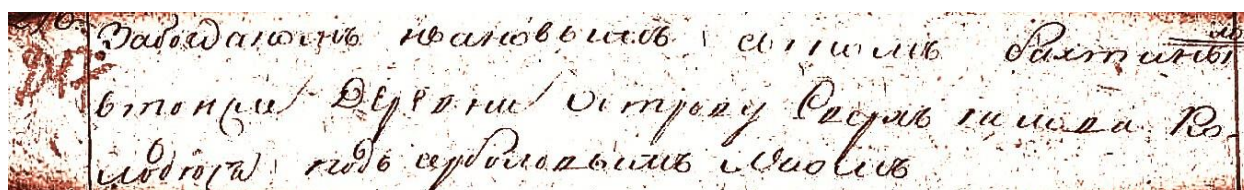

Рис. 3. Вырезка из скана с Писцовой дозорной книги 1916 г. За Богданом Ивановым сыном Бахтиным жребий деревни Остров под Серболовым лесом.

Fig. 3. An excerpt from a scan of the 1916 Clerical Survey Book. The lot of Bogdan Ivanov, son of Bakhtin, is the village of Ostrov near Serbolov Forest.

Источники:

1. Реестр Приправочной книге Ливенского уезда 7123/1615 году. Фонд 1209. Опись 9. № 232. Дело 264. Лист 541.
2. Писцовая переписная и межевая книги по городу Мценску. Дело № 276. ЦГАДА Поместный приказ. Оп. 93. Г. Мценск. 1627 г. № 15934.
3. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Территория, население, землевладение, освоение территории уезда, тяглоспособность (Мацук, 2001).

В родовой преемственности семьи Богдана Ивановича Бахтина примечательно то, что известно имя его жены Марии (упоминание 1634 г.) и прямого наследования от их сына Бориса внуков Самойлы, Мирона и Якова, детей Борисовых, и правнуков Фёдора и Ивана Самойловых, от Меркула Миронова – Тимофей Меркулов, от Якова Борисова – Аким Яковлев.

Родовое недвижимое имение Ливенского уезда в селе Острове (Островская волость) с другими землями числятся в Реестрах молодых лет за семьёй Богдана Бахтина до середины 1750-х гг.

Двое Бахтиных отмечены в послужном списке ратных людей, участвовавших в битве с татарами в 1643 г., проходящей на поле Серболова стана, что у реки Сосна к Редутову броду на Нетесевском поле, что в 20 верстах от города Ливны.

Источник:

РГАДА, Фонд 210. Опись 12. Дело № 94 (3 августа 7151/1643 г.) Послужные списки служилых людей, участвовавших в боях с татарами (под № 4 в описи значатся ливенцы с. 8-58).

Данный «островной» микрохронотоп организует достаточно определенные границы локализации семьи Богдана Ивановича, возможно, ввиду его особенного пограничного расположения на Муравском шляхе, чего нельзя сказать об остальных представителях рода Ивана Бахтина (род «Ивана 3-го»), рассеянного по макрохронотопу Епифань – Ефремов – Мценск – Ливны – Елец. И первый вопрос достоверности – являются ли однокровниками носители отчества «Ивановы дети Бахтина» – Богдан, Степан, Григорий и Астафий (Остап).

Вопрос преемственности владений возникает при разборе записей по Расписному списку города Елец за 7134/1626 год (июль) (л. 9-30), в котором указан *Иван Фёдоров сын Бахтин*. По всем спискам в период до 1620-х гг. Фёдоров Бахтиных наблюдается только двое: Фёдор Григорьев сын Бахтин по городу Тула 1588-1589 гг. и Фёдор Павлов сын Бахтин по городам Кашира и Малый Ярославец 1556 г. Установить прямую преемственность этих лиц на данный момент не считается возможным. В Регистрах Старых дел по городу Ельцу *Иван Фёдоров сын Бахтин* в качестве владельца состоит в записях до 1713 г. [Ф. 1209. Оп. 1052. Кн. 12 № 43. Л. 319-320-об.].

Микрохронотоп деревня Гонтюрева: семейно-родовые переплетения

Первая запись владельцев поместья Старой Гондуровой (Гонтюревой) Амитюрино (Митюрино) в Чернском стане в списке «Реестра имеющейся в Архиве в 4-й части по городу Мценску с писцовой и межевой Воина Нащокина 135 (1627), 136 (1628) и 137 (1629) году» «за дворяны детьми боярскими за вдовами и недорослями в поместьях».

Источник: Реестр по городу Мценску Стан Черный № 15934. Лист 8:

Дело № 71: *За Степаном Ивановым сыном Бахтиным поместье жребей деревни Старой Гондуровой Амитюрино* (рис. 4).

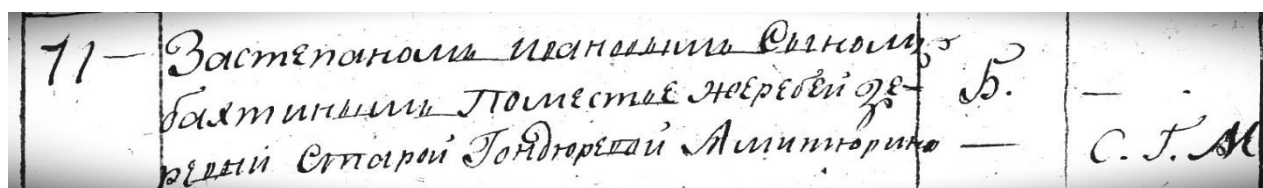

Рис. 4. Вырезка из скана с Писцовой и межевой книги о записи Степана Иванова Бахтина

Fig. 4. An excerpt from a scan of the Scribe and Land Survey Book about the entry of Stepan Ivanov Bakhtin

Повторное подтверждение в Описи со списка Мценских писцовых книг (№ 15934): «а которого году не видно» Лист 95. Дело № 41: «За Степаном Ивановым сыном Бахтиным (неразб.) Старой (неразб.) в пустоши Данилово Поле».

Степанко Жданов (Иванов то ж) сын Бахтин в чине городовых оклад поместный 150 четей записан в служилых Списках дворян и детей боярских по Мценску, Новосилу, Орлу,

Болхову, Карачеву, Белеву в Разрядный приказ 1629 г. [Ф. 210-12-27], в 1640 г. [Ф. 210-14-114], в 1647-1648 г. [Ф. 210-12-257. Л. 33].

По, возможно, неполному Списку с Переписной Книги Мценска и Мценского уезда переписи Ивана Федоровича Янова да подьячего Федора Шилова 1646 (7154) года по Чернскому стану Степан Бахтин и деревня Гонтюрева отсутствуют.

Вновь связь Бахтиных с микрохронотопом Гонтюрево восстанавливается в 1684 г.:

За Григорием Ивановым и Михайлом Клеменовым Бахтиными записана Деревня Гонтюрева-Митюрева, что расположена в Чернском стане Мценского уезда.

Источник: Список Реестра Писцовые книги г. Мценск 7193/1684 и 7194/1685 гг. Кн. № 287. Дело № 103. Лист 176.

Источниковый регистр соседних поколений

Поколенная линия *Григория Иванова сына Бахтина*: сын Иван Григорьев, внук Климен Иванов и правнук Михайло Клименов (интервал 1600-1811 гг.) вероятная поколенная роспись: *Иван – Григорий – Иван – Климен – Михайло – Фёдор – Климен – Филип Клименов*, который приходится дядей Николаю Афанасьеву Бахтину по линии Афанасия Ивановича, пращура семьи М.М. Бахтина.

Впервые *Григорий Иванов сын Бахтин* состоит по Смотренному списку Мценской Десятни 1622 года [Ф. 210. Оп. 4. Д. 182]. Но в 1624 г. Григорий переведен в Епифань и испомещен в 1626 г. в Стан Городской (Стан околородней в поместьях), в котором записаны в поместьях *За Григорием и за Остапом Ивановыми детьми Бахтина жребий слободы Коробьинской*.

Источник:

Список Реестра книг писцовой, поместной и вотчиной Епифанского уезда письма и меры князя романа Болховского и подьячего Василия Бурцова 136/1628 и 137/1629 годов. Фонд 1209. Опись 6. № 140. Епифань 1628-29 гг. Л. 333 № 140. Л. 349. Дело № 211.

Спустя два столетия, в 1822 г. это поместье в слободе Караблино (Коробьино) станет последним пристанищем потомков боярских детей Григория и Астафия (Остапа) Бахтиных, низведенных до податного сословия «однодворцев».

В 1674 г. Григорий Бахтин записан в Разрядной десятне по Мценску [Ф. 210. Оп. 6в. Д. 51]. Также Бахтин Григорий числится в Сметной книге Мценска 1674 г. Ф. 210. Оп. 6д, Дело № 54 (полк, дети, родственники, стан). Данные источники на настоящий момент не реархивированы.

Первым владельцем в деревне Гонтюрева Чернского стана Мценского уезда с 1627 г. был Степан Иванов сын Бахтин, а последними владельцами в 1684 г. числятся Григорий Иванов сын Бахтин и его правнук Михаил Клименов сын Бахтин. Они же последние из всех упоминаемых Бахтиных во Мценском уезде. Михаил Бахтин с 1678 г. «отказывает во Мценском уезде в разных станах в деревня Вепрянцевая с деревнями» некоему Гавриле Туленьянову [Оклеенные столбы 1678] (в соответствии с государевым Указом о мене поместьями, о переходящих четвертях в прожиточных поместьях и о продаже проезжих земель в вотчину от 1676 г. февраля 22).

Источник:

Мценск Оклеенные столбы 7186/1678 года. Фонд 1209. Опись 1241. Столп 60. Дело № 6. Лист 210. *Об отказе Гавриле Туленьянову Михайлова менавного поместья Клементьева сына Бахтина во Мценском уезде в разных станах в деревня Вепрянцевая с деревнями.*

Окончательно недвижимые имения Мценского уезда деревни Старая Гонтюрева Митюрево переходят по челобитью во владения Андрею Никитину сыну Вельяминову, что

«отказано» (пожаловано) ему в 1722 г. В списках владельцев значатся *Георгий то ж Григорий и Михаил Бахтины*.

Источник:

Реестр по г. Мценску Дела Старых лет. № 15980. Ч. 14. Фонд 1209. Опись 848. Дело 17. По мемории Печатного Приказа. Началось 13 апреля решено 16 мая 1722 года на 21 листах. Листы. 425-об-426.

Об этой пограничной деревне Гонтюрева, что расположена стратегически на границах Мценской, Тульской и Епифанской земель, в 1743 г. будут хлопотать по спорному челобитью потомки по линиям братьев Григория и Остафия Бахтиных в соседних поколениях Афанасий Иванов и Клементий Фёдоров Бахтины.

Ливенский источниковый регистр: потомство Григория Иванова сына Бахтина

Прошение Ивана Григорьева Бахтина о даче ему выписи на недвижимые имения Ливенского уезда деревню Тетеры с урочищами. Помечено февраля 1704 года на 3 листах.

Источник: Реестр Старых дел по Туле 1722 г. Общий № 14303. Часть 4. Дело № 20. Лист 209-об.

Более ранних источников на настоящий момент по Ивану Григорьеву Бахтину не обнаружено.

По деревне Тетеры с урочищами владельцем недвижимого имения числится *Иван Григорьев Бахтин в 1690-1704 г. сын Григория Иванова Бахтина*.

Источник:

Неоклеенные столбы. Ф. 1209. Оп. 1355. Л. 42-43. С. 2-й, С. 4-й, С. 1-й.

Иван Григорьев сын Бахтин. За ним Деревня Тетеры с урочищами, село Щигры Ливенского уезда (до 1752 г.)

Источник:

Реестр Молодых лет по г. Тула 1704 г. (выходные данные утрачены).

Сын Григория Иван Бахтин и его дети Климен, Аким, Андрей Ивановы Бахтины указаны в списке владельцев имений Ливенского уезда в деревне Тетерья и пустоши Дикое Поле по делу именной купчей 1738 г.

Источник:

Поместный приказ. Опись старых лет. Ф. 1209. Дело № 968 по списку Дело № 29. Лист. 226-об.

Иван Григорьев сын Бахтин и его дети Клемен, Андрей, Аким дети Ивановы. За ними Деревня Тетеры Ливенского уезда 1745-46 гг. (рис. 5)

Источник:

Реестр Молодых лет по г. Тула (общий № 14510) Дело № 218. Л. 378.

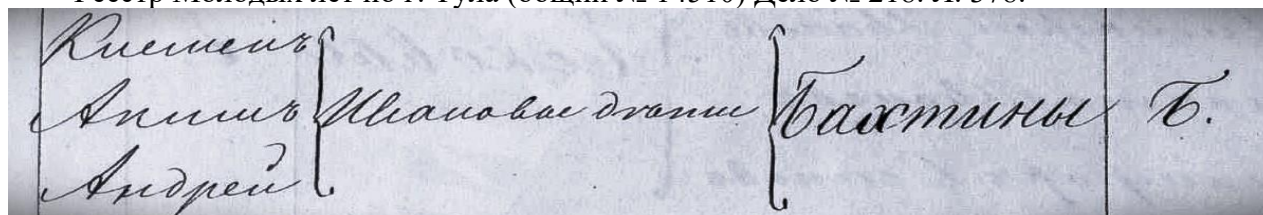

Рис. 5. Вырезка из скана с Поместного приказа⁴

Fig. 5. An excerpt from a scan of the Local Order

⁴ Реестр Молодых лет по г. Тула (общий № 14510) Дело № 218. Л. 378.

В Реестре Старых дел по городу Ливны 1753 г. Общий № 14437. Лист 925. Дело № 43 в числе владельцев по Дикому полю деревни Тетери (совр. Тетеренка) так же упоминается *Климен Иванов сын Бахтин*, который на период 1745-46 гг. числится владельцем недвижимого имения в Пустоши Дикое Поле до 1811 г.

В числе владельцев: Иван сын Бахтин, то ж Клемен, Андрей, Аким дети Ивановы. (приписано) Фадей Фадеев Бахтин.

Источник:

Реестр Молодых лет по г. Тула. Общий № 14510.

Дело № 179. Лист 365. *Просьба Сергея Егория сына и жены его Матрены Степановой дочери Мишиных о записке за ними недвижимого имения по купчих от Павла Миных (?) Герасима Ивановых детей Анисимовых Акима Степана Васильевых детей Бахтиных, Абросима Иванова сына Ермолова Ливенского уезда деревни Сторожевой, пустоши Дикое Поле, деревни Монаховой Оберца (?). помечена 23 декабря 1751 года на трех листах.*

Дело № 218 (Л. 378). *Просьба Саввы Савостьянова сына Фарафонова о записке за ним недвижимого имения по купчей от Ивана Григорьева сына Бахтина Ливенского уезда села Щигра. Помечено 16 марта 1752 г. на 2 листах.*

Иван и Михаил Григорьевы дети Бахтины, а также Максим Федотов Бахтин и Андрей Иванов. За ними имения Ливенского уезда деревни Шанехово и Старые Савины (до 1755 г.)

Источник:

Реестр Молодых лет по г. Тула (общий № 14479). Дело № 7. Л. 367-об – 368.

Память земли:

Бахтинская пустошь (дачи: удобной земли 303 десятины, 2150 сажени). Владелец: капитан Василия Асмомиров и прочие. Орловская губернии Ливенского уезда.

Источник: Алфавит хранящимся в Чертёжном архиве планам с книгами Орловской губернии Ливенского уезда № по Генеральному плану 122. 14 июня 1780 г.

д. *Бахтинская* Ливенский уезд, Ольшанская волость (река Малая Чернавая) Ливенский и Малоархангельский уезды. Рядом с. Остров и д. Остров, д. М. Чернава, слобода Никольская.

д. *Бахтинка* (Малая) Чермошенский уезд.

Источник: Плановый архив минземледела. Ф. 380. Оп. 19. № 829

Ныне: в Краснотуркменском районе Орловской области России. Входит в состав Успенского сельского поселения.

д. *Бахтина* (Бахтинка) Орловская губерния, Елецкий уезд. Стан 3. По Нижнедевицкой проселочной дороге.

Источник: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. 29: Орловская губерния. СПб, 1871. СХХV, 238 с. № 1746.

Д. *Бахтинка* в Суджанском районе Курской области на юго-западе в пределах Обоянской гряды, на границе с Украиной.

Ефремовский источниковый регистр: потомство Степана Иванова сына Бахтина

Формально поместья, в которые испомещены дети боярские еще в первой половине XVII в. продолжают состоять за ними, а располагают ими внуки и правнуки. Так в Книге 31. Дело № 226. Ивана Харитонов сына Губанова о записке за ним по купчей указано: *от Матвея (в алфавитах – Фатей) Степанова сына Бахтина* недвижимого в Ефремовском уезде в деревне Лавровой, которое состоит за прадедом его Герасимом Бахтиным. Помечено 1750 года февраля 8 дня на 2 листах (Л. 1362).

Прямая родовая преемственность (восходяще-нисходящий регистр): *Матвей Степанов – Степан Герасимов – Герасим Степанов – Степан Иванов. Степанко Жданов 1627 – Герасим 1648 (прадед) – Степан 1680 – Герасим 1701 – Степан 1720 – Матвей Степанов 1750.*

Герасим Степанов сын Бахтин в 1640 г. испомещен по городу Ефремов Тульского уезда, и за ним числится поместье в Лавровой Поляне, что у Слободского леса, на берегу реки Красивая Меча, владельцем которого он продолжает числиться по 1782 г. Деревня Лаврова «то ж», упоминается с 1640 г. по отказным книгам и 1642 г. по описанию, сделанному в этом году писцом В. Зюзиным и подьячим В. Михайловым.

Источники:

1. Реестр отказным и другого названия книгам, имеющимся в архиве по городам Ельцу и Ефремову в отказной 5 книге (общ. № 8836). РГАДА. Ф. 1209, оп. 170, кн. 5. Д. 66. Л. 256-об – 257. Ефремов, д. Лавровая Поляна, 7148/1640 год:

Дело № 66. *Апреля 30 дня отказныя книги по челобитью Матвея (Степанова) Ашихмина, Григория (Ульянова) да Федора Сатиных, Неустроя (Тимофеева) и Никиты (Селиванова) Катасоновых, Герасима (Степанова) Бахтина, Григория и Милована да Савина Губановых, Алпата (Федорова) Леонова, Федора (Леонова) Сапронова по коим им отказано Матвеева поместья Ашихмина в Ефремовском уезде в Лавровой поляне, да в той же Лавровой поляне отказано Ивану Павлову сыну Губанову, да Петру Матвееву сыну Катасонову, кои состоят на семи листах.*

2. Писцовые и межевые книги по городу Ефремов. 1642/7150 г. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (объединение фондов). Опись №1. Ч. 1: (дел постоянного хранения) Т. 6, кн. 144, д. 650. Л. 465-об. *За Герасимом Степановым сыном Бахтиным межа оной деревне Лавровой Поляне.*

Это подтверждается еще рядом документов в разборных десятиях по г. Ефремов: Разборная книга служилых людей разных чинов по г. Ефремову 1646 г. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Опись № 15-Д (дел постоянного хранения). Дело 36. *Бахтин Герасим.* А также: Дворяне и дети боярские Ефремова 1646 г. Оп. 15. Д. 37.

3. В Полном Регистре поместным и вотчинным делам городов Ельца и Ефремова, которые поданы в Поместном приказе от 1750, 1774-1779 и 1782 гг. *Герасим Степанов сын Бахтин* числится владельцем недвижимого имения деревни Лавровой Поляны [Кн. 31. Д. 226. Л. 1362; Кн. 39. Д. 13. Л. 387об – 388; Кн. 52. Д. 18. Л. 16]. В них извещается, что часть имения продана Петром Аврамовым сыном Бахтина в 1754 г. Продано Фадеем Степановым сыном Бахтина в 1782 г. На годы с 1774 по 1779 *Герасим Степанов* и его сын *Астафей Герасимов* числятся владельцами Ефремовского имения. Источник: Реестр Молодых лет по Ельцу и Ефремову Общ. № 8956. Ч. № 52. Д. 18. Л. 16.

Всего по городу Ефремову за Бахтиными в 1687 г. числится 3 двора деревни Лавровой. Владелец одного из которых числится *Астафий Герасимов сын Бахтин.*

Источник:

Реестр книги перечневого подворья Григория Шишкина 7192/1684 год в коем явствует за каким именно владельцем и в каком месте писаны дворы пашенная земля значит под сим. Ефремовский уезд. Ф. 1209. Оп. 5. Т. 6. Кн. 145. Л. 545-об. Деревни Лавровой владельцы: под № 1378. *Астафья Герасимова сына Бахтина, а то ж № 1379. Филипа Алисеева (Алексеева) сына Бахтина, № 1399. Матвея Ильина сына Бахтина* (л. 546-об).

В 1678 г. *Деревня Лаврова за помещики Елисеем Астафьем Герасимовы Бахтиными.*

Источник: Реестр имеющийся по г. Ефремову Подлинной переписной книги переписчиков Григория Спешнева и Фёдора Михайлова 7186/1678 г. а за кем пашни дворы и в них крестьяне.

По Разборным фондам служилых людей по городу Ефремову в 1678 году за Бахтиными числится 3 двора [Ф. 210. Оп. 6д].

По Списку владельцев деревни Лавровая Поляна от 1774-1779 года, в котором значатся Герасимовы дети Остафей, Василий, Пётр, Аврам, Елисей. У Астафея сын Фёдор и внук Денис Фёдоров сын Бахтин. У Аврама – Пётр Аврамов – Павел Петров. У Василия сын Фёдор (рис. 6).

Источник: Реестр Молодых дел по г. Тула Дело № 18. Листы 16-16-об.

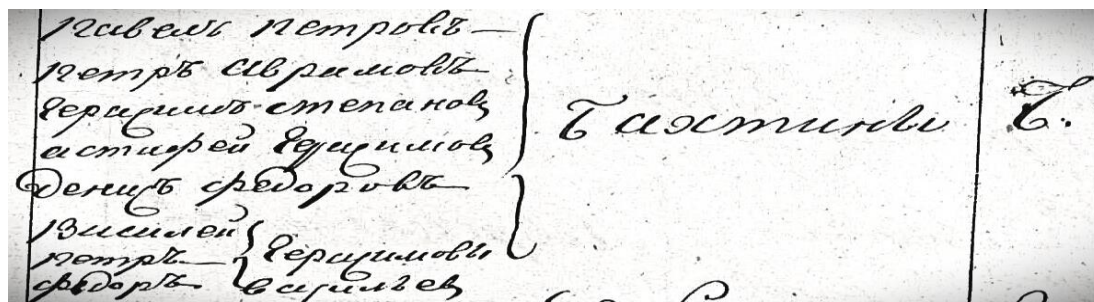

Рис. 6. Вырезка из скана Список владельцев деревни Лавровая Поляна от 1774-1779 года⁵

Fig. 6. An excerpt from a scan of the List of owners of the village of Lavrovaya Polyana from 1774-1779

Недвижимое имение Герасима сына Иванова в Ефремовском уезде деревни Лавровой продано, что явствует из Доношения Ефремовской воеводской канцелярии при нем отказные книги Якова Михеева сына Лопатина на недвижимое проданное ему от Осипа Дементьева сына Катасонова да от Дениса Фёдорова сына, да от Петра Авраамова сына Бахтиных Ефремовское имение в деревне Лавровой Поляне. Помечено 1754 года сентября 3 дня на 4 листах.

Источник:

Регистр поместным и вотчинным делам городов Ельца и Ефремова, которые поданы в Поместном приказе. Книга 5. № 29. Л. 146-об – 147.

Память земли:

Бахтинские Выселки, Бахтинка деревня. Долголесковская волость. Ефремовского уезда. 1910-1912 гг. Ф. 4. оп. 3 Д. 2111. Подворные карточки крестьянских хозяйств. Ф. 4. Тульская губернская земская управа, г. Тула (1863-1917).

Владельцы: бывшие государственные крестьяне на 1867 г. Приходы: Село (с-цо) Богородицкое, Новый Гоголь и Епанчино тож (Шушеровка), Казанская церковь, в приходе: деревня Бахтинка. *Пограничное на границе с Черенским уездом.* Совр. Бахтинка деревня в Каменском районе Тульской области России.

Епифанский источниковый регистр: потомство Астафия Иванова Бахтина

Астафий (Остап то ж) Иванов Бахтин вместе с Григорием Ивановым Бахтиным переведен в Епифань и помещен в 1628 г. в Стан Городской (Стан околгородней в поместьях), в котором записаны в поместьях: *За Григорием и за Остапом Ивановыми детьми Бахтина жребий слободы Коробьинской* (рис. 7).

⁵ Реестр Молодых дел по г. Тула Дело № 18. Листы 16-16-об.

Источник: Список Реестра книг писцовой, поместной и вотчины Епифанского уезда письма и меры князя романа Болховского и подьячего Василия Бурцова 136/1628 и 137/1629 годов. Фонд 1209. Опись 6. № 140. Епифань 1628-29 гг. Л. 349. Дело № 211.

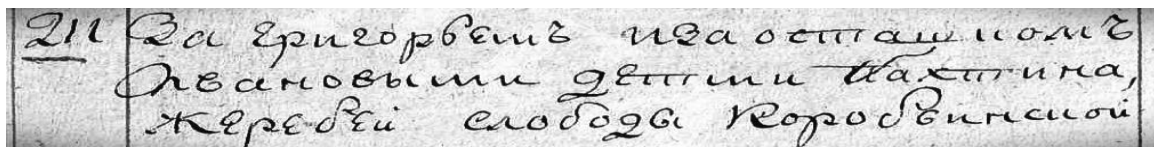

Рис. 7. Вырезка из скана Писцовой книги о владельцах Коробинской слободы Григории и Остапе Бахтиных

Fig. 7. An excerpt from a scan of the Cadastre Book about the owners of the Korobinskaya Sloboda, Grigory and Ostap Bakhtin

В 1663 г. было «отказано», т. е. пожаловано и передано в пользование Астафью (приписано) Иванову сыну Матвею Григорьеву сыну Бахтиным (с товарищи) в Епифанском уезде Пустоши Дикое Поле в разных урочищах на четырёх листах (рис. 8).

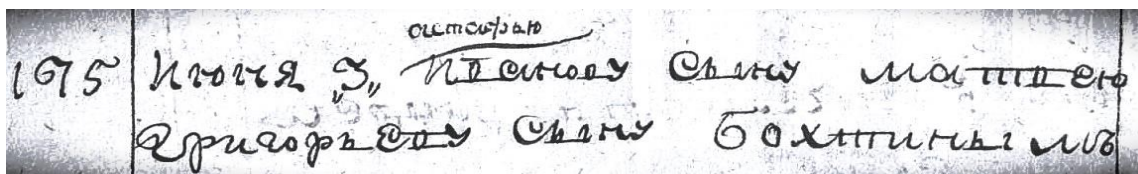

Рис. 8. Исправление (приписка) в записи о пожалованных землях. Вырезка из скана Отказной книги

Fig. 8. Correction (addition) to the entry on granted lands. An excerpt from a scan of the Allotment Book

Источник:

Отказные книги по Туле Книга № 14416. Дело № 175. Листы 211-об–213-об). Книга являлась основанием владения и главным доказательством прав владельца.

Граф Юрий Олсуфьев в своем историческом описе упоминает о грамотах царя Фёдора Алексеевича, в которых жалуется стольнику князю Якову Ефимовичу Мышецкому прирезок земли к старой даче, жалованной ему в 1663 г., в которой расположено ныне село Красное-Буйцы. В грамотах упоминаются дети боярские Матвей да Игнатий Бахтины деревни Буйца, да стольник Василий Петров сын Бахметева (Олсуфьев, 1908: 4-5).

По уже упоминаемой нами в связи с «Родословными записями» Савёлова о «Подлинной межевой книге поместной земли Тулян и Епифанцев» 772. 7190/1681 г. от 18 ноября, в которой дети боярские Игнатий, Ефрем, Василий и Филипп Бахтины записаны владельцами въ урочищах между двумя рѣчками Буйцами и на Дехтяномъ крѣ (Описание документов, 1869: 77).

В том же году месяцем позже они же получают в пожалование поместные «придачу» из Дикого поля Себинского стана, в списках помещиков детей боярских указаны Матвей Григорьев сын Бахтин, Василий Остафьев, Ефрем Остафьев, Агей Остафьев и Филипп Трофимов дети Бахтины.

Источник: 7190 (1681) г. нояб.–дек. – Мерные и межевые книга поместных «придачу» из дикого поля, примерных и обводных земель Себинского стана отвода Игнатия Григорьевича Кобякова и подьячего Александра Ершова. Книга № 1008. Листы 1-25, 33-50-об. Епифанским детям боярским Матвею Бахтину «с товарищи». Листы 23-24.

В 1683 г. Игнатий и Ефрем Остафьевы дети Бахтина отказывают часть поместий в Епифанском уезде промежду речек Буйцев Петру Юрьеву сыну Бестужеву.

Источник:

Отказные книги по Туле в 7191/1683 году книга 14421. Дело № 134. Лист 322.

В 1676 г. сын боярский Игнатий Остафьев записан в списках служебных Разрядов (лист 168, дело № 157) по Алфавитам Владимирского стола. Указатель № 353. Дело № 157. 7184/1676 г. Документы о службе тулян, каширян, алексинцев, тарушан, соловлян, одоевцев и одоевских поместных казаков. 730 л. [Опись стр. 491]. А также по записям Разрядного приказа РГАДА Фонд 210. Опись. 14. Д. 293. Смотренные списки по г. Тула 1675-1677 гг. Бахтин Игнатий Остафьев.

По Алфавиту Санкт-Петербургской вотчинной конторы 1746 г. однодворцы Матвей Иванов Бахтин и Игнатий Остафьев Бахтина неоднократно подают челобитные в Вотчинные конторы, но содержание описей на настоящий момент недоступно.

Источник:

319. Описи и алфавиты. Алфавиты к делам Вотчинной конторы. А–К. XIX в. 1002 л. №№ 17497–17590 XVIII в. № 53. Август 1746 г.

В Регистрах по Туле Епифанского уезда 1791–1835 гг. Епифанское имение 1822 г. селы Сукромна быв. Плотвянка, пустошь Дикое поле числятся среди владельцев *Иван Игнатъев сын Бахтин* (1792), *Афонасий Иванов сын Бахтин* (1822) и *Никита Афонасьев сын Бахтин*.

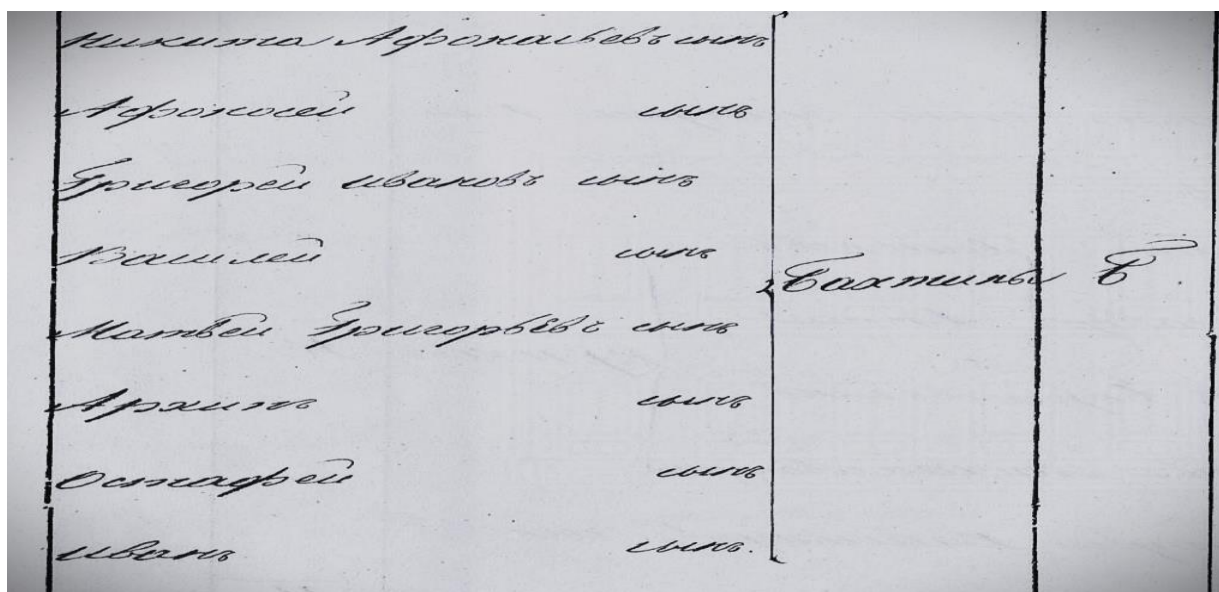

Рис. 9. Последний список епифанских однодворцев Бахтиных по слободе Коробинской.
Вырезка из скана дела № 10

Fig. 9. The last list of Epifansky single-homesteaders of the Bakhtins in the Korobinskaya settlement. An excerpt from a scan of file No. 10.

Дело № 10 о выдаче выписки из справки Архива Вотчинного департамента о недвижимом имении Тульского уезда 1830 г. 19 февраля дня. В этом деле значатся владельцы Епифанского уезда Слободы Коробинская: *Афонасий сын Бахтин*, *Никита Афонасьев сын*, *Григорий Иванов сын*, *Матвей Григорьев сын*, *Василий*, *Остафей*, *Иван Бахтины* (рис. 9).

Первое поместье, полученное детьми боярскими Григорием и Остафием Бахтиными в 1627 г., стало последним и единственным владением недвижимого имущества однодворцев Бахтиных в 1830 г.

Источник:

Книги Молодых лет по г. Тула. Общий № 14665. Частный № 200. Дело № 10. Листы 381-об–384.

По Алфавиту Санкт-Петербургской вотчинной конторы 1743–1746 гг. однодворцы *Афанасий Иванов и Клементий Фёдоров* неоднократно подают челобитные в Вотчинные конторы, но содержание описей на настоящий момент недоступно.

Источник:

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Вотчинного архива. № 449. Делопроизводственные книги. Алфавиты. Разные уезды Спорные протоколы Вотчинной коллегии. 619-739. 1737-1764. Дело № 960 сентябрь 1743 рассмотрение челобитных

Память земли:

Бахтино, Бахтиновка Муравлянская Новофедосовская волости, Епифанского уезда Тульской губернии. Село Моравлянка (Никольское, Крюково), церковь Николаевская, 1783 г. В приходе д. Бахтино. Николаевская церковь. Село Буйцы Никольское то ж. Совр. Кимовский район Тульской области.

Бахтинская пустошь (Епифань).

Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 291. Межевой архив Тульской губернской чертёжной, г. Тула (Оп. 9 дел постоянного хранения 1768-1881) 1756-1925.

Ф. 291 Оп. 9 Д. 402 Раздел оп. 1850 г. Заголовок: Дело об освидетельствовании и направлении в Епифанский уездный суд межевого производства *по даче д. Тычка, что была пустошь Бахтинская Епифанского у.* 13.07.1850-17.03.1853 (кол. листов 12).

Заключение

Разумеется, в формат настоящей статьи не может войти весь обнаруженный и собранный источниковый ресурс фамилии Бахтины по выбранным регионам. Составление именных росписей обусловлено максимальным пересечением родовых ветвей в соседних поколениях. Выясняется, что традиция межсемейных переплетений на основе родовых связей имеет древние корни, начиная с Фёдора Павловича и Якова Фёдоровича Бахтиных (1552 г.). Подобная связь продолжается в отношениях Афанасия Ивановича по линии Астафия Ивановича и Клементия Фёдоровича по линии Григория Ивановича (середина XVIII в.). И закономерной становится для отношений Николая Афанасьева и Филипа Клименова, несмотря на различия территориальных расположений (конец XVIII – начало XIX в.).

Генеалогическое составление родовых деревьев не входило в нашу задачу, но введение рабочей категории «источниковый регистр» позволяет систематизировать и структурировать расположение архивных материалов по составу семейно-родовых отношений и их территориального распространения в непосредственной связи с темой наследования по отчеству и дядичеству, а также неизменной традиции тезоименитства.

Из всех территориальных переплетений родовых поместий и недвижимых имений фокусный момент нашего исследования был сосредоточен на микрохронотопах: Гонтюрева-Митюрино Чернского стана Мценского уезда и его первого владельца, Степана Ивановича сына Бахтина (1626), и последнего – Михаила Климентьевича, правнука Григория Ивановича сына Бахтина (1687); Коробинской слободы первых владельцев Григория и Остафия Бахтиных и последних – Ивана (?), Афанасия Ивановича и его сына Никиты Бахтиных; деревни Буйцы и Пречистенское – Матвея Григорьевича и Игнатия Остафьевича Бахтиных и «последнего из

Буйцов» Якова Петровича Бахтина, внука Ефрема Остафьевича Бахтина. Яков Петров Бахтин, отставной драгун Тобольского полка сыграет значительную роль в нашей дальнейшей работе по структурированию источниковых регистров.

На настоящий момент мы можем предположить, что *прямым родоначальником семьи М.М. Бахтина* по родовой ветви Ивана Бахтина может быть *Астафий Иванов (Жданов) сын Бахтин* в поколенной преемственности по отчеству: 1. Иван (Ждан) – 2. Астафий Иванов – 3. Игнатий Астафьев – 4. Лукьян Игнатьев – 5. Емельян Лукьянов – 6. Иван Емельянов – 7. *Афанасий Иванов* (пращур) – 8. Николай Афанасьев – 9. Косьма Николаев (и его брат Иван) – 10. Николай Косьмин – 11. Михаил Николаевич (и его брат Павел) – Михаил Михайлович (и его брат Николай).

ВЕРОЯТНАЯ НИСХОДЯЩАЯ ПОИМЕННАЯ РОСПИСЬ

I	ИВАН то ж ЖДАН (предп. Фёдоров) БАХТИН Пробанд (пропозит) — лицо, с которого начинается составление родословной «РОД ИВАНОВ»: Богдан – Григорий – Остафий – Степан			
II	Григорий и Остап (Остафий) <i>Епифанский уезд 1628</i> <i>Кораблинский стан (Коробыно)</i>			<u>Степан</u> <i>Мценский уезд 1627</i> Прародитель (родоначальник, праотец)
	Григорьевы дети		Остафьевы дети	Степановы дети
III	<u>Матвей</u> <i>Епифань</i> Петр	Иван и Михаил <i>Ливны</i> <i>д. Тетеры, с.</i> <i>Щигры до</i> <i>упоминаются до</i> <i>1752</i>	<i>Игнатий</i> Василий Ефрем Агей <i>Епифань</i> <i>Д. Буйцы 1663-1681</i>	<i>Герасим</i> <i>Ефремов Лавровая</i> <i>поляна 1640</i> Матвей Ильин
IV	Петр, Иван и Архип Матвеевы	Клим, Аким, Андрей Ивановы дети <i>Ливенский уезд до</i> <i>1810 г. (пустошь</i> <i>Дикое поле)</i>	Сергей и Пётр Ефремовы Сидор, Фёдор и Фетис Васильевы <i>Лукьян Игнатьев</i> Иван Игнатьев Савва Игнатов	Остафий Герасимов <i>Елец 1630</i> <i>Тула 1676</i> <i>Ефремов 1684</i> Василий, Пётр, Аврам, Елисей
V	Василий Архипов Степан Петров <i>Епифань</i>	Михайло Климентий <i>Мценск 1698</i> Лев и Фёдор Акимовы 1671-89	Карней, Семен и <i>Иван</i> <i>Фетисовы</i> <i>Епифань</i> Яков Петров (внук Ефремов) 1739 <i>Емельян Лукьянов</i> Дмитрий (?)	Пётр Аврамов Фёдор Остафьев Фёдор Васильев Филип Елисеев
VI		Клементий Фёдоров Максим Федотов (?)	Пётр Иванов Емельяновы дети Андрей, Гаврила, <i>Иван Емельянов</i> Семён Фетисов Иван дети Фетисов	Денис Фёдоров (правнук Остафия) (1754) Павел Петров (внук Аврамов)
VII		<u>Филип Клименов</u> <i>1753 г.р. –умер</i> <u>1816</u>	<u>Афанасий Иванов</u> <i>упоминается 1753-1822</i>	

			<i>Епифаньское имение пустошь Дикое поле прашур</i>	
VIII			<i>Никита и <u>Николай</u> <u>Афанасьевы</u> <u>1773 г.р.</u></i>	

Общая поколенная роспись персонифицирует не только сложную эволюцию системы семейно-родовых отношений и не только воинско-корпоративные отношения служилых людей по отчеству за период трех столетий, что является предметом отдельного исследования. Данная персонификация «родового тела» позволяет рассматривать индивидуальную судьбу «служилого человека» как гражданской, социально-ответственной категории, в общей трансформации служебного долга поместного и денежного жалования и долга отечественного в поддержании «чести» своего рода и «соборной» преемственности общей судьбы «всей земли» и «мира». Данная онтология служения по отчеству в любом звании позволяет правомерно заявлять об эсхатологической природе сознания исторической памяти как «большой памяти», которая «по-особому понимает и оценивает смерть» (Бахтин, 1986: 520). Памяти, в которой «происходит непрестанное обогащение и обновление», и в которой «ослабляются моменты корыстной практичности, узкой заинтересованности» (Бахтин, 1986: 520).

Литература

- Бахтин, М. М. (1986), «Заметки», *Литературно-критические статьи*, Художественная литература, Москва, 509-531.
- Веселовский, С. Б. (1974), *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Наука, Москва.
- Веселовский, С. Б. (1990), *Род и предки А. С. Пушкина в истории*, Отв. ред. Каштанов, С. М., Наука, Москва.
- Жаркова, О. А. (2023), «Пределы применения принципа единства судьбы земли и недвижимости: ГК РФ солидарен с ВС РФ?», *Закон*, 2, 55-60. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-55-60; EDN: ABTWKF
- Кавелин, Л. А. (1863), *Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии*, Сост. Оптиной пустыни иером. Леонид, Университетская типография, Москва.
- Ключевский, В. О. (1918), *История сословий в России: Курс, чит. в Моск. ун-те в 1886 г.*, Предисл. Юшков, А., 3-е изд., Лит.-изд. отд. Ком. нар. прос., Петроград.
- Кобрин, В. Б. (2008), *Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды*. Рос. гос. гуманитар. ун-т, Москва. EDN: QPIGMR
- Красильников, А. Н. (2022), «Неизвестные линии предков А.С. Пушкина», *Новый Журнал*, 306, 315-332.
- Мацук, М. А. (2001), *Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Территория, население, землевладение, освоение территории уезда, тягоспособность (В 3 ч.)*, отв. ред. Преображенский, А. А.; Б/и, Сыктывкар.
- Муравьев, М. В. (1913), *Разборная десятина по Смоленску 1574 года*, Печатня С.В. Яковлева, Москва.
- Олсуфьев, Ю. А. (1908), *Из прошлого села Красного, Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы 1663-1907*, Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, Москва.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве юстиции. Кн. 1.* (1869), Печатано в типографии Правительствующего Сената, Санкт-Петербург.
- Писцовые книги Московского государства / под ред. действительного члена Н. В. Калачова. Писцовые книги XVI века. Отд-ние 2. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской,*

Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской (1877), Издание Императорского русского географического о-ва, 1872-1895, Санкт-Петербург.

Савёлов, Л. М. (1906), *Родословные записи: Опыт родословного словаря древнего дворянства*, Вып. 1, Т-во «Печатня Яковлева», Москва.

Савёлов, Л. М. (1897 (на обл. 1898)), *Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства*, 2-е изд., Типолитогр. М. Ф. Азаровой, Острогжск.

Соборное уложение 1649 года (1987), Наука: Ленинградское отделение, Ленинград.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (1950), Подгот. к печати Зимин, А. А., Изд-во Академии наук СССР, Москва; Ленинград.

Шапошников, Н. В. (1900), *Heraldica. Исторический сборник. Том I*, Паровая скоропечатня Г. П. Пожарова, Санкт-Петербург.

References

Bakhtin, M. M. (1986), "Notes", *Literaturno-kriticheskie staty* [Literary Critical Articles, Fiction], Moscow, USSR, 509-531 (in Russ.).

Kavelin, L. A. (1863), *Tserkovno-istoricheskoye opisaniye uprazdnennykh monastyrey, nakhodyashchikhsya v predelakh Kaluzhskoy yeparkhii* [Church-historical description of the abolished monasteries located within the Kaluga diocese], compiled by Hieromonk Leonid of Optina Pustyn, University Printing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (1918), *Istoriya sosloviy v Rossii: Kurs, chit. v Mosk. un-te v 1886 g.*, [History of estates in Russia: Course, reading. to Moscow University in 1886], Preface Yushkov, A., 3rd ed., Literary Publishing Department of the Commissariat of Public Education, Petrograd, RSFSR (in Russ.).

Kobrin, V. B. (2008), *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika: Izbrannyye trudy* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymics: Selected Works], Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QPIGMR

Krasilnikov, A. (2022), "Unknown ancestral lines of A.S. Pushkin", *The New Review*, 306, 315-332 (in Russ.).

Matsuk, M. A. (2001), *Gorod Livny i Livenskiy uyezd v 1615/16 godu. Territoriya, naseleniye, zemlevladieniye, osvoyeniye territorii uyezda, tyaglospособnost (V 3 ch.)* [The city of Livny and the Livny district in 1615/16. Territory, population, land ownership, development of the district territory, draft capacity (in 3 parts)], Preobrazhensky, A. A. (ed.), Without a publisher, Syktyvkar, Russia (in Russ.).

Muravyov, M. V. (1913), *Razbornaya desyatnya po Smolensku 1574 goda* [Disassembled tenth for Smolensk in 1574], Printing House of S. V. Yakovlev, Moscow, Russia (in Russ.).

Olsufyev, Yu. A. (1908), *Iz proshlogo sela Krasnogo, Buitsy tozh (Arkhangelskogo prikhoda) i ego usadby 1663-1907* [From the past of the village of Krasnoye, Buitsy (Arkhangelsk parish) and its estate 1663-1907], A.A. Levenson Printing Company, Moscow, Russia (in Russ.).

Opisaniye dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arkhive yustitsii. Kn. 1. (1869), [Description of documents and papers stored in the Moscow Archive of Justice. Book 1], Printed in the printing house of the Governing Senate, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Pistovyye knigi XVI veka (1877), [Scribe books of the 16th century], edited by Kalachov, N. V., published by the Imperial Russian Geographical Society 1872-1895, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Saveloff, L. M. (1906), *Rodoslovnyye zapisi: Opyt rodoslovnogo slovary drevnego dvoryanstva* [Genealogical records: An attempt at a genealogical dictionary of the ancient nobility], Issue 1, Yakovlev Printing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Saveloff, L. M. (1897 (on the cover 1898)), *Bibliograficheskiy ukazatel po istorii, geraldike i rodosloviyu rossiyskogo dvoryanstva*, [Bibliographic index on the history, heraldry and genealogy of the Russian nobility], 2nd ed., Typographical department of Azarova, M. F., Ostrogzhsk, Russia (in Russ.).

Shaposhnikov, N. V. (1900), *Heraldica. Исторический сборник. Том I* [Heraldica. Historical collection. Volume I], G. P. Pozharova Steam Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Sobornoye ulozheniye 1649 goda (1987) [Cathedral Code of 1649], Science: Leningrad Branch, Leningrad, USSR (in Russ.).

Tsyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad 50-kh godov XVI v. (1950) [The Thousand Book of 1550 and the Courtyard Notebook of the 1550s], prepared for publication by Zimin, A. A., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow; Leningrad, USSR (in Russ.).

Veselovsky, S. B. (1974), *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii*, [Onomasticon: Old Russian names, nicknames and surnames], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Veselovsky, S. B. (1990), *Rod i predki A. S. Pushkina v istorii*, [The Family and Ancestors of A. S. Pushkin in History], Kashtanov, S. M. (ed.), Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Zharkova, O. A. (2023), "Limits upon the application of the principle of the unity of fate of land and Real Estate: is the Civil Code in solidarity with the Supreme Court?", *Zakon*, 2, 55-60 (in Russ.). DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-55-60; EDN: ABTWKF

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Титов Александр Юрьевич, кандидат педагогических наук, профессор кафедры режиссуры и мастерства актера, Орловский государственный институт культуры, ул. Лескова, д. 15, г. Орёл, 302020, Россия; руководитель Научно-просветительского центра им. М.М. Бахтина, ул. Тургенева, д. 18, г. Орёл, 302028, Россия; vittoal@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander Yu. Titov, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Directing and Acting Skills, Orel State Institute of Culture, 15 Leskov St., Orel 302020, Russia; Head of the Scientific and Educational M.M. Bakhtin Center, 18 Turgenev St., Orel, 302028, Russia; vittoal@yandex.ru

УДК 929.52

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-3

Чистюхин И. Н.

Расшифровка архивных материалов Н. Бахтина:
переписка с семьей

Венское отделение Орловского международного научно-образовательного центра,
ул. Кёльблгассе, д. 29/22, Вена, 1030, Австрия; bakhtincenter.wien@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты расшифровки биографических материалов из личного архива Николая Бахтина – писем его семьи, отправленных к нему в Париж из Невеля. До этой публикации содержание данных писем, как и большинства материалов архива Николая Бахтина, не было известно российскому научному сообществу. Эти *письма публикуются впервые*. Они содержат обширную информацию биографического характера не только о его семье, о нем самом, но и о его брате – Михаиле. Особый интерес представляет тот факт, что эта переписка относится к периоду 1924–1925 гг. – к моменту переезда Михаила Бахтина из Витебска в Ленинград. В письмах сестер и матери раскрывается непростой характер взаимоотношений Михаила со своей семьей, полный разрыв общения между ними со стороны Михаила. В статье также дается подробное описание и структура фонда документов Николая Бахтина, хранящегося в Исследовательской библиотеке Кэдбери Бирмингемского университета. Статья сопровождается подробными и обширными комментариями, касающимися персон и родственников, упоминаемых в письмах, и тех, кто окружал Николая в Англии.

Ключевые слова: Бахтин Николай; Михаил Бахтин; сестры и родители Бахтина; архив Николая Бахтина; Бирмингемский университет; Исследовательская библиотека Кэдбери

Для цитирования: Чистюхин, И. Н. (2025), «Расшифровка архивных материалов Н. Бахтина: переписка с семьей», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 166-179. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-3

I. N. Chistiukhin

Interpretation of N. Bakhtin's archival materials:
correspondence with family members

N. N. Bakhtin Orel International Scientific and Educational Center (Vienna Branch),
29/22 Kölblgasse St., Vienna, 1030, Austria; bakhtincenter.wien@gmail.com

Abstract. The article presents the results of the interpretation of biographical materials from Nikolai Bakhtin's personal archive, namely letters sent to him in Paris by his family from Nevel. Prior to this publication, the content of these letters, like most of the materials of the archive of Nikolai Bakhtin, was not known to the Russian scientific community. These letters are being published for the first time. They contain extensive biographical information about not only his family and himself, but also his brother, Michael. Of particular interest is the fact that this correspondence refers to the period

between 1924 and 1925, when Mikhail Bakhtin moved from Vitebsk to Leningrad. The letters from his sisters and mother reveal the difficult nature of his relationship with his family and the complete breakdown in communication on his part. The article also provides a detailed description of the Nikolai Bakhtin Document Fund, which is stored in the Cadbury Research Library at the University of Birmingham. It is accompanied by extensive and detailed comments on the people and relatives mentioned in the letters and on those who surrounded Nicholas in England.

Keywords: Nikolai Bakhtin; Mikhail Bakhtin; Bakhtin's sisters and parents; Nikolai Bakhtin Archive; University of Birmingham; Cadbury Research Library

For citation: Chistiukhin, I. N. (2025), "Interpretation of N. Bakhtin's archival materials: correspondence with family members", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 166-179, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-3

Как известно, Николай Бахтин в 1932 г. уехал из Франции на постоянное жительство в Англию и с 1938 года и до своей смерти в 1950 году преподавал лингвистику в Бирмингемском университете. Архив Николая Бахтина сегодня хранится в Исследовательской библиотеке Кэдбери Бирмингемского университета¹. В ней находится более 4 миллионов единиц архивов и рукописей, начиная с VII века и до наших дней. Кроме того, библиотека содержит обширные коллекции документов, связанных с организациями, обществами и предприятиями, множество личных и семейных документов, а также и весь архив Бирменгемского университета.

Помимо официального университетского архива, в специальных коллекциях хранятся документы некоторых бывших преподавателей и студентов. В отдельной архивной коллекции собраны документы сотрудников Бирмингемского университета. Как правило, они состоят из корреспонденции; заметок о лекциях и исследованиях; рукописей, машинописных и печатных копий опубликованных и неопубликованных работ; вырезок из прессы; биографических заметок; иногда различных материалов, собранных по темам. Они также могут включать личные и семейные документы.

В каталоге этого архива под буквой "В"² значится: "Bachtin, Nicholas (1895–1950), Lecturer³ in Linguistics: papers relating to a proposed edition of Plato's *Cratylus* and linguistic topics; biographical notes; notebooks; lectures; correspondence; personal papers. Finding No: US5"⁴.

Этот Фонд US5 называется «Документы Бирмингемского университета: Бумаги Николая Бахтина». В нем хранятся его личные документы, относящиеся к 1930–1950 годам. Они размещены в 11 боксах (коробках). Это около 70 папок и тетрадей, в которых содержатся биографические заметки о Бахтине, составленные академическими коллегами и другими; различные лекции и конспекты лекций Бахтина, в том числе о Толстом, Маяковском, Пушкине, лингвистике, реализме в драматургии, месте поэзии в капиталистическом государстве; эссе и заметки к эссе о Гомере, истории Греции; записные книжки на французском языке; смесь лекций на русском и английском языках; сочинения; заметки;

¹ Cadbury Research Library: Special Collections: Fond XUS5. University of Birmingham Staff Papers: Papers of Nikolai Bakhtin [1930s–1950s].

² <https://www.birmingham.ac.uk/facilities/cadbury/documents/archive-a-z-lists/uob-staff-archives-guide.pdf>

³ Во многих британских университетах, основанных до 1992 года, используются следующие звания: преподаватель, старший преподаватель, ридер (читатель=доцент), профессор (lecturer, senior lecturer, reader, professor). Lecturer – как правило, это первая постоянная должность, он также может проводить исследования.

⁴ «Николай Бахтин. Преподаватель лингвистики: статьи, относящиеся к предлагаемому изданию "Кратила" Платона и лингвистическим темам; биографические заметки; записные книжки; лекции; переписка; личные документы. Номер в поиске: US5». Здесь и далее перевод наш. – И. Ч.

переписка; некоторые газетные статьи Бахтина на русском языке; рукописи, присланные Бахтину русскими писателями-эмигрантами.

Отдельный бокс – тетради и блокноты, в которых содержатся сотни стихотворений на разных стадиях завершения, в основном неопубликованных и неизвестных.

Вся эта коллекция была приобретена отделом специальных коллекций библиотеки в результате дарения и покупки в период с 1960 по 2001 год.

Документы в боксах 1-8 были сданы на хранение в 1960 году профессором Бирмингемского университета *Остином Дунканом-Джонсом*⁵.

Документы из Бокса 9 были переданы на хранение в 1990 году семьей писательницы и близкого друга Бахтина *Франчески Уилсон*^{**}.

Документы из Бокса 10 были переданы на хранение в 1994 году профессором кафедры русского языка и литературы Бирмингемского университета *Р.Ф. Уиллетсом*^{***}.

Документы, представленные в Боксе 11, были приобретены у двух близких друзей Бахтина, доктора *Инны Ариан*^{****}, преподавателя кафедры русского языка и литературы Бирмингемского университета, и мисс *Франчески Уилсон* из Лондона. В 2001 году часть документов были приобретены у *Бернарда Куорича*⁶.

Это большой массив документов, исчисляемый сотнями, а может, и более тысячи страниц. К примеру, мы заказали лишь три позиции (а их в архиве Бахтина 114), и вышло 107 страниц.

Кроме самого архива Николая Бахтина, в Библиотеке под номером XUS5 хранятся документы сотрудников Бирмингемского университета. И нам удалось найти в этом Фонде, в 13 коллекциях преподавателей, материалы, связанные с Николаем Бахтиным: его письма к коллегам, протоколы заседаний совета факультета искусств, дневники преподавателей, где есть о нем упоминания и т. д., и даже статью Николая Бахтина «Русская революция глазами белой гвардии».

Документы бывших преподавателей университета не находятся в свободном доступе. Их можно лишь заказать, указав конкретный документ. Мы получили материалы автобиографического характера самого Николая, а также воспоминания о нем и личную переписку. Среди этих документов находятся три письма от семьи Бахтиных. Они изобилуют информацией биографического характера не только относительно ведущих переписку, но и брата Николая – Михаила Бахтина. Особый интерес для нас представляет тот факт, что эта переписка относится к периоду переезда Михаила Бахтина из Витебска в Ленинград, и в ней раскрывается непростой характер взаимоотношений Михаила со своей семьей.

До сегодняшнего дня содержание этих писем, как и большинства материалов архива Николая Бахтина, не было известно российскому научному сообществу. Хотя ссылки на него делались. Например, в статье О. Осовского и В. Киржаевой говорится о том, что в 1924 году «в письме старшему сыну Николаю, отправленному в Париж из Невеля 16 июня, Варвара Захаровна сетует, что не знает ни адреса Михаила Михайловича, ни того, как на новом месте складываются у него дела» (Осовский, Киржаева, 2020: 94). При этом в тексте дается ссылка на Исследовательскую библиотеку Кэдбери. В списке же использованных источников стоит не ссылка на конкретный документ, а электронный адрес, по которому размещен каталог документов архива Бахтина в формате pdf⁷, т. е. не сами документы, а их названия и краткие

⁵ Знаком * отмечены номера комментариев в конце статьи.

⁶ Основанная в 1847 году, компания Bernard Quaritch Ltd является одним из старейших дилеров антиквариата и редких книг в мире. Она также ведет переговоры о продаже архивов по частным договорам во многих областях.

⁷ Описание Архива Николая Бахтина: <https://calmview.bham.ac.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=XUS5> (дата обращения: 12.11.2025).

описания. В содержании Бокса 11, под номером 9, читаем: “Three letters to Bachtin from his mother and sisters, 1924–1925 Includes letter from his mother written from Nevel, 16 June 1924, complaining that the family never heard from ‘Misha’ and that they did not even know his address in Leningrad”⁸. Само же письмо Осовскому и Киржаевой, по всей вероятности, было не известно.

Кроме того, уважаемые авторы не знали, что письма от 16.06.1924 г. в архиве Николая Бахтина нет – это ошибка составителя описания документов. Есть лишь три письма от его семьи, и все они находятся в одном месте – Бокс 11, Файл № 9, среди 24 хранящихся там файлов. И датируются они 10.11.1924, 18.03.1925 и 16.04.1925.

Письмо, в котором мама жалуется на отсутствие вестей от Миши от 16.06.1924, упоминается в книге Катерины Кларк и Майкла Холквиста «Михаил Бахтин». Они пишут следующее: “Bakhtin was not close to his family during his adult life. His mother complained in the mid 1920s that the family never heard from ‘Misha’ and that they did not even know his address in Leningrad”⁹ (Clark, Holquist, 1984: 16). При этом дают следующую ссылку: “Mother in Nevel to Nikolai in Paris, June 16, 1924, in the possession of R.F. Christian, Saint Andrews University”¹⁰ (Clark, Holquist, 1984: 359).

Как мы видим, это письмо хранилось не в Бирмингеме, а у профессора Р.Ф. Кристиана, крупнейшего исследователя русской литературы¹¹.

Нам было разрешено опубликовать письма от семьи, собственно это и составляет содержательную часть данной статьи. Они были написаны и отправлены из Невеля с ноября 1924 по апрель 1925 г. В каждом письме три адресанта: две сестры (Мария, Наталья) и мама****. Написаны они на листах в клеточку, вырванных из середины (разворот) ученической тетради. У матери в тексте практически отсутствуют знаки препинания, но мы решили оставить всё как есть в подлиннике.

Письмо 1

от 10.11.1924.

France
A’ monsieur N. Bachtin
12, passage Elisée des Beaux Arts
Paris XVIII

Дорогой Коля! Вчера получили твоё письмо от 25 окт, а от 7-го и книг не получали. Сказать нельзя, как это мне досадно! И почему это у других не пропадает! А я тебе не писала так долго потому, что у меня одна марка и я ждала твоего письма, чтобы ответить. Такие у нас

Каталог документов в его архиве:

<https://calmview.bham.ac.uk/GetDocument.ashx?db=Catalog&fname=US5+Papers+of+Nicholas+Bachtin.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

⁸ «Три письма Бахтину от его матери и сестер, 1924–1925 гг. Включает письмо его матери, написанное из Невеля 16 июня 1924 г., в котором она жалуется, что семья никогда не получила вестей от “Миши” и что они даже не знают его адреса в Ленинграде».

⁹ «Бахтин не был близок с семьёй во время своей взрослой жизни. Его мать жаловалась в середине 1920-х годов, что семья никогда не слышала от “Миши” (т. е. не получала от Миши вестей. – И. Ч.) и что они даже не знали его адреса в Ленинграде».

¹⁰ «Письмо от матери из Невеля Николаю в Париж, 16 июня 1924 г., находится во владении Р.Ф. Кристиана, Университет Сент-Эндрюс».

¹¹ Reginald Frank Christian (1924–2018). Его академическая карьера началась в Ливерпульском университете, затем он стал заведующим кафедрой русского языка и литературы в Бирмингемском университете. Позднее перешел в Сент-Эндрюсский университет (Шотландия).

дела, что и на марку никак не соберешь. Совсем прогорели! За лето мы очень потратились, очень уж большая семья была, долгов поделали, а папе жалованья убавили, работы побочной никакой нет, вот мы и запутались, не знаю уж, как и вылезем. Папа все нездоров, простудился и никак не может поправиться, т. к. у нас холодно и сыро, а кроме того доктор у него нашел склероз сердца.

Катя, наконец, получила место. Целый месяц им пришлось дожидаться, а потом назначили врозь одну к Петербургу, а другого¹² к Москве. Они поехали в Пет.<ербург> хлопотать, благо билет был и добились таки совместного назначения, но далеко, почти 400 верст отсюда¹³. Сегодня поехали на место. Не знаю, как проживут они там одни, тем более, что капиталу у них до первого жалования, т. е. недели на две, и на дорогу и т. д. – всего 3 р.¹⁴. Адрес: Ст. Березайка Октяб. ж. д. Железнодорожная школа. Е.М. Бахтиной¹⁵. В Петербурге они останавливались у Миши, хотя он нам даже адреса не оставил, но через общих знакомых они его таки разыскали (не очень-то это ловко было). Живут они скверно: уроками и лекциями. Мише удастся заработать от 15 до 25 р., в месяц¹⁶. Статью поместить ему не удалось, один журнал закрылся, для другого она оказалась слишком велика, т. ч. пока нет никакой надежды. Пока он здоров и чувствует себя хорошо, но не лечится, т. к. прежнее лечение вышло из моды, а придумали какое-то новое – впрыскивание. Когда будет снова рецидив, то вспрыснут – и пройдет навсегда. Чудно что-то. Адрес: Ленинград. Преображенская 38 кв. 5¹⁷.

У нас зима только недавно началась, эти дни слегка морозит и несколько раз падал снег. Так что пока грязи еще почти не было, что для Невеля великая редкость. Мы на прежней квартире и с прошлого года она стала, конечно, только еще хуже, холодно, сыро, дует отовсюду. Вообще скверно.

С дядей Пашей¹⁸ мы не переписываемся (А ты написал?). С Давыдовым Катя переписку совсем почти прекратила. Лизочке Ситниковой¹⁹ удалось узнать об Александровых: Мария Захар., Ваня, Вася и Лена умерли, Костя куда-то пропал, а Маня и Настя живут в Феодосии, учительствуют. Маня вышла замуж и ее муж тоже умер, а у нее есть ребенок. Никаких подробностей неизвестно и все это очень дико, хотя, правда, мы ведь почти семь лет о них ничего не знали. Мама собирается написать Насте, но пока соберется!

Пиши, Коля, почаще, а я не могу обещаться быть аккуратной, но постараюсь опять запастись марками. И пришли же, наконец, обещанное описание Парижа!

19 $\frac{10}{XI}$ 24

Маруся

¹² Речь идет о муже Екатерины Михайловны Бахтиной.

¹³ 484 километра.

¹⁴ В 1925 г. учительское жалование продолжало оставаться на уровне 75 % самой низкой ставки промышленного рабочего. По официальным данным, заработная плата в сельской местности оставалась ниже, чем у учителей в городе на 5–10 рублей. Так, в 1926–1927 гг. учителя в городах получали 50 рублей в месяц, тогда как на селе размер их заработной платы не превышал 45 рублей. В то же время рабочие (родители учеников) получали заработную плату в размере 200–250 рублей ежемесячно (Белова, 2011: 37).

¹⁵ Березайка – станция Октябрьской железной дороги на линии Санкт-Петербург – Москва. Расположена в границах поселка Березайка Бологовского района Тверской губернии. Построена в 1851 году. Железнодорожная школа находилась в селе Дубровка в километре от Березайки. В ней учились дети из соседних деревень, в том числе и станции Березайка.

¹⁶ Как мы уже указывали, рабочие в то время получали заработную плату в размере 200–250 рублей. Учителя – 45–50 рублей.

¹⁷ С 1935 г. это улица Радищева, в Центральном районе Санкт-Петербурга.

¹⁸ Павел Николаевич Бахтин, брат отца.

¹⁹ Елизавета Тихоновна Ситникова (1906–1978) – двоюродная сестра. Ее мать, Александра Захаровна, и мать Бахтиных, Варвара Захаровна (Овечкина), – родные сестры.

Милый Коля!

Я немножко на тебя сердита; так как ты перестал присылать мне открытками с видами. Те, которые ты прислал в общем письме, Маруся взяла себе и спрятала и мне ничего не осталось. Пожалуйста присылай побольше видов. Мы теперь в школе занимаемся вечером. Прихожу я в восемь, а иногда и позже, а ухожу в три. Ложусь спать очень рано, так как в семь часов утра хожу играть на рояле. В школе у нас весело, у меня много друзей, часто бываю концерты, на которых выступают наши же ученики. Я никогда ни в чем не участвую, так как ничего не умею. Учиться становится все трудней и трудней, прибавили два новых предмета бухгалтерию и кооперацию и кажется прибавят еще какой-то. Напиши мне пожалуйста о том, кто в Париже теперь знаменитостями в опере и в камерных концертах. Меня это очень интересует. Пиши дальше описание Парижа, это очень интересно. Не сердись на меня, что я мало пишу, но ты сам уже признайся, немножко обо мне забыл! Целую тебя!

Наташа.

P.S. Да, я недавно прочла «Собор Парижской Богоматери» Гюго. Мне ужасно понравилась книга, но не могу сказать, чтобы дух старого Парижа, который так тебя нравится, меня особенно привлекал. Это был какой то противно варварский город! Вот Рим тоже был варварским, но не противно и мне его старый дух ужасно нравится.

Милый и дорогой мой Колюшечка!

Не пишу я деточка потому что и писать то нечего а если напишешь то как то выходит очень печально. И правда жизнь наша не веселая. Вот все папа не хорошо себя чувствует что-то у него с сердцем. Очень у него вид не важный. Сегодня проводили вот только что Катюшу она получила место не далеко от Петрограда очень не хотелось ей ехать ведь она от нас теперь далеко. Так жаль ее. Миша нам конечно не пишет. Катюша была у него в Петрограде вид у него нечего себе но дела у него не особенно хороши. Получает очень мало. А о нас он совершенно забыл. Даже адреса не прислали. Но Бог с ним только бы им хорошо жилось. Вот и ты Колюшка как далеко от нас. Бог знает когда увидимся.

Благодарю тебя деточка что нас не забываешь и пишешь. На карточке ты очень похож но только Колюша ты все таки худой как твое здоровье не беспокоит ли тебя твоя рука. Дядя Паша не пишет да мы сами виноваты он написал а я не ответила. Я прямо теперь разучилась писать ужасно бестолковые письма получаются. Маруся тебе писала про тетю Маню думаю что-то верно ужасное произошло. А к дяде Паше я собираюсь приехать у меня есть бесплатный проезд. Будь здоров мой Колюшечка, пиши моя деточка не забывай нас. Пишешь ли дяде Паше напиши ему.

Папа и я крепко целуем.

Будь здоров и весел.

Твоя мать.

Очень рады что ты прислал нам свою фотографию Катюша тебе напишет.

Письмо 2

от 18.03.1925.

France

A' monsieur N. Bachtin

15, Quai de Saint Michel

Paris V

Дорогой Коля! Ну и свинья же ты все-таки, столько не писал, а уж мы чего только не думали! Хотели было телеграмму даже тебе посылать, да у тебя очень длинный адрес и она обошлась бы рубля два с лишним и мы не осилили. Ну, хорошо, что ты устроился, наконец, по своему вкусу, а то служба, да еще в канцелярии прескучная штука. Я тебе очень завидую. Поэтому пиши чаще. Поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе всегда заниматься интересной работой, это самое лучшее. У нас все по старому. Наташа поправилась, бегают вовсю, даже полных четырех недель не удалось удержать ее дома. Ты спрашиваешь, зачем понадобилось мне переезжать из дому. Но как же иначе могла бы я ходить в школу, когда в доме корь. А если бы не ходила, то не получила бы жалованья, что для меня, конечно, отнюдь не удобно. Вот и пришлось мне искать пристанища. Папа более или менее здоров. У нас совершенно уж некстати в марте месяце наступила настоящая зима, выпал снег и стоят морозы, хотя на солнце все-таки тает, но это еще хуже, грязь. Катя пишет редко и также, как и ты, ухитряется написать письмо и ничего о себе не рассказать. Когда будут весенние, когда летние каникулы еще не известно, мы ждем с нетерпением. Сегодня у нас нет занятий, день Парижской Коммуны, я очень рада возможности никуда не выходить, тем более, что немного простудилась. Какими предметами занимаешься ты в университете. Пиши же.

Маруся.

19 $\frac{18}{III}$ 25

Милый Коля!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Я живу постарому. Очень много докладов нужно писать, так что совсем нет времени. У нас теперь один день в неделю посвящен кружковым занятиям. Я записана в несколько кружков. У нас в школе часто бывают спектакли и концерты, которые я очень люблю. Сегодня у нас тоже будет спектакль и концерт по случаю праздника. Пожалуйста, присылай мне открытки, если это недорого стоит. Постарайся сняться. Я осенью снималась со своими подругами, но я ее послать тебе не могу, она у меня одна. Я по-прежнему переписываюсь с Лизочкой, она тебе кланяется. Если ты поедешь летом в Италию, то пришли мне тамошние виды. Прости, что я тебя этим беспокою, но мне ужасно хочется иметь тамошние виды. Потом мы все ждем описания Парижа. Целую тебя!

Наташа.

Милый и дорогой мой Колюшечка!

Поздравляю тебя с днем рождения. Дай Бог что бы ты был здоров и счастлив. Колюшечка как мы беспокоимся не получая от тебя писем так долго, прямо не знали что и подумать. Я уже приставала к Марусе чтобы она написала твоим хозяевам у которых ты живешь и спросила что с тобой я думала не заболел ли ты мой дорогой. Но слава Богу, что все благополучно и ты доволен. Деточка моя не забывай о Миши пришли ему книги, которые он просил ведь ему они очень нужны*****. А то ведь дела то его не важны. Они недавно писали и спрашивали о тебе. Да и напиши Катюши она будет очень довольна. Жаль мне их бедненьких сидят они там в деревне, вот и Петроград близко а не как не соберутся. Да деточка моя не проста жизнь девочек моих. Так это больно и обидно. Слава Богу Ната теперь поправилась. Папа ходит на службу все ждет теплых дней а у нас как нарочно стали морозы, а зимою их не было. Недавно получили письмо от тети Тони. Она писала что бы ты написал дяди Паши он все ждет. У него <неразб.> доктор нашел туберкулез потом он был в Крыму но теперь поправился. И так мой дорогой Колюша будь здоров и весел, и не забывай нас. Твои письма единственная нам отрада. И прошу тебя позаботься о Мише. Я знаю деточка что у тебя мало время но что же делать надо ему помочь.

Колюшечка вот скоро и Пасха вот уже идет третья неделя великого поста. Не знаю приедет ли Катюша на праздник. Кажется каникулы не совпадают с праздником. Это очень

печально. Всегда тяжело когда такой праздник из близких ктонибудь отсутствует. Всегда вспоминаю о тебе мой Колюшечка. Ведь у тебя много знакомых, а почему ты встречал Новый год один и Пасху тоже встречал один. Это скучно и тяжело по моему.

У меня все таки живет надежда что я тебя увижу. И так Колюша не забывай и пиши. Не смейся над моим письмом мой дорогой уж как умею.

Еще и еще целую. Папа кланяется и целует.

Твоя мама.

Колюша где ты теперь обедаешь по утрам что ты пьешь и тоже где. Ты кушай побольше и как следует а не сиди на сухом, это вредно. И как ты себя чувствуешь не беспокоит ли тебя рука напиши. Разберешь ли ты мое писание.

Письмо 3

от 16.04.1925

France

A' monsieur N. Bachtin

12, passage Elisée des Beaux Arts

Paris XVIII

Христос Воскресе!

Дорогой Коля! Что это ты опять так долго не пишешь, совсем нас забыл. Получил ли ты наше письмо от 18-го марта? Напиши, как проводишь праздники. Мы собирались быть благоразумными и ничего не делать, но, конечно, не выдержали характера и потратились за полтора месяца вперед: будет булка, пасха и подобие окорока. Но обиднее всего, что неизвестно приедут ли девочки, каникулы у них есть, но неизвестно, можно ли будет уехать. А это будет обидно, т. к. уж если кутить, так по крайней мере всем вместе. У нас совсем весна, тепло, цветут подснежники, я раз даже была в лесу, но только один раз, т. к. очень теперь занята: у нас перерыва на Пасху не будет ни на один день, а каникулы на 10 дней обещают после 1-го мая. Устали мы очень. От Миши известий давно не было, кажется, он здоров, но живут неважно. Ты ему книг так и не послал? Катя очень недовольна своей службой, тяжело и неприятно. Свой день рождения она проболела, простудилась, т. к. далеко ходить. Пиши же, а то я не знаю, что писать, раз от тебя ни слуху ни духу.

Маруся.

Невель 19 $\frac{16}{IV}$ 25

Христос Воскресе!

Дорогой мой Колюшечка крепко тебя целую и поздравляю с праздником. Дай Бог что бы ты здоровым и веселым встретил праздник. Деточка моя что же ты нам теперь так редко пишешь очень это печально какая нам радость твои письма. Или у тебя так много дел. Меня беспокоит послал ли ты Мишеньки книги или еще нет. Все таки надеемся что Катюша приедет к празднику, а то совсем будет грустно. Да и ей бедненькой уж очень тяжело уж давно мы не виделись. Напиши милый как ты провел праздники. Помнишь ты в прошлом году был в Заутрени²⁰, ты описывал как было торжественно. Будь здоров мой Колюша пиши дорогой не забывай нас. Еще и еще целую. Твоя мать.

²⁰ Заутреня или Светлая заутреня – часть ночной пасхальной службы, на которой проходит торжественный Крестный Ход вокруг храма.

Дорогой Коля!

Христос Воскресе! Поздравляю тебя с праздником и желаю всего хорошего. Я живу по старому. Нас в школе не распустили еще и на Пасху будем заниматься. Каникулы будут с 1-го мая. Погода у нас очень хорошая, подснежники уже неделю, как цветут и травка начинает зеленеть. Заниматься совсем не хочется, мы все перемены проводим в садике, соседнего с нашей школой, собора. Пиши. Целую тебя!

Наташа.

Комментарии

* **Остин Эрнест Дункан-Джонс** (Austin Ernest Duncan-Jones, 1908–1967). Философ, профессор философии в Бирмингемском университете с 1951 г. и до своей смерти. Президент Аристотелевского общества в 1960–1961 годах.

Его отец, Артур Стюарт Дункан-Джонс (Arthur Stuart Duncan-Jones, 1879–1955), был англиканским священником и писателем. Остин получил образование в колледже Гонвилл и Кайус в Кембридже (Gonville and Caius College, Cambridge.). В 1934 году Дункан-Джонс был назначен ассистентом преподавателя философии в Бирмингемском университете, а в 1951 году стал профессором.

Был главным редактором журнала «Анализ» (Analysis), что считается его самым значительным вкладом в философию XX века; он редактировал журнал с 1933 по 1940 год, пока не началась Вторая мировая война. Возобновил выпуск журнала в 1947 году и оставался его редактором до 1948 года. В 1952 году стал президентом «Ассоциации разума» – философского общества, целью которого является содействие изучению философии.

В 1933 году женился на Элси Элизабет Фэйр. У них было двое детей: Ричард, историк, и Кэтрин, шекспировед. У него был брат – журналист Винсент Стюарт Дункан-Джонс, который с 1950 по 1954 год занимал должность генерального секретаря Британского комитета мира (британского отделения Всемирного совета мира), затем в Вене входил в состав секретариата Всемирного совета мира.

Основной областью интересов Дункана-Джонса была метаэтика, о которой он писал на протяжении всей своей карьеры, начиная с первой статьи, опубликованной в журнале *Mind* в 1933 году. Метаэтика – это изучение природы, сферы применения, основания и значения моральных суждений, этических убеждений или ценностей. Это одна из трех областей этики, наряду с *нормативной* этикой (вопросами о том, как следует себя вести и действовать) и *прикладной* этикой (практическими вопросами правильного поведения в данных, обычно спорных, ситуациях). Метаэтика рассматривает вопросы о природе добра, о том, как отличить добро от зла, и о том, каково надлежащее описание морального знания.

** **Франческа Мэри Уилсон** (Francesca Mary Wilson, 1888–1981). Родилась в семье квакеров. Получила образование в Центральной средней школе для девочек в Ньюкасле (Central Newcastle High School for Girls) и колледже Армстронга (Armstrong College), а затем изучала историю в Ньюнхэм-колледже Кембриджа (Newnham College, Cambridge). В 1912 году она получила сертификат учителя в Кембридже, после чего преподавала в средней школе Бата (Bath High School) графства Сомерсет и женской школе округа Грейсвенд (Gravesend County School for Girls) графства Кент.

В 1914 году Уилсон встретила бельгийских беженцев в Грейсвенде и решила приостановить преподавание, чтобы заняться гуманитарной работой: помогать беженцам. В 1916 году Уилсон работала с французскими эвакуированными детьми в Самоэне в Верхней Савойе, а в следующем году переехала на Корсику с сербским Фондом помощи. Она

занималась аналогичной работой со своим братом Морисом Уилсоном в Северной Африке, а в феврале 1919 года переехала в Сербию, чтобы раздавать еду и одежду.

Ее первая книга «Портреты и эскизы Сербии» (Portraits and Sketches of Serbia, 1920) была направлена на то, чтобы рассказать о потребности Сербии в послевоенной помощи. С 1919 по 1922 год Уилсон работала в Миссии помощи квакеров в Вене, выступая в качестве переводчика и организуя продовольственные склады. После встречи с педагогом-художником Францем Чижеком (Franz Cizek) она организовала выставку детского творчества его учеников, собрав деньги для недавно основанного Фонда спасения детей (Save the Children Fund). Выставка гастролировала по Великобритании и США.

В 1925 году Уилсон устроилась на работу в приходской женский колледж при Англиканской церкви (Edgbaston Church of England College for Girls.), в Эджбастоне, пригороде Бирмингема. Там же она открыла свой дом для детей-беженцев.

Тогда же Николай Бахтин стал ее близким другом. Впервые они встретились в Париже весной 1928 года. Она оставила свои воспоминания о нем – 37 страниц машинописного текста. Они хранятся в архиве Бирмингемского университета и до сих пор не опубликованы. По мнению Робертса, «у нее и Бахтина, судя по всему, были романтические отношения в течение первого года или около того» (Roberts, 2010: 146).

Среди ее постояльцев был биолог, будущий нобелевский лауреат Морис Уилкинс (Maurice Wilkins). В начале 1930-х годов она регулярно ездила в Германию, навещая свою сестру. Она все больше беспокоилась о фашизме и открыла свой дом для беженцев.

Когда в 1937 году началась гражданская война, она отправилась на юг Испании, где организовала продовольственную помощь, основала детскую больницу и начала проводить профессиональные мастерские для испанских беженцев. Вскоре после начала Второй мировой войны, в октябре 1939 года, Уилсон посетила Венгрию, чтобы помочь польским беженцам. Пытаясь помочь чехам с поддельными удостоверениями личности, чтобы они могли вступить во французскую армию, она была арестована венгерской тайной полицией на границе с Румынией и в мае 1940 года вернулась в Англию.

Она работала в организациях по делам беженцев в Великобритании до 1945 года, когда присоединилась к новой администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA), работая с выжившими беженцами из концлагеря Дахау под Мюнхеном.

Оставшуюся часть своей жизни Уилсон прожила в Лондоне, преподавая в Лондонском университете и в Ассоциации образования рабочих (Workers' Educational Association). В 1950-х годах она гастролировала по Великобритании, выступая на публичных собраниях по вопросам гуманитарной помощи, а также вела радиопередачи, посвященные этой теме. За свою жизнь Франческа опубликовала несколько книг и была плодовитым автором репортажей и публицистических статей, политических документов по перемещению населения, практических руководств по оказанию помощи, исторических трудов и сборников путевых заметок, биографий и автобиографий.

***** Профессор Рональд Ф. Уиллеттс (Ronald Willetts 1915–1999).** Родился в городе Хейлсоуэн, графство Вустершир. Он учился в гимназии Хейлсоуэна, где начал изучать классическую литературу, а продолжил ее изучение в Бирмингемском университете, окончив его с отличием в 1937 году.

Во время своего пребывания в качестве студента в Бирмингеме в 1930-х годах, находясь под влиянием Луиса Макниса, Генри Риды, У.Х. Одена, Уолтера Аллена и других членов «Бирмингемской группы», которые встречались в доме Филипа Сарджента Флоренса в Селли-парке, Уиллеттс начал писать стихи и развивать свой стиль. В исследованиях греческого языка на него оказал влияние Э.Р. Доддс. Когда Доддс переехал в Оксфорд в 1936 году, его место занял Джордж Томсон, который также оказал влияние на научные взгляды и мышление

Уиллетса. Он был полностью согласен с введением Томсоном предварительного года греческого языка для тех студентов-классиков, которые не изучали греческий в школе.

Специализировался на критологии, и его исследования были в основном связаны с социальными условиями и обычаями. Начав с книги «Аристократическое общество на Древнем Крите» (1955), он опубликовал несколько монографий, посвященных другим аспектам критской жизни, включая «Повседневную жизнь на Древнем Крите» (1969) и «Цивилизацию Древнего Крита» (1977). Он также опубликовал окончательное издание с комментариями «Свода законов Гортины» (1967).

В 1938 году он получил степень магистра, а в 1939 году – диплом по педагогике, после чего год проработал школьным учителем. С 1940 по 1946 год он служил в армии, а во время пребывания в Индии познакомился и женился на Джейн Ванн, которая оказала на него огромное влияние и стала для него опорой на протяжении всей жизни. В 1946 году он вернулся на кафедру греческого языка в Бирмингемском университете. В 1958 году был назначен старшим преподавателем, в 1963 году – доцентом, а в 1970 году – профессором. Уиллетс был заведующим кафедрой в течение шести лет, с 1975 по 1981 г.

Выйдя на пенсию, он продолжал писать стихи, выпустив серию томов с конца 1970-х и до начала 1990-х годов.

****** Инна Ариан (Dr Inna Arian, 1913-1970).** Близкий друг Николая Бахтина. Родилась в Санкт-Петербурге. С 1925 года она училась в реальной гимназии Фюрстен-Бисмарк в Берлине и окончила ее в марте 1932 года. В апреле 1932 года она продолжила учебу в Берлинском университете, где изучала историю, философию, немецкий и английский языки. С октября 1936 по май 1938 года она училась на доктора философии в Немецком университете в Праге, сдавая экзамены по английскому, русскому языкам и философии. Защитила диссертацию по английской литературе.

В июне 1938 года она эмигрировала в Англию и вскоре после этого, в октябре 1938 года, начала обучение в Бедфордском женском колледже при Лондонском университете, где получила докторскую степень по философии. Ариан училась у профессора Сьюзен Стеббинг, которая в июне 1938 года отметила, что хотела бы видеть ее в числе своих аспиранток, поскольку «она, кажется, действительно философ». Ее специализацией была русская литература XIX века. После начала Второй мировой войны в 1939 году она была рекомендована на стипендию Британской федерации женщин с университетским образованием и получила международную стипендию Мэри Э. Вули в области искусств от Международной федерации женщин с университетским образованием на 1940-1941 годы. В нескольких газетах сообщалось, что федерация поддержала русскую еврейку.

В 1942 году ей пришлось оставить учебу и искать работу. Сотрудники Бедфордского женского колледжа рекомендовали ее на различные академические должности в высших учебных заведениях Великобритании, но ей было трудно найти работу в этой области. Она начала работать наблюдателем в Службе мониторинга ВВС во время Второй мировой войны с мая 1942 по ноябрь 1946 года, выполняя работу в поддержку военных усилий Великобритании. Работая наблюдателем в подразделении «М», она познакомилась с другими беженцами, работавшими в службе, включая Сергея Вольфа, Владимира Рубинштейна и Жака Нильда.

В 1947 году она поступила в Бирмингемский университет на должность преподавателя кафедры русского языка и литературы. В сентябре 1948 года она вышла замуж за своего земляка, русского, заведующего кафедрой экономики и институтов СССР Александра Байкова. У них был один сын, Николас, который родился в 1949 году. Семья жила вместе с ее матерью Асей Ариан.

Инна овдовела в 1963 году и в последние несколько лет своей жизни возобновила отношения с Георгом Лихтхаймом, которого знала со школьных лет в Германии. В 1969 году он также посвятил Инне свою книгу «Истоки социализма». В 1966-67 учебном году, после отставки профессора Кристиана, она заведовала кафедрой русского языка и литературы. В последующие годы она вернулась к преподавательской деятельности. Завершила свою последнюю академическую сессию в 1969-1970 гг.

Одно из ее эссе под названием «Начала русской художественной литературы» было опубликовано посмертно в: «Литература и западная цивилизация. Том 4: Современный мир. Часть I: Надежды», под редакцией Дэвида Дейчеса и Энтони Торлби, 1975.

***** В семье **Бахтиных** было пятеро детей. Первым был Николай, потом Михаил и сестры:

- Мария (в письмах она подписывается Маруся) – старшая из сестер. Родилась в Орле 26 января 1898 года (Титов, 2023: 167);
- Екатерина (в письмах Катя, Катюша), учительница в провинциальной школе;
- Наталья, 1909 года рождения. В замужестве Перфильева;
- шестая – приемная дочь Нина Сергеевна Борщевская (Барщевская).

Когда летом 1918 г. семья Бахтиных переехала в Невель, то Михаил и его сестра Мария получили работу в Единой трудовой школе 1-й и 2-й ступеней и занялись учительской деятельностью. Младшие дочери Бахтиных, Екатерина и Наталья, здесь учились.

В 1920 г. Михаил переехал в Витебск. Мария преподавала в Невельской школе. Наташа училась в этой школе. Располагалась школа на центральной площади Невеля. До революции это было городское училище. А с 1918 года это была Единая трудовая школа первой ступени. В этой школе (1925–1936) училась будущий заслуженный учитель РСФСР Станислава Викентьевна Марченко (Гиневец). Она стояла у истоков основания Музея истории Невеля. По воспоминаниям ее дочери, Регины Евгеньевны Малыгиной, ее первой учительницей была Мария Михайловна Бахтина (Шаворова, 2018).

Летом 1924 года М. Бахтин оставил Витебск и переехал в Ленинград. Здесь он оставался на протяжении почти шести лет – до весны 1930-го. По какой-то причине Михаил не сообщил семье свой адрес, сестра его искала через знакомых. Другая сестра в письмах к Николаю жаловалась, что от Миши совсем нет вестей. Но когда Михаил отправился в ссылку в 1930 году, то он передал квартиру своей семье, чтобы они могли переехать в Ленинград.

По словам двоюродной сестры Бахтиных – Елизаветы Тихоновны Ситниковой – все сестры умерли в 1942 году в блокадном Ленинграде (Конкин, Конкина, 1993: 361). Хотя у Екатерины Кларк другие сведения. Она пишет о родственниках Михаила Бахтина следующее: «Его отец, у которого в течение некоторого времени было слабое здоровье, умер в 1930-х годах. А его мать и Наталья погибли во время блокады Ленинграда во время Второй мировой войны. О судьбе двух других сестер ничего не известно (Clark, Holquist, 1984: 17).

В комментариях к изданию бесед Дувакина и Бахтина говорится, что умершие в блокаду мать и сестры предположительно похоронены на Серафимовском кладбище Ленинграда в братской могиле. Чудом уцелел и выжил сын Натальи Михайловны, Андрей Николаевич Перфильев, тогда пятилетний мальчик. Приемная дочь Бахтиных умерла в одной из больниц Ленинграда в 1944 г. от последствий перенесенного голода. Эта информация со слов мужа сестры Бахтина Натальи – Николая Павловича Перфильева (Дувакин, 1996: 283).

***** Какие-то книги для Миши Николай в октябре 1924 года посылал в Невель, но они не дошли до адресата. Его сестра Мария пишет, что 9 ноября «получили твое письмо от 25 окт,

а от 7-го и книг не получали. Сказать нельзя, как это мне досадно! И почему это у других не пропадает!»).

Но в 1925 г., несмотря на все просьбы матери, он этого сделать уже не мог. Николай в то время жил в крайней нищете, часто голодал и перебивался случайными заработками – например, собирал виноград или упаковывал книги. Его жизнь в тот период можно охарактеризовать как «отчаянные попытки выжить». В письме к редактору еженедельника «Звено» М.Л. Кантору от 21 сентября 1925 г. он пишет: «Пиренеи, тяжелая работа с 5 утра до 8 вечера (в качестве travail préparatoire) заставляют рыть какие-то рвы вокруг виноградников – словом, как раз то, что мне нужно. За два дня я совершенно почернел и руки в мозолях. Чувствую себя прекрасно, но зато другая сторона дела меня несколько тревожит: даже если работа затянется до 1-го октября, я все-таки не заработаю даже на билет до Парижа, не говоря уже о квартире на октябрь (как мечтал несколько наивно, когда уезжал)» (Устинов, Гардзонио, 1998: 588).

Литература

Белова, Н. А. (2011), «Заработная плата советских учителей в 1920–1960-е гг.», *Ярославский педагогический вестник*, 1(1), 36-38.

Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным (1996), Прогресс, Москва.

Конкин, С. С. и Конкина, Л. С. (1993), *Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества*, Мордовское кн. изд.-во, Саранск.

Осовский, О. Е. и Киржаева, В. П. (2020), «Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья первая», *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*, 4(69), 89-101. DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.011

Титов, А. Ю. (2023), «Родовая фамилия «Бахтины» (к научной биографии М. М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 9(4), 160-171. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-5

Устинов, А. и Гардзонио, С. (1998), «Парижские годы Н.М. Бахтина», *Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения*, Книжная палата, Москва, 584-590.

Шаворова, К. (2018), «Сильны мы связью поколений...» (из истории средней школы № 2 имени Н.И.Ковалева) [Электронный ресурс], URL: <https://nevelikc.ru/nevelskij-kraj/sbornik-shag-v-budushhee-2018-god/sil-nu-my-svyaz-yu-pokolenij/> (дата обращения: 13.12.2025).

Clark, K. and Holquist, M. (1984), *Mikhail Bakhtin*, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, and London.

Roberts, S. (2010), *Place, Life, Histories and the Politics of Relife: Episodes in the Life of Francesca Wilson Humanitarian Educator Activist*, D. Sc. Thesis, College of Social Sciences, The University of Birmingham.

References

Belova, N. A. (2011), “Salaries of Soviet teachers in the 1920s and 1960s”, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(1), 36-38 (in Russ.).

Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym (1996) [Conversations between V.D. Duvakin and M.M. Bakhtin], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Clark, K. and Holquist, M. (1984), *Mikhail Bakhtin*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, and London, UK.

Konkin, S. S. and Konkina, L. S. (1993), *Mikhail Bakhtin: Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Bakhtin: Pages of life and creativity], Mordovian Publishing House, Saransk, Russia (in Russ.).

Osovskiy, O. E. and Kirzhaeva, V. P. (2020), “Mikhail Mikhailovich Bakhtin: experience in reconstructing the biography of a scientist. Article one”, *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 4(69). 89-101 (in Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.011.

Roberts, S. (2010), *Place, Life, Histories and the Politics of Relife: Episodes in the Life of Francesca Wilson Humanitarian Educator Activist*, D. Sc. Thesis, College of Social Sciences, The University of Birmingham, UK.

Shavorova, K. (2018), “*We are strong by the connection of generations...*” (from the history of N.I. Kovalev secondary school No. 2) [Online], available at: <https://nevelikc.ru/nevelskij-kraj/sbornik-shag-v-budushhee-2018-god/sil-ny-my-svyaz-yu-pokolenij/> (Accessed 13 November 2025) (in Russ.).

Titov, A. Yu. (2023), “Generic surname ‘Bakhtins’ (to the scientific biography of M.M. Bakhtin). Reconstruction of the Bakhtin family pedigree”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9(4), 160-171, (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-5

Ustinov, A. and Gardzonio, S. (1998), “N.M. Bakhtin's Paris years”, *Tynyanovskiy sbornik. Vyp. 10: Shestyye – Sedmyye – Vosmyye Tynyanovskiye chteniya* [Tynyanov Collection. Iss. 10: The Sixth – Seventh – Eighth Tynyanov Readings], 584-590 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чистюхин Игорь Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, руководитель Венского отделения Международного научно-просветительского центра (Россия, г. Орёл), ул. Кёльблгассе, д. 29/22, Вена, 1030, Австрия; bakhtincenter.wien@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Igor N. Chistiukhin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the N.N. Bakhtin Orel International Scientific and Educational Center (Vienna Branch), 29/22 Kölblgasse St., Vienna 1030, Austria; bakhtincenter.wien@gmail.com

УДК: 9.93/94:94

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-4

Бирюкова К. В. | Токийская духовная миссия в годы Русско-японской войны

Московский технический университет связи и информатики,
ул. Авиамоторная, д. 8а, г. Москва, 111024, Россия; kristina_biryuko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется Российская духовная миссия в Токио, оказавшаяся в эпицентре событий Русско-японской войны. Российские духовные миссии на Дальнем Востоке выполняли множество функций помимо непосредственно миссионерской работы и были проводниками русского влияния в Дальневосточном регионе. Предметной областью исследования является деятельность российских духовных миссий в странах Дальнего Востока и Русско-японская война 1904–1905 гг. В этой области представлены в основном исследования макроисторического характера. Для реконструкции жизни Токийской миссии в исследуемый период выбран особый ракурс: через дневниковые записи начальника Миссии святителя Николая (Касаткина). Основным для исследования стал антропологический подход. В исследовании применялись методы ретроспекции и исторической реконструкции, а также микроанализ. Отчасти применялся просопографический метод. Такой выбор методологии обусловлен тем, что основным источником для исследования стали «Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора...» и дневники главы Миссии, епископа Николая (Касаткина). Результатом исследования является реконструкция деятельности Токийской духовной миссии в условиях Русско-японской войны.

Ключевые слова: Япония; Русско-японская война; российская духовная миссия; Николай (Касаткин)

Для цитирования: Бирюкова, К. В. (2025), «Токийская духовная миссия в годы Русско-японской войны», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 180-188. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-4

K. V. Biryukova | Tokyo spiritual mission during the Russo-Japanese War

Moscow Technical University of Communications and Informatics,
8a Aviamotornaya St., Moscow, 111024, Russia; kristina_biryuko@mail.ru

Abstract. The subject of research in the article is the Russian spiritual mission in Tokyo, which found itself at the epicenter of the events of the Russo-Japanese War. Russian spiritual missions in the Far East performed many functions in addition to direct missionary work and were guides of Russian influence in the Far Eastern region. All of them, in China, Korea and Japan, were affected to varying degrees by the war, and the Orthodox mission in Tokyo was most affected. The main approach for the study was the anthropological approach. The study used methods of retrospection and historical reconstruction, as well as microanalysis. The prosopographic method was partly used. This choice of methodology is due to the fact that the main source for the

study was the "Most Comprehensive Reports of the Chief Prosecutor..." and the diaries of the head of the mission, Bishop Nikolai (Kasatkin). The result of the study is the reconstruction of the activities of the Tokyo spiritual mission in the conditions of the Russo-Japanese War.

Keywords: Japan; Russo-Japanese War; Russian spiritual mission; Nikolay (Kasatkin)

For citation: Biryukova, K. V. (2025), "Tokyo spiritual mission during the Russo-Japanese War", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 180-188, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-4

Введение

Русско-японская война представляет собой огромное исследовательское поле, и исследования российских дальневосточных духовных миссий постоянно расширяются. Среди них стоит упомянуть посвященные Китайской православной церкви монографии В.Г. Дацышена (Дацышен, 2010; Дацышен, 2011), ряд публикаций о православии в Корее Т.М. Симбирцевой (Симбирцева, 2001a: 261-301; Симбирцева, 2000a: 42-56; Симбирцева, 2000b: 160-164; Симбирцева, 2001b: 268-275); относящуюся непосредственно к теме нашего исследования монографию Э.Б. Саблиной об истории японской Церкви (Саблина, 2006). Защищались и диссертации (Андреева, 2001; Чо Чо Хван, 1997; Шубина, 1998), в том числе и посвященные японской духовной миссии (Боголюбов, 2004), исследующие судьбы миссий в целом или в каком-то отдельном аспекте, и ряд других.

Как видно, в этой области представлены в основном макроисторические исследования, и выбранный для статьи личностный, микроисторический ракурс придает ей научную новизну.

Статистические данные о Миссии за 1903–1904 гг. выражаются в следующих цифрах: в Японии на то время было 260 православных христианских общин, общее число православных составляло 28 597 человек. Японских православных возглавлял епископ, духовное окормление осуществляли 28 священников, 7 диаконов и 12 причетников. Священники и диаконы поставлены из числа местного населения. Отдельно отчет упоминает проповедников, которых насчитывалось 151 (Всепопданнейший отчет..., 1909: 159).

При миссии работали образовательные учреждения, иконописная мастерская, велась переводческая и издательская деятельность (Всепопданнейший отчет..., 1909: 160).

Во «Всепопданнейшем отчете обер-прокурора...» за 1905–1907 гг. сведения о работе дальневосточных миссий отсутствуют (Всепопданнейший отчет..., 1910).

Большинство исследователей видят причины войны в «столкновении двух амбициозных империй – русской и японской» (Фролов, 2014: 176). Предвоенная атмосфера становилась все более напряженной. В январе 1904 г. арестовали православного японца Григория Такахаси, служившего переводчиком у российского морского агента А.И. Русина в Иокогаме, по обвинению в шпионаже в пользу русских. Его приговорили к восьми годам заключения (Дневники..., 2004a: 11/24.02.1904). Появились слухи о готовящемся погроме Миссии, было совершено нападение на редакцию «Нироко-симбун» (Дневники..., 2004a: 16/19.01.1904).

Миссия в годы войны

С началом войны российское посольство покидает Японию. Владыка Николай решает остаться, но отказывается от участия в общественном богослужении, поскольку во время него возносятся молитвы за японского Императора и его войско. Это выглядело бы неискренне для обеих сторон (Дневники..., 2004a: 25.01/07.02.1904). Православным японцам как патриотам

он считает правильным молиться за богослужением о победе японского войска и совершать благодарственные молебны по случаям этих побед. Например, после побед при Мукдене (Дневники..., 2004b: 06/19.03.1905) и Цусиме (Дневники..., 2004b: 18/31.05.1905).

В этот период Миссия и православные японцы были под подозрением. «Ро-тан», «русский шпион» – стало распространенным обвинением. Пришлось отказаться от мысли предложить знающих русский японцев из числа сотрудников и учеников Миссии в качестве военных переводчиков. Тогда сотрудники семинарии предложили за свой счет издать русско-японский разговорник тиражом 10 000 экз. и передать военным (Дневники..., 2004a: 27.01/09.02.1904).

Японские власти обеспечили Миссии круглосуточную охрану, благодаря чему «даже ни одного стекла не разбито японскими патриотами» (Дневники..., 2004a: 02/15.06.1904), – с благодарностью свидетельствует о. Николай.

В феврале 1904 г. православные японцы в Хакодате как русские шпионы были выселены из своих домов (Дневники..., 2004a: 30.01/02.02.1904). Появляются слухи, что срок аренды земли, на которой расположены постройки Миссии, заканчивается в текущем году (Дневники..., 2004a: 22.02/06.03.1904). Одной из острых проблем была нехватка жалованья: содержание для Миссии из России никак не приходило (Дневники..., 2004a: 12/25.05.1904). В связи с этим обсуждается вопрос, чтобы верующие на местах содержали своего священника за свой счет.

Прежде дружественные иностранцы стали «чуждаться русских» (Дневники..., 2004a: 17.02/01.03.1904), а тон публикаций в прессе, особенно британской, становится все более неприязненным. Приходится опровергать и искаженное представление о том, что глава Русской церкви – Российский Император, и он использует Церковь в своих интересах.

13 апреля 1904 г. погиб адмирал С.О. Макаров, поддерживавший Миссию. «Я лично люблю японцев, может быть, даже больше, чем другие, но все же они были для меня посторонние люди, покамест я не увидел их в православной церкви» (Макаров, 1889: 5), – пишет он в 1889 г.

Основной задачей Миссии в этот период стала забота о русских военнопленных. Первый в Японии лагерь военнопленных был открыт в Мацуяме. Впоследствии многие регионы выразили желание принять у себя русских, поскольку это оживляло торговлю (Курата, 2010: 73). Всего действовало 29 лагерей (Курата, 2010: 71). «Самый маленький по числу пленных лагерь в Сидзуока (по 60 солдат и офицеров), самый большой в Осака – 17 597 чел.» (Шугалей, 2004: 98). В дневниках владыки Николая упоминаются многие из этих лагерей и служащие в них священники и диаконы японцы. Для удобства представим информацию в форме таблицы (табл.).

Таблица

Священнослужители в японских лагерях военнопленных

Table

Clergymen in Japanese prisoner of war camps

Лагерь / War camp	Священнослужители / Priests and deacons
Осака	
Мацуяма	из Осаки направили о. Сергия Судзуки
Тенгачая	
Кобе	
Хаматера	о. Алексей Савабе
Фукуцияма	о. Павел Морита
Сидзуока	о. Павел Марита из храма в Маебаси о. Симеон Мии

	о. Матфей Кагета
Маругаме	из Осаки направили о. Сергия Судзуки о. Василий Нобори
Нагоя	о. Павел Марита из храма в Маебаси
Фукуцияма	совершал, видимо, рождественскую литургию о. Петр Уцияма
Даири на Киусиу	о. Андрей Метоки
Ниносима	о. Петр Ямагаки
Ямагуци	о. Петр Ямагаки
Тоёхаси	
Фусими	
Оцу	
Каназава	
Такасаки	
Седай	
Дзенцуудзи	о. Фома Маки
Тоофукидзи	
Нарасино	
Хиросаки	иерей Борис Ямамура и диакон Моисей Сираива
Акита	иерей Борис Ямамура и диакон Моисей Сираива
Кумамото	
Ямагата	иерей Борис Ямамура и диакон Моисей Сираива

Священники и сотрудники Миссии приняли решение ежемесячно передавать 1 % своего жалования в пользу служащих у русских военнопленных в Судзуки и Морита (Дневники..., 2004а: 08/21.07.1904).

К августу 1904 г. на фоне побед японцев «в Токио уже составилось общество на акциях для эксплуатации в Манчжурии и Корее – так уверены японцы в завладении Манчжурией и Кореей» (Дневники..., 2004а: 01/14.08.1904) – свидетельствует о. Николай.

Некоторые сотрудники и учащиеся Миссии были призваны на военную службу. Среди них учащийся семинарии Павел Аоки, преподаватель семинарии Петр Уцияма.

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев присылает книги. Множество посылок с книгами и периодикой приходит от адмиральши М.И. Чухниной. Часть книг владыка Николай рассылает из запасников миссийной библиотеки. В Рождество 1905 г. епископ Николай разослал военнопленным специально заказанные «волшебные фонари» с картинками из Священной истории. Посылают также иконы, нательные крестики, свечи.

В январе 1905 г. через французское посольство стало известно, что японские власти разрешили русским священникам остаться вместе с командами пленных из Порт-Артура. А несколько дней спустя решение было изменено. По данным газет, число русских пленных на тот момент составляло около 39 150, и священников Миссии для них, конечно, не хватало (Дневники..., 2004b: 06/19.01.1905).

Письма и фотографии от военнопленных и рассказы очевидцев свидетельствуют о достойном обращении с ними (Дневники..., 2004b: 14/27.01.1905; 29.01/11.02.1905), но это, безусловно, отдельные субъективные свидетельства.

В конце мая 1904 г. с разрешения Министерства сухопутных войск Японии было сформировано Общество духовного утешения военнопленных, секретарем которого стал Василий Ямада. Подробно деятельность этого Общества и духовное окормление русских военнопленных в лагерях исследует Л.В. Жукова (Жукова, 2006: 79-89). В его деятельности

участвовали не только православные, но и представители других христианских конфессий, и буддисты (Поздняков, Догадов и Гайфие, 2025: 20).

Летом 1904 г. японец Ямазаки Мицуаки основал Общество сочувствующих военнопленным с целью оказывать им возможную помощь (Дневники..., 2004а: 30.05/12.06.1904), но позже выяснилось, что он неблагонадежен (Дневники..., 2004а: 08/21.07.1904).

В апреле 1905 г. военнопленные размещены уже в 22 местах (Дневники..., 2004b: 09/22.04.1905). По сведениям из японского Военного министерства, пленных «по 28-е февраля нового стиля было: 38 358 чел[овек]» (Дневники..., 2004b: 26.02/11.03.1905).

Конечно, пленным нужно было дать какое-то занятие. В Фукуцияме, например, решили устроить театр. В Нагое (Дневники..., 2004b: 18/31.03.1905), Тоёхаси, Судзуоке (Дневники..., 2004b: 22.03/04.04.1905) организовали обучение грамоте. Миссия отправляет туда учебные пособия.

Для русских в лагере Хаматера власти соседнего города Сакае решили построить три часовни (лагерь делился на три части). Предполагалось, что они будут открываться, чтобы все могли видеть совершение богослужения (Дневники..., 2004b: 03/16.03.1905). В часовнях разместили иконы из Порт-Артура и торжественно освятили их в конце марта – начале апреля 1905 г. (Дневники..., 2004b: 22.02/04.04.1905).

В 1905 г. недостаток средств ставит под вопрос набор учащихся в семинарию (Дневники..., 2004b: 14/27.01.1905; 09/22.03.1905).

На апрель 1905 года в Японии около 60 000 русских военнопленных, размещенных в 22 местах. Их духовное окормление совершают 10 священников Японской миссии (Дневники..., 2004b: 09.04/03.05.1905).

Среди военнопленных нашлись художники-иконописцы, для них отправляют необходимые материалы (Дневники..., 2004b: 11/24.06.1905). Одному из них о. Николай предлагает остаться в Японии и расписать собор (Дневники..., 2004b: 13/26.010.1905).

Несмотря на собственную нужду, военнопленные собирают пожертвования для Миссии на приобретение в России икон, чтобы оставить их на память Японской церкви, на сооружение иконостасов в лагерях в Нагое (Дневники..., 2004b: 17/30.01.1905), госпитале в Мацуяме, в Хигаси-Хонгвандзи и Ниси-Хонгвандзи (Дневники..., 2004и: 03/16.03.1905), в Тоёхаси. А в Сидзуоке задумали построить храм и оставить на память о себе японским христианам (Дневники..., 2004b: 13/26.06.1905), но земля в городе очень дорогая. Одной из инициатив был сбор средств на нателный крест в подарок наследнику-цесаревичу.

Летом 1905 г. проходит традиционный ежегодный собор Японской церкви.

А в августе появляется новая волна пленных с Сахалина. «По японским сведениям, из 73 000 русских военнопленных 4 863 (в т. ч. 103 офицера) были взяты в плен и направлены из Корсакова в порт Аомори и далее – в разные лагеря, как, например, в Хиросаки, Акита, Сэндай, Нарасино, Хамадэра, Нагоя и др.» (Курата, 2010: 73). «В лагере в Хиросаки были размещены русские офицеры, в городе жили их жены и дети» (Курата, 2010: 84). Особенность этого контингента пленных в том, что часть его представляли бывшие каторжники и ссыльнопоселенцы.

Для русских военнопленных в лагерях в Хиросаки, Ямагате и Аките служили иерей Борис Ямамура и диакон Сираива (Курата, 2010: 79).

В августе 1905 г. японские власти запрещают о. Алексею Савабе и о. Петру Ямагаки служить у русских военнопленных (Дневники..., 2004b: 02/15.08.1905).

Затяжная война истощила ресурсы обеих стран (Горелов, 2012: 38).

В конце августа приходит известие о заключении мира, но особой радости не приносит (Дневники..., 2004b: 17/30.08.1905). Его условия вызывали много критики. В Японии тоже не

все были удовлетворены условиями мира и подбивали общественность к выражению недовольства, что вылилось в беспорядки.

Меж тем в России нарастают революционные события. Революционные настроения распространяются и среди военнопленных, что приводило к конфликтам между ними, до драк и беспорядков, как, например, в Хаматере (Дневники..., 2004b: 28.10/10.11.1905) и Куамото (Дневники..., 2004b: 15/28.11.1905).

Некоторые исследователи видят в итогах Русско-японской войны предпосылки последующего нарастания японского милитаризма и рассматривают этот конфликт как начало антиколониальных процессов в Азии (Еремеев, 2023: 76).

Захоронения русских воинов, погибших в боях и умерших в плену, разбросаны по территории Китая, Японии и даже Кореи. После войны была проведена большая работа по их переносу и упорядочиванию, что составляет отдельную тему для исследования (Шугалей, 2004: 96-101).

Заключение

Русско-японская война стала серьезным испытанием для Духовной миссии Русской православной церкви в Японии.

Горечь поражений, недостаток средств, перебои с финансированием, ограничения со стороны японских властей существенно затрудняли работу Миссии. Кроме того, сотрудники Миссии и связанные с ней люди подозревались японскими властями в шпионаже в пользу русских и порой подвергались преследованиям. С другой стороны, местные власти обеспечили охрану территории Миссии.

Некоторые ученики и сотрудники Миссии были призваны на воинскую службу.

Основной заботой Миссии стала поддержка русских военнопленных. Возглавлявший Миссию епископ Николай (Касаткин) отмечает, что все остальные задачи Миссии отошли на второй план.

В 29 лагерях военнопленных служили около 10 русскоговорящих священников-японцев из числа сотрудников Миссии. Конечно, это крайне мало для такого количества военнопленных. Эти богослужения не только являлись им духовным утешением, но и знакомили наблюдавших за ними японцев с русским православием.

Помимо совершения богослужений, в большом количестве рассылались посылки с самым необходимым.

Положение в лагерях осложнялось распространением среди русских военнопленных революционной пропаганды.

После окончания войны русские военнопленные покидают Японию, и жизнь Миссии возвращается в привычное русло.

Не будет преувеличением сказать, что Миссия оказала огромную поддержку пленным соотечественникам и достойно прошла выпавшее на ее долю испытание.

Источники

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы (1909), Синодальная типография, Санкт-Петербург.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы (1910), Синодальная типография, Санкт-Петербург.

Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. V (с 1904 по 1912 годы). Ч. 2 (2004a), сост. К. Накамура, Гиперион, Санкт-Петербург [Электронный ресурс], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevnik-tom-v/1 (дата обращения: 22.07.2025).

Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. V (с 1904 по 1912 годы). Ч. 3 (2004b), сост. К. Накамура, Гиперион, Санкт-Петербург [Электронный ресурс], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevnik-tom-v/2 (дата обращения: 22.07.2025).

Макаров, С. О. (1889), *Православие в Японии: Письмо к другу*, Синодальная типография, Санкт-Петербург.

Литература

Андреева, С. Г. (2001), *Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений, 1715–1917 гг.*, дис. ... канд. ист. наук, Москва. EDN: NLYCJZ

Бертова, А. Д. (2013), *Христианство в Японии: опыт историко-религиоведческого анализа*, дис. ... канд. филос. наук, Санкт-Петербург. EDN: SUWJYV

Боголюбов, А. М. (2004), *Российская Духовная Миссия в Японии в конце XIX – нач. XX вв.*, дис. ... канд. ист. наук, Санкт-Петербург. EDN: NMZEDR

Гавриков, А. А. (2012), *Публицистическая деятельность членов российской духовной миссии в Японии как канал русско-японской межкультурной коммуникации: 1860-е – 1917 г.*, дис. ... канд. ист. наук, Иркутск. EDN: QFWFID

Горелов, Ю. П. (2012), «Последние месяцы Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Портсмутский мир», *Вестник КемГУ*, 1(4(52)), 36-39.

Гречко, Ю. В. (2024), «Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на миссионерское служение и богословские воззрения святителя Николая Японского (по его дневникам)», *Гуманитарное пространство. Международный альманах*, 13(4), 310-328. DOI: 10.24412/2226-0773-2024-13-4-310-328; EDN: HRRLJB

Дацышен, В. Г. (2010), *История Российской Духовной Миссии в Китае*, Православное братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, Гонконг. EDN: PZXNRB

Дацышен, В. Г. (2011), *Митрополит Иннокентий Пекинский*. Православное братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, Гонконг. EDN: VNZKHD

Еремеев, А. А. (2023), «Значение Русско-японской войны в судьбе Японии и Азии в XX веке», *Исторический журнал: научные исследования*, 3, 75-83. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.3.40551; EDN: NHWCMQ

Жукова, Л. В. (2006), «Обеспечение отправления религиозных обрядов русским военнопленным в Японии», *Вестник РУДН. Серия «История России»*, 3(71), 79-88. EDN: LRIUPX

Курата, Ю. (2010), «Лагерь русских военнопленных в Хиросаки и факты из жизни Хрисанфа Платоновича Брича», *Известия Восточного института*, 16, 71-88. EDN: NCJDFH

Поздняков, А. В., Догадов, В. Д. и Гайфиев, А. Н. (2025), «Религиозные институты России и Японии в контексте русско-японских отношений до 1930-го года», *Science Time*, 4(135), 14-23. EDN: MRVSAR

Саблина, Э. Б. (2006), *150 лет Православия в Японии: история Японской Православной Церкви и ее основатель архиепископ Николай*, АИРО-XXI; Дмитрий Буланин, Москва; Санкт-Петербург.

Симбирцева, Т. М. (2001а), «Из истории христианства в Корее (к столетию православия)», *Российское корееведение: Альманах. Вып. 2*, Муравей, Москва, 261-301.

Симбирцева, Т. М. (2000а), «К 100-летию православия в Корее», *Этнографическое обозрение*, 5, 42-56.

Симбирцева, Т. М. (2000б), «Патриарх Православной Церкви в Корее архимандрит Хрисанф (1869–1906): его дела и время», *Христианство на Дальнем Востоке: Материалы международной научной конференции 19-21 апреля 2000 г., Владивосток Ч. I*, Изд-во Дальневост. ун-та, Владивосток, 160-164.

Симбирцева, Т. М. (2001б), «Проблемы изучения и некоторые особенности современной православной церкви в Корее», *Проблемы истории, филологии, культуры*, 11, 268-275.

Фролов, И. А. (2014), «Причины Русско-японской войны 1904–1905 гг.», *Власть*, 7, 173-176. EDN: SHWOIF

Чо Чон Хван (1997), *Русская православная миссия в Корее*, дис. ... канд. ист. наук, Москва.

Шубина, С. А. (1998), *Русская Православная Миссия в Китае, XVIII – начало XX вв.*, дис. ... канд. ист. наук, Ярославль. EDN: ZKEKZP

Шугалей, И. Ф. (2004), «Воинские захоронения Русско-японской войны в Китае, Корее и Японии», *Россия и АТР*, 2(44), 96-101. EDN: HPNDQF

Sources

Vsepoddanneyshey otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1903-1904 gody (1909) [The most loyal report of the Chief Prosecutor on the department of Orthodox confession for 1903–1904], Synodal Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Vsepoddanneyshey otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905-1907 gody (1910) [The most loyal report of the Chief Prosecutor on the department of Orthodox confession for 1905–1907], Synodal Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo: V 5 t. T. V (s 1904 po 1912 gody). Ch. 2 (2004a) [Diaries of St. Nicholas of Japan: In 5 vols. Vol. V (from 1904 to 1912). P. 2], Compiled by Nakamura, K., Giperion, St. Petersburg, Russia [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevniky-tom-v/1 (Accessed 22 July 2025) (in Russ.).

Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo: V 5 t. T. V (s 1904 po 1912 gody). Ch. 3 (2004b) [Diaries of St. Nicholas of Japan: In 5 vols. Vol. V (from 1904 to 1912). P. 3], Compiled by Nakamura, K., Giperion, St. Petersburg, Russia [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevniky-tom-v/2 (Accessed 22 July 2025) (in Russ.).

Makarov, S. O. (1889), *Pravoslavie v Yaponii: Pismo k drugu* [Orthodoxy in Japan: A letter to a friend], Synodal Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

References

Andreyeva, S. G. (2001), *Beijing spiritual mission in the context of Russian-Chinese relations, 1715–1917*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: NLYCJZ

Bertova, A. D. (2013), *Christianity in Japan: the experience of historical and religious analysis*, Ph.D. Thesis, St. Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: SUWJYV

Bogolyubov, A. M. (2004), *Russian Spiritual Mission in Japan in the late XIX – early XX centuries*, Ph.D. Thesis, St. Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: NMZEDR

Cho Chon Khvan. (1997), *Russian Orthodox mission in Korea*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia (in Russ.).

Datsyshen, V. G. (2010), *Istoriya Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Kitaye* [History of the Russian Spiritual Mission in China], Publishing House of the Orthodox Brotherhood of the Holy Apostles Peter and Paul, Hong Kong, China (in Russ.). EDN: PZXNRB

Datsyshen, V. G. (2011), *Mitropolit Innokentiy Pekinskiy* [Metropolitan Innocent of Peking], Publishing house of the Orthodox Brotherhood of the Holy Apostles Peter and Paul, Hong Kong, China (in Russ.). EDN: VNZKHD

Eremeev, A. A. (2023), “The significance of the Russo-Japanese war in the fate of Japan and Asia in the XX century”, *History Magazine – Researches*, 3, 75-83 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0609.2023.3.40551; EDN: NHWCMQ

Frolov, I. A. (2014), “Causes of the Russo-Japanese War of 1904–1905”, *Vlast' [Power]*, 7, 173-176 (in Russ.). EDN: SHWOIF

Gavrikov, A. A. (2012), *Journalistic activities of members of the Russian spiritual mission in Japan as a channel of Russian-Japanese intercultural communication: 1860s-1917*, Ph.D. Thesis, Irkutsk, Russia (in Russ.). EDN: QFWFID

Gorelov, Yu. P. (2012), “The last months of the Russo-Japanese War (1904-1905). Peace of Portsmouth”, *Bulletin of Kemerovo State University*, 1(4(52)), 36-39 (in Russ.).

Grechko, Yu. V. (2024), “Influence of the Russo-Japanese War of 1904-1905 on missionary service and theological views of St. Nicholas of Japan (according to his diaries)”, *Humanity space. International almanac*, 13(4), 310-328 (in Russ.). DOI: 10.24412/2226-0773-2024-13-4-310-328; EDN: HRRLJB

Kurata, Yu. (2010), “Russian prisoner of war camp in Hirosaki and facts from the life of Chrysanthus Platonovich Brich”, *Oriental Institute Journal*, 16, 71-88 (in Russ.). EDN: NCJDFH

Pozdnyakov, A. V., Dogadov, V. D. and Gayfiev, A. N. (2025), “Religious institutions of Russia and Japan in the context of Russian-Japanese relations until 1930”, *Science Time*, 4(135), 14-23 (in Russ.). EDN: MRVSAR

Sablina, E. B. (2006), *Istoriya Yaponskoy Pravoslavnoy Tserkvi i yeyo osnovatel arkhiepiskop Nikolay* [History of the Japanese Orthodox Church and its founder Archbishop Nicholas], AIRO-XXI; Dmitry Bulanin, Moscow; St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shubina, S. A. (1998), *Russian Orthodox Mission in China, XVIII – early XX centuries*, Ph.D. Thesis, Yaroslavl, Russia (in Russ.). EDN: ZKEKZP

Shugaley, I. F. (2004), “Military graves of the Russo-Japanese War in China, Korea and Japan”, *Russia and the Pacific*, 2(44), 96-101 (in Russ.). EDN: HPNDQF

Simbirtseva, T. M. (2000a), “On the 100th anniversary of Orthodoxy in Korea”, *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 5, 42-56 (in Russ.).

Simbirtseva, T. M. (2000b), “Patriarch of the Orthodox Church in Korea Archimandrite Chrysanthus (1869-1906): his deeds and time”, *Khristianstvo na Dalnem Vostoke: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 19-21 aprelya 2000 g., Vladivostok. Ch. I* [Christianity in the Far East: Proceedings of the International Scientific Conference, April 19-21, 2000, Vladivostok, P. I], Far Eastern University Publishing House, Vladivostok, Russia, 160-164 (in Russ.).

Simbirtseva, T. M. (2001a), “From the history of Christianity in Korea (to the centenary of Orthodoxy)”, *Rossiyskoye koreyevedeniye: Almanakh. Vyp. 2* [Russian Korean Studies: Almanac. Iss. 2], Muravey, Moscow, Russia, 261-301 (in Russ.).

Simbirtseva, T. M. (2001b), “Problems of study and some features of the modern Orthodox Church in Korea”, *Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 11, 268-275 (in Russ.).

Zhukova, L. V. (2006), “Ensuring the administration of religious rites to Russian prisoners of war in Japan”, *RUDN Journal of Russian History*, 3(71), 79-88 (in Russ.). EDN: LRIUPX

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Бирюкова Кристина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций, Московский технический университет связи и информатики, ул. Авиамоторная, д. 8а, г. Москва, 111024, Россия; kristina_biryuko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kristina V. Biryukova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications, Moscow Technical University of Communications and Informatics, 8a Aviamotornaya St., Moscow, 111024, Russia; kristina_biryuko@mail.ru

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 172:502.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Хен Ю. В. | Сумерки экологического сознания

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; hen@iph.ras.ru

Аннотация. В статье развивается мысль о том, что экологический кризис является порождением сознания, и в действительности человеческая деятельность не оказывает существенного воздействия на планетарные процессы в силу несоизмеримости масштабов. Показывается, что ощущение надвигающейся катастрофы, деградации окружающей среды, массового вымирания видов и всеобщего апокалипсиса, которые последние пятьдесят лет усиленно внедряются в общественное сознание экологами, в значительной мере обусловлены спецификой человеческой «оптики», основанной на стремлении контролировать планетарные процессы, которые очевидным образом человечеству неподвластны. Перенесение акцента на негативные аспекты антропогенного воздействия на природу можно назвать «сумерками экологического сознания» (метафора навеяна «темной экологией» Тимоти Мортон). В заключении выражается надежда на то, что эти сумерки – предрассветные и экология будущего станет более взвешенной и адекватной и перестанет быть постоянным источником эсхатологических настроений.

Ключевые слова: глубинная экология; интегральная экология; экотеология; темная экология; экоскептицизм; массовое вымирание; О. Леопольд; Т. Мортон; качественная демография

Для цитирования: Хен, Ю. В. (2025), «Сумерки экологического сознания», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 189-199. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Yu. V. Khen | The Twilight of Environmental Consciousness

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; hen@iph.ras.ru

Abstract. The article develops the idea that the ecological crisis is a product of consciousness and in fact human activity does not have a significant impact on planetary processes due to the incommensurability of the scale of nature and civilization. It is shown that the feeling of impending catastrophe, environmental

degradation, mass extinction of species and a general apocalypse, which have been intensively implanted in the public consciousness by eco-activists over the past fifty years, is largely due to the specifics of human “optics” based on the desire to control planetary processes that are obviously beyond the control of humanity. Shifting the emphasis to the negative aspects of anthropogenic impact on nature can be called the “twilight of environmental consciousness” (the metaphor is inspired by “Timothy Morton's dark ecology”). In conclusion, the hope is expressed that this twilight is pre-dawn and the ecology of the future will become more balanced and adequate and will cease to be a source of eschatological moods.

Keywords: deep ecology; integral ecology; eco-theology; dark ecology; eco-skepticism; mass extinction; O. Leopold; T. Morton; qualitative demography

For citation: Khen, Yu. V. (2025), “The Twilight of Environmental Consciousness”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 189-199, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Трудно назвать более междисциплинарную сферу человеческой деятельности, чем экология. Она стартовала с признания разрушительности технологического развития для окружающей среды, но постепенно втянула в свою сферу все отрасли культуры и разрослась от незатейливых природоохранных инициатив до «гиперобъекта» в понимании Т. Мортон (Мортон, 2019а), т. е. того специфического мозгового конструкта, который включает в себя все элементы культуры и цивилизации, до которых может «дотянуться» (этику, эстетику, религию, науку, политику, экономику и т. д.), и становится определяющим фактором картины мира, самым существенным образом влияющим на понимание места человека в мире и направляющим принятие им генеральных решений. Человечество, породившее сей конструкт (и само по себе являющееся гиперобъектом), будучи не в силах охватить этот грандиозный феномен ограниченным сознанием, целиком и полностью находится под его влиянием, буквально живет внутри него. Присутствие гиперобъектов в жизни людей отражается, в частности, в том, как изменилась тональность экологических выступлений – от ностальгической грусти по исчезающим лесам и прериям (О. Леопольд) на заре «зеленого» движения до истерических выступлений в духе Греты Тунберг современных эоактивистов. Эта метаморфоза, многократно превышающая суммарный урон, нанесенный природе за прошедшие сто лет, дает основание предполагать, что «экологический кризис» – это не столько отражение реального ущерба, нанесенного природе промышленным развитием, сколько порождение особым образом переориентированного «экологического» сознания.

Природоохранное движение как самостоятельное явление начало оформляться в конце девятнадцатого века. Именно тогда возникают первые общества по охране животных, вырастающие из понимания разрушительного характера человеческой деятельности для охотничьих хозяйств и «дикой природы», создаются первые природоохранные зоны, а в сознании людей укореняется мысль об ответственности за хищническое потребление природных ресурсов, а также о том, что этими богатствами можно и нужно управлять, чтобы они приносили наибольшую пользу человечеству.

Разумеется, не обошлось без ошибок и «перегибов», поскольку авторам природоохранных проектов еще только предстояло понять, насколько хрупкими являются межвидовые отношения и как тесно увязано одно с другим внутри природных биоценозов. Первые «охранные грамоты» касались отдельных видов растений и животных, но не биоценозов в целом. И все это были виды, имевшие хозяйственное значение. На базе представлений о потребительской пользе отдельных видов дикой фауны постепенно

утвердилось мнение, что хищники вредны для охотничьих угодий, поскольку негативно влияют на поголовье промысловых животных, и с ними надо бороться как с конкурентами человека. Как пишет Олдо Леопольд, «в те дни нам еще не доводилось слышать, что можно увидеть волка и не убить его» (Леопольд, 1983: 125).

Именно О Леопольд, профессиональный лесничий, охотовед, профессор Висконсинского университета, автор фундаментального труда «Управление дичью», сохраняющего актуальность по сей день, стал выразителем идеи о необходимости охраны не отдельных видов, а природной среды в целом. «Охота на волков», свидетелем которой он стал, немало способствовала оформлению его взглядов, а любовь к природе, наблюдательность и литературный талант помогли донести мысль о хрупкости природы до миллионов читателей по всему свету. Его «Календарь песчаного графства» (1949 г.) выдержавший множество переизданий, до сих пор пользуется популярностью. В этой примечательной книге, кроме интереснейших фенологических наблюдений, представлена и совершенно революционная для своего времени мысль о том, что в экологии помимо привычного антропоцентризма возможен и другой взгляд на тварный мир. Потому что, «если думать, как гора», а не как охотник на оленей, то вред и польза, причиняемые окружающей среде, предстанут в совершенно ином свете. Примитивная логика охотника утрачивает очевидность, и приходит понимание того, что сиюминутная выгода ведет к существенным потерям в долгосрочной перспективе.

«Я был тогда молод и болен охотничьей лихорадкой», – пишет О. Леопольд. – «Раз меньше волков, то больше оленей, думал я, а значит полное истребление волков создаст охотничий рай... С тех пор мне довелось видеть, как штат за штатом избавился от своих волков. Я наблюдал за очищенными от волков горами и видел, как их южные склоны покрываются рубцами и морщинами новых оленьих троп. Я видел, как все съедобные кусты и молоденькие деревья ошипывались, некоторое время кое-как прозябали, а потом гибли <...> А потом приходит голод, и кости погибших от собственного избытка оленьих стад, о которых мечтали охотники, белеют на солнце, смешиваясь с прахом шалфея, или тлеют под можжевельниками без нижних ветвей» (Леопольд, 1983: 126).

Автор приходит к заключению, что гора «боится» оленей так же, как олени боятся волков. Слишком много оленей – так же плохо для экосистемы, как их отсутствие. «Думая, как гора», получаешь возможность видеть все устройство биоценоза целиком и понимаешь, сколько и каких ресурсов ты можешь взять у природы без опасения, что в результате твоей деятельности на гору «придет голод». Основываясь на личном опыте лесничего, О. Леопольд ввел понятие «емкость угодий», которое по сей день является базовым для охотоведения.

Экологическое движение, однажды начавшись, стремительно расширялось. Проблемы сохранения окружающей среды множились лавинообразно. Это происходило не только потому, что хищническое потребление ресурсов набирало обороты, но и вследствие привлечения внимания общественности к отдельным экологическим проблемам. Информация такого рода не могла не повергать в ужас впечатлительных людей, внимание которых сосредоточивалось то на озоновых дырах, то на проблеме пластиковых стаканчиков, то на глобальном потеплении, изменении океанических течений, «углеродном следе» фермерских хозяйств и т. д. Фактически каждые пару лет в сферу внимания эоактивистов попадает какой-нибудь очередной аспект человеческой деятельности, приближающий наступление экологического апокалипсиса. При этом, как пишет Тимоти Мортон, «книги по экологии зачастую представляют собой непролазные дебри информации, успевающие устареть, пока книга попадет вам в руки» (Мортон, 2019b: 5). «Факты постоянно устаревают, особенно экологические факты, а из числа последних с особенно большой скоростью устаревают факты о глобальном потеплении, которые славятся своей многомерностью: ведь они существуют на разных шкалах времени и в самых разных сценариях» (Мортон, 2019b: 15). В книге «Стать экологичным» Т. Мортон называет тот способ, которым до нашего сведения доводятся

экологические факты, *информационным навалом*, делая таким образом отсылку к свалке, где трудно найти полезную вещь, даже если она там имеется. Кроме того, не будем забывать, что смысл фактам сообщают теории, сами по себе они мало что значат. А экологические факты подаются таким образом, чтобы они вызывали потрясение сами по себе, вне контекста. Так мольеровский «мещанин во дворянстве», узнав, что всю жизнь разговаривал прозой, начинает иначе воспринимать не только свою повседневную речь, но и себя и свое место в мире.

В стремлении охватить все факторы, наносящие вред окружающей среде, экологические теории становятся все более глобальными и агрессивными. Человек утрачивает статус венца творения, и его интересы перестают быть приоритетными. Одновременно расширяется сфера приложения экологических подходов, и для их осуществления требуется привлечение все большего количества наук и областей знания. Экология усложняется, внутри нее множатся концепции.

Глубинная экология норвежского философа Арне Несса (1972 г.) делает упор на самостоятельной ценности всех живых существ, независимо от того, приносят ли они пользу человеку. Социальная экология Эдуардо Гудинаса вводит в сферу экологии «человеческие системы» (мужчин, женщин, детей, этнические группы, классы) и «цивилизационные системы» (города, фабрики и т. п.), которые он предлагает рассматривать как равноправный с «природными системами» (джунгли, пустыни, равнины) фактор, также являющийся частью окружающей среды и участвующий в ее формировании.

Интегральная экология развивает сходные идеи и провозглашает холистический взгляд на вопросы экологии, включающий помимо природных аспектов проблемы человека и общества, такие, например, как бедность. Экология все дальше отходит от своей исходной задачи – сохранения дикой природы, все более концентрируясь на человеке. Одновременно провозглашается принцип равенства прав человека и животных.

Сам термин «интегральная экология» пришел из пятидесятых годов прошлого века, но современное звучание ему придал католический священник Леонардо Бофф. Он отмечает, что сегодня нередко приходится слышать о самых различных кризисах – экологическом, энергетическом, социальном, моральном, экономическом, о кризисе в системе образования и т. п. «На самом же деле все эти частные кризисы суть части огромного кризиса общества, которое мы создали за последние четыре столетия». (Бофф, 1997). Сборник статей, из которого взята эта цитата, носит говорящее название «Экотеология», указывающее на то, что не только наука озабочена состоянием окружающей среды, но и религиозные деятели тоже намерены принять участие в решении глобальных проблем современности. Правда, судьба самого Л. Боффа показывает, насколько трудно это бывает сделать ортодоксальному священнику. Чтобы иметь возможность продолжать публично выражать свои оригинальные взгляды, не вполне совпадающие с официальной позицией Церкви, ему пришлось отречься от сана. Позже официальный курс был скорректирован, да так основательно, что идеи Л. Боффа были взяты за основу Папой Римским Франциском при составлении «экологической» энциклики (2015).

Центральная идея Боффа состоит в том, что классическая экологическая тематика не включает в себя социальный аспект, из-за чего все ее призывы и усилия как бы повисают в воздухе. Со своей стороны, теология, погруженная в собственные теории, полностью игнорирует нарастающие проблемы окружающей среды, которыми живет современный человек. «Сегодня действительно необходимо согласовать в единое целое все эти аспекты. За угнетением народов и дискриминацией личности со стороны правящих классов стоит та же логика, которая вдохновляет эксплуатацию природы. Эта логика стремится к непрерывному и ускоренному прогрессу и промышленному развитию, видя в них средства создания условий, необходимых для счастья людей. Такой способ достижения счастья разрушает сами основы существования природы и людей, без которых невозможно и счастье» (Бофф, 1997).

Представляя современные экологические теории, невозможно не упомянуть «темную экологию» Тимоти Мортон. Поясняя, откуда взялось столь интригующее название, автор

ссылается на то, что в его экологии света не больше, чем в Норвегии зимним днем. Автор призывает не идеализировать природу, а воспринимать ее как реальную данность, не лишённую темных аспектов. В отличие от традиционного представления об экологии как гармоничном и сбалансированном явлении, Мортон указывает на то, что основная характеристика экологического сознания – это тревожность, озабоченность по поводу будущего, относительно которого не стоит строить иллюзий, потому что никакие утопии, скорее всего, не удастся реализовать. Темная экология призывает не противопоставлять человека природе, поскольку они неразделимы, причем человек в мортонской трактовке предстает не в привычном облике «социального животного», а в виде некоего конгломерата. «“Человек” – это я плюс мои нечеловеческие протезы и симбионты, такие как мой бактериальный микробиом и технологические гаджеты, сущность, которую нельзя заранее обозначить четким, жестким контуром или строго отграничить от симбиотического реального» (Мортон, 2022: 78).

По факту, мортонская теория – это синтез экологии, философии и искусства, отрицающий разделение на природу и человека. Связи настолько тесные, что глубина взаимопроникновения этих сфер просто не позволяет рассматривать их по отдельности. И в этом комплексе интересы «рода человеческого» утрачивают первоочередное значение. «Экологическое сознание подрывает нашу веру в антропоцентрическую идею, согласно которой есть одно мерило для всех остальных, один масштаб, и не какой-нибудь, а именно человеческий... Сегодня нам известно, что экологическое сознание означает этическое и политическое мышление и действие во множестве масштабов, а не в одном-единственном» (Мортон, 2019b: 68-69). По сути, такой подход представляет собой предельное развитие мысли О. Леопольда о необходимости «думать, как гора», чтобы охватить всю картину действительности целиком, а не только ее антропоцентрический аспект.

Параллельно с эоактивизмом развивался эоскептицизм или даже антиэкологизм, выражающий сомнение в том, что вред, наносимый окружающей среде человеком, действительно так велик, как утверждают некоторые ученые. Тем более, что другие ученые дают другие оценки. Принимать решения, ведущие к снижению потребления на основе противоречивых «показаний», преждевременно. Чересчур рьяная опека вымирающих видов и природы в целом представляет угрозу социальному и экономическому благополучию людей, а также ограничивает их гражданские свободы. Вопреки идеям, высказанным в мортонском «Роде человеческого», эоскептики настаивают на том, что человек не просто одно из существ, равноправное с другими видами теплокровных животных, микробиомом и прочим населением планеты. Человек занимает особое место, поскольку он, единственный из всех представителей животного царства, обладает самосознанием и пониманием происходящего. Исходя из этого, его интересам должен быть возвращен приоритет.

Самой яркой фигурой среди эоскептиков является, пожалуй, Майкл Шелленбергер, начинавший как эколог, но радикальным образом изменивший свои убеждения. Теперь он выступает с критикой нездорового ажиотажа, организованного вокруг Греты Тунберг (в чем многие из нас с ним солидарны). М. Шелленбергер отказался от прежних экологических установок (вполне традиционных) и в настоящее время активно пропагандирует атомную энергетику как наименее травматичную для окружающей среды и, будучи журналистом, выступает в СМИ с критикой экологической повестки, утверждая, что она имеет целью не защиту природы, а лоббирование интересов крупных корпораций и худших из представителей политики, строящих свою карьеру на популистской демагогии. М. Шелленбергер считает, что взгляды эоактивистов сильно устарели. Они основываются на представлении о том, что человек – это просто одно из животных, хотя очевидно, что это далеко не так. Экологии пора вернуться к пониманию, что человек – центр вселенной. Он обладает разумом, способен оценивать последствия своих действий и нести за них ответственность. Не надо быть жестокими к природе, но, защищая ее, не следует забывать и о собственных интересах.

В предисловии к книге «Апокалипсиса не будет» (Шелленбергер, 2022) М. Шелленбергер пишет, что его целью является защита того, что именуется «этикой мейнстрима», т. е. гуманизма, как светского, так и религиозного, против «антигуманизма апокалиптического экологизма». М. Шелленбергер приводит «15 аргументов против эоактивизма», одно из которых касается «шестого массового вымирания видов», которое, по мнению некоторых экологов, происходит в настоящий момент. Автор указывает, однако, что современная наука не располагает достаточной информацией, которая доказывала бы, что скорость вымирания видов на планете сегодня такая же, какой она была в меловой период, когда произошло последнее из достоверно установленных массовых вымираний. Соответствующий мониторинг никогда не проводился, о многих видах вообще не известно ничего, кроме того, что они существуют, а динамику их численности никто не пытался отследить. Фактически единственное, чем располагают сторонники концепции шестой волны массового вымирания, это интуитивное ощущение, что виды вымирают слишком быстро, и некоторые математические расчеты, подогнанные к случаю. Но современное естествознание не работает с интуитивными ощущениями, оно требует конкретных цифр и графиков. Одно дело палеонтология, оценивающая толщину геологических отложений с точностью плюс-минус пара миллионов лет, и совсем другое – оценка антропогенного воздействия на биосферу с момента последней промышленной революции. Очевидно, что речь идет о событиях разных временных масштабов, сопоставлять которые некорректно.

Тема массовых вымираний необычайно популярна сегодня как у эоактивистов, так и у эоскептиков. Однако инициирована дискуссия была еще Ж. Кювье, французским палеонтологом XIX века, который, изучая ископаемые останки, пришел к выводу, что эволюция жизни на Земле представляет собой череду катастроф, в результате которых происходит смена одних видов другими. Известно, что теория катастроф чрезвычайно недоброжелательно была встречена адептами дарвинизма, поскольку противоречила идее эволюции путем борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных особей. Катастрофизм Ж. Кювье, в противовес механизму, предложенному Ч. Дарвином, показывал, что, как бы хорошо ни приспособился вид к условиям среды, эволюция рано или поздно его уничтожит. Основное возражение дарвинистов состояло в том, что для осуществления эволюции по схеме Ж. Кювье потребовалось бы гораздо больше времени, чем для дарвиновского отбора, очень близкого к целесообразности. Основанием послужило принятое в науке XIX века представление о том, что источником солнечной энергии является горение нефтепродуктов – наиболее энергоемкого материала того времени. Исходя из этого возраст земли оценивался всего в несколько тысяч лет, и для эволюции путем череды катастроф этого времени явно было недостаточно. Сегодня источником солнечной энергии считается ядерный синтез, а это уже совсем другие сроки. Теория катастроф снова получила право на существование.

Современные исследования вопроса массового вымирания видов, которому найдено множество палеонтологических свидетельств, ведутся весьма интенсивно, и важнейшей вехой здесь стала работа Джека Сепковски и Дэвида Раупа. В 1982 году эти палеонтологи из Чикагского университета опубликовали результаты своих многолетних исследований, в которых подвергли статистическому анализу и свели в таблицу палеонтологические данные по вымиранию видов на протяжении последних 540 миллионов лет. Это позволило выделить пять крупных массовых вымираний, что дает право эологам утверждать, что в действительности «мы живем в эпоху массового вымирания, на данный момент шестого на этой планете. “На данный момент” означает примерно четыре с половиной миллиарда лет жизни на Земле. Ранее было пять других» (Мортон, 2022: 135).

Первое массовое вымирание произошло на рубеже ордовикского и силурийского периодов, в результате чего погибло до 85 % морских беспозвоночных. Особенно много брахиоподов, двустворчатых моллюсков, иглокожих и кораллов. Называются несколько

причин (гипотетических), повлекших за собой это событие: вспышка гамма-излучения, усиление вулканической деятельности, вызвавшее чрезмерное закисление мелководных морей. И наиболее популярная – движение суперконтинента Гондваны в сторону Южного полюса, приведшее к похолоданию, обледенению земли и падению уровня Мирового океана (вследствие обледенения).

Второе массовое вымирание пришлось на конец девонского периода, который иногда называют «райским», поскольку тропические леса покрывали всю планету, а в океане водилось множество рыб, представлявших потрясающее видовое разнообразие. Вследствие позднедевонского вымирания исчезло 20 % семейств и 50 % видов живых организмов. Наиболее популярная гипотеза объясняет данное массовое вымирание тем, что из-за резкого увеличения количества растений «молодые ландшафтные суши» подверглись эрозии, которая привела к высвобождению большого количества фосфора из недр земли. Изобилие фосфора, в свою очередь, привело к чрезмерному размножению микроскопических водорослей в океане, а они уничтожили весь кислород, растворенный в воде. Наступило морское кислородное голодание, и животные попросту задохнулись. Похожие катастрофы, но меньшего масштаба, можно наблюдать и сегодня. Это так называемый «красный прилив» – чрезмерное размножение динофитовых водорослей (панцирных жгутиковых), приводящее к массовой гибели водных видов животных и растений.

Пермское массовое вымирание называют «Великим». Исчезло 96 % всех морских видов и 73 % наземных позвоночных. Исчезли трилобиты. Насчет причин этого тотального вымирания единого мнения нет. В качестве гипотез выдвигаются традиционные: падение метеорита, усиление вулканической деятельности, внезапный выброс метана со дна моря и т. п.

Четвертое массовое вымирание обозначает границу между триасовым и юрским периодами. Его масштабы не идут ни в какое сравнение с Великим вымиранием, но примечательна скорость, с которой оно свершилось: всего за 10 тысяч лет вымерла почти четверть видов морской фауны, многие наземные ящеры, исчезли виды и целые рода земноводных. Освободилось множество экологических ниш, занятых впоследствии динозаврами. О причинах катастрофы ведутся споры. Учитывая скорость вымирания, больше всего подошло бы падение метеорита, но кратер подходящих размеров до сих пор обнаружить не удалось. Возможно, он скрыт где-то под поверхностью океана.

Пятое массовое вымирание, мел-палеогеновое, наиболее широко известно публике благодаря «раскрученной» франшизе с «Парком юрского периода». Для большинства обывателей это вообще единственное вымирание, в результате которого с поверхности земли исчезли динозавры. Основной причиной считается столкновение с астероидом (подходящий кратер обнаружен в Мексике), т. е. произошло так называемое импактное событие. Вымерло около 75 % всех живых организмов. Вымерли не только динозавры, резко сократилась численность птиц, ящериц и насекомых. Сократилось количество растений. В море полностью вымерли плезиозавры, резко сократилось количество костистых рыб, акул и моллюсков (аммониты вымерли полностью). Освободившиеся ниши заняли млекопитающие.

Современное массовое вымирание, шестое по счету, называют голоценовым, или антропогенным, поскольку считается, что его причиной является почти исключительно деятельность человека. Оно началось с вымирания крупных млекопитающих, так называемой «мегафауны». За последние 500 лет исчезло около 900 видов животных. Сегодня полное исчезновение угрожает еще 35,5 тысячам видов животных и растений, к тому же резко сократилась численность всех диких видов. Однако вина человека здесь не столь уж очевидна. Некоторые исследователи считают, что истребление крупных животных человеком только усугубило естественные стрессовые факторы, которые закономерным образом вели к их исчезновению. Изменение климата само по себе могло стать причиной вымирания мегафауны.

Другие ученые утверждают, что человечество было решающим фактором, поскольку до его выхода на сцену животные прекрасно адаптировались к колебаниям климата.

Между крупными массовыми вымираниями происходили вымирания помельче, и результатом каждого из них было высвобождение большого количества экологических ниш, которые немедленно заполнялись другими видами, получавшими таким образом возможность для максимального развития своих потенций в условиях ослабленной конкуренции за еду и территорию. Это наводит на мысль, что массовое вымирание – это, по выражению Т. Мортон, «не баг, а фица» эволюции, т. е. специально «запрограммированная» способность быстрой и радикальной смены экосистем, обеспечивающая адаптацию биосферы к меняющимся условиям среды. Так же, как индивидуальная смерть организма – это фатальное событие для отдельной особи, но бонус для вида и биосферы в целом, так и массовое вымирание видов – это возможность осуществить в рамках одной планеты максимальное количество сценариев биоразнообразия в течение ограниченного времени (даже время жизни термоядерного светила не бесконечно). Выигрышность такой стратегии подтверждается тем, что при любых катастрофах вымирают не все особи не всех видов. Например, сине-зеленые водоросли до сих пор живут и здравствуют. Зато многие перспективные виды получают свой шанс гораздо раньше, чем это произошло бы в отсутствие катастрофических событий. Если бы динозавры не вымерли, мелкие и не особенно сильные млекопитающие не получили бы своего шанса расселиться по планете и развить такое потрясающее видовое разнообразие, которое мы наблюдаем сегодня. Человек мог вообще не появиться, и некому было бы сейчас беспокоиться о сохранении той среды обитания, которая досталась нам в результате мел-третичного массового вымирания.

На основании своих таблиц Сепковски и Рауп делают заключение, что массовые вымирания видов случаются каждые 62 миллиона лет, плюс-минус пара миллионов. Чтобы по достоинству оценить степень угрозы, нависшей над человечеством сегодня, стоит напомнить, что по наиболее взвешенным оценкам история *homo sapiens* насчитывает всего около 200 тысяч лет, т. е. не превышает погрешности метода американских палеонтологов. Это значит, что для эволюции человечество пока просто не существует. Но благодаря наличию разума, этого специфического эволюционного приспособления, многократно ускоряющего захват мест обитания других животных и распространение вида по планете, человечество уже сумело оставить вполне различимый след в геологических отложениях. Т. Мортон пишет: «“Антропоцен” – название, которое дали геологическому периоду, в котором созданные человеком материалы образовали в земной коре отдельный слой: так, отдельную, совершенно очевидную страту сформировали всевозможные виды пластика, бетона и нуклеотидов. Сегодня начало антропоцена официально датируется 1945 годом» (Мортон, 2019b: 46).

Математические расчеты показывают, что между уровнем биоразнообразия и скоростью образования новых видов существует обратная зависимость. Это значит, что в старых, устоявшихся экосистемах новые виды практически не образуются. Возрастает степень адаптации (приспособленности) уже имеющихся видов к условиям среды, а значит, любое колебание климата или импактное событие (падение метеорита) будут восприняты системой как катастрофа с последующим массовым вымиранием. В свою очередь, вымирание связано с видообразованием прямой зависимостью, поскольку высвобождение ресурсов и пригодных для жизни территорий позволяет биологическим системам полнее раскрывать потенциальные возможности. Так осуществляется цикличность, возвращающая глобальную экосистему к равновесию.

Таким образом, стремясь сохранить в неизменном виде доставшееся нам природное разнообразие (а именно эту цель преследуют эоактивисты), человек противодействует процессам, направляющим глобальную эволюцию. Неравенство сил в этом противостоянии очевидно. Масштаб природных катаклизмов, приводивших к смене геологических эпох, это

лучшее свидетельство того, что современные экологические угрозы ничто по сравнению с тем, что может ожидать человечество в будущем. Помимо этого, простое сопоставление масштабов антропогенного воздействия и движения тектонических плит, например, ясно показывает, что никакая экологическая политика, как бы грамотно она ни была выстроена и каким бы прочным ни был ее научный фундамент, не поможет человечеству предотвратить глобальный природный катаклизм. То, чем занимаются авторы экологических программ и законов (помимо выкачивания денег из бюджета), это популизм в чистом виде. Разумеется, большинство эоактивистов искренне верят, что спасают природу и содействуют предотвращению глобальной катастрофы. Эта наивная вера проистекает из того, что современная система воспитания и образования ориентированы на формирование так называемого «экологического сознания», а также экологичного отношения к миру. Но по сути, наши экологические «флэшмобы» подобны попыткам прикрыть косметическим ремонтом трещину в несущей стене. И ведь нельзя сказать, что в косметическом ремонте нет смысла. Жить в чистоте приятно, а в планетарном масштабе «косметический ремонт» включает в себя глубокую переработку отходов, рациональное природопользование, но главное – сокращение численности обитателей нашего общего дома. Я имею в виду планирование семьи, причем отличное от того, которого придерживаются сегодня большинство развитых стран. Демографы подсчитали, что для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы на каждую семейную пару приходилось 2,3 ребенка. С экологической точки зрения это означает, что напряженная экологическая ситуация на планете будет так же, как и неубывающая численность «народонаселения», воспроизводиться в каждом следующем поколении. Если непредвзято оценивать причины экологического кризиса, станет очевидно, что источником напряженности является именно избыток людей на планете, значительно превышающий «емкость угодий». На нашей «горе» стало слишком много оленей и очень скоро наступит «голод» в широком смысле – продовольственный, энергетический и т. п. Помимо этого, опыт последней эпидемии (Covid-19) указал еще на одну проблему, которая может привести к нежелательному для человечества развитию событий. Оказалось (и это не стало неожиданностью для эпидемиологов), что при наличной плотности населения, с учетом его высокой мобильности, любые карантинные меры становятся недейственными. По сути, единственное, что удастся сделать методом введения карантина – это замедлить распространение болезни, чтобы дать правительствам время развернуть мобильные госпитали и тем самым уменьшить количество умерших. Сегодня мы вынуждены признать, что всякий новый патоген, в какой бы части мира он ни появился, мгновенно распространится на всю популяцию. И если при этом он будет обладать контагиозностью гриппа и летальностью лихорадки Эбола, последствия для человечества могут оказаться настолько катастрофическими, что пострадает культурная преемственность поколений, как это произошло в средние века.

Тема ограничения рождаемости для многих весьма болезненна. Причины неприятия мер качественной демографии (или евгеники, если выражаться без обиняков) у разных людей различны. Кто-то слишком буквально воспринимает библейский завет «плодитесь и размножайтесь», привычно забывая об окончании этой фразы: «и наполните землю». А ведь Земля давно наполнена и переполнена, и дальнейшее расширение человеческой популяции происходит за счет вытеснения других божьих «тварей». Кто-то воспринимает контроль рождаемости как ограничение личной свободы, кто-то просто в силу привычки продолжает считать, что многодетная мать – это «мать-героиня», забывая о том, что это звание было введено в послевоенные годы, когда восполнение физической убыли населения считалось важнейшей экономической задачей. Со своей стороны государство, при поддержке сторонников теории депопуляции, всячески пропагандирует установку на экстенсивный прирост населения, вопреки тому, что уже Адам Смит в своем «Исследовании о природе

и причинах богатства народов» (1776 г.) фактически доказал, что качественная демография способствует оздоровлению экономики страны и ведет ее народ к процветанию.

Возвращаясь к экологическому аспекту вопроса, следует заметить также, что контроль воспроизводства – это единственная мера, для которой у человечества имеются силы и возможности. Предотвратить взрыв супервулкана, падение крупного метеорита, дрейф тектонических плит и вообще любое событие из числа тех, что в прошлом приводили к массовому вымиранию, мы не в силах. Но скорректировать демографическую политику вполне возможно. Для этого не понадобится крупных финансовых вливаний, достаточно перестать пропагандировать и материально поощрять многодетность, и переориентировать общественное сознание на необходимость создать для потомства хорошие условия жизни, дать детям наилучшее воспитание и образование, что в преддверии наступления эпохи искусственного интеллекта становится особенно важным. Ибо в будущем, в котором роботы неизбежно вытеснят человека из многих «экологических» ниш, востребованы будут только те, кто способен к чисто человеческой деятельности, т. е. к творчеству. В условиях изменившейся реальности хорошее образование становится не «роскошью», а жизненной необходимостью, а человек, получивший востребованную обществом профессию и образование, обретает эволюционный статус наиболее приспособленного к требованиям среды и повышает шансы на выживание для себя и потомства.

В заключение хочу сказать, что понимание задач экологического движения следует скорректировать самым решительным образом. Тема массового вымирания видов была привлечена для того, чтобы показать подлинный масштаб событий, на управление которыми замахивается традиционная экология. Даже озоновые дыры и глобальное потепление нам не подвластны, но конструируя из этих явлений «гиперобъекты», мы обрекаем себя на жизнь под давлением этого неизбежного кошмара, многократно отраженного нашей наукой и искусством. Боящийся привидений должен понять, что создает их сам, и единственный способ от них избавиться – это держать в узде собственное воображение. «Темная экология» Т. Мортонна интересна именно концептом гиперобъекта, выражающим взаимодействие человека с порождениями собственного разума. Мгновенная популярность концепции во многом объясняется красотой и привлекательностью названия, вызывающего желание немедленно ознакомиться с авторской идеей. Но, с точки зрения собственно экологии, никаких особых концептуальных подвижек в ней нет. Как говорят физики, темную материю правильнее было бы называть прозрачной, поскольку она невидима для наших средств наблюдения, но «темная» звучит круче.

Отношение к проблемам окружающей среды следует сделать более спокойным и взвешенным, без истерик и отчаяния. В конце концов, даже если шестое массовое вымирание имеет место, у человечества еще есть в запасе по меньшей мере 10 тысяч лет, плюс-минус пара миллионов, а это больше, чем заняла вся его история. Задача экологии не сводится к тому, чтобы сохранить природу в том виде, какой она была при наших предках. Хотелось бы сделать жизнь на Земле максимально комфортной, причем не только для людей, но и для других животных. Контроль рождаемости – дело несложное и недорогое, но оно способно решить *все* экологические проблемы, и прежде всего те, которые заботят Эдуардо Гудинаса, Леонардо Боффа, Папу Римского Франциска и всех тех, кто относит социальные проблемы к сфере экологии.

Природное окружение меняется постоянно, но для каждого поколения эталонными остаются ландшафты его юности. О. Леопольд, оценивая перемены к худшему, произошедшие на его «Горе», пишет: «Лучше не видеть, что принесли этим местам туристы, шоссе, лесопилки и узкоколейки для вывоза леса или что они у них отняли. Иногда я слышу, как молодые люди, еще не родившиеся, когда я впервые “выбрался наверх”, принимаются наперебой хвалить Вершину. И я соглашаюсь – с некоторыми мысленными оговорками»

(Леопольд, 1983: 124). С моей точки зрения, главный интерес в этом отрывке представляет то, что для нового поколения пейзаж, вызывающий у автора только скорбные мысли, остается источником радости.

Цивилизация погибнет еще не завтра, скорее всего, и следующие десять или даже сто поколений не увидят апокалипсиса. В любом случае истерить по поводу событий, не подвластных нашему контролю, неконструктивно. Экологическую тематику следует отодвинуть на задний план, чтобы она выступала фоном, а не центром всех интересов и планов человечества. Достаточно выполнять три требования, которые максимально продлят для людей и остатков дикой природы комфортное пребывание на планете. Это рациональное использование невозобновляемых ресурсов, глубочайшая переработка отходов и качественная демография.

Литература

Бофф, Л. (1997), «Социальная экология: бедность и нищета», *Экология: Голоса Севера и Юга*, ред. Холман, Д. Г., Москва [Электронный ресурс], URL: http://yakov.works>libr_min/26_ae/koteol/ind_ecot.html (Дата обращения: 15.09.2025).

Леопольд, О. (1983), *Календарь песчаного графства*, пер. с англ. Гуровой, И. Г., Мир, Москва.

Мортон, Т. (2019а), *Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира*, Hyle Press, Пермь.

Мортон, Т. (2019b), *Стать экологичным*, пер. Кралечкина, Д., Ад Маргинем Пресс, Москва.

Мортон, Т. (2022), *Род человеческий: солидарность с нечеловеческим народом*, пер. с англ. Бондал, Е., Изд-во Ин-та Гайдара, Москва.

Шелленбергер, М. (2022), *Конец света не будет: почему экологический алармизм причиняет нам вред*, пер. Капустюк, Ю., АСТ, Москва.

References

Boff, L. (1997), "Social ecology: poverty and destitution", *Ekoteologiya: Golosa Severa i Yuga* [Ecotheology: Voices of the North and South], in Holman, D. G. (ed.), Moscow, Russia [Online], available at: http://yakov.works>libr_min/26_ae/koteol/ind_ecot.html (Accessed 15 September 2025) (in Russ.).

Leopold, A. (1983), *A Sand County Almanac*, Transl. by Gurova, I. G., Mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Morton, T. (2019a), *Giperobyekty. Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects. Philosophy and ecology after the end of the world], Hyle Press, Perm, Russia (in Russ.).

Morton, T. (2019b), *Stat ekologichnym* [Being Ecological], Transl. by Kralechkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Morton, T. (2022), *Rod chelovecheskiy: solidarnost s nechelovecheskim narodom* [Humankind: solidarity with nonhuman people], Transl. by Bondal, E., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Shellenberger, M. (2022), *Kontsa sveta ne budet: pochemu ekologicheskiy alarmizm prichinyayet nam vred* [Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All], Transl. by Kapustyuk, Yu., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Хен Юлия Вонховна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра био-и экофилософии Института философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; hen@iph.ras.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Julia V. Khen, D.Sc. (Philosophy), Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; hen@iph.ras.ru

УДК 502.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-6

Лисеев И. К.

**Феномен эколого-эволюционного континуума
в контексте цивилизационного выбора современной России**

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; lik6841@mail.ru

Аннотация. Современная Россия сталкивается с рядом фундаментальных вызовов, порожденных необходимостью устойчивого развития, экологического равновесия и сохранения биоразнообразия. Это порождает необходимость создания новой концепции, интегрирующей современные подходы к устойчивому развитию, охране окружающей среды и социальной адаптации населения. В статье предлагается понятие *эколого-эволюционного континуума*, которое описывает сложный процесс взаимодействия человека и природы через призму эволюции социальных институтов и культурных норм.

Ключевые слова: организация; эволюция; эколого-эволюционный континуум; устойчивое развитие

Для цитирования: Лисеев, И. К. (2025), «Феномен эколого-эволюционного континуума в контексте цивилизационного выбора современной России», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 200-205. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-6

I. K. Liseev

**The phenomenon of the ecological-evolutionary continuum
in the context of the civilizational choice of modern Russia**

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; lik6841@mail.ru

Abstract. Modern Russia faces a number of fundamental challenges generated by the need for sustainable development, ecological balance and biodiversity conservation. This creates the need to create a new concept that integrates modern approaches to sustainable development, environmental protection and social adaptation of the population. This article proposes the concept of an *ecological-evolutionary continuum*, which describes the complex process of interaction between man and nature through the prism of the evolution of social institutions and cultural norms.

Keywords: organization; evolution; ecological-evolutionary continuum; sustainable development

For citation: Liseev, I. K. (2025), “The phenomenon of the ecological-evolutionary continuum in the context of the civilizational choice of modern Russia”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 200-205, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-6

Изучение проблемы устойчивости социально-экологических систем активно ведется в течение последних двухсот лет философами, антропологами, специалистами в области социобиологии и экологии. Все больше современных исследователей приходит к признанию важности междисциплинарного подхода к исследованию сложных явлений. Концептуализация эколого-эволюционного континуума подразумевает синтез подходов разных дисциплин, нацеленный на выявление закономерностей долгосрочного, устойчивого сосуществования человеческого сообщества и природных экосистем.

Для поддержания стабильного баланса между ними требуется понимание взаимосвязи между социальным прогрессом и изменением экологической обстановки. Особое внимание следует уделить историческим аспектам знания, поскольку накопленный в ходе истории разнообразный опыт народов сохраняет заметное влияние на современные модели поведения и на восприятие окружающего мира.

Исторические особенности образа жизни и менталитета русского народа формировались суровыми климатическими условиями, низкими ресурсными возможностями, так как значительная часть территории относится к зоне рискованного земледелия, и обширностью территории с низкой плотностью заселенности. Все эти факторы способствовали формированию уникальной системы ценностей, основанной на коллективизме, взаимопомощи, долготерпении и стойкости перед лицом трудностей. Это проявляется в характере традиционных хозяйственных практик, сохранении локального разнообразия культур и обычаев, устойчивых механизмах самоорганизации сельских общин.

Экстремальные условия, характерные для большей части территории России, сформировали особый тип адаптивного поведения и способствовали выработке и закреплению определенных этических принципов – бережливое отношение к ресурсам, рациональное использование пространства и уважение традиций предков. Эти ценности сохраняются до настоящего времени, несмотря на процессы активной модернизации и урбанизации общества.

Молодое Российское государство, возникшее на рубеже XX-XXI веков, продолжает уточнять и формировать основания собственного цивилизационного выбора. Россия, как и в прежние годы, является одной из самых больших стран мира и по занимаемой площади, и по численности населения. Она представляет многонациональное социальное светское государство, в котором непротиворечиво сосуществуют носители различных мировоззрений, приверженцы многих конфессий и религий. Это государство объединено мощными социокультурными традициями и преемственностями. Важное место в их числе занимает историческая память россиян, понимание ими идей и замыслов предыдущих поколений. При этом зачастую эти давно высказанные идеи мыслителей, ученых, опередивших свое время, в наши дни становятся остроактуальными и реально способствуют появлению новых современных цивилизационных подходов.

Именно это происходит с пониманием и развитием идей нашего выдающегося предшественника, П.А. Кропоткина (1842–1921). Князь Кропоткин известен как революционер, ученый-энциклопедист, проявивший себя в области географии, геоморфологии, биологии, истории, а также в философии и публицистике. Но наибольшую известность он приобрел как ученый, создавший собственный оригинальный вариант эволюционной теории. Именно подобный подход позволил предложить новый цивилизационный взгляд на мир, на историю его развития, на формирование принципов деятельности людей. В противоположность дарвиновскому пониманию борьбы за существование как постоянной взаимной конкуренции, в ходе которой способны выжить только наиболее сильные и приспособленные, Кропоткин предложил идею взаимной помощи, кооперации, сотрудничества как факторов эволюции и двигателей прогресса, подтвердив ее убедительными фактами и доказательствами, свидетельствующими о преимуществе кооперативных подходов, взаимопомощи в эволюционном развитии в противовес острому

индивидуалистическому противостоянию в войне «всех против всех». Исследуя животный мир Восточной Сибири, Кропоткин отмечал: «я не находил, – хотя и тщательно искал ее следов, – той ожесточенной борьбы за средства существования *среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду*, которую большинство дарвинистов (хотя не всегда сам Дарвин) рассматривали как преобладающую характерную черту борьбы за жизнь и как главный фактор эволюции» (Кропоткин, 1907: 8) [курсив автора]. Напротив, писал он, «я видел взаимную помощь и взаимную поддержку, доведенные до таких размеров, что невольно приходилось задуматься над громадным значением, которое они должны иметь для поддержания существования каждого вида, его сохранения в экономии природы и его будущего развития» (Кропоткин, 1907: 9).

С современных позиций достаточно ясно, что конкуренция и кооперация являют собой два реально действующих фактора эволюционного развития, которые необходимо учитывать при осмыслении сценариев эволюционного прогресса. Заслугу П.А. Кропоткина, который одним из первых обратил внимание на роль такого феномена, как сотрудничество, и рассмотрел его в качестве фактора эволюции, ныне трудно переоценить с точки зрения понимания перспектив цивилизационного выбора. Учет сложного и нелинейного взаимодействия разных факторов становится все более актуальным при разработке путей и определении направлений современной государственной политики, в поиске оснований для формирования цивилизационного выбора России.

Не менее значимый вклад в осмысление этого процесса вносят философские идеи другого выдающегося отечественного мыслителя, В.И. Вернадского (1863–1945) (Вернадский, 1988). Вернадский, так же как и его предшественник Кропоткин, был энциклопедически образованным мыслителем. Он работал в самых разных областях естественных и гуманитарных наук: биогеохимии, биосферологии, кристаллографии, геологии, почвоведении, радиологии, истории науки, русской истории, философии и т. д. Именно эта широта интересов ученого привела его к формированию мышления, основанного на масштабном синтезе, глубокой интеграции достижений научного знания из самых разных сфер науки. Такого рода глобальное, синтезирующее мышление, мышление «по Вернадскому», преодолевающее границы отдельных дисциплин, становится ныне одним из актуальнейших трендов формирования современных цивилизационных взглядов. Интенсивные глобализационные процессы, идущие в мире, требуют для своего понимания и анализа такого же мощного интегративного мышления, основанного на системном взгляде на многообразие мира.

Исходя из подобного взгляда, В.И. Вернадский одним из первых в мировой науке доказал наличие глубинного единства общества и природы, а также, как мы уже подчеркивали ранее, «попытался проследить эволюцию нашей планеты как единого космического, геологического, биогенного и антропогенного процесса. Ученый показал, что параллельное сосуществование этих сопряженных рядов способствует их успешному совместному эволюционному развитию, т. е. он открыл, хотя и не назвал его, процесс коэволюции как совместной эволюции взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимонеобходимых параллельных рядов развития» (Лисеев, 2014: 106). «Человек впервые реально понял, – писал Вернадский, – что он житель планеты и может, должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте». (Вернадский, 1977: 24). Этот процесс сопряженной коэволюции Земли, природы, общества, человека и космоса отражен в созданном им учении о ноосферогенезе.

Содержательный цивилизационный потенциал идеи о ноосфере, создающейся научной мыслью человечества, ведущей к синтезу научных и мировоззренческих представлений, поистине безграничен, но до сего времени так до конца и не разработан. А ведь эта

разработка – реальный прорыв к новой картине мира, к новому пониманию возможностей деятельности людей в этом мире, к новым технологическим и экологическим регулятивам, к объединению природы и культуры в современном цивилизационном выборе.

Методологический регулятив эволюционизма, без сомнения, являлся одним из ведущих императивов XX века и плавно перешел в век нынешний. Выдающиеся предвидения наших великих ученых П.А. Кропоткина и В.И. Вернадского в области нового понимания эволюционизма ныне остро нуждаются в осмыслении с позиций современности, включения этих концепций в трактовки современного цивилизационного выбора России.

В то же время следует отметить, что еще одним важнейшим методологическим регулятивом в XX веке был регулятив организационный, принесший своему времени большинство инновационных цивилизационных достижений. Россия и здесь имеет своего выдающегося представителя в лице А.А. Богданова (1873–1928), создателя первой последовательной всеобщей организационной науки (Богданов 1913). Первый том его «Всеобщей организационной науки (Тектологии)» был опубликован в Санкт-Петербурге в 1913 г.; в 1917 г. в Москве издается второй том. «Закладка основ науки, объединяющей организационный опыт человечества, науки жизненно необходимой, – писал А.А. Богданов, – дело огромной важности» (Богданов, 1913: 1). В основу создания этой новой науки исследователь заложил понимание того, что «законы организации систем едины для любых объектов, независимо от субстратов их составляющих. А вследствие этого – подобные законы можно изучать в обобщенной форме» (Лисеев, 2011: 163). В этом и видел Богданов главную задачу тектологии: «объединить разрозненное, установить тот общий организационный метод, применениями которого являются все вариации подбора в действительности и в теории» (Богданов, 1913: 47).

К огромному сожалению, в силу многих объективных и субъективных обстоятельств времени, идеи А.А. Богданова долгие годы оставались неизвестными, хотя многие из высказанных им соображений в дальнейшем получили практическое применение и развитие в самых разных областях, от педагогики и теории социального развития, до кибернетики, теории систем, синергетики, но уже под другими именами.

Характерно, что еще в первом томе «Тектологии» получила свое решение до этого представлявшаяся неразрешимой антитеза между централизмом и индивидуализмом. Рассматривая все возможные типы и формы организации, Богданов выделил среди них два доминирующих: централистический и полицентрический. Показав их широкое распространение как в природе, так и в обществе, ученый выделил достоинства и недостатки у каждого из названных типов. Плюсы централистического принципа организации состоят в возможности быстро мобилизовать все элементы системы, в возможности постановки общей задачи, в возможности эффективного контроля. Минусы – в отсутствии самостоятельности развития частей. Плюсы полицентризма – высокая независимость частей, их свобода к саморазвитию. Минусы – нескоординированность сосуществующих центров, невозможность постановки общих целей и задач.

Проанализировав эти формы организации, ученый задался вопросом: существует ли организационный тип, обладающий плюсами названных принципов организации и не имеющий их минусов. И этот тип организации был А.А. Богдановым обнаружен. Им оказался так называемый «скелетный» тип организации, «дающий возможность совмещения принципов централизации и индивидуализации. На его основе свободные независимые элементы все же интегрируются центром. Но это совсем другой центр по сравнению с централистическим принципом организации. Центр скелетной организации исполняет лишь служебную функцию интеграции независимых структур в рамках полномочий, которые эти структуры сами делегируют ему» (Лисеев, 2020: 161). Это уже посыл к новой цивилизационной структуре общества, которая ныне широко обсуждается и широко

применяется, новый принцип государственного и межгосударственного строительства. Понятные и одобряемые в социально-нравственных системах всех современных обществ принципы взаимопомощи, сотрудничества, гармонизирующего ноосферного развития, организационного творчества успешно противостоят постгуманистическим провокациям «темной экологии» (Мортон, 2019) и прочим подобным идеям разрыва между человеком и природой, порождаемым отчаянием кризисного сознания.

Резюмируя сказанное, можно заметить, что поиск современного цивилизационного выбора России, прежде всего, детерминирован анализом сегодняшнего этапа мирового развития, учетом новых тенденций и закономерностей, которые характеризуют наше время. Но в то же время необходимо учитывать и использовать в его формировании те исторические прозрения, которые идут от наших отечественных мыслителей, опередивших свое время.

Российская трансформация XX века сопровождалась резким разрывом с традиционными формами существования и переходом к индустриальному типу экономики. Тем не менее, значительная часть традиций сохранилась и продолжает оказывать влияние на современную жизнь россиян. Современные проблемы деградации природных ресурсов, ухудшения качества воздуха и воды, роста уровня заболеваний требуют комплексного анализа и поиска решений, учитывающих наследие прошлого. Анализ показывает, что значительная часть населения продолжает придерживаться привычных форм жизнедеятельности, основываясь на опыте поколений. Несмотря на технологические изменения, социальные институты и культурные нормы оказывают значительное воздействие на поведение людей в области охраны природы и эффективного управления ресурсами.

Сегодня перед Россией стоит серьезный выбор относительно своего дальнейшего направления развития. Понимание оснований эколого-эволюционного континуума позволяет выявить возможные сценарии развития, оптимизировать управляющий механизм. Намеченные и рассмотренные еще А.А. Богдановым в его «Тектологиях» преимущества и ограниченности как моноцентрической, так и полицентрической организации социальной жизни общества в современных условиях однозначно свидетельствуют о необходимости более широкого и разностороннего перехода к полицентрической организации общества, с сохранением некоторых общих объединяющих принципов, связующих всю систему. Развивающийся в наши дни процесс формирования нового союза государств БРИКС является ярким тому подтверждением. Главные принципы, которых придерживаются страны этого союза, – открытость, прагматизм, солидарность и нейтральность по отношению к третьим странам. Все это создает позитивную перспективу для формирования современного цивилизационного выбора не только России, но и многих стран, ориентирующихся на принципы сотрудничества и ненасилия.

Литература

- Богданов, А. А. (1913), *Всеобщая организационная наука (Тектология)*, Изд. М.И. Семенова, Санкт-Петербург.
- Вернадский, В. И. (1977), *Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление*. Кн. 2, Наука, Москва.
- Вернадский, В. И. (1988), *Философские мысли натуралиста*, Наука, Москва.
- Кропоткин, П. А. (1907), *Взаимная помощь среди животных и людей как фактор эволюции и двигатель прогресса*, Знание, Санкт-Петербург.
- Лисеев, И. К. (2020), «Исторические предпосылки формирования научного и цивилизационного выбора России», *Формирование целостной отечественной гуманитарной науки на системных основаниях: Мат-лы междунар. науч. конф., Региональная обществ. организация "Центр этики и эстетики Русского мира"*, Москва, 157-162.
- Лисеев, И. К. (2014), «Пророк нового века (к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского)», *Стратегические приоритеты*, 1, 97-108. EDN: TWOJYV

- Лисеев, И. К. (2011), «Учение А.А. Богданова о формах организации и современность», *Философия. Биология. Культура (работы разных лет)*, Изд-во ИФ РАН, Москва, 162-166.
- Мортон, Т. (2019), *Стать экологичным*, пер. Кралечкина, Д., Ад Маргинем Пресс, Москва.

References

- Bogdanov, A. A. (1913), *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (Tektologiya)* [General Organizational Science (Tectology)], Publishing House M. I. Semenov, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Kropotkin, P. A. (1907), *Vzaimnaya pomoshch sredi zhivotnykh i lyudey kak faktor evolyutsii i dvigatel progressa* [Mutual aid among animals and people as a factor of evolution and engine of progress], Znanie, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Liseev, I. K. (2011), “A.A. Bogdanov’s Teachings on Forms of Organization and Modernity”, *Philosophy. Biology. Culture (works from different years)*, Publishing House of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 162-166 (in Russ.).
- Liseev, I. K. (2020), “Historical Prerequisites for the Formation of Russia's Scientific and Civilizational Choice”, *Formation of a Comprehensive Domestic Humanitarian Science on a Systemic Foundation: Proceedings of the International Scientific Conf., Regional Public Organization "Center for Ethics and Aesthetics of the Russian World"*, Moscow, Russia, 157-162 (in Russ.).
- Liseev, I. K. (2014), “Prophet of the New Century (on the 150th anniversary of the birth of V. I. Vernadsky)”, *Strategic Priorities*, 1, 97-108 (in Russ.). EDN: TWOJYV
- Morton, T. (2019), *Stat ekologichnym* [Being Ecological], Transl. by Kralechkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).
- Vernadsky, V. I. (1988), *Filosofskiye mysli naturalista*, [Philosophical Thoughts of a Naturalist], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Vernadsky, V. I. (1977), *Razmyshleniya naturalista: Nauchnaya mysl kak planetnoye yavleniye. Kn. 2* [Reflections of a Naturalist: Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Book 2], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лисеев Игорь Константинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; lik6841@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Igor K. Liseev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; lik6841@mail.ru

УДК 167

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-7

Боженок К. А.

**Философия медицины Д.М. Велланского
в контексте культурно-исторической эпистемологии**

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; kirikus98@gmail.com

Аннотация. Философию медицины Даниила Михайловича Велланского без сомнения можно назвать новаторской для своего времени, поскольку в его рассуждениях она стремится быть эмпирической наукой и в то же время – теоретической системой, опирающейся на умозрение; самодостаточной и зависимой от естественнонаучных изысканий. Показано, что для Велланского человек есть основная цель познания, но для его осмысления необходимо исследование окружающей среды. Такая философия раскрывает одновременно природу человека и природу как окружающую среду; человек и природа взаимно дополняют друг друга. Автор проводит мысль о том, что рассуждения Велланского о медицине имеют междисциплинарный характер, что медицина имеет все шансы стать наукой, но для этого необходимо проводить множество самых разноплановых исследований, связанных с человеком и врачеванием. Медицинские исследования Велланского неразрывно связаны с его философскими идеями. Естественные науки должны стать основой для преобразования врачебного дела в научную деятельность, но для того чтобы исследовать человека с медицинской точки зрения, необходимо понять его и с метафизической. Ввиду этого медицина у Велланского приобретает междисциплинарный характер, и в первую очередь он связывает метафизику и естественные науки в поисках ответов на вопросы о причинах тех или иных процессов, происходящих в организме.

Ключевые слова: Д.М. Велланский; философия медицины; натурфилософия; культурно-историческая эпистемология; междисциплинарность; человекообразность

Для цитирования: Боженок, К. А. (2025), «Философия медицины Д.М. Велланского в контексте культурно-исторической эпистемологии», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 206-212. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-7

K. A. Bozhenok

**D.M. Vellansky's Philosophy of Medicine in the Context
of Cultural-Historical Epistemology**

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; kirikus98@gmail.com

Abstract. The philosophy of medicine of Daniil Mikhailovich Vellansky can undoubtedly be called innovative for its time, since in his reasoning it strives to be an empirical science and at the same time a theoretical system based on speculation, self-

sufficient and dependent on natural scientific investigations. It is shown that for Vellansky, man is the primary goal of knowledge, but for his understanding it is necessary to study the environment. This philosophy simultaneously reveals the nature of man and nature as the surrounding environment. They mutually complement each other. The author advances the idea that Vellansky's reasoning about medicine has an interdisciplinary character. He shows that medicine has every chance of becoming a science, but for this it is necessary to conduct many diverse studies related to man and healing. Vellansky's medical research is inseparably linked with his philosophical ideas. The natural sciences must become the foundation for transforming medical practice into scientific activity. But in order to study man from a medical point of view, it is necessary to understand him from a metaphysical one as well. In view of this, medicine in Vellansky acquires an interdisciplinary character. First and foremost, he connects metaphysics and natural sciences in an attempt to provide answers to questions about the causes of various processes occurring in the organism.

Keywords: D.M. Vellansky; philosophy of medicine; natural philosophy; cultural-historical epistemology; interdisciplinarity; human-sizedness

For citation: Bozhenok, K. A. (2025), "D.M. Vellansky's Philosophy of Medicine in the Context of Cultural-Historical Epistemology", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 206-212, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-7

Труды Даниила Михайловича Велланского, 250-летний юбилей которого мы отметили в 2024 году, не получили серьезного признания у современников, многое из его исследований стало достоянием библиотечных хранилищ и архивов (Розанов, 1867; Веселовский, 1901; Лысцов, 1995; Приленский, 2020). Вместе с тем, его идеи оказываются поразительно созвучны современной философии, которая рассматривает науку в контексте культурно-исторической эпистемологии, выдвигая на передний план такие ее характеристики, как междисциплинарность и человекоразмерность. Оригинальность исторического опыта Велланского состоит в том, что он осмысливал феномен науки не только как философ, но и как практик. В основании его понимания научного знания лежат не только идеи Шеллинга, чьи лекции он слушал в Германии, чьей натурфилософией проникся и впервые познакомил с ней российского читателя (Казаков, 2023: 91), но и длительная врачебная деятельность. Речь в нашей статье пойдет о его философии медицины как особого рода знания, как о строгой науке. И в этом, собственно говоря, мы видим достоинство Велланского как мыслителя.

Прежде чем приступить к анализу философии медицины Велланского, необходимо ответить на вопрос: какая современная концепция философии науки наиболее органична для сопоставления с его идеями? Конечно, можно было бы опереться на идеи Поппера, Лакатоса, Куна, Фейерабенда. Однако ни один из них не исследовал науку как культурно-исторический феномен (в полном смысле этого выражения). И потому мы проанализируем актуальные идеи Велланского в сопоставлении с концепцией научной рациональности В.С. Степина (Степин, 2009). Согласно этой концепции, наука в своем развитии проходит ряд стадий, в основании которых лежит особый тип научной рациональности (классический, неклассический и постнеклассический).

Для нас важно, что рассуждения Велланского, жившего в эпоху классической науки, перекликаются с «постнеклассическим» типом научной рациональности. Постнеклассическая наука, с точки зрения В.С. Степина, характеризуется расширением структуры знания; усложняется представление о мире и человеке, что требует от ученых апелляции к разным научным дисциплинам в процессе исследования сложных предметностей. Подобное явление

именуется междисциплинарностью. «Междисциплинарность, – как ее определяет С.С. Гусев, – термин, выражающий интегративный характер современного этапа научного познания. На различных этапах истории науки ее изменения существенно определяются сложным взаимодействием процессов дифференциации (распадения однородной, “единой и целостной” системы на ряд относительно автономных областей) и интеграции (объединения ранее самостоятельных предметных сфер, возникновение “синтетических” дисциплин: биофизики, психолингвистики и т. д.). В различных исторических условиях ту или иную конкретную стадию функционирования познания может определять временное доминирование какого-то одного из этих процессов. Однако это не означает полного вытеснения противоположной тенденции. По существу, обе эти линии взаимно предполагают и дополняют друг друга» (Гусев, 2009: 477–478).

Философские идеи, усвоенные у Шеллинга, Велланский позже применил для систематизации медицины, которая, говоря на языке современной нам философии науки, была изначально «междисциплинарной» в том смысле, что органично включала в себя и экспериментальную анатомическую деятельность, и различные теоретические естественнонаучные концепции, и химические опыты с лекарствами, и структурную организацию врачебного и санэпидемиологического дела. Потому мы можем сказать, что философия медицины Велланского уже содержит междисциплинарные интеллектуальные потенции. Он попытался методологически «преобразить» само врачебное дело. Именно в процессе научной концептуализации медицинского тезауруса, а также изучения физического и химического строения человека философствующий врач обращается к другим естественным наукам (Велланский, 1831). На основе исследований из других естественных наук Велланский строит и свое представление о медицине. Совмещение и систематизация этих исследований в контексте конкретных потребностей врачебного дела позволяли, по мнению Велланского, медицине стать такой же научной (теоретической) областью, как физика или химия. Из этого следует, что для основания теоретического базиса медицины требовалось изучение физических и химических явлений, а также их преобразование под предмет исследования.

Эти явления Велланский предлагает исследовать не как внешние влияния на физиологические процессы, но как свойства, внутренне присущие человеческому организму (Велланский, 1812). Иначе говоря, он считал, что процессы внешние, наподобие магнитных или электрических, существуют и внутри самого человека. В качестве примера он повествует о наличии химических, электрических и магнетических процессов в репродуктивной системе человека (Велланский, 1805: 55).

Описывая медицину, Велланский сталкивается с тем, что не может дать однозначного заключения о том, является ли она наукой. Причиной тому можно считать отсутствие у врачебного дела достаточного теоретического базиса. Более того, Велланский показывает, что во врачебном деле его времени еще не было какой-либо теоретической систематизации (Велланский, 1805: 3, 7). Он писал по этому поводу следующее: «... при постоянных неудовлетворенности и жалобах всех великих мужей на врачебную науку, не только ни один из них не исправил ее действительно, но никто не был в состоянии предложить истинного способа к совершенствованию оной, что видно из всех неудачных опытов, которыми так многие пытались сделать медицину основательной наукой» (Велланский, 1805: 7-8). Но означает ли это, что медицина не имеет научной самостоятельности? Отвечая на этот вопрос, Велланский писал, что такое утверждение недалеко от истины в связи с малой научной базой врачебного дела и отсутствием четкого понимания множества процессов, происходящих в человеческом теле.

При этом Велланский считает, что не только естественные науки могут дать ответы на загадки физиологических процессов, но и исследования в области медицины способствует

развитию этих наук. Медицина, по Велланскому, это наука о природе¹, а физика и химия являются науками, предоставляющими ключ к ее пониманию. Таким образом, физика и химия становятся основой для изучения медицины, а затем и природы в целом (Велланский, 1831).

Вместе с тем, Велланский понимал, что медицина отличается от естествознания, поскольку имеет дело с живым человеческим организмом. И потому он предлагает посмотреть на нее не только как на науку, но и как на искусство, как на естественную философию. Медицина, таким образом, занимала, по Велланскому, особое место в структуре знания.

Она должна совершенствоваться не только знания, но и техники. Работая с человеческим телом как с объектом изучения и практики, приходится обращаться к набору научных фактов о нем и уметь искусно владеть инструментами, дабы не навредить. От науки врачу потребуются практический опыт и понимание процессов, происходящих внутри человека. Однако приобретение данных качеств врачом парадоксально само по себе. Без опыта врачу сложно будет лечить людей, но и приобретать его приходится посредством практики. В отличие от многих других ремесел, врачебное дело не может простить ошибок, которые неминуемо случаются в любой другой сфере. И здесь Велланский оказывается созвучен с проблемами современной биоэтики.

Велланский, указывает, что всякая естественная наука требует еще и умозрения, без которого она остается набором сухих фактов. Именно в умозрении Даниилу Михайловичу видится будущее медицины, то есть в опоре не исключительно на опыт, но еще и на рассуждение (Щедрина, Щедрина 2024). Такая позиция Велланского подвергалась критике со стороны коллег (Филомафитский 1836: 15–17). Им казалось, что «умозрением» Велланский стремится отгородить медицину от эмпирического изучения и экспериментальных практик. Но это противоречит изначальной идее Даниила Михайловича: он приветствовал синтез умозрения и эмпирического способа познания, ведь без практики медицина не могла бы продвинуться дальше.

Еще одним проявлением постнеклассического способа мышления Велланского можно считать (в определенной степени) его концепцию человека. С его точки зрения, человек – это часть общей системы бытия, существо, воплощающее Абсолют. Он творимый и творящий одновременно, создание природы, но при этом является ее исследователем и творцом. Он включен в систему природы и не может быть представлен вне ее самой. Сегодня мы вполне можем рассматривать такой способ представления человека в контексте «человекоразмерности» науки, с той только оговоркой, что у Велланского человек коррелятивен Абсолюту, а в современной «постнеклассике» – социуму, то есть самому себе.

Познание человека, по мнению Велланского, не является исключительно естественнонаучным. Человек – существо духовное, потому для его понимания необходимо учитывать метафизические основания. Он видит, что вся материя в природе обладает душевными качествами, а бездушного в природе не существует (Велланский, 1805: 22–23). Свое доказательство Велланский строит на основе трех «потенций», где первая потенция отвечает за пребывание в мире, вторая – за идеальное воплощение существа, а третья представляет собой соотношение духовного (или идеального) и материального. Из этого Велланский делает вывод, что одним из источников болезней является расхождение тела с духом. Философски Велланский описывает человека более целостно, нежели медицински. Но стоит сделать уточнение и упомянуть, что обе точки зрения в конечном итоге объединяются.

Согласно его описанию, человека необходимо воспринимать как высшую форму – как Абсолют (Велланский, 1805: 44–47). Человек вбирает в себя многие качества природы, начиная от явлений органической природы (животное, растительное и интеллектуальное) и заканчивая неорганическими (физические процессы, происходящие в природе). Возможно,

¹ Под природой в данном случае понимается весь окружающий человека мир.

изучение всего, что человек перенимает из природы, позволило бы нам приблизиться к его пониманию. Как следствие, это могло бы ознаменовать новый шаг во врачебной науке. Но для этого необходимо понять все существо человеческого организма, которое, по мнению Велланского «...не многим известно в науке о нем» (Велланский, 1805: 56). Велланский считает, что современная ему натурфилософия показала существенную сторону человеческого организма в объединении абсолютного и объективного через трансцендентальность (Велланский, 1805: 30).

В связи со сказанным нужно обратить внимание на то, что идеи Велланского о человеке и Природе вписываются в современную экологическую тематику (см., например, (Рочняк, 2023)). Будучи единой, природа, по Велланскому, включает в себя не только живые организмы, иначе бы познание ее заключалось лишь в биологических исследованиях. Сложно представить себе любой организм вне среды его обитания. Среда состоит не только из растений и животных, но и из самого места, включая геологические объекты и физические процессы, протекающие в них. Подобные процессы неизменно сказываются на самих обитателях, вне зависимости от уровня их разумности. Все это позволяет образовать среду, в которой физические и биологические процессы сосуществуют как самоорганизующаяся система. Всю эту систему можно назвать «живой». Так и для Велланского «живым» является все, что способно к движению и изменению. Поэтому даже физические процессы, подразумевающие движение, трактуются им как «живые».

Несмотря на то, что Велланский не получил заслуженной славы в годы своей жизни, его влияние не осталось бесследным для истории медицины. П. Резвых свидетельствует, что Велланский расширил свой терминологический инструментарий еще и благодаря тому, что освоил не только шеллинговскую натурфилософию, но и натурфилософские концепции других авторов, прежде всего Лоренца Окена, которого он переводил на русский язык, а также ученика Шеллинга, врача и философа Игнаца Троклера и более старшего ученого медика и просветителя Альбрехта фон Галлера (Резвых, 2008). Таким образом, многие из нововведений, которые предоставил Велланский, стали частью современной медицинской терминологии, и хотя его имя значилось лишь на страницах учебников и словарей, Велланский помог заложить фундамент для становления медицины наукой.

Философия медицины Велланского актуальна в контексте осмысления проблем современной философии науки. Велланский показал фундаментальное значение рационализма в становлении практико-ориентированных наук. Ценность его философских рассуждений для современной философии науки состоит в том, что в его историческом опыте выразились (в определенном смысле) идеи междисциплинарности, экологичности и человекообразности. Сочетание гуманитарного знания с естественнонаучными исследованиями, которое присутствует в трудах Велланского, позволяет нам сегодня актуализировать его натурфилософию в контексте традиции «положительной» философии на русской почве.

Литература

Велланский, Д. М. (1812), *Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии*, Тип. Иос. Иоаннесова, Санкт-Петербург.

Велланский, Д. М. (1831), *Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу в вещественных видах, деятельных силах и зиждущих началах неорганического мира – составляющая первую половину энциклопедии физических познаний*, Тип. И. Глазунова, Санкт-Петербург.

Велланский, Д. М. (1805), *Пролюзия к медицине как основательной науке*, Медицинская типография, Санкт-Петербург.

Веселовский, К. С. (1901), «Русский философ Д.М. Велланский», *Русская старина*, 105 (1), 5–19.

- Гусев, С. С. (2009), «Междисциплинарность», *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, Касавин, И. Т. (ред.), Канон+ РООИ Реабилитация, Москва, 477–478.
- Казаков, Д. А. (2023), «Обращение русской мысли к философии Шеллинга в XIX веке», *Гуманитарные ведомости ТПГУ им. Толстого*, 3, 89–98. DOI: 10.22405/2304-4772-2023-1-3-89-98; EDN: USTGZK
- Лысцов, Г. (1995), «Велланский Даниил Михайлович», *Русская философия. Малый энциклопедический словарь*, Алешин, А. И. (отв. ред.), Наука, Москва, 87–88.
- Приленский, В. И. (2020), «Велланский», *Русская философия: Энциклопедия*, 3-е изд., дораб. И доп., Маслин, М. А. (общ. ред.), Апрышко, П. П., Поляков, А. П., Солодухин, Ю. Н. (сост.), Мир философии, Москва, 98.
- Резвых, П. (2008), «Ф.В.Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами», *Новое литературное обозрение*, 3, 141-185. EDN: MTDRUN
- Розанов, Н. И. (1867), «Воспоминания о Данииле Михайловиче Велланском», *Русский вестник*, 72, 99–137.
- Рочняк, Е. В. (2023), «Современная экология как идейная база развития философии экологии, экологической философии и философии природы», *Современные философские исследования*, 3, 62–67. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67; EDN: HLMOUY
- Степин, В. С. (2009), *Постнеклассика: философия, наука, культура*, Издательский дом «Мирь», Санкт-Петербург.
- Филомафитский, А. М. (1836), *Физиология, изданная для руководства своих слушателей*, Университетская типография, Москва.
- Щедрина, И. О., Щедрина, Т. Г. (2024), «“Он человек весь “огонь и пламень”». К 250-летию юбилею Д. М. Велланского», *Человек*, 6, 144–157. DOI: 10.31857/S0236200724060098; EDN: IXADTX

References

- Filomafitsky, A. M. (1836), *Fiziologiya, izdannaya dlya rukovodstva svoikh slushateley* [Physiology, published to guide his listeners], University Printing House, Moscow, Russia, (in Russ.).
- Gusev, S. S. (2009), “Interdisciplinary”, *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], Kasavin, I. T. (ed.), Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, Moscow, Russia, (in Russ.).
- Kazakov, D. A. (2023), “The turn of Russian thought to Schelling's philosophy in the 19th century”, *Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University*, 3, 89-98 (in Russ.). DOI: 10.22405/2304-4772-2023-1-3-89-98; EDN: USTGZK
- Lystsov, G. (1995), “Vellansky Daniil Mikhailovich”, *Russkaya filosofiya. Maliy entsiklopedicheskiy slovar* [Russian Philosophy. Small Encyclopedic Dictionary], Alechin, A. I. (ed.), Nauka, Moscow, Russia, 87-88 (in Russ.).
- Prilensky, V. I. (2020), “Vellansky”, *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia], 3rd ed., revised and enlarged, Maslin, M. A. (general ed.), Apryshko, P. P., Polyakov, A. P., Solodukhin, Yu. N. (compiled), Mir filosofii, Moscow, Russia, 98 (in Russ.).
- Rezvykh, P. (2008), “F.W.J. Schelling in Dialogue with Russian Intellectuals”, *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 3, 141-185 (in Russ.). EDN: MTDRUN
- Rozanov, N. I. (1867), “Memories of Daniil Mikhailovich Vellansky”, *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 72, 99-137 (in Russ.).
- Rochnyak, E. V. (2023), “Modern ecology as an ideological basis for the development of the philosophy of ecology, ecological philosophy and philosophy of nature”, *Contemporary philosophical research*, 3, 62-67 (in Russ.). DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67; EDN: HLMOUY
- Stepin, V. S. (2009), *Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura* [Postunclassic: philosophy, science, culture], Izdatelskiy dom «Mir», St. Petersburg, Russia, (in Russ.).
- Shchedrina, I. O. & Shchedrina, T. G. (2024), “A Man of ‘Fire and Flame’. On The 250th Anniversary of D. M. Vellansky”, *Chelovek*, 6, 144-157 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0236200724060098; EDN: IXADTX
- Vellansky, D. M. (1812), *Biologicheskoe issledovanie prirodi v tvoriashchem i tvorimom eyo kachestve, soderzhashchee osnovnie nachertaniya vseobshchei fiziologii* [A biological study of nature in its creative and created capacity, containing the basic outlines of universal physiology], Printing house of Ios. Ioannesov, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Vellansky, D. M. (1831), *Opytnaya, nablyudatel'naya i umozritel'naya fizika, izlagayushchaya prirodu v veshchestvennykh vidakh, deyatelnykh silakh i zizhdushchikh nachalakh neorganicheskogo mira – sostavlyayushchaya pervuyu polovinu entsiklopedii fizicheskikh poznaniy* [Experimental, observational and speculative physics, which presents nature in material forms, active forces and fundamental principles of the inorganic world, constitutes the first half of the encyclopedia of physical knowledge], Printing house of I. Glazunov, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Vellansky, D. M. (1805), *Prolyuziya k meditsine kak osnovatelnoi nauke* [Prolusion to Medicine as a Fundamental Science], Meditsinskaya tipografiya, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Veselovsky, K. S. (1901), “Russian philosopher D.M. Vellansky”, *Russkaya starina*, 105 (1), 519 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Боженок Кирилл Александрович, младший научный сотрудник сектора Философии естественных наук, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; kirikus98@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Kirill A. Bozhenok, Research Fellow, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; kirikus98@gmail.com

УДК 801.73

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-8

Нарожный Т. И.

Немецкие «вехания» и «низкий стиль» в письмах
А.А. Григорьева Н.Н. Страхову (некоторые наблюдения)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
narozhny@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается переписка А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова 1860-1862 гг. как один из важнейших источников рецепции и оригинального переосмысления идей немецкой классической философии в русской мысли середины XIX века. Основное внимание уделяется анализу философской позиции А.А. Григорьева, который в своих воззрениях совершил переход от Гегеля к Шеллингу, что противоречило общему интеллектуальному движению эпохи. Философия откровения и органическая концепция искусства стали фундаментом «органической критики», созданной Григорьевым. Показывается, что приверженность Григорьева Шеллингу не была эпигонством, – напротив, она явилась следствием осознанного выбора, направленного против утилитаризма 1860-х гг. и гегельянского рационализма, а также легла в основу самобытной почвеннической эстетики.

Ключевые слова: А.А. Григорьев, почвенничество, Шеллинг, эстетика, эпистолярное наследие, русская мысль XIX века

Для цитирования: Нарожный, Т. И. (2025), «Немецкие «вехания» и «низкий стиль» в письмах А.А. Григорьева Н.Н. Страхову (некоторые наблюдения)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 213-219. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-8

T. I. Narozhny

“Trends” of the German aesthetic-philosophical tradition
in the epistolary dialogue of A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; narozhny@list.ru

Abstract. This paper examines the correspondence between A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov in 1860-1862 as one of the most important sources of reception and original reinterpretation of the ideas of classical German philosophy in Russian thought of the mid-19th century. Primary attention is paid to the analysis of A.A. Grigoriev’s philosophical position, which in its views made a transition from Hegel to Schelling, which contradicted the general intellectual movement of the era. The philosophy of revelation and the organic concept of art became the foundation of the “organic criticism” developed by Grigoriev. The article demonstrates that Grigoriev’s commitment to Schelling was not epigonism; on the contrary, it was the result of a conscious choice directed against the utilitarianism of the 1860s and

Hegelian rationalism, and also formed the basis of a distinctive *pochvennik* aesthetics (ideas based on a return to folk roots).

Key words: A.A. Grigoriev; *pochvennichestvo*; Schelling; aesthetics; epistolary heritage; Russian thought of the 19th century

For citation: Narozhny, T. I. (2025), “‘Trends’ of the German aesthetic-philosophical tradition in the epistolary dialogue of A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 213-219, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-8

Философское и литературно-критическое наследие Аполлона Григорьева представляет собой уникальное, во многом парадоксальное явление в истории русской мысли XIX века. Воззрения мыслителя, его концепция «органической критики» с большим трудом поддаются реконструкции и обстоятельному теоретическому комментированию. Причиной тому является не столько фрагментарность или незавершенность его идей, сколько его принципиальный отказ от построения жестких умозрительных схем, что сам Григорьев порицал в своих оппонентах. Эта особенность его философской позиции напрямую связана с исключительным «речевым активизмом» Григорьева, его склонностью мыслить не в категориях застывшей системы, а в динамике живого, эмоционально насыщенного слова, которое само становится инструментом и формой познания. В этом контексте эпистолярное наследие критика, в частности, его переписка с Н.Н. Страховым, приобретает особую ценность. Письма, как жанр приватный и не скованный цензурными или редакционными рамками, становятся той лабораторией, где мировоззренческие установки Григорьева проявляются с максимальной непосредственностью. Именно поэтому мы предпринимаем попытку анализа двух, на первый взгляд, разнонаправленных явлений в письмах Григорьева к Страхову: осмысления новых немецких философских веяний и активного использования средств «низкого стиля». Наше исследование исходит из предположения, что именно в соединении этих элементов – в рецепции сложнейших философских концепций в горниле экспрессивной, порой сниженной, лексики – наиболее ярко раскрывается антисхематическая природа григорьевской мысли. Попытки «приручить» или «оживить» отвлеченные идеи германской философии через фамильярный, интимный язык письма предстают не просто стилистическим приемом, а фундаментальным методом мышления (Ольхов 2011: 58).

Исследование рецепции немецкой философии (в частности, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля) в философских воззрениях Аполлона Григорьева важно для отечественной интеллектуальной истории, поскольку ряд идей Григорьева, основанных на этих учениях, оказали серьезное воздействие на развитие философской и литературной мысли России в XIX в.

Актуальность исследования связана и с тем, что контекст восприятия Григорьевым идей немецкой философии носил во многом специфический характер. В частности, уникальная система органической критики, предложенная им, во многом была противопоставлена магистральным на тот момент течениям критики эстетической и реалистической как «рассмотрение словесного художества единичных писателей в свете *народных идеалов*¹, как они сложились в зависимости от крови, рода, племени и от исторических обстоятельств» (Розанов, 1995: 601). Григорьев был глубочайшим образом убежден в правоте органической критики, писал об этом Н.Н. Страхову: «Что мы на время *ненужные* люди, это надобно переварить. То, чему мы служили, во что веруем, т. е. Дух, истина, прекрасное, стремление – поверь мне, неиссякаемо и еще не раз поднимется к небу, если не стройным целым Парфенона

¹ Курсив в цитатах везде авторский. – Прим. ред.

и не стрелами готических соборов – то чем-нибудь другим, равно прекрасным, равно свидетельствующим о борьбе и силе духа» (Григорьев, 1999: 232). Иными словами, речь идёт о речевом мышлении особенного служения и веры Григорьева, которая выходила за пределы реализма в мышлении в сторону целостной и конкретно-всеобщей философии истины. Как отмечал В.В. Розанов, «Григорьев может почитаться у нас единственным и первым критиком, стоявшим на почве более обширной, чем литературные партии и только свои личные вкусы» (Розанов, 1995: 601).

В то же самое время реальная критика, постулаты которой были разработаны Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, была основана на идее, что литература не только может, но и должна преобразовывать мир, а значит, ее основная задача – остро реагировать на злободневные темы. Для Григорьева ориентация на принципы реальной критики представляется фатальной ошибкой, а самые эти принципы – примитивными и не имеющими достаточного обоснования. Так, в письме к Страхову от 17 сентября 1860 г. Григорьев поставил ряд риторических вопросов: «Что ты *несешь* о торжестве теорий "Современника"? В чем эти теории? Допрашивал ли ты себя хорошенько о концах концов этих теорий? Кажется, что нет ...» (Григорьев, 1999: 231). Известно, что Григорьев считал всех западников, в том числе и редакцию «Современника», предателями, поскольку те провозглашали примат прогресса цивилизации над ценностями национальной культуры и отрицали, помимо прочего, влияние Пушкина и его наследия на развитие российского литературного процесса, с чем Григорьев в корне не был согласен. В статье 1861 г. «Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы» он подчеркивал: «Пушкин не западник, но и не славянофил, Пушкин – русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение с сферами европейского развития...» (Григорьев, 1980: 203). В письме в июне того же 1861 г. Григорьев философствует: «Я дошел до глубокого презрения к литературе *Прогресса*. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютного, — я столь же мало понимаю рабство перед минутой, рабство демагогическое, как рабство перед деспотами. Лучше я буду киргизов обучать русской грамоте — чем *обязательно* писать в такой литературе, в которой нельзя подать смело руку хоть бы даже Аскоченскому в том, в чем он прав, и смело же спорить — хоть бы даже с Герценом, в чем он не прав» (Григорьев, 1999: 250). И далее: «...честному и уважающему свою мысль писателю нельзя *обязательно* литераторствовать. Негде!» (Григорьев, 1999: 251). Непримиримость к постулатам реальной критики оборачивалась для Григорьева немалыми трудностями профессиональной самореализации.

В свою очередь, эстетическая критика П.В. Анненкова, А.В. Дружинина и В.П. Боткина зиждилась исключительно на концепции «чистого искусства». Представители этого направления провозглашали самоценность художественного творчества и абсолютную независимость его от политической ситуации и общественных ожиданий, что в плане беспартийности встречало гораздо более благосклонные отклики Григорьева, но позицией абстрагирования от актуальных проблем народной жизни не соответствовало его представлениям о сущности критики. В частности, в уже упоминавшемся письме от 17 сентября 1860 г. Григорьев сообщал Страхову: «Статья же моя о Пушкине, <...> которой зрелостью и ясностью ужасно довольна редакция «Вестника» (и что всего важнее – сам я, что редко со мною бывает), пролежит еще, может быть, до января – и винить их не могу. У «Вестника» задачи *политические* главным образом, а не философские и не эстетические. Политическим их задачам смело может подать руку каждый честный гражданин, и посему я готов быть г...чистом «Вестника». Пусть в отдаленнейших результатах, т.е. в вере в славянство, в народ и т.д., — я с ними и разойдусь, да *покаместь*-то они более других правы служением идее self-government, ненавистью к централизации, культом мира, свободы, законности» (Григорьев 1999: 232).

Что же касается концепции органической критики, разработанной А.А. Григорьевым, то она представляет собой, в сущности, философски сняв искусственные ограничения, попытку войти в некоторый общий живой онтологический горизонт обеих предыдущих разновидностей критик. Характерной чертой концепции Григорьева было признание фундаментального тождества жизни, искусства и художественной критики – вне зависимости от того, какими качествами наделена личность творца и его политическая платформа. Так, например, в письме от 18 июня 1861 г. он излагал следующие принципы своего поведения в профессии: «...1) я не могу и не хочу отречься от признания *глубоким* мышления Хомякова, Киреевского и о. Феодора. 2) что я не могу и не хочу отречься *даже* от права перед именем Погодина выставить буквы: М.П., т.е. Михаил Петрович, — и от права говорить с уважением о трудах Шевырева, свободно говоря и о его недостатках и смешных сторонах. 3) что если б мне случилось в чем-либо признать историческую важность мысли *Бурачка*, я ее признаю» (Григорьев 1999: 251).

В отличие от ряда других выдающихся мыслителей своего времени, А.А. Григорьев ориентировался по большей части на воззрения Шеллинга, а не Гегеля: «Я верю с Шеллингом, что бессознательность придает произведениям творчества их неисследимую глубину. В душе художника истинного эта способность видеть орлиным оком общее в частном есть непременно синтетическая, хотя и требующая, конечно, поддержки, развития, воспитания. Тот, кто рожден с такого рода объективностью, есть уже художник истинный, поэт, творец» (Григорьев, 1980: 113).

Как уже многократно отмечалось в исследованиях, эволюция взглядов Григорьева шла сложным путём, под влиянием обширного круга чтения и дискуссий, в богатом интеллектуальном контексте, как об этом пишет Д.И. Чижевский: «... у поколения “сороковых годов” мы встречаем прежде всего интерес к целостной системе мыслей Шеллинга, к основным мыслям его мировоззрения, и прежде всего искание в философии Шеллинга определенного философского метода. *Так* интересовался Шеллингом Станкевич, *так* увлекался Шеллингом Катков и позже Аполлон Григорьев» (Чижевский, 2007: 66). При этом давало о себе знать влияние Гёте, Шиллера, которых А. Григорьев переводил, разумеется, Фридриха Шлегеля, основоположника близкой к Григорьеву и Страхову теории романтической иронии и др. Тем не менее, надо полагать, наиболее сильным было всё же влияние шеллингианства, самобытно переосмысленного (Журавлёва, 1980: 11).

Ф. Шеллинг утверждал, будто познание бытия возможно не только и не столько посредством философии и логики, но и посредством художественных образов и эстетической интуиции, при этом мышление и бытие абсолютно тождественны (Шеллинг 1966: 74). Согласно концепции Шеллинга, искусство выступает высшей формой познания и способом самосозерцания духа, где гений создает произведения таким же образом, как это делает природа. Искусство открывает философу в творчестве то бессознательное, что невозможно выразить иначе. Именно поэтому искусство, по Шеллингу, является высшей естественной структурой мира – тем типом познания, что носит первичный, в отличие от научного познания, характер (Шеллинг, 1966: 51-52; 162-163). Эта идея находит отражение в письме Григорьева к Страхову от 23 сентября 1861 г.: «Не говори мне, что я жду невозможного, такого, чего время не дает и не даст. Жизнь есть глубокая ирония во всем. Во времена торжеств *рассудка* она вдруг показывает оборотную сторону медали, посылает Кальостро и проч.; в век паровых машин – вертит столы и приподнимает завесу какого-то таинственного, иронического мира духов странных, причудливых, насмешливых, даже похабных...» (Григорьев 1999: 263).

В соответствии с духом своей эпохи Григорьев настаивает на том, чтобы мировоззренческие установки художника были сформулированы максимально отчетливо, причем краеугольным камнем должны были стать твердые нравственные идеалы, а не просто стройная система взглядов на жизнь. Как отмечал сам А.А. Григорьев, «ничто в такой степени

не необходимо художнику, как мирозерцание. Талант находится в прямом отношении с жизнью, и большая или меньшая степень воспроизведения жизни есть вместе с тем и высшая или низшая степень правильного отношения к ее явлениям, то есть к действительности» (Журавлёва, 1980: 23). Через нравственную чуткость художник и органическая критика самым прямым образом соединяются с народной жизнью, поскольку «Каждое общество, каждый народ – подразумевается правильно и свободно развившиеся – носят в себе известные органические начала жизни, отражающиеся более или менее определенно и неуклонно во всех внешних явлениях их существования, – в нравах, обычаях, даже предрассудках, освященных веками» (Григорьев, 1986: 268).

Известно, что работы Григорьева во многом адогматичны: критик стремился к диалогу, зачастую даже с теми, кто был его оппонентом постоянно или же имел точку зрения, отличную от позиции Григорьева, в частности, в адресованном Н.Н. Страхову письме он весьма сочувственно высказывается о литераторах младшего поколения, сначала о беллетристе Всеволоде Крестовском: «Малому *учиться* надобно, а *ужасное* отсутствие средств к жизни сделало из него *писателя*. Он постоянно в ложном положении — мой бедный, добрый, но безосновный ребенок!..» (Григорьев, 1999: 233). И далее: «Скажи Случевскому, когда воротится, чтобы написал ко мне. Это изо всех *молодых* – единственная *Личность*, пусть немножко и холодная, пусть и страшно самолюбивая, но *личность*» (там же).

Такое совпадение настроения непосредственной умственной и эмоциональной отзывчивости в литературных работах и личных письмах подтверждает, что критерием григорьевского принципа «органичности» является мера жизненности явлений, того, насколько глубоко уходят они корнями в народную жизнь, в какой степени являются ее «веяниями» и «голосами» (Малецкая, 2007: 12). Именно поэтому для содержательной характеристики воззрений Григорьева необходимо изучать и его эпистолярные работы: как видим, переписка его с Н.Н. Страховым представляет собой не что иное, как творческую лабораторию, в которой апробировались основные идеи почвеннической критики.

Письма Григорьева Страхову 1860-1862 гг. показывают, что шеллингизм Григорьева было не архаичным пережитком, а сознательной, полемически заострённой философской доминантой, и Страхов в этом диалоге становится не пассивным адресатом, а собеседником, которому Григорьев находит возможным пояснять и защищать свои воззрения.

Важно уточнить, что в анализируемых письмах Григорьев ни разу не позиционирует себя как апологета Шеллинга и сознательного антигегельянца. Однако такая позиция прослеживается и в том, какие предметы он выбирает для обсуждения, и в том, какова философская снота его воззрений. В частности, Григорьеву чужды панлогизм, схематизм, неспособность объяснить индивидуальное. В то же время его привлекает учение об искусстве как о высшем синтезе сознательного и бессознательного: «В словах так называемого *Писания* есть, мой милый, действительно какая-то таинственная сила. Вдумывался ли ты серьезно в книгу Иова, в эти стоны, с глубоким сердцеведением вырванные из души человеческой? Там, между прочим, в этом апокалипсисе Божественной иронии, есть слова: “*Страх, его же убояхся, найде на мя*”, – страшный смысл которых рано или поздно откроется и тебе, искателю истины, как давно уже раскрылся он мне. Да! чего мы *боимся* – то именно к нам и приходит...» (Григорьев 1999: 250). Именно в этом, на наш взгляд, кроется причина того, что Григорьев в своих воззрениях проходит путь от шеллингизма к гегельянству и обратно: очевидно, что сформулированная им идея «исторического чувства» не может отрицать самого исторического воззрения вовсе, однако сам он воспринимает это как порождение гегельянства – сугубо теоретическое, избыточно прогрессивное и даже деспотическое. В то же время историческое чувство для Григорьева – не что иное, как естественный способ интуитивного постижения жизни, которое позволяет видеть каждое ее проявление как нечто самоценное, ведь сами

история и культура, в особенности литература, – живые, органические явления (Ольхов, Мотовникова, 2015).

Итак, можно прийти к заключению, что характерное для критика обращение к идеям шеллингианской философии и одновременное использование экспрессивной, сниженной лексики является не просто стилистической особенностью, а ключевой характеристикой «метода». Вступая в полемику со сторонниками «реальной» и «эстетической» критики, А.А. Григорьев использует средства «низкого стиля» как инструмент для «оживления» собственных идей, составляющих основу органической критики. Его сознательная ориентация на философию Ф. Шеллинга, в противовес гегелевскому схематизму, находит практическое воплощение в языке писем, в которых абстрактные категории находят осмысление сквозь призму живой речи – эмоциональной и иногда экспансивной. Таким образом, эпистолярный Аполлона Григорьева представляется творческой лабораторией, в которой его органическое мышление, отвергающее умозрительные схемы, находит свое самобытное выражение в синтезе высокого философского содержания и интимно-личностной, экспрессивной формы.

Литература

- Авдеева, Л. Р. (1992), *Русские мыслители: Ап. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов: Философская культурология второй половины XIX в.*, Изд-во МГУ, Москва. EDN: TAYUBF
- Григорьев, А. А. (1986), *Искусство и нравственность*, комм. Егоров, Б. Ф., Современник, Москва.
- Григорьев, А. А. (1999), *Письма*, подгот. Виттакер, Р., и Егоров, Б. Ф., Наука, Москва.
- Григорьев, А. А. (1980), *Эстетика и критика*, сост. Журавлёва, А. И., Искусство, Москва.
- Журавлёва, А. И. (1980), «Органическая критика Аполлона Григорьева», в кн.: Григорьев, А. А. (1980), *Эстетика и критика*, сост. Журавлёва, А. И., Искусство, Москва, 7-50.
- Малецкая, Ж. В. (2007), *Н.Н. Страхов – критик И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого*, Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01, Махачкала. EDN: NJDTZZ
- Ольхов, П. А. (2011), *Диалог и История: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX-XXI вв.*, Научная книга, Москва. EDN: QXECQD
- Ольхов, П. А., и Мотовникова, Е. Н. (2015), «История как жизненное целое: А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов в поисках органического понимания истории», *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 3, 88-95. EDN: UKSPKV
- Розанов, В. В. (1995), «К 50-летию кончины Ап. А. Григорьева», *Собрание сочинений. О писательстве и писателях*, Николукин, А. Н. (ред.), Республика, Москва, 600-602.
- Чижевский, Д. И. (2007), *Гегель в России*, Наука, Санкт-Петербург.
- Шеллинг, Ф. В. Й. (1966), *Философия искусства*, Перевод с немецкого Попов, П. С., Мысль, Москва.

References

- Avdeeva, L. R. (1992), *Russkiye mysliteli: Ap. Grigoriev, N. YA. Danilevskiy, N. N. Strakhov: Filosofskaya kulturologiya vtoroy poloviny XIX v.* [Russian thinkers: Ap. Grigoriev, N. Ya. Danilevsky, N. N. Strakhov: Philosophical cultural studies of the second half of the 19th century], Moscow State University Press, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: TAYUBF
- Chizhevsky, D. I. (2007), *Gegel v Rossii* [Hegel in Russia], Nauka, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
- Grigoriev, A. A. (1980), *Estetika i kritika*, [Aesthetics and criticism], compiled by Zhuravleva, A. I., Iskustvo, Moscow, Russia (in Russ.).
- Grigoriev, A. A. (1986), *Iskusstvo i nravstvennost* [Art and Morality], commentary by Egorov, B. F., Sovremennik, Moscow, Russia (in Russ.).
- Grigoriev, A. A. (1999), *Pisma* [Letters], prepared by Whittaker, R., and Egorov, B. F., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Maletskaya, Zh. V. (2007), “N.N. Strakhov as a critic of I.S. Turgenev and L.N. Tolstoy”, Abstract of PhD dissertation in Russian Literature, Dagestan State University, Makhachkala, Russia (in Russ.). EDN: NJDTZZ

Olkhov, P. A. (2011), *Dialog i Istoriya* [Dialogue and History], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QXECQD

Olkhov, P. A., & Motovnikova, E. N. (2015), "History as a vital whole: A. A. Grigoriev and N. N. Strakhov in search of an organic understanding of history", *Humanitarian Research in the Russian Far East*, 3, 88-95 (in Russ.). EDN: UKSPKV

Rozanov, V. V. (1995), "To the 50th anniversary of the death of Ap. A. Grigoriev", *Sobranie sochineniy. O pisatelstve i pisatelyakh*, [Collected works. On writing and writers], Nikolyukin, A. N. (ed.), Respublika, Moscow, Russia, 600-602 (in Russ.).

Schelling, F. W. J. (1966), *Filosofiya iskusstva*, [Philosophy of Art], Transl. from German by Popov, P. S., Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhuravleva, A. I. (1980), "Organic Criticism of Apollon Grigoriev", in Grigoriev, A. A. (1980), *Estetika i kritika*, [Aesthetics and criticism], compiled by Zhuravleva, A. I., Iskusstvo, Moscow, Russia, 7-50 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нарожный Трофим Игоревич, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; narozhny@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Trofim I. Narozhny, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; narozhny@list.ru

УДК 993, 748.

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-9

Полетаева Т. А.

**Христианство и миссия: ценностно-смысловые установки
в трудах ученых Института православных христианских
исследований в Кембридже¹**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
ул. Новокузнецкая, д. 236, г. Москва, 115184, Российская Федерация; polet_ta@mail.ru
Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Белгородский пр., д. 75, г. Белгород, 308009, Российская Федерация; bpds_umo@mail.ru

Аннотация. В рецензии впервые на русском языке актуализируются ценностно-смысловые установки ученых Института православных христианских исследований в Кембридже. Наибольшее внимание уделено кембриджским трудам последних лет (2023, 2024 гг.) Д. Думбравы и Р. Истрати, которые отличает историографическая полнота и исследовательская обстоятельность. Отмечается как основной – социально-аксиологический настрой кембриджской литературы. Сосредоточение исследовательского внимания анализируется в связи с результатами русской дипломатической миссии, проведенной Н. Милеску в исторической Северной Азии, и комментариями результатов этой миссии Дж. Бэддели в контексте сравнения научных достижений православных миссионеров и миссионеров-иезуитов в XVII веке в области этнографии, представленными Д. Думбравой. Аналитический обзор Р. Истрати с соавторами интересен в связи с обобщением деятельности современных социальных служб в Великобритании и других англоязычных странах по оказанию помощи пострадавшим от домашнего насилия в общинах мигрантов и национальных меньшинств в контексте изучения степени учета религиозных убеждений пострадавших при организации им помощи.

Ключевые слова: дипломатическая миссия; иезуиты; православные миссионеры; этнография; современное мультикультурное общество; домашнее насилие; религиозные факторы

Для цитирования: Полетаева, Т. А. (2025), «Христианство и миссия: ценностно-смысловые установки в трудах ученых Института православных христианских исследований в Кембридже», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 220-227. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-9

¹ Dumbravă, D. (2023), "A Brief Historiographical Note Related to North Asia: Nicolae Milescu (1636–1708) & John Frederick Baddeley (1854–1939)", *SUBBTO*, 68 (1), 147-161; Istratii, R., Ali, P. and Feder, G. (2024), "Integration of religious beliefs and faith-based resources in domestic violence services to migrant and ethnic minority communities: A scoping review", *Violence: An International Journal*, 5 (1), 94-122.

T. A. Poletaeva

Christianity and Mission: Value-Semantic Attitudes in the Works of Scholars at the Institute of Orthodox Christian Studies in Cambridge¹

Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities,
23b Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russian Federation; polet_ta@mail.ru
Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation),
75 Belgorodsky Ave., Belgorod, 308009, Russian Federation; bpds_umo@mail.ru

Abstract. This is the first Russian review to highlight the values and ideas of scholars at the Institute for Orthodox Christian Studies in Cambridge. Particular attention is given to the recent Cambridge works (2023, 2024) by D. Dumbrava and R. Istrata, which are notable for their historiographical completeness and the thoroughness of their research. It is noted that the main focus of Cambridge literature is socio-axiological. The concentration of research attention is analysed in connection with the results of the Russian diplomatic mission conducted by N. Milescu in historical North Asia and J. Badeli's commentary on these results in the context of a comparison of the scientific achievements of Orthodox and Jesuit missionaries in XVII-century ethnography, as presented by D. Dumbrava. R. Istrata's analytical review is interesting in the context of the generalisation of the activities of modern social services in the United Kingdom and other English-speaking countries in providing assistance to victims of domestic violence in migrant and national minority communities, and the degree to which religious beliefs are taken into account when organising this assistance.

Keywords: diplomatic mission; Jesuits; Orthodox missionaries; ethnography; modern multicultural society; domestic violence; religious factors

For citation: Poletaeva, T. A. (2025), "Christianity and Mission: Value-Semantic Attitudes in the Works of Scholars at the Institute of Orthodox Christian Studies in Cambridge", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 220-227, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-9

Институт православных христианских исследований в Кембридже (IOCS), основанный в 1999 г. по благословению православных иерархов Западной Европы и известный тем, что в нем преподавали в свое время митрополит Диоклийский Каллист, митрополит Иоанн Зизиулас, отец Фома Хопко, отец профессор Эндрю Лаут, архимандриты Симеон и Захария из Иоанно-Предтеченского монастыря (Эссекс), а также митрополит Сурожский Антоний, является уникальным общеправославным международным академическим центром, развивающим свою деятельность во благо Православной церкви. Институт проводит свои исследования в ряде научных центров – Центре антропологии и этнографии православного христианства, Кембриджском центре православных исследований экуменизма, Центре теологии и философии восточного православия. В профессорско-преподавательском составе института – британские и приглашенные из США и европейских стран исследователи, профессора и лекторы, научные интересы которых охватывают широкий спектр вопросов из области философской теологии, философии, русской религиозной мысли, философии языка, практического, литургического и пастырского богословия, восточного православного богословия, христианской духовности, этнографии, искусства, литургического и этического

опыта православного христианства, библеистики, истории Церкви, византологии, социологии, изучения взаимосвязи религии, культуры и политики, богословия культуры, межрелигиозных и межконфессиональных отношений и многих других.

Учеными IOCS активно развивается междисциплинарное направление, в котором соединяются историографические, социологические, философские и богословские исследования. Это направление можно условно назвать направлением христианской миссии. В рамках данного направления были отобраны две статьи на английском языке, опубликованные в рецензируемых журналах за последние три года преподавателями института IOCS – румынкой Даниелой Думбравой и британкой Роминой Истрати (вместе с соавторами британцами Парвин Али и Джинном Федером), на основании которых можно определить ценностно-смысловые установки преподавателей Института православных христианских исследований в Кембридже в контексте изучения как исторических, так и современных аспектов миссионерского поля организации христианской миссии в современном обществе в среде нехристианских религий.

Даниела Думбрава – научный сотрудник Института православных христианских исследований в Кембридже и член-корреспондент Института истории религии Румынской академии. Статья под ее авторством, имеющая в переводе на русский язык название «Краткая историографическая справка, связанная с северной Азией: Николай Милеску (1636–1709) и Джон Фредерик Бэддели (1854–1939)»² (0,9 п. л.), была опубликована в 2023 г. (Dumbravă, 2023). Статья посвящена исторической дипломатической миссии Николае Милеску Спафария, путешествовавшего через Сибирь в Китай. По жанру статья может быть определена как историографическая и историко-аналитическая с элементами картографических описаний, дипломатических и миссионерских сведений. Язык статьи информативный, строго научный. Динамизм дискурса научно-исторического исследования обусловлен калейдоскопически меняющейся исторической информацией.

В статье можно выделить несколько смысловых частей:

1. Введение с обоснованием историографического внимания к текстам и сопровождающим их картам Северной Азии, связанных с дипломатической миссией в Китай Николае Милеску Спафария, уроженца Молдавии, одного из крупных представителей южно-восточноевропейского гуманизма XVII в.

2. Биографический очерк о Николае Милеску, акцентирующий внимание на факте служения его в качестве дипломата интересам России в лице Петра Первого.

3. История открытия рукописей Николае Милеску географом Ю. Арсеньевым в кремлевской сокровищнице в конце XIX в., в период строительства Транссибирской магистрали при императоре Николае Втором.

4. Оценка значения деятельности Николае Милеску в установлении российско-китайских дипломатических отношений (отношений «Москвы с династией Цин») и его картографического наследия по Северной Азии.

5. Реконструкция взаимодействия Милеску с иезуитом Вербистом, наставником молодого императора и переводчиком, в Пекине в ходе установления дипломатических связей Москвы с Пекином.

6. Исторический экскурс в XVII век в Маньчжурию с описанием истории появления династии Цин в результате завоевания Пекина маньчжурами, плавно переходящий в характеристику связей Милеску с китайцами.

7. Характеристика научного сотрудничества по рукописям Николае Милеску первооткрывателя этих рукописей Юрия Арсеньева с европейскими учеными начала XX в.:

² Здесь и далее перевод мой. – Т. П.

британским исследователем Северной Азии Джоном Бэддели и французским лингвистом, филологом Эмилем Пико, знатоком эпохи Возрождения Юго-Восточной Европы.

8. Описание первой уникальной этнографической карты митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия в контексте сравнения русского картографирования как более информативного и тщательного по сравнению с европейским картографированием раннего нового времени, созданным иезуитами.

9. Высокая оценка шедевра митрополита Корнилия членами Королевского географического общества в Лондоне Джоном Бэддели и Эдвардом Хивудом, экспертом в области истории картографии Средних веков и Ренессанса.

Д. Думбрава отмечает, что контакты Милеску с иезуитами при пекинском дворе превратились после его возвращения в Москву в ценный источник топографических и картографических данных, а иезуит «Фердинанд Вербист (1623–1688), чье китайское имя было известно как Нан Хуай-джен или Нан Тун-по» (Dumbravă, 2023: 149), в Пекине был не только самым полезным в миссии Милеску, выполняя роль переводчика дипломатической переписки между Пекином и Москвой, но и собирал информацию «для Москвы», которая одновременно должна была послужить католическим иезуитам-миссионерам, чьей главной миссией, по словам Д. Думбравы, было внедрение европейской науки в Китае.

Интересен подчеркиваемый автором факт, что в XVII в. исследованиями Китая занимались либо русские миссионеры, либо иезуиты, что нашло отражение в картографии этого времени в большом количестве топонимов и этнонимов.

Д. Думбрава акцентирует внимание на том, что китайцы в эпоху династии Цин не имели доступа к высшим должностям, и Николае Милеску «во время своей миссии находился под защитой маньчжурского ордена “Белое знамя с каймой” в лице генерала Ма-ла» (Dumbravă, 2023: 150). Добытые о Китае сведения, которые доставил Милеску в Москву, были интересны не только католическим миссионерам (иезуитам), но и всем иностранным делегациям в Москве, пытавшимся тайно получить информацию о сибирских территориях на границе с Китаем, которые в то время были совершенно недоступны для изучения дипломатическими миссиями большинства европейских государств (Dumbravă, 2023: 151).

Важно с исследовательской точки зрения, что именно благодаря Ю. Арсеньеву тексты Милеску о Северной Азии и о его взаимодействии с цинским правительством были переведены на русский язык в 1882 г., а на английский – в 1919 г., благодаря Бэддели, который и изложил все переведенные материалы в двухтомном труде «Россия, Монголия, Китай» и которому за этот труд в 1921 г. была пожалована Викторианская медаль – награда, учрежденная в честь королевы Виктории (Dumbravă, 2023: 157-158), а Королевское географическое общество в Лондоне отметило этот труд как одно из величайших достижений по исследованию сибирских территорий в контексте изучения истории взаимоотношений Китая с Россией.

Интересным наблюдением Д. Думбравы является констатация особого богатства топонимов и этнонимов, свойственного русским картам, которые этим кардинально отличались от ранних европейских карт Нового времени. Д. Думбрава при этом в качестве примера приводит уникальную этнографическую карту Северо-Восточной Азии, созданную святителем Русской православной церкви митрополитом Сибирским и Тобольским Корнилием в 1673 г., подчеркивая, что эта карта была одной из наиболее полных этнографических карт коренных народов Евразии, которые когда-либо были созданы. Величайшее значение научного труда митрополита Корнилия подтверждается тем фактом, что в индекс этой карты входили земли «маньчжуров (богдоев), желтых монголов, корейцев, Китайской империи, Хивинского княжества, Бухарского царства, кызылбашей, мангутов, входящих в группу ногайцев, тангутов (тибетцев), земли калмыков, хошоутов, джунгаров,

дербетов, ламунутов, камчадалов, якутов и многих других племен, земли черных монголов и земли белых монголов» (Dumbravă, 2023: 156).

Шедевром митрополита Корнилия восхищались британцы Джон Бэддели и Эдвард Хивуд из Королевского географического общества в Лондоне. Д. Думбрава констатирует, что русская и иезуитская картография сыграли решающую роль в определении первой границы между Российской империей и Китаем, которым тогда управляла династия Цин, – границы, утвержденной в 1689 году в Нерчинске (Dumbravă, 2023: 157).

Таким образом, в статье Д. Думбравы помимо описания конкретной деятельности главных исторических лиц, имена которых вынесены в заголовок статьи, дается позитивная, взвешенная оценка российской истории и дипломатии, выражается глубокое уважение к Русской православной церкви, признается ее весомый вклад в науку (в данном случае в лице митрополита Корнилия Тобольского и Сибирского), в расширение научных знаний в области географии и этнографии в XVII веке.

Ромина Истрати – доктор философии, стипендиат программы UKRI Future Leaders Fellow в Школе истории, религий и философии Лондонского университета SOAS (School of Oriental and African Studies, т. е. Школы востоковедения и африканистики. – *Прим. П. Т.*) и сопредседатель Центра мирового христианства SOAS. Рецензируемая статья (Istratii, Ali, Feder, 2024), в переводе на русский язык озаглавленная «Обобщение религиозных воззрений, основанных на религиозной вере и убеждениях, в рамках помощи общинам мигрантов и национальных меньшинств в связи с домашним насилием: обзор, намечающий области действия» (1,7 п. л.), в которой Р. Истрати выступает первым соавтором, подготовлена ею вместе с Парвин Али, дипломированной медсестрой и старшим научным сотрудником Академии высшего образования (из университета в Шеффилде), и Джинном Федером (из университета в Бристоле), семейным врачом и профессором первичной медицинской помощи в Бристольской медицинской школе.

Статья посвящена проблеме домашнего насилия и жестокого обращения в мультикультурных западных обществах, прежде всего в Великобритании. По жанру это систематизированный обзор международной англоязычной литературы социологического характера по указанной тематике, который включает постановку проблемы, цели, методы и критическое осмысление исследуемых источников. Хотя стиль статьи строго академический, без каких-либо указаний на религиозную или конфессиональную принадлежность авторов, в целом в статье красной нитью проходит идея необходимости принимать во внимание религиозные убеждения и духовные аспекты при работе с людьми, испытывавшими жестокое обращение в семье. Материал статьи помогает увидеть масштабы проблем жестокости и домашнего насилия, которые волнуют мультикультурные англоязычные общества, прежде всего современной Великобритании, но также США, Канады и Австралии. В статье можно выделить несколько частей:

1. Обоснование актуальности изучения проблемы домашнего насилия в мультикультурных обществах, примером которых является общество Великобритании, и утверждение необходимости принимать во внимание религиозные убеждения жертв насилия при организации им помощи.

2. Постановка проблемы усиления тенденций домашнего насилия в среде мигрантов по причинам «колониального наследия» и проявлений расизма, а также констатация фактов восприятия пострадавшими, имеющими религиозные убеждения, религиозных лидеров как традиционных адресатов обращения за помощью и двойственной роли религиозных убеждений в преодолении домашнего насилия.

3. Описание общих методик обзора, его этапов и параметров, включавших данные из области религиоведения, антропологии, здравоохранения, международного развития и материалы организаций, которые оказывают помощь жертвам домашнего насилия.

4. Изложение результатов обзора в таблицах: содержащей академические исследования и содержащей данные из «серой» литературы (материалов отчетов, документов, руководств, политических документов) с подробным перечислением мест исследования и уточнением тех пунктов, которые не были включены в обзор.

5. Перечисление комбинаций ключевых слов, с помощью которых осуществлялся поиск с использованием Google, Google Scholar и поисковой системы EBSCO для социальных и гуманитарных наук.

6. Краткий обзор 30 работ, посвященных изучению роли религиозных убеждений и духовности в борьбе с домашним насилием, опубликованных на английском языке исследователями США, Австралии, Великобритании и Канады с 2000 по 2023 г.

7. Подведение итогов: констатация отсутствия в США, Великобритании, Канаде и Австралии внутри систем оказания помощи жертвам домашнего насилия внимательного и вдумчивого отношения к религиозным убеждениям потерпевших и вывод о необходимости реализовывать культурно-компетентный подход в преодолении проблем домашнего насилия и жестокости.

Характерными для дискурса проводимого обзора являются термины «религиозный посредник», «поставщик услуг», которые вынесены Р. Истрати с соавторами в ключевые слова. Эти канцеляризмы используются в тексте соответственно для обобщенного обозначения священников или каких-то авторитетных лиц в религиозных общинах и для обозначения психологов или работников социальных служб, оказывающих помощь потерпевшим. Очевиден редукционизм понятия «духовное служение» (которое традиционно выполняют священники) до понятия «посредничество», а понятия «помощь» до понятия «услуга», что ярко демонстрирует, с одной стороны, антропологические реалии современного секуляризованного англоязычного мира, с другой стороны, характеризует особенности авторского подхода к рассматриваемым проблемам – подхода светского и более юридического и социологического, чем философского.

Текст обзора интересен тем, что позволяет увидеть, с какими проблемами сталкивается современное мультикультурное британское общество, в том числе в связи с иммиграцией представителей разных религиозных традиций, которая усилилась в последние годы. Авторы подчеркивают, что именно в общинах мигрантов и этнических меньшинств, оторванных от традиционных условий проживания и потому более уязвимых и наиболее маргинализированных, наблюдается наибольший процент жертв домашнего насилия.

Спектр тематики статей в проводимом обзоре включает в себя материалы по изучению опыта оказания помощи афроамериканкам в США, женщинам-мусульманкам из числа мигрантов, проживающих в Австралии, США, Канаде, Великобритании, по исследованию принудительного контроля, основанному на рассказах жертв насилия в христианском, мусульманском, иудейском, сикхском и буддийском контекстах вероисповедания в Великобритании и многие другие.

Некоторым статьям в обзоре уделяется отдельное внимание. Назовем наиболее яркие примеры из описанных работ, акцентирующих на религиозных факторах.

Так, например, в относительно недавнем исследовании Малвихилл и др., проведенном в Великобритании (Mulvihill et al., 2023), по свидетельству Р. Истрати и ее соавторов, при изучении опыта принудительного контроля на основании рассказов жертв насилия в христианском, мусульманском, иудейском, сикхском и буддийском контекстах вероисповедания обсуждается «концепция *духовного насилия*, которая в последние двадцать лет» (Istratii et al., 2024: 105) развивается британскими исследователями. Авторы данного исследования, в частности, выявили, что для преступников, которые устанавливают принудительный контроль над своими жертвами, характерно использование искаженного религиозного языка, в связи с чем становится обоснованным введение такого термина, как

«религиозный принудительный контроль» (Istratii et al., 2024: 105), а жертвам такого контроля для преодоления духовной травмы нужна специализированная поддержка.

Особое внимание в обзоре уделено и статье, опубликованной в США под авторством Джаясандары и др. (Jayasundara et al., 2017), в которой буддизм, христианство, индуизм, ислам и иудаизм анализируются с точки зрения того, «как религиозные учения могут быть использованы для оправдания жестокого поведения» (Istratii et al., 2024: 108). Авторы статьи приходят к выводу, что религиозные догматы формируют гендерные роли и могут усиливать гендерное неравенство в тех случаях, когда священные тексты понимаются буквально, и поэтому авторы предлагают сотрудникам социальных служб иметь базовые знания о религиях своих клиентов, которые можно использовать, «чтобы найти альтернативы, противодействующие этим неверным толкованиям» (Istratii et al., 2024: 108).

В другом случае Р. Истрати с соавторами приводят пример статьи австралийского исследователя Криспа и др. (Crisp et al., 2024), свидетельствующих о насилии в семье в странах с мусульманским большинством, подчеркивая при этом, что хотя данный факт принято оправдывать законами ислама, в то же время в нем проявляется «глубинная проблема неравного положения женщин и мужчин в обществе» (Istratii et al., 2024: 108) в целом.

Еще в одном случае особое внимание в обзоре уделяется выводам американского исследователя Пайлса (Pyles, 2007), который считает, что «религия парадоксальным образом является одновременно источником помощи и препятствием» (Istratii et al., 2024: 104) для женщин, переживших насилие, причем реакция служителей культа, чья роль, казалось бы, заключается в том, чтобы обеспечить эмоциональную поддержку и утешение пострадавшим, может приводить к замалчиванию ситуации.

Можно отметить также специфическую позицию Р. Истрати в отношении роли духовенства и «религиозных посредников» – она утверждает, ссылаясь в том числе на свои собственные наблюдения пятилетней давности (Istratii, 2020), а также на результаты исследований Джонсона (Johnson, 2015), что «духовенство и религиозные посредники, в более широком смысле, часто первыми слышат о случаях насилия от пострадавших, но зачастую дают вредные советы или не оказывают поддержки» (Istratii et al., 2024: 95-96). Очевидно, такая ситуация является типичной для британского общества на протяжении последнего десятилетия, где Англиканская церковь и другие протестантские деноминации не имеют никакого авторитета среди населения страны, переживающей апогей секуляризации в современную эпоху.

В статье Бёрмана и др. (Burman et al., 2004) констатируется факт, что мультикультурализм британского общества фактически означает культурный и религиозный релятивизм, с одной стороны, и маргинализацию вплоть до патологизации религиозных групп мигрантов, с другой стороны (Istratii et al., 2024: 113). По мнению Р. Истрати и ее соавторов, последнее является следствием недостаточной компетентности и религиозоведческой грамотности представителей светских служб, занятых оказанием помощи жертвам домашнего насилия. Причины маргинализации мигрантских религиозных общин – это колониальное наследие и расизм, а выходом из сложившейся ситуации, по мнению авторов обзора, может стать развитие более гибкого интегрированного реагирования на случаи домашнего насилия, невозможного без учета религиозных и культурных особенностей общин, к которым могут принадлежать жертвы насилия. В видении Р. Истрати и ее соавторов в реалиях современного мира этому могут послужить разработка определенных программ и моделирование способов работы с жертвами насилия с учетом религиозных и культурных факторов.

Таким образом, авторы обзора на примере 30 статей исследуют, как в англоязычных странах реализуется культурно-компетентный подход в решении общественных проблем, в том числе и проблем, связанных с домашним насилием, подчеркивая, что данный подход предполагает знание и понимание духовных и культурных ценностей сообществ, к которым

могут относиться жертвы насилия. Именно на основании такого подхода должны разрабатываться различные модели и программы по оказанию помощи жертвам насилия в обществе в настоящее время.

Для русскоязычного исследователя данный обзор интересен тем, что позволяет увидеть спектр социологических проблем, связанных с домашним насилием, в современном секуляризованном мультикультурном англоязычном мире, что делает проведенное исследование масштабным, цельным и весьма ценным для сравнения и сопоставления реалий англоязычного мира в этой области с подобными реалиями в многоконфессиональном русскоязычном мире.

References

Литература

Burman, E, Smailes, S. L. and Chantler, K (2004), “‘Culture’ as a barrier to service provision and delivery: domestic violence services for minoritized women”, *Critical Social Policy*, 24 (3), 332-357. DOI: 10.1177/0261018304044363; EDN: JRJBT

Crisp, B. R, Epstein, S, Afrouz, R. et al. (2018), “Religious literacy for responding to violence and abuse involves the capacity to go beyond stereotypes”, *International Journal of Human Rights in Health Care*, 11 (2), 100-108.

Dumbravă, D. (2023), “A Brief Historiographical Note Related to North Asia: Nicolae Mănescu (1636–1708) & John Frederick Baddeley (1854–1939)”, *SUBBTO*, 68 (1), 147-161.

Istratii, R (2020), “Adapting Gender and Development to Local Religious Contexts: A Decolonial Approach to Domestic Violence in Ethiopia”, Routledge, London.

Istratii, R., Ali, P. and Feder, G. (2024), “Integration of religious beliefs and faith-based resources in domestic violence services to migrant and ethnic minority communities: A scoping review”, *Violence: An International Journal*, 5 (1), 94-122. DOI: 10.1177/26330024241246810; EDN: BXWBFX

Jayasundara, D. S., Nedegaard, R. C., Flanagan, K. et al. (2017), “Leveraging faith to help end domestic violence: perspectives from five traditions”, *Social Work and Christianity*, 44 (4), 39-66.

Johnson, A. J. (ed.) (2015), *Religion and Men's Violence against Women*, Springer, New York.

Mulvihill, N, Aghtaie, N, Matolcsi, A. et al. (2023), “UK victim-survivor experiences of intimate partner spiritual abuse and religious coercive control and implications for practice”, *Criminology & Criminal Justice*, 37 (3), 773-790. DOI: 10.1177/17488958221112057; EDN: XKUKLX

Pyles, L (2007), “The complexities of the religious response to domestic violence – implications for faith-based initiatives”, *Affilia-Journal of Women and Social Work*, 22 (3), 281-291. DOI: 10.1177/0886109907302271; EDN: JKQXXX

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Полежаева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры новых технологий в гуманитарном образовании, Институт дистанционного образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ул. Новокузнецкая, д. 23б, г. Москва, 115184, Россия; polet_ta@mail.ru; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью), Белгородский пр., д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; bpds_umo@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana A. Poletaeva, PhD in Philosophy, PhD in Philology, Associate Professor, Department of New Technologies in Humanitarian Education, Institute of Distance Education of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 23b Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia; polet_ta@mail.ru; Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), 75 Belgorodsky Ave., Belgorod, 308009, Russia; bpds_umo@mail.ru

УДК 008:39

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-2-0

Червяков В. В.

Этнохудожественный опыт и визуальные коды традиции:
размышление над монографией И.В. Шведовой
«Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта.
Орнамент как средство выражения мировоззрения человека»
(Белгород, 2024)

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; chervyakov.vyacheslav@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена критическому осмыслению монографии И.В. Шведовой «Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта. Орнамент как средство выражения мировоззрения человека» (2024) и представляет собой комплексную оценку теоретической концепции, методологической схемы и эмпирической реализации авторского проекта. В тексте последовательно реконструируются ключевые положения книги: статус орнамента как метаязыка культуры, идея ценностно-визуальных структур как носителей этнокультурной идентичности и методика «чтения» орнаментальных текстов через сочетание герменевтики, феноменологии, компаративистики и иконологического анализа. Особое внимание рецензента уделено эмпирической базе монографии – корпусу домотканого текстиля Белгородского музея народной культуры – и процедурам реконструкции архетипических идеограмм (Творец, Творение, Древо жизни и др.), которые автор выводит как универсалии региональной картины мира. В рецензии анализируются сильные стороны работы (строгость методологической сборки, продуманная и эвристически нагруженная иллюстративная часть, концептуальная ясность терминов «этнохудожественный опыт», «ценностно-визуальная структура», «социокод») и формулируются взвешенные замечания. На основании сопоставления теоретических установок и практических реконструкций делается вывод о том, что монография вносит существенный вклад в развитие философско-культурологического подхода к изучению народной художественной культуры и предлагает рабочую методологию для дальнейшей реконструкции метаязыков регионального наследия в современных художественных и образовательных практиках. Рецензия адресует книгу как исследователям культурологии и этнографии, так и специалистам по музееведению, дизайну и прикладному искусству, заинтересованным в осмысленном возвращении орнамента в поле современной культурной практики.

Ключевые слова: этнохудожественный опыт; орнамент; ценностно-визуальные структуры; этнокультурная идентичность; герменевтика; архетипы; социокод; реконструкция культурного «текста»

Для цитирования: Червяков, В. В. (2025), «Этнохудожественный опыт и визуальные коды традиции: размышление над монографией И.В. Шведовой “Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта. Орнамент как средство выражения мировоззрения человека” (Белгород, 2024)», *Научный*

результат. Социальные и гуманитарные исследования, 11(4), 228-236.
DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-2-0

V. V. Chervyakov

**Ethno-Artistic Experience and Visual Codes of Tradition:
Reflections on I.V. Shvedova's Monograph "Value-Visual Structures
of Ethno-Artistic Experience: Ornament as a Means of Expressing
Human Worldview"**

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; chervyakov.vyacheslav@mail.ru

Abstract. This review offers a critical appraisal of I. V. Shvedova's monograph *Axiological-Visual Structures of Ethno-Artistic Experience: Ornament as a Means of Expressing Human Weltanschauung* (2024) and constitutes a comprehensive evaluation of the work's theoretical framework, methodological design, and empirical realization. The text systematically reconstructs the book's central claims – notably the status of ornament as a metalinguistic code of culture, the notion of “axiological-visual structures” as carriers of ethnocultural identity, and the proposed method for “reading” ornamental texts through a combined hermeneutic, phenomenological, comparative and iconological approach. Special attention is paid to the monograph's empirical basis – a corpus of homespun textiles from the Belgorod State Museum of Folk Culture (approximately 1,500 items) – and to the procedures by which the author reconstructs archetypal ideograms (the Creator, Creation, the Tree of Life, etc.), which she advances as universals of the regionally grounded world-view. The review assesses the work's strengths (the rigor of its methodological assemblage, a well-devised and heuristically rich illustrative apparatus, and conceptual clarity in terms such as “ethno-artistic experience”, “axiological-visual structure” and “sociocode”) and formulates measured reservations (the risk of overgeneralization, the need for more detailed source-criticism of certain parallels, and a call for broader case studies in ethno-futurism and the anthropology of things). On the basis of juxtaposing theoretical premises with practical reconstructions, the reviewer concludes that the monograph makes a significant contribution to the development of a philosophical-cultural approach to vernacular art studies and proposes a viable methodology for the further reconstruction of regional metalanguages within contemporary artistic and educational practices. The review recommends the book to scholars in cultural studies and ethnography as well as to specialists in museology, design and applied arts who are engaged in a context-sensitive reintegration of ornament into contemporary cultural practice.

Keywords: ethno-artistic experience; ornament / ornamental motif; axiological-visual structures; ethnocultural identity; hermeneutics; visual semiotics; archetypes; sociosemiotic code; reconstruction of the cultural “text”

For citation: Chervyakov, V. V. (2025), “Ethno-Artistic Experience and Visual Codes of Tradition: Reflections on I.V. Shvedova's Monograph ‘Value-Visual Structures of Ethno-Artistic Experience: Ornament as a Means of Expressing Human Worldview’”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 228-236, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-2-0

Ирина Викторовна Шведова – российский философ-культуролог и практикующий художник, чье многогранное творчество и научные изыскания нашли концентрированное выражение в монографии «Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта. Орнамент как средство выражения мировоззрения человека» (2024). Ее интеллектуальный профиль органично сочетает поэзию и живопись с фундаментальной философской рефлексией: художественные практики служат для автора не только личным творческим выражением, но и эмпирической и методологической опорой для теоретического анализа. В 2019 г. И.В. Шведова защитила кандидатскую диссертацию «Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта» по специальности «теория и история культуры», которая стала непосредственным предшественником и основой для последующей монографии. Существенный вклад в формирование доказательной базы ее исследований дал опыт работы старшим научным сотрудником Белгородского государственного музея народной культуры, где был собран и проанализирован богатейший визуально-орнаментальный материал. Методологически автор опирается на герменевтические и феноменологические подходы, сочетая визуальный анализ с аксиологическими категориями (в духе Г. Риккерта) и концептуальными инструментами Ж. Делёза, что позволяет рассматривать орнамент как многослойный «текст» этнокультурной идентичности. Монография Шведовой выступает живой реконструкцией целостной картины мира, зашифрованной в региональном орнаменте, причем личная вовлеченность автора в поэтические и изобразительные практики придает ее научной работе редкое качество экзистенциальной достоверности и открывает новые перспективы для диалога традиции с современностью.

Актуальность заявленной темы для культурологического дискурса обусловлена чувствительностью к двум сопряженным проблемным полям: во-первых, к теоретическому вопросу о способах существования и трансляции культурных универсалий в форме «ценностно-визуальных структур», реконструируемых через визуальные коды орнаментальной традиции; во-вторых, к практико-ориентированному запросу современных изобразительных практик на внутренне непротиворечивую, аксиологически нагруженную работу с наследием – от музейной и образовательной среды до дизайн-индустрии и моды, где «кристаллизация» этнохудожественного опыта неизбежно требует осмысленного обращения с метаязыком культуры. По заявлению автора, «коммуникативная функция знака народной художественной культуры к настоящему времени почти утрачена. Раскодировка этнохудожественного опыта, зашифрованного в артефактах ценностно-визуальных структур материального культурного наследия, представляется как никогда значимой и актуальной» (Шведова, 2024: 4). Монография, фиксируя переход от описательной этнографии к философско-культурологической рефлексии над инвариантами орнамента, развивает линию исследований символического, восходящую к неокантианской философии культуры и к семиотике искусства, а также отвечает на запрос дисциплины на выработку «длинных» методологических оптик для работы с региональными массивами материала.

Методологический инструментарий выстроен как сочетание сравнительно-исторического подхода (для сопоставления идентичных артефактов разных культурных периодов), этнопсихологического анализа (для улавливания коллективно-личностного измерения опыта и механики этнокультурной идентичности), структурно-функционального (иконологического) анализа (для выделения сюжетно-мировоззренческих кодов), а также герменевтико-феноменологических установок, позволяющих мыслить целостность феномена этнохудожественного опыта в его экзистенциально-аксиологической нагруженности; эта строгость задает рамку перехода от дескрипции мотивов к реконструкции «смысловых полей» орнамента, а эмпирической опорой выступают обширные текстильные коллекции Белгородского государственного музея народной культуры, с которыми автор работает как

с корпусом культурных текстов, сопоставимым с типологической моделью культуры в лотмановском смысле. Таким образом, методологическое ядро книги демонстрирует редкий для региональных исследований уровень инструментальной согласованности: от понятия «социокода» – к операциональным практикам расшифровки знаково-символических последовательностей в тканых и вышивальных комплексах.

Структурно монография представлена двумя главами и четырьмя приложениями. В ней последовательно вводятся исходные понятия, уточняется теоретическая оптика анализа «этнохудожественного опыта» как разновидности чувственно-эмпирического познания в образах, реконструируется взаимная детерминация этого опыта и этнокультурной идентичности, а затем осуществляется переход к аксиологии этнокультуры, где ценностно-визуальные структуры рассматриваются в двух плоскостях – в поле современных изобразительных практик и в ремесленно-прикладном творчестве Юга России (на материале Белгородчины и сопредельных регионов). Важно отметить, что приложения здесь выступают не просто иллюстративным «атласом», а самостоятельной частью исследовательского доказательства, показывающей, каким образом инварианты «прочитываются» через серию мотивов, композиций и символических полей.

Теоретический нерв первой главы разворачивается в логике двойной связки «опыт–идентичность»: этнокультурная идентичность мыслится как форма социального самопонимания, стабилизирующая культурно-смысловую целостность и в то же время обеспечивающая ее открытость к новациям. Автор подчеркивает, что «этнокультурная идентичность в той же мере базируется на понимании ценностно-визуальных кодов среды, чувстве приятия или родства с ними – здесь выявляется ценностный аспект этого феномена, который формируется этнохудожественным опытом» (Шведова, 2024: 26). Именно здесь И.В. Шведова вводит ключевую рабочую гипотезу о том, что индивидуальный этнохудожественный опыт, будучи творчески реализуем в социуме, коррелирует с исторической памятью среды, с ее интерпретативной способностью синтетически удерживать «традицию и новацию», и потому является медиатором ретрансляции культуры. В результате понятие опыта обретает статус не просто перцептивной «привычки видения», но и носителя ценностного ядра – «компактного» языка культурных универсалий, шифруемых в визуальных кодах артефактов. Здесь резонно подключаются аргументы лотмановской модели искусства как языка и представление Э. Кассирера о символических формах как модусах объективации опыта. Как отмечал Ю.М. Лотман, «искусство есть вторичная моделирующая система, которая строит свой язык на основе естественного языка и служит для хранения и передачи информации о мире» (Лотман, 1992: 131). Это позволяет рассматривать орнамент не как «пассивный декор», а как элемент семиотической системы, включенный в «семиосферу» – пространство, где любой текст существует лишь во взаимодействии с другими текстами и кодами (Лотман, 2000: 11).

В том же направлении работает и философия Э. Кассирера: «человек не живет в мире вещей, он живет в мире значений» (Кассирер, 2002: 48). В этом смысле символическая форма, по Э. Кассиреру, есть «органон человеческого опыта» (Кассирер, 2002: 98), задающий способ объективации действительности. Следовательно, орнамент предстает как динамическая символическая система, способная структурировать коллективное восприятие и сохранять культурные универсалии.

Здесь, как мы видим, теоретический каркас И.В. Шведовой находит прочную опору в классических трудах: в понимании культуры как «семиосферы» у Ю.М. Лотмана, где любой культурный текст существует только в диалоге с другими текстами и кодами, и в философии Э. Кассирера о «символических формах» как активных, структурирующих человеческое восприятие реальности моделях, что позволяет рассматривать орнамент не как пассивный декор, а как динамическую символическую систему.

Детализация понятия «социокод» задает критически важное для всей книги различие между индивидуальной ментальной вместимостью и транс-индивидуальными механизмами сохранения и трансляции смысла. Код выступает как ключ к дешифровке и систематизации культурной информации, как условие удержания многообразных интерьеров деятельности и институтов общения в целостной архитектуре памяти. В рамках этого аргумента естественным образом вырисовывается и противопоставление условных (конвенциональных) и иконических знаков, причем предметный интерес автора сосредоточен именно на вторых, как наиболее приближенных к «первичным», глобальным символам и, следовательно, к базовым архетипам этнокультуры. Эта теоретическая рамка, строго встроенная в понятие «ценностно-визуальной структуры», обеспечивает возможность метатеоретически согласованной реконструкции архаических инвариантов через орнаментальные тексты.

Переход ко второй главе сопровождается важным методологическим поворотом: ценностно-визуальные структуры описываются как присутствующие в современных изобразительных практиках в двух модусах – поверхностно-декоративном (когда «орнамент» редуцирован до коллажируемых фрагментов, теряющих синтаксис и семантическую целостность) и глубинно-смысловом (когда реконструируемая «грамматика» образа возвращает субъекту возможности работы с универсалиями культуры). Отсюда критическая оптика по отношению к позднесоветской и постмодернистской десубстантивации символа: «информационная смерть» текста при уравнивании знаков и отказ от ценностного фундамента влечет плоскостность рецепции традиции. Напротив, прицельное внимание к метаязыку орнамента (в том числе в моде) возвращает художественным решениям их топологическую укорененность в картине мира. Этот анализ сопровождается историко-культурными ремарками о советской культурной политике, конъюнктуре масс-культуры и дискурсе 1990-х. Аргументация, несмотря на полемичность, держится в пределах эмпирически поддержанной культурологической критики.

Решающая – и методологически наиболее нагруженная – часть книги совпадает с массивом приложений, где автор демонстрирует процедуру реконструкции и интерпретации ценностно-визуальных структур на уровне конкретных мотивов, ритмико-композиционных схем и их семантических полей. В первом приложении («Знаки и символы в народной художественной культуре») формируется своего рода «семиотический каталог» орнаментальных текстов, где показаны, с одной стороны, архетипические инварианты (Древо жизни, солярные знаки, «бесконечник», ромб как матрица плодородия, мотивы «двух начал», триадические членения пространства), а с другой – их региональные модификации, задающие локальные «диалекты» метаязыка. Показательно, как в анализе «сетевого орнамента» (решетки) и его современного «перевода» (в интерьерах с мотивом Imperial trellis) демонстрируется устойчивость ценностного поля – образ гармоничного «цветущего» мира, сопрягающегося с идеями порядка и роскоши, – что подтверждает и обратимость семиотической операции: современный дизайн считается как вторичная актуализация традиционного письма.

Особый интерес вызывают кейсы, где мотивы раскрываются в динамике направленности энергии и жизненного цикла: парные спирали («бараньи рога» – «кошкар муіз») читаются как двунаправленные векторы – экстравертная отдача и интровертное «запасание» – и сопрягаются с благопожелательными формулами материального достатка. Таким образом, топика движения и возрождаемости жизни оказывается «вписанной» в текст поневы и рушника, образуя семантический узор «времени и изобилия». Аналогично, мотивы перуновых знаков, «ока Божьего», «поля-заступа», а также сложные композиции с ярусным расчленением мира дают возможность автору вывести реконструкции к уровню универсалий – связи вертикали и горизонтали, дуализма и триадичности, сакральной централизации пространства. На этой же линии – чтение «ромба-лягушки» и «ключей от счастья»,

тематизация «течения», «хмеля» и «розы» в связке с обрядами и вестиментарными кодами, где орнамент выступает как ритуально маркированная топология жизненного цикла.

В приложениях II и III проведена репрезентативная систематизация региональных орнаментальных комплексов – «черноузорного» белгородско-воронежского и «красноузорного» курско-белгородского; первый отличается доминированием геометрического ряда (ромб, квадрат, крест, сетка) в строгой монохромной гамме, что усиливает «структурный» характер рисунка и подчеркивает скелет композиции и ее пространственную логичность; второй – геометризированными флоральными мотивами и акцентом на красный как цвет жизненной силы и праздничности, делающим видимой «аксиому» восточнославянской вестиментарной семиотики. Оба массива работают как «контрольные срезы» для верификации тезиса об инвариантах: несмотря на различия гаммы и доминирующих рядов, сохраняется стабильность кодов триадичности, центрирования, дуальной сопряженности начал, что и позволяет обобщать на уровне ценностной «матрицы». Эта устойчивость структур напрямую связана с их функцией сохранения идентичности, что отмечает И.В. Шведова: «Ценностно-визуальные структуры ремесленно-прикладного творчества, сохранившие в себе материал этих ценностных оснований, являются средством создания этнокультурного пространства, основой сохранения исторической целостности конкретного территориального локуса и его развития» (Шведова, 2024: 76).

Приложение IV выстраивает мост к современным изобразительным практикам: через коллаж сопоставлений и конструктив «актуального искусства» демонстрируются параллели между орнаментальными ритмами, аналитическим и кубофутуристическим языками, а также модными и интерьерными решениями «бохо» и «решетки». В этой части монография соединяет эстетико-историческую оптику с культурологической, показывая горизонты «этноренессанса» и одновременно критически анализируя практики поверхностного заимствования, когда «письмена» орнамента превращаются в бессвязный коллаж, утративший синтаксис. Здесь особенно важной оказывается мысль автора о сакральной энергии символов, которая активизируется в подлинном творчестве: «Реализация всего плана рассматриваемой нами народной картины мира была бы невозможна без созидательной энергии означенных символов, связанных с архетипическими образами, пробуждаемыми к жизни и “дремлющими” в глубинах ценностно-визуальных структур, и потенциал этой энергии необычайно велик» (Шведова, 2024: 61). Тем самым на материале визуальных кейсов обосновывается центральный тезис: устойчивость ценностно-визуальных структур делает возможной не архаизацию, а реконструкцию культурного метаязыка для современного искусства и дизайна.

Собственно аксиологический анализ во второй главе подводит промежуточные итоги: во-первых, автор показывает, что объективизация опыта в знаково-символической форме требует мысли о культуре как о ценностном пространстве – здесь уместны параллели с неокантианцами (В. Виндельбантом, П. Риккертом) и с кассиеровской трактовкой символического; во-вторых, задается историческая динамика «социокодов» XX в., соотносимая с трансформацией эстетических канонов, с «эпистемологической неуверенностью» постмодерна и с травмой утраты ценностного основания; в-третьих, сделан поворот к экологической перспективе культуры XXI столетия – идее, что регенерация культурного пространства невозможна без восстановления навыка чтения собственных метаязыков, то есть без возвращения к «работе с формой», рассматриваемой не как маньеристический жест, а как способ объективации всеобщего опыта. В этом триптихе – ценностный фундамент, историческая травма, проект регенерации – и заключена логика главы.

Отдельного внимания заслуживает понятийная рамка, которая в рецензируемом исследовании не декларативна, а выстраивается через терминологическую дисциплину. Этнокультурная идентичность определяется как осознание культурного тождества,

укорененного либо в этническом родстве, либо в «глубинных структурных» основаниях личности, сформированных в ходе социогенеза. Этнохудожественный опыт описан как инструмент выявления и аккумуляции ценностно-визуальных структур информационного поля культуры, «зашифрованных» в артефактах материального наследия. И наконец, сами ценностно-визуальные структуры предложены как компактный идеографический язык, содержащий универсалии картины мира – то, что и позволяет переход от отдельных мотивов к аналитике мировоззренческих формул (Шведова, 2024: 11). Эта понятийная связка служит опорой для дальнейшего исследования.

Сильной стороной монографии является методическая продуманность корпуса иллюстративного материала: репрезентативная выборка образцов, классифицированная и систематизированная по устойчивым признакам, позволяет не только предъявить «инварианты» (в рамках «черноузорного» и «красноузорного» комплексов, а также в анализе отдельных функционально-семантических зон – от поневы и рушника до поясов и головных уборов), но и демонстрирует, как регионально-диалектные спецификации не разрушают, а подкрепляют общую модель традиционной картины мира. Эта стратегия делает приложение лабораторией реконструкции – тем более, что работа с семантико-синтаксическими связями мотивов подана в сопряжении с ритуально-обрядовой практикой и вестиментарной семиотикой.

Эмпирическая база – коллекции Белгородского музея народной культуры – интегрирована в исследование как «тексты культуры», что методологически согласуется с лотмановским видением метаязыков типологического описания и позволяет сравнивать локальные данные с более широкими восточнославянскими и евразийскими параллелями, тем самым на уровне аргумента монографии обеспечивается «дальнее видение» (сопоставление белорусских, казахских, удмуртских и других данных), не подменяющее, однако, локальную плотность чтения – и в этом чувствуется высокое владение исследовательской «оптикой масштабов».

Если попытаться подвести синтетический итог, то монография решает сразу несколько исследовательских задач: уточняет семантические характеристики и факторы формирования этнохудожественного опыта, эксплицирует специфику философско-культурологического анализа этого опыта, описывает его ценностно-визуальные структуры в современном искусстве, выявляет аксиологические начала ремесленно-прикладного творчества Юга России в контексте регионального наследия – и делает это в логике, где реконструкция «орнаментальных культурных текстов» приводит к выявлению базовых архетипов и соответствующих им общечеловеческих ценностей. Этот процесс автор связывает с обновлением социокультурной памяти: «Значимость этнофутуристического подхода несомненна в следующем: художник, осмысливая опыт индивидуально пережитого и открывая “наощупь” смыслы древних архетипических образов, погружается творческой мыслью во вневременные сферы коллективного бессознательного и обновляет тем самым социокультурную память» (Шведова, 2024: 51). Тем самым И.В. Шведова выводит исследование на метаметодологический уровень, где работа с региональным материалом становится вкладом в разработку более общей теории культурного социокода.

Завершая рецензию, следует подчеркнуть наиболее сильные стороны монографии и наметить перспективные направления для дальнейшей разработки заявленной проблематики. К достоинствам, на наш взгляд, относится, прежде всего, строгая методологическая сборка (баланс компаративистики, иконологического чтения и герменевтического анализа), позволяющая поднять локальный материал до уровня обсуждения универсалий культуры; продуманная, не декоративная, а эвристически нагруженная визуальная часть, делающая процедуру реконструкции прозрачной; корректная и концептуально продуктивная понятийная сетка («этнохудожественный опыт», «ценностно-

визуальная структура», «социокод»), которая удерживается автором на протяжении всего изложения. Наконец, публично значимый практико-ориентированный горизонт – от музейной педагогики до современных практик искусства и моды, где возвращение к «грамматике» орнамента мыслится не как архаизация, а как форма культурной регенерации. Этот вывод перекликается с финальным аккордом монографии, где И.В. Шведова пишет: «В современном мире ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта представляют “общее место” культуры в диалогическом взаимодействии ее прошлого и будущего. Осознание собственного культурного тождества с определенной человеческой общностью, проживающей в обозначенных территориальных границах, создает предпосылки наиболее успешного освоения индивидуумом всех условий и возможностей для успешной самореализации на рассматриваемой территории» (Шведова, 2025: 72).

Вместе с тем, по ходу знакомства с монографией, возник ряд пожеланий, которые могут быть продуктивны для развития темы. Так, отдельные параллели (например, с постмодернистской ситуацией), на наш взгляд, могли бы выиграть от дополнительной источниковедческой верификации и расширения спектра сопоставлений. Представляется перспективным и более детальное рассмотрение этнофутуристических практик – расширение корпуса кейсов и выявление механизмов трансформации кода при переходе в иные медиумы позволило бы еще ярче высветить потенциал орнамента в современной культуре. Наконец, ценным направлением для продолжения работы мог бы стать диалог с антропологией вещи и техники (от Б. Латура до современного “material turn”), что позволило бы уточнить модальность «действия» орнамента как актора в сети социального и материального.

Все эти пожелания не снижают общей исследовательской ценности исследования, а, напротив, подчеркивают его значимость и открывают пространство для дальнейших поисков. Монография И.В. Шведовой – пример того, как региональный корпус может быть поднят до уровня теории, а аксиология этнокультуры – возвращена в центр гуманитарного разговора не в форме охранительной риторики, а как проект научно обоснованной реконструкции метаязыка культуры, востребованной современными художественными и образовательными практиками.

Литература

- Кассирер, Э. (2002), *Философия символических форм. Т. 1. Язык*, Академический проект, Москва.
- Лотман, Ю. М. (2000), *Семиосфера*, Искусство–СПБ, Санкт-Петербург.
- Лотман, Ю. М. (1992), *Структура художественного текста*, Искусство, Москва.
- Шведова, И. В. (2024), *Ценностно-визуальные структуры этнохудожественного опыта. Орнамент как средство выражения мировоззрения человека: Монография*, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород.

References

- Cassirer, E. (2002), *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language], Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000), *Semiosfera* [The Semiosphere], Iskustvo-SPB, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text], Iskustvo, Moscow, Russia (in Russ.).
- Shvedova, I. V. (2024) *Tsennostno-vizualnye struktury etnokhudozhestvennogo opyta. Ornament kak sredstvo vyrazheniya mirovozzreniya cheloveka: Monografiya* [Value-Visual Structures of Ethno-Artistic Experience: Ornament as a Means of Expressing Human Worldview], Belgorod State Institute of Arts and Culture Publishing House, Belgorod, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Червяков Вячеслав Викторович, аспирант кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; chervyakov.vyacheslav@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vyacheslav V. Chervyakov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Political Science and Theology, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia; chervyakov.vyacheslav@mail.ru